Полный текст книги “Колин Уилсон - НЕУДАЧНИК”

Смотрите в других форматах

ИССЛЕДОВАНИЕ

СЕКСУАЛЬНЫХ АУТСАЙДЕРОВ

КОЛИН УИЛСОН “ОТВЕРЖЕННЫЕ”

ВАМ ПОНРАВИТСЯ ЭТА СТРАННАЯ КНИГА, ПОТОМУ ЧТО ОНА ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНО ПОСВЯЩЕНА СЕКСУ. 9

ЭНТОНИ БЕРДЖЕСС-НАБЛЮДАТЕЛЬ

ГЕНИАЛЬНЫЕ ИЗВРАЩЕНЦЫ

От маркиза де Сада до японского писателя Юкио Мисима, который ритуально выпотрошил себя в 1970 году, в “Отверженных” исследует противоречивую теорию Шарлотты Бах о том, что сексуальные девианты могут быть более высокоразвитыми, чем сексуально “нормальные” люди.

Прослеживая историю нездоровой сексуальности через Байрона, Гоголя и Суинберна, мы наблюдаем расцвет “жесткого порно”, изучаем реальную жизнь некрофилов Сержант Бертран и зарождение современных сексуальных преступлений с Джеком Потрошителем.

Анализируя сексуальную жизнь Джеймса Джойса, Д.Х. Лоуренс, Бертран Рассел, Лоуренс Аравийский и многие другие, “Отверженные” - это продолжение Колина Классическая книга Уилсона “Аутсайдер” и захватывающий каталог человеческих сексуальных извращений.

Колин Уилсон - один из самых плодовитых, разносторонних и

популярных писателей современности. Он родился в Лестере в 1931 году и бросил школу в шестнадцать лет. После нескольких лет работы на складе шерсти, в лаборатории, на фабрике пластмасс и в кафе-баре, его первая книга “The “Аутсайдер” был опубликован в 1956 году. Она получила выдающиеся оценки критиков и сразу же стала бестселлером.

С тех пор он написал множество книг по философии, оккультизму, преступности и сексуальным отклонениям, а также множество успешных романов, которые завоевали ему международную репутацию. Его работы переведены на испанский, французский, шведский, голландский, японский, немецкий, итальянский, португальский, датский, норвежский, финский и иврит.

Автор: тот же автор

Нехудожественной

Цикл “Аутсайдер”:

“Аутсайдер” Религия и бунтарь Эпоха поражений Сила мечтать Истоки сексуального влечения Выход за пределы аутсайдера Введение в новое Экзистенциализм

Книги по оккультизму и паранормальным явлениям:

Оккультизм Тайны Полтергейст Детективы-экстрасенсы Странные силы Феномен Геллера Словарь возможностей (совместно с Джоном Грантом)

Загробная жизнь

Другая научная литература:

Энциклопедия убийств (совместно с Пэт Питман)

Энциклопедия современного Убийство (с Дональдом моряка) Учебное пособие в убийстве Орден Ассасинов Распутин и падение Романовы

Бернард Шоу — Переоценка Новые пути в психологии Квест для Вильгельма Райха Война Против Сна - Философия Гурджиева “Властелин подземного мира” — Это Исследование Юнга Суть

романа

Странный гений Дэвида Линдси

Замок Франкенштейна Доступ к внутренним мирам Орел и уховертка (Эссе о книгах и писателях)

Поэзия и мистицизм Книга о выпивке Искатели звезд

Бренди проклятых (Эссе о музыке)

Анти-Сартр

Криминальная история человечества Незаменимый Колин Уилсон

Автобиография

Путешествие к началу

Вымысел

‘Сормовская трилогия’:

Ритуал в темноте “Человек без тени ” (переименованный в “Сексуальный дневник Жерар Сорм)

Бог лабиринта

Другая художественная литература:

Блуждающий по Сохо Мир насилия Неизбежные сомнения Стеклянная клетка Паразиты разума Убийца

Философский камень Черная комната Космические вампиры Дело об убийстве школьницы Распутин: Роман Мир пауков: Башня Мир пауков: Дельта

КОЛИН УИЛСОН

“Отверженные”

Исследование сексуальных аутсайдеров

“ГРАФТОН БУКС”

Подразделение издательской группы “Коллинз”

ЛОНДОН, ГЛАЗГО ТОРОНТО СИДНЕЙ ОКЛЕНД

Графтонские книги

Подразделение издательской группы Collins Publishing Group
Лондон, Графтон-стрит, 8, W1X3LA

Опубликовано издательством Grafton Books в 1989 году

Впервые опубликовано в Великобритании издательством Графтон Букс, 1988

Авторское право © Colin Wilson, 1988

ISBN 0-586-07013-3

Напечатано и переплетено в Великобритании издательством Collins, Глазго

Действие происходит в Каледонии

содержание

13

Признание

ПЕРВАЯ: Тайна Шарлотты Бах

ВТОРАЯ: Шарлотта и тайны эволюции 33

ТРЕТЬЯ: Воплощение анархии

ЧЕТВЕРТАЯ: Романтические муки

ПЯТАЯ: Мятежный ангел

ШЕСТАЯ: От бунта к сексуальному преступлению

СЕДЬМАЯ: Викторианские неудачники 1

ВОСЬМОЕ: Чувство вины и неповиновение ˆ

ДЕВЯТОЕ: Неудачники или мистики?”

ПОСТСКРИПТУМ: Пятое окно

Библиография???

Указатель 2

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СОДЕРЖАНИЕ

Первое: ТАЙНА ШАРЛОТТЫ БАХ

Сексуальные аномалии и извращения Магнуса Хиршфельда. Случай музыканта, который предпочитал школьниц. Проблема абсурдных хороших новостей. Являются ли ‘мгновения прозрения’ иллюзией? Почему так много сексуальных извращений датируется девятнадцатым веком? Джордж Селвин, некрофил. Аутсайдер. Реальный случай, на котором основан роман Барбюса “Ад “. ‘Преступные аутсайдеры’. Истоки сексуального влечения. Как мы определяем сексуальные извращения? Противоположные взгляды Толстого и Жида.

Письмо Шарлотты Бах. Ее теория о зарождающейся эволюции. Неустойчивость великих художников. Сексуальные извращения как движущая сила эволюции. Рассказ Шарлотты о себе. Профессор-трансвестит . Шарлотта становится культовой фигурой. Моя статья о ней в время уходит. Бисексуальное поведение десятииглой колюшки и зебрового вьюрка. Восемь сексуальных типов Шарлотты. Восьмичасовой оргазм - Вот в чем дело - в эволюции! Таким типом была Шарлотта. Второе “я” Шарлотты, Карл Хайду. Как Карл Хайду стал трансвеститом вестите. Роман Шарлотты “Фиона”. Нервный срыв Хайду. Деррик Алекс андер раскрывает тайну Хайду. Хайду становится

Шарлоттой Бах.

Второе: Шарлотта И ТАЙНЫ ЭВОЛЮЦИИ

Мужчина и/или женщина. Сексуальное развитие Карла Хайду. Стремление мужчин и женщин стать противоположностями. Деятельность по вытеснению. Социальные работники. Человек - это разновидность Питера Пэна. Шарлотта об алхимии.

Аналитическое оглавление

Ее новое видение науки. Почему я отвергла теорию эволюции Шарлотты. Доктор Джонсон ведет себя как свинья. Шарлотта против Дарвина. Шарлотта и Фиона. Убийство Шарлотты. Клептомания Шарлотты. Лживость Шарлотты. ‘Криминальная жилка” у Достоевского. Мой рассказ о Шарлотте в детективах. Шарлотта Бах и маркиз де Сад.

Третье: ВОПЛОЩЕНИЕ АНАРХИИ

Самый злой человек, который когда-либо жил”. Доброта Де Сада. Должны ли мы сжечь де Сада? Детство Де Сада: “Вся вселенная должна потакать моим прихотям”… Любовь Де Сада к порке. Его ненависть к религии. Его первый арест. Женитьба Де Сада. Инцидент с Розой Келлер . Марсельский инцидент. Тюремное заключение Де Сада. Диалог между священником и умирающим человеком. 120 дней из Содом. Алина и Валькур. Джастин. Несчастья, связанные с кровосмешением. Де Отсутствие реализма у Сада. Французская революция. Де Сад щадит своих родственников. Философия в спальне. Де Сад как человек, склонный к насилию. Жюльетта. Основные положения Де Сада. Что не так с философией де Сада? Де Сад в психиатрической лечебнице в Шарантоне. Де Сад против Шарлотта Бах.

Четвертое: РОМАНТИЧЕСКИЕ МУКИ

Сексуальная психопатия Краффта Эбинга. Почему в девятнадцатом веке было так много извращенцев? Что произошло между 1740 и 1840 годами? Сексуальная мораль в эпоху Де Сада. Ненависть Де Сада к религии. Секс в Венеции пятнадцатого века. Значение фетишизма. “Памела” Сэмюэля Ричардсона — Европа учится мечтать. “Новая Элоиза” Руссо. Ее огромный успех. “Вертер” Гете. Цель воображения - улучшить реальность. Шелли. Новалис. Фантазии об изнасиловании. “Монах” Льюиса.

Ричардсон - отец порнографии. “Фанни Хилл” Клиланда. История Дорна Баггера. Анатомическая точность Фанни Хилл: “способность создавать реальность словами. Филдинг, Смоллетт и Стерн. Для чего нужна порнография? “Феномен Барбюса”. ‘Эффект Кулиджа’. ‘Она мне не жена’. Секс и воображение. Мастурбация - одна из высших человеческих способностей. Эволюция драмы. ‘Усиление эмоций’. Создание порнографии.

Аналитическое содержание Пятый: МЯТЕЖНЫЙ АНГЕЛ

Байрон просыпается и обнаруживает, что он знаменит. Публикация “Чайльд Гарольда”. Воспитание Байрона. Его гомосексуальность. Сексуальная жизнь в Кембридже. Педерастия в Большом туре. Полное собрание сочинений и возможные варианты. Байрон соблазняет Николо Жиро. Байроновский герой: сочетание героя и злодея. Леди Кэролайн Лэмб. Байрон соблазняет свою сестру. Женитьба Байрона. Его развод. Социальный остракизм. Его итальянские любовницы. Смерть в Миссолонги. Проблема Байрона. Сущность сексуальных извращений. Стремление к новизне. ‘Функция реальности’. Нелогичность Де Сада. Байрон как вдохновитель романтического движения.

Шестое: ОТ БУНТА К сексуальным ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Сенсация, вызванная смертью Байрона. Почему на Гете оказал влияние Байрон. Байрон как сатанинский бунтарь. “Уберите эти ограничения, которые делают меня маленьким’. Александр Пушкин открывает для себя Байрона. Пленник Кавказский. Пушкин как байронический герой. Смерть Пушкина. Юджин Онегин. “Смерть поэта” Лермонтова. Герой нашего времени. Что такое аутсайдер? Воображение как чудодейственное лекарство с опасными побочными эффектами. Гоголь обращается к Пушкину. Его внезапная слава. Гоголь и ‘одинокие утехи’. Гоголь и жуткое. Его романтические странствия вожделение. “Мертвые души”. Гоголь как ‘человек без достоинств’. Проблема чрезмерного воображения. Смерть Гоголя. Романтическая реакция в Западной Европе. Викторианская порнография. Маленькая мисс Любопытство. Сексуальные фантазии Жемчужины. Сила месмеризма. Гурджиев и Англосаксонские непристойности. Порнография как особый случай романтизма. Стремление к ‘запретному’. Блейк и сексуальные фантазии. ‘Фокусировка’. Отсутствие преступлений на сексуальной почве в восемнадцатом

веке. В случае с Эндрю Бишел. Был ли Бишел трансвеститом? Дело Фредерика Бейкера : “Сегодня убили молодую девушку. Это было прекрасно и горячо.“Пийданьель и его неистовство в убийстве”. Винсент Верзени. Джесси Померой. Преступления на сексуальной почве и романтизм.

Седьмая: “ОТВЕРЖЕННЫЕ ВИКТОРИИ”

Рецензия Морли на стихи и баллады Суинберна. Садомазохизм Суинберна . Его увлечение поркой. ‘Славные побои в Итоне”. Встреча с Ричардом Монктоном Милнсом. Коллекция фотографий Милнса. Аталанта в Калидоне. Суинберн и Ада

Аналитическое оглавление

Менкен. Бордель на Серкус-роуд. Алкоголизм Суинберна. Переезд на пенсию в Патни. Восхищение Суинберна де Садом. ‘Де Лотреамон и Мальдорор. ‘Право на абсолютный эгоизм”. Сержант Бертран, некрофил. Артур Манби и его одержимость девушками из рабочего класса. Манби и Ханна. Зачем горилле большой мозг? Николас Хамфри и его теория социальной чувствительности. ‘Уолтер’ и моя тайная жизнь. ‘Святой секса’. Уолтер и кузен Фред. Радости мастурбации. Соблазнение горничных. Уолтер и Камилла. Нарочитая грубость выражений Уолтера. Его сексуальная одержимость. Его вуайеризм. Его экспериментаторство. Физическая близость не свойственна человеческим существам. Скотт Фицджеральд и “Это” По ту сторону рая. Инфляция языка. Убийства Джека Потрошителя. Возможное решение.

Восьмое: ЧУВСТВО ВИНЫ И НЕПОВИНОВЕНИЕ

Зигмунд Фрейд отправляется в Париж. Шарко и истерия. ‘Многократные дозы нормального пениса’. Крафт-Эбинг становится союзником Фрейда. Критика Фрейда Моллем. Молл распознает сексуальную энергию. Аппарат Киппса ‘подкрепление’. Хэвлока Эллиса беспокоят поллюции. Эллис и Оливия Шрайнер. Эллис женится на лесбиянке. Эллис Изучает психологию секса. Эллис знакомится с Франсуазой. Она мочится на Оксфорд-серкус. Эллис и уролагния. Де Селинкур соблазняет Маргарет Сэнгер.

Эллис признает, что гомосексуальность - это не ‘пер версия’. Гомосексуальность как юридическое преступление. Самоубийство Чайковского. Дело Уайлда. Биологическая основа гомосексуальности. Теория доктора Гюнтер Дорнер. Магнус Хиршфельд и трансвестизм. Институт сексуальных наук. Взгляд Хиршфельда на извращение как на эмоциональную незрелость. Нападки правых на Хиршфельда. Его побег из Германия. Институт закрыт. Сексуальная революция. Ибсен и Призраки. Золя и Земля. Шоу “Профессия миссис Уорренс”. Элинор Глин “Три недели”. Уэллс и Энн/Вероника. “Песнь песней” Зюдермана. Исчезновение радуги. Пруст: Эйнштейн в романе. Пруст и извращение. Джойс и Улисс. Монолог миссис Блум. Лоуренс и леди Чаттерлей. Лоуренс и цензор корабль. Генри Миллер и “Тропик рака”. Оценка Миллера Оруэллом. “Опус Писторум” Миллера. Ненависть Миллера к цивилизации. Ненависть Д. Х. Лоуренса к интеллекту. Антиинтеллектуальный тупик . Романтическая свобода и интеллектуальная анархия.

10

Аналитическое оглавление Девять: НЕУДАЧНИКИ ИЛИ МИСТИКИ?

Элла Стром знакомится с Перси Грейнджером. “На самом деле меня не интересует ничего, кроме секса’. Садизм Грейнджер. Влияние матери Грейнджер. ‘Одержимость злом’ Грейнджера. ‘Нацизм’ Грейнджера. Стремление к инцесту. Джон Каупер Пауйс и садизм. Непростительный грех. ‘Мистический’ аспект сексуальных извращений. Лоуренс и содомия. Джойс и фетишизм в отношении нижнего белья. ‘Горячий секс’. “Воспитание в себе ребенка”. Юнг и индивидуация. Незрелость Юнга. Странный случай с Полом Тиллихом. ‘Крики и брыкания’. Был ли Тиллих мошенником. Бертран Рассел. Т.Э. Лоуренс и творческое разочарование. ‘Профессиональный новичок’. Восстание в вакууме. Лоуренс вступает в Королевские ВВС. Инцидент в Дераа. Лоуренс признает, что это неправда. Откровения Джона Брюса о мазохизме Лоуренса. Людвиг Витгенштейн и сексуальное чувство вины. Витгенштейн в Кембридже. Аскетизм Витгенштейна. Трактат как “решение всех проблем философии”. Рассел и логические парадоксы. Поздняя философия Витгенштейна. Витгенштейн , запертый в бутылке от мух. Стремление избежать

скуки. Самоубийство Юкио Мисимы. Неуравновешенное детство Мисимы. Садистские грезы наяву. Признания маски. Мисима уклоняется от военной службы. Внезапная слава. Запрещенные цвета. Гомосексуальность Мисимы. Финансовый успех. Симпатии к правым: переход к милитаризму истический романтизм. ‘Патриотизм’. Мисима критикует императора. То Моряк, впавший в немилость у моря. Море плодородия. Его неоднозначность. Общество защиты Мисимы. Мисима совершает сэппуку. ‘Магическое мышление’. ‘Великая романтическая одержимость’. ‘Плыву по течению”

от реальности.

Постскриптум: ПЯТОЕ ОКНО

Отсутствие доказательств в пользу теории эволюции транссексуалов Шарлотты. Альтернативная теория, основанная на эволюции воображения. История воображения. ‘Разрыв’ между мечтами и реальностью. Иерархия потребностей Маслоу. Сексуальные потребности располагаются ниже по иерархии. Более широкий взгляд на эволюцию. Парадокс: потребность человека в цивилизации и его склонность скучать в безопасности. “Автоматическая коробка передач’. Необходимость разработки “механической коробки передач”. ‘Пятое окно’ Блейка — воображение. Недостатки сексуального воображения рост преступности на сексуальной почве. ‘Оснащение’ человеческого разума. Обладают ли низшие животные воображением? Плоский червь и скука.

11

Аналитическое оглавление

Усиливающее воображение. Факультет Х. Пруст и Тойнби. Опыт Кестлера в испанской тюрьме. “Транс” Джулиана Хаксли гуманизм’. ‘Культурные’ взгляды Хаксли на эволюцию. Руперт Шелдрейк и его гипотеза о формирующей причинности. Эксперимент Макдугала с белыми крысами. Как кристаллы могут “учиться” у других кристаллов? Магнитная индукция. Объясняет ли это историю европейской культуры со времен Ричардсона? Факультет Х и его развитие. Реальность Функция. Собирается ли человек развить в себе способность Х?

признание

Я в большом долгу перед Бобом Меллорсом за то, что он любезно предоставил мне столько биографической информации о Шарлотте Бах, и перед Деллой Александер за то, что она заполнила некоторые важные пробелы. Я хочу поблагодарить музей Перси Грейнджера в Мельбурне за предоставленную информацию. я собирал информацию о Грейнджере. Герейнт Джонатан привлек мое внимание к отрывку о Джеймсе Джойсе в девятой главе. Я также в долгу перед Кадзуэ Кобатой за то, что она рассказала о Мисиме. Идея этой книги возникла в разговоре с моим другом Дональдом Моряк.

Колин Уилсон Горран Хейвен, 1987

13

1. Тайна Шарлотты Бах

Мне было чуть за двадцать, когда я впервые встретила доктора Магнуса Хиршфельда “Сексуальные аномалии и извращения” с подзаголовком “Учебник для студентов, психологов, криминологов, сотрудников службы пробации, судей, работников образования и всех взрослых”. Это впечатляющее описание , очевидно, было попыткой предотвратить судебное преследование за порнографию - эту книгу обычно можно было увидеть в витринах магазинов, торгующих страховочными лентами, секс-пособиями и энциклопедиями сексуального поведения. В те времена, до появления общества вседозволенности, подобные произведения никогда бы не появились в респектабельных книжных магазинах.

“Сексуальные аномалии и извращения” на самом деле была составлена Артуром Кестлером, хотя его имя не фигурирует на

титульном листе, и он так и не получил ни одного из тех щедрых гонораров, которые книга, должно быть , заработала за эти годы. Не может быть никаких сомнений в том, что большинство ее заказчиков были не судьями, сотрудниками службы пробации и педагогами , как предполагал издатель, а мужчинами, которые носят поношенные макинтоши и слоняются по игровым площадкам, пытаясь заглянуть под юбки школьницам, качающимся на качелях. После нескольких глав, описывающих половые органы и биологические основы секса, книга переходит к рассказам о конкретных случаях, которые являются настоящим смыслом ее существования. Итак, на странице 93 мы встречаем двадцатидевятилетнего музыканта, который восклицает: “Как победил удивительно, какие очаровательные, какие изящные фигуры у школьниц и какими толстыми, пухленькими и грубоватыми бывают фигуры взрослых женщин. Разве нормальные люди слепы?’ И далее он признается: ‘Моя страсть к школьницам, которая Я не могу удовлетворить требования закона, но до сих пор я пытался компенсировать это таким образом, что, когда рядом со мной или во время прогулки находится школьница, я беру ее за руку или кладу ладонь ей на шею или ногу и мастурбирую так, чтобы девушка ничего не заметила. После мастурбации в присутствии девушки… Я чувствую легкость, свежесть, бодрость духа; во всем моем существе есть что-то гармоничное. По ходу чтения книги случаи становятся все более странными: трансвестизм, садизм,

мазохизм, некрофилия. Женщина рассказывает, как ее мучает желание укусить своих любовников и выпить их кровь; молодой человек описывает , как он достигает оргазма, раскачивая курицу так, чтобы ее крылышки касались кончика его члена.

Мне все это показалось маловероятным. Как, скажите на милость, люди умудрялись испытывать такие странные влечения? Затем, когда я начал искать ответ, я испытал возбуждение, совершенно отличное от неизбежной сексуальной стимуляции, вызванной этими случаями. Музыкант предпочитал школьниц, потому что они были менее сложными, в некотором смысле менее

реальными, чем взрослые женщины, поскольку мечта проще реальности. Основной парадокс секса в том, что он всегда предлагает больше, чем может дать. Мимолетный взгляд на раздевающуюся девушку в освещенном окне спальни вызывает видение экстатического наслаждения, но в процессе уговоров затащить девушку в постель это видение каким-то образом исчезает. Означает ли это, что видение экстаза было иллюзией? Не совсем, потому что настоящая проблема здесь заключается в механике полового акта. Это можно сравнить с неумелым пианистом, который знает, что его исполнение “Liebestod” из “Тристана” ужасно, но который не может сделать ничего лучше. Так можно ли винить мужчину, если вместо того, чтобы бороться со сложностями настоящих любовных утех, он прибегает к помощи своего воображения, чтобы добиться удовлетворения со школьницей - особенно если результатом является ощущение свежести, бодрости и гармонии?

Что меня взволновало, так это осознание того, что это просто еще один вариант проблемы, которая преследовала меня всю мою жизнь, - проблемы тех моментов, когда жизнь кажется совершенно восхитительной, когда мы испытываем ощущение того, что Г. К. Честертон называл абсурдно хорошими новостями’. Жизнь обычно кажется большинству из нас тяжелой, скучной и не приносящей удовлетворения; но в такие моменты сознание, кажется, озаряется и расширяется, и все противоречия, кажется, разрешаются. Какое из двух видений верно? Мои собственные размышления привели меня к выводу, что представление об абсурдных хороших новостях каким-то образом шире и всеобъемлющее , чем ощущение, что жизнь скучна и бессмысленна. Скука - это, по сути, чувство ограниченности, и, конечно же, узкое видение неизбежно будет менее верным, чем широкое?

Мои любимые поэты и художники - так называемые романтики девятнадцатого века - были одержимы той же проблемой. Они также пережили “мгновения видения”, а затем, проснувшись на следующее утро, задались вопросом, не было ли все это иллюзией. У них были

они также использовали свое воображение, чтобы компенсировать банальности и разочарования “реальности”. И это сразу же привело меня к интересному признанию, что почти все случаи сексуальных аномалий и Извращений датируются девятнадцатым веком. Может ли это означать, что сексуальные извращения и романтизм возникли из одной и той же тоски по далеким горизонтам? Оглавление книги, безусловно, подтверждало этот вывод; было очень мало случаев, относящихся к более ранним периодам. Одним из немногих исключений был комментарий о Джордже Селвин, джентльмен восемнадцатого века, который был одержим казнями и за многие годы ни разу не пропустил повешения в Тайберне. Поразительно , что Селвин не скрывал своей болезненной одержимости. Когда когда Холланд лежал при смерти, он сказал своему дворецкому: “Если мистер Селвин позвонит, впустите его. Если я буду жив, я буду рад его видеть, а если я умру , он будет рад видеть меня”. Очевидно, о некрофилии Селвина говорили совершенно открыто, как о довольно забавной особенности. Он был не до XIX века, что такие маленькие странности стали

вопрос от стыда и сокрытие.

В следующем, 1954 году, я начал писать книгу об этой проблеме “абсурдных благих вестей” — о том, что Карлайл называл проблемой “Вечного да против вечного нет”. Моя книга называлась “The “Посторонний”, и она начиналась с абзаца о мужчине, пытающемся заглянуть женщинам под юбки, когда они садятся в автобусы. Персонаж, о котором идет речь , был героем романа Барбюса “Ад”, молодым человеком, который обнаружил маленькую дырочку в стене своего гостиничного номера и проводит дни, наблюдая через нее за людьми, которые входят и выходят из соседней комнаты. По словам Хиршфельда, Барбюс положил в основу сюжета реальный случай с официантом , который был привлечен к ответственности за то, что просверлил глазок в двери , соединяющей два гостиничных номера, один из которых был зарезервирован для молодоженов. Герой Барбюса одержим проблемой правды и ощущением, что общество скрывает ее под предлогом. Сидя за ужином, он прислушивается к разговору о мужчине, который изнасиловал и задушил маленькую девочку:

Молодая мать, рядом с которой ее дочь, уже почти встала, чтобы уйти, но не может заставить себя уйти…

И мужчины; один из них, простой, спокойный, я отчетливо слышал, как он тяжело дышал. Другой, с нейтральной внешностью буржуа, с трудом говорит общие вещи своей молодой соседке. Но он смотрит на нее так, словно хочет проникнуть в нее насквозь, и еще глубже. Его пронзительный взгляд сильнее его самого, и ему стыдно за себя…

17

Маргиналы.

И когда писатель-аутсайдер Барбюса слушает, как он объясняет, что другие писатели занимаются притворством, в то время как он отстаивает Истину, он испытывает усталое отвращение. Однако парадокс в том, что сам Барбюс не осмеливается сказать правду. В первоначальном случае официант мастурбировал , заглядывая в отверстие, и часто брал в руки пенис мальчика , который заглядывал в другое отверстие. Герой Барбюса также наблюдает , как в соседней комнате раздевается молодая женщина, но автор тщательно избегает любых намеков на сексуальное возбуждение. Не было и речи о том, чтобы он сказал “правду” о подобном случае. И в “Постороннем” я тоже был склонен обойти сексуальный подтекст проблемы. Я начал писать главу под названием “Посторонний как преступник”, посвященную сексуальным маньякам, таким как Джек Потрошитель и дюссельдорфский убийца, Питер Куртен; но мне показалось, что это неуместно в книге , которая в основном посвящена литературе, и я забросил ее. (Позже она была напечатана в качестве приложения к моей Энциклопедии Убийство.)

Но в 1963 году я решил предпринять еще одну попытку исследовать сексуальные последствия “аутсайдеризма” и написал книгу под названием “Истоки сексуального влечения”. Книга не имела успеха - большинство критиков, похоже , сочли ее замаскированной попыткой написать о мягкой порнографии, - но я почувствовал , что она близка к тому, чтобы рассказать правду об этой проблеме, которая интересовала меня столько лет. Я начал с того, что процитировал мнение Толстой, в Крейцеровой сонате, что в современном мире создал слишком много свободного времени, и это привело половое влечение оздоровительная преувеличены и искажены. В прежние века,

говорит Толстой, большинство мужчин так усердно работали от рассвета до заката, что у них почти не оставалось времени на сексуальные утехи. Сейчас у представителей высших классов слишком много свободного времени, и они все время думают и мечтают о сексе. По мнению Толстого, все это является злоупотреблением сексуальным влечением. Оно было предназначено исключительно для размножения и не должно использоваться ни для каких других целей. Даже занятия любовью между мужем и женой следует рассматривать как "извращение", если только они не направлены на рождение детей.

Я уже отмечал, что эта точка зрения, по крайней мере, обладает достоинством последовательности. Ибо как иначе мы можем определить это слово "извращение'? Большинство сексологов, от Краффт-Эбинга до Хиршфельда, определяют сексуальную нормальность как "любую деятельность, которая в конечном счете приводит к акту возмездия". дукция'. Таким образом, мужчина, который пользуется противозачаточными средствами, более "ненормален" , чем мужчина, который бьет свою жену, чтобы усилить сексуальное возбуждение, или мужчина, который насилует девушку, предварительно оглушив ее. И это

Секрет Шарлотты Бах просто абсурден. Нормальность определяется скорее с точки зрения цели, чем средств. Целью большинства сексуальных действий является достижение оргазма. Конечно, нормальность определяется средствами, с помощью которых это достигается

или ненормальность? , . r r

Андр6 Жид придерживался противоположной Толстому точки зрения: ни одна форма

nex не является ненормальной. В книге Кори Дона "Защита гомосексуальности" он указывает на то, что животных возбуждает запах молочка, выделяемого самкой во время течки. Люди давно избавились от запаха молочка. Они занимаются сексом круглый год, и это стимулируется их индивидуальными сексуальными предпочтениями, то есть идеями. Так почему гомосексуальность

или мазохизм должны рассматриваться как нечто более ненормальное, чем секс между мужем и женой?

В книге “Происхождение сексуального влечения” я исследую различные формы сексуальной “ненормальности” и прихожу к выводу, что у людей сексуальность развилась на более высоком, “символическом” уровне. Мои выводы во многом совпадают с выводами философа Эрнста Кассирера.

По-видимому, у меня был по крайней мере один восторженный читатель, хотя в то время я и не подозревал об этом, - незнакомая дама, которая называла себя доктором Шарлотта Бах, приехавшая в Англию вскоре после коммунистического переворота в Венгрии в 1948 году. Она была одержима одной особой сексуальной аномалией: трансвестизмом, склонностью мужчин переодеваться в женскую одежду. Впервые она написала мне осенью 1971 года, прислав пространные выдержки из незавершенной работы под названием Homo Mutans, Homo Luminens (почти непереводимое название, означающее “Человек, изменяющий мир”). Продолжение одна только “мена” занимала более 500 страниц и начиналась с предложения: “Эта книга представляет собой введение в собственно этологию человека и в новую теорию эмерджентной эволюции. Это было одно из немногих предложений в книге, которое было мне более или менее понятно. Автор объяснила, что ее идеи были практически непонятны, потому что они были такими новыми, а затем продолжила , чтобы сделать их еще более непонятными, написав аннотацию Жаргон, от которого у меня закружилась голова. Она была похожа на человека, который, когда его просят рассказать, что он делал этим утром, делает глубокий вдох и начинает:

1 Я должна начать с рождения моего прадеда… Более того, работа была полна насмешек над всеми людьми, с которыми она была не согласна , - а она, казалось, была не согласна практически со всеми. Очевидно, она была крайне резкой и агрессивной дамой, и мое первое впечатление заключалось в том, что она была одной из тех параноидальных чокнутых, которые ставят

до нелепости высоко ценят себя и выходят из себя из-за любого, кто кажется им хотя бы слегка скептичным.

Но однажды октябрьским днем, когда я был прикован к постели из-за сильной простуды, я решил решительно взяться за огромный машинописный текст и посмотреть, смогу ли я хотя бы немного понять, о чем она говорит. И хотя моя первая попытка не увенчалась особым успехом , вскоре мне стало очевидно, что она была женщиной с выдающимся интеллектом и что ее кругозор был действительно очень широк - философы, алхимики, биологи, зоологи, психологи по психологии. маги, космологи… Ей, очевидно, было трудно объяснить свою она говорила односложно, но было так же ясно, что она хочет сказать что-то важное. В тот же день я написал ей об этом. И ее ответ, пришедший почти в ответ, начинался словами: “Спасибо, спасибо, спасибо и еще раз спасибо… Твой ответ был таким, какого я ожидала, но боялась надеяться…” Позже она рассказала мне, что , прочитав мое письмо, залилась слезами.

Насколько я смог понять, ее основная идея заключалась в следующем. В каждом мужчине и женщине есть мощный элемент противоположного пола, который притягивает как магнит. Другими словами, у каждого мужчины есть глубокое бессознательное желание стать женщиной, а у каждой женщины такое же желание стать мужчиной. Это делает нас сексуально неуравновешенными и объясняет, почему существует так много сексуальных извращений. Но именно эта нестабильность делает людей такими творческими и привела к удивительному росту человеческой культуры и цивилизации. Культура - это не просто результат стремления человека к безопасности и счастью; это результат его ‘болезни’.

Эта точка зрения, очевидно, была близка к тому, что я говорил в Аутсайдер. Большинство великих художников были неуравновешенными личностями. - “великие умы, несомненно, близки к безумию” - и очевидно, что их неуравновешенность тесно связана с их талантом. Мой друг Негли Фарсон, один из великих писателей-путешественников, был алкоголиком; когда он обратился к специалисту по поводу лечения, врач сказал ему, что он может вылечить свой алкоголизм, но в то же время, вероятно, избавит его от писательского таланта. (Негли предпочитала оставаться алкоголичкой и талантливой.)

Все это я могла понять. Но был ли в ее словах смысл, когда она сказала, что это основной механизм эволюции? Как насчёт Дарвин, Мендель и открытие ДНК? Все это звучало как -то уж слишком неправдоподобно. Но поскольку она продолжала посылать мне огромные

Тайна Шарлотты Бах фрагменты ее рукописи (в основном напечатанные на ярко-желтой бумаге на пишущей машинке с заглавными буквами) Я продолжал бороться с ее неуловимой прозой, меня по-прежнему раздражала ее неизвестность и впечатляла глубина ее начитанности. Я также продолжал удивляться ее уверенности в собственном величии. Прислав мне последний вариант одного из своих “вступлений”, она написала: “Я искренне верю, что это предвещает совершенно новую научную и интеллектуальную эпоху в нашей истории”. А в письме профессору Стаффорду Бееру (копию которого она прислала мне) она написала: “По сравнению с моим открытием изобретение водородной бомбы - все равно что сконструировать пневматический пистолет.

Как-то осенью я встретил ее в Лондоне. Она оказалась широкоплечей женщиной с глубоким мужским голосом и сильным венгерским акцентом. Я гостил у друга-художника - Реджис де Кашар - и мы все отправились ужинать в маленький ресторанчик на Олд-Бромптон-роуд; потом мы сидели в квартире Реджис и пили вино (она, казалось, умела поглощать внушительное количество), и она рассказала мне о своем прошлом и о том, как пришла к созданию своей теории. И она, и ее муж преподавали психологию в Будапештском университете, пока коммунисты не изгнали их оттуда. В Англии, в 1965 году, ее муж умер на операционном столе после того, как их сын погиб в автокатастрофе, а у нее случился нервный срыв. (Рассказывая нам все это, она разрыдалась). Затем, надеясь заработать денег и, возможно, произвести впечатление на какой-нибудь университет в городе она решила составить словарь психологических терминов. Именно тогда, когда она начала писать об “извращениях”, она поняла , что никто, похоже, точно не определяет, где заканчивается нормальность и начинается ненормальность. Она прочла мою книгу “Истоки сексуального

влечения", но в конце концов отвергла мою собственную теорию символической реакции. Тогда она решила начать расспрашивать самих "извращенцев"; так она поделилась информацией со своими друзьями, и в конце концов ей удалось опросить большое количество "извращенцев".

Одним из них был оксфордский профессор, одетый в твид, курящий трубку мужчина, который, безусловно, выглядел совершенно нормально. Перед началом интервью он спросил ее: "Вы не возражаете, если я буду вести себя нормально? Когда она сказала "нет", он снял брюки и обнажил пару черных кружевных трусиков и чулки, поддерживаемые поясом для подтяжек. Затем он сел в кресло с трубкой в руке и велел ей

продолжайте. . , с ..

Ее поразило, что он, казалось, не испытывал ни малейшего чувства вины или

стыд; он, очевидно, чувствовал себя совершенно нормально, одевшись как женщина. В этом он был совершенно не похож на многих гомосексуалистов и лесбиянок, у которых она брала интервью, которые, очевидно, не могли избавиться от чувства вины. Интервью с другими трансвеститами подтвердили это наблюдение: казалось, они считали совершенно нормальным вести себя как представитель противоположного пола. Тогда в чем же основное различие между трансвеститами и гомосексуалистами, которое заставляет одних чувствовать себя нормальными , а других - ненормальными? Размышляя на эту тему, она начала задумываться о нестабильности и эволюции.

Я был склонен подозревать, что она говорит не всю правду. Неужели никто не решается написать словарь психологических терминов , чтобы заработать деньги? Я просто не мог поверить, что ее интерес к сексуальным извращенцам был таким "академическим", как она утверждала. Это доказывало, что она сама была какой-то девианткой - предположительно лесбиянкой. Но это представление развеялось после того, как мы с Реджис

проводили ее на такси (за которое я заплатил — она, очевидно, была очень бедна). Я поцеловал ее, и она тоже поцеловала Реджиса. Когда мы вернулись в дом, он сказал: “Знаешь, когда она целовала меня, то наполовину засунула язык мне в глотку. ’ Мы оба посмеялись над этим. Это, казалось, опровергало лесбийскую теорию.

В следующий раз, когда я был в Лондоне, я снова пригласил ее на ужин; на этот раз я остановился у своего друга Билла Хопкинса, и снова Шарлотта рассказала нам историю о смерти своего мужа и разрыдалась. Я начал подозревать, что в Шарлотте есть что-то от актрисы . Обычно она держалась сдержанно, как будто считала большую часть человечества дураками; казалось, она знала об этом и хотела развеять впечатление драматическим жестом.

К 1973 году у нее уже начала появляться армия учеников и поклонников, даже среди ученых; меня попросили написать письмо одному бизнесмену от ее имени - он, очевидно, считал, что ее теории можно использовать в связях с общественностью, хотя я так и не понял, что именно он имел в виду. Вскоре после этого она написала мне, что журнал Time Out намерен взять у нее интервью и выразил заинтересованность в том, чтобы я написал статью о ее идеях . Я ответил, что вряд ли смогу писать о них, пока не пойму их сам, и предложил, чтобы в следующий раз, когда мы встретимся, я взял с собой магнитофон, а она постаралась бы объясниться односложными словами. В положенный срок я угостил ее обедом в клубе “Сэвидж”, а затем отвел в тихое место.

отошла в угол гостиной и достала свой магнитофон. На этот раз я безжалостно заставлял ее говорить по существу, вставляя вопросы каждый раз , когда она говорила что-то, чего я не понимал, и перебивая ее всякий раз, когда она проявляла склонность отклоняться от темы. Таким образом, мне, наконец, удалось

получить ясное и простое изложение ее теории.

Изучение трансвеститов, объяснила она, было не единственным ,

что убедило ее в том, что все мы представляем собой сбалансированную смесь мужского и женского начал. Кто-то обратил ее внимание на статью Десмонда Морриса о десятииглой колюшке, в которой Моррис выразил свое недоумение по поводу ее явно ‘гомосексуалистического’ поведения.

В брачный период самец колюшки чернеет и выбирает участок “территории’. Если другие самцы приближаются к этой территории, их “прогоняют”. Но если самка приближается, ее пассивное поведение действует как стимул, и самец приглашает ее в свою гостиную. Там самка откладывает яйца, в то время как самец плавает взад и вперед , выпуская сперму в воду. Затем самка уплывает, и сделка завершена. Но в некоторые годы самцов становится так много , что они не могут все найти территорию; менее доминантные плавают вокруг с потерянным видом и постепенно теряют свой черный окрас. И теперь, если одна из них останавливается за пределами территории другого самца, самец может принять ее за самку и пригласить внутрь, в этом случае псевдосемейка останавливается, как будто откладывает яйца, а самец плавает взад -вперед, выпуская сперму. Затем псевдосемейка уплывает. Конечно, детеныши колюшки не рождаются, так что на следующий год территории для разведения более чем достаточно. Похоже, природа придумала менее расточительный способ воспроизводства этого вида , чем позволить половине из них умереть от голода.

Маленькая птичка по имени зебровый вьюрок ведет себя не менее странно. Самец привлекает самку песней и танцем. Если самка не отвечает или отвергает его, самец начинает изображать самку ‘подойди и возьми меня’. Если спаривание прерывается из-за какой -либо опасности и нервная самка срывается с места, самец снова переходит к женскому образу жизни. И самка часто начинает исполнять мужскую песню-танец. Они поменялись ролями. Шарлотта объясняет эту странность тем, что, когда самцу мешают, его чрезмерная мужская энергия выливается в женскую, как всплеск воды выливается из переполненного ведра.

Эти и другие примеры взяты у Десмонда Морриса, Конрада Лоренц, Нико Тинберген и другие зоологи - убедили Шарлотту

что этот образ наполовину мужчины, наполовину женщины является нормальным по своей природе. (Юнг пришел к такому же пониманию в своем представлении об анимусе - мужском компоненте во всех женщинах — и аниме — женском компоненте во всех мужчинах.) Очевидно, что это часть основного плана творения.

Теперь ее осенило, что мужчина или женщина могут реагировать на это “влечение” к противоположному полу одним из двух способов: либо сопротивляться ему, либо принимать и подтверждать его. Таким образом, мужчина, который наряжается в женскую одежду, просто утверждает свою женственность — позволяет своей аниме , так сказать, “потусоваться”. Женщина, которой нравится выглядеть как мужчина, но которая все равно предпочитает мужчин женщинам в качестве сексуальных партнеров, подтверждает свою неприязнь. И это было одним из самых важных наблюдений Шарлотты о трансвеститах: большинство из них не гомосексуалисты и не лесбиянки; они предпочитают противоположный пол.

Однако есть несколько довольно странных сложностей. Некоторые мужчины на самом деле являются женщинами в мужских телах: они психологически женственны. И они могут реагировать на эту ситуацию одним из двух способов: либо отрицая это, либо подтверждая. (Шарлотта называла сопротивляющихся “отрицателями” , а тех, кто утверждает, - “ассеверационистами”.) В основном это гомосексуалисты сексуалы. Такой мужчина может отрицать свою “тягу” к противоположному полу (которым в данном случае является мужчина, поскольку на самом деле он женщина) надевая женскую одежду и становясь “трансвеститом” - это совсем не то же самое, что быть трансвеститом. Или он мог бы подтвердить это, надев чересчур мужскую одежду, как какой-нибудь плюшевый мальчик в кожаной куртке. Такой человек - мужчина-негативист”, что означает, что он анатомически мужчина, а психологически - женщина, и он изо всех сил старается продемонстрировать свою псевдо-мужественность. На самом деле, он может перестать отрицать свою женственность и стать откровенным гомосексуалистом, признав , что на самом деле он женщина в мужском теле.

Очевидно, что существует восемь возможных ‘типов’. Нормальный мужчина - это позитивный отрицатель мужского пола: мужская

душа в мужском теле, отрицающая свою женственность. Нормальная женщина - это позитивный отрицатель женского пола: женская душа в женском теле, отрицающая свою мужественность. ‘Роковая’ лесбиянка, которая часто кажется чрезмерно женственной, - это отрицательное женское утверждение. Мужчина в женском теле, утверждающий ее женственность. ‘Буч’ лесбиянка, как ни странно, - это женская душа в женском теле, заявляющая о своем желании стать мужчиной; она является женским эквивалентом трансвестита. Еще есть женщина-отрицательница - мужская душа в теле женщины, отрицающая, что она женственна; она может быть немного властной женщиной. Есть гомосексуалисты-натуралы или трансвеститы

Секрет Шарлотты Бах Куин, мужчины с женской душой, который отрицает свою мужественность. Есть еще один мужественный сторонник отрицательных оценок - хулиган в кожаной куртке , под которым на самом деле скрывается пуфик. И, наконец, есть мужчина-позитивист- самоутверждающийся, по сути, нормальный мужчина, который позволяет себе выражать свою женскую натуру - “нормальный трансвестит”. Это восемь типов, которые Шарлотта также называла восемью

ритуальные потоки’. 4 ,

Мы видим, что здесь мы имеем дело с четырьмя нормальными типами и четырьмя “ненормальными”. К нормальным типам относятся трансвеститы и лесбиянки-батчи, и они, как правило, довольно стабильны. Четыре ненормальных типа - это в основном гомосексуалисты, и они нестабильны. Их инста близость может легко сделать их творческими - Шарлотта наблюдала за трансвеститом, который стал художником, за лесбиянкой, которая стала писательницей.

И именно это наблюдение привело Шарлотту к ее теории эволюции. Молодой человек, одержимый религиозными идеями, однажды рассказал ей, что испытал сексуальный оргазм , который длился восемь часов. Естественно, она предположила, что он лжет. Затем, читая книгу Мирчи Элиаде о шаманизме, она

прочитала о продолжительных экстазах, которые часто испытывают шаманы племен и религиозные мистики. Внезапно, как вспышка света, решение осенило ее. Она была так взволнована, что вскочила на ноги и принялась танцевать по комнате, выкрикивая: “Вот в чем дело - в эволюции!

Ее поразило то, что шаман поднялся над сексуальностью, поэтому он не мужчина и не женщина. И противоположное напряжение, причиняющее столько страданий “сексуальным извращенцам”, достигло такой силы , что создает мощный выброс нервной энергии, который может продолжаться часами. В меньшей степени это относится и к великим творческим гениям. Бетховен был в значительной степени “асексуален”; подобно священнику или шаману, он старался обходиться без секса. В результате получилась великолепная музыка. Микеланджело и Леонардо, как и многие великие творцы, были гомосексуалистами, и их напряженность и чувство вины способствовали их творчеству. Вместо того, чтобы стать кем-то вроде трансвеститов или чрезмерно мужественных хулиганов, они превратили свою напряженность в нечто большее

3Xt«

Все это меня очаровало. И все же, должен признаться, у меня были сомнения. Шарлотта сказала мне, что я нормальный мужчина - мужчина, который решительно все отрицает. В тот момент я почувствовал себя польщенным, но когда я поразмыслил над этим более тщательно, то понял, что это был не совсем тот комплимент, каким он выглядел. Обычный мужчина стабилен и, следовательно, не склонен к творчеству. И даже склоняясь

Неудачники.

если быть скромным, то было совершенно ясно, что я не лишен творческих способностей. Я также сомневался в том, что Шарлотта причисляет лесбиянок-батчей к ‘нормальным’ трансвеститам. Это , казалось бы, отрицает, что она лесбиянка. А как насчет самой Шарлотты? Она , казалось, не вписывалась ни в одну из своих собственных классификаций. Несмотря на свои

мощные плечи и низкий голос, ей, казалось, нравилось подчеркивать свою женственность. Когда я председательствовал на научных дебатах в Королевском Институте, она пришла и села в первом ряду, надев большую шляпу и яростно обмахиваясь огромным веером, что полностью отвлекло докладчиков (Джона Тейлора и Лайалла Уотсона). Она не была женщиной— отрицательницей - мужской душой в теле женщины, отрицающей ее женственность (слегка властный женский тип), - потому что она утверждала свою женственность. И она, конечно, не была сторонницей негативного отношения к женщинам , потому что это и есть женщина-лесбиянка. Она выглядела как настоящая лесбиянка, но, очевидно, таковой не была. Шарлотта просто отказывалась вписываться в какую-либо из своих собственных классификаций.

Я, как я часто признаю, в некотором смысле довольно глупый человек. Ответ был у меня перед глазами, и я просто не смог его осознать. Я узнал правду 17 июня 1981 года. В тот день мне позвонила одна из учениц Шарлотты и сообщила, что она мертва. Соседка заметила груду молочных бутылок на пороге своей квартиры в Хайгейте, на севере Лондона. Полиция ворвалась в дом и обнаружила ее тело. Когда тело раздели в морге, оказалось, что пышная грудь сделана из поролона, а при снятии нижнего белья обнаружился пенис. Шарлотта была трансвеститом мужского пола - одним из тех людей, которые, согласно Согласно собственной теории Шарлотты, она отбросила всякую возможность проявить творческий подход.

В течение следующих нескольких месяцев, по мере того как “ее” поклонники и последовательницы изучали ее работы, начала всплывать истинная история Шарлотты Бах.

Настоящее имя Шарлотты было Карл Майкл Блейз Августин Хайду*, и он родился в Будапеште в 1920 году. По его собственным словам, он был сыном высокопоставленного государственного служащего, который был богатым землевладельцем, но потерял свои владения по Парижскому договору после Первой мировой войны. Его отец также был бароном, и Карл унаследовал титул после его смерти. Увы, эта версия правды оказалась такой же ненадежной , как и другие рассказы Шарлотты о себе; когда ее друг Боб Меллорс,

* произнес “Привет”, - она сказала “да”.

Секрет Шарлотты Бах в ходе изучения биографии удалось связаться с Будучи сестрой Карла Хайду, он узнал, что они происходили из довольно заурядного рабочего класса и что титул у них был чистый

Карл сам научился читать в возрасте четырех лет, и его сестра подтверждает , что в школе он был блестящим, но своенравным учеником. Мне нравилось доставлять удовольствие своим учителям. В свою очередь, они любили доказывать на экзаменах , что я не такой уж и умный.' Он также был не по годам развит в сексуальном плане.

"Я начал мастурбировать в возрасте десяти лет и с тех пор не прекращал.

В пятнадцать лет он потерял девственность с проституткой, доброй женщиной , которая доставила ему удовольствие от первого опыта настоящего секса. Наблюдая, как она потом натягивает чулки, он хотел начать все сначала, но снаружи его ждали друзья - и, в любом случае, у него не было денег. (Позже психиатр сказал ему, что если бы он мог это сделать, то, возможно, никогда бы не стал трансвеститом.) Он пытался заработать немного денег, занимаясь проституцией для гомосексуалистов - друг был "страстным сводником-любителем" - и провел вечер с культурным пожилым джентльменом, который угостил его превосходным ужином с вином; но когда пришло время, у него не получилось добиться эрекции, и он с позором сбежал. В дальнейшей жизни он с большим успехом вернулся к этому более раннему способу пополнения своего дохода, рекламируя себя в журналах "Контакт" как "Дафни" и назначая телесные наказания.-

Подростком Карл поступил в Будапештский университет, но зря потратил время - похоже, ему так и не удалось найти применение. Когда началась война , он стал младшим лейтенантом венгерской армии. В 1944 году венгры приняли сотрудничество с немцами как альтернативу оккупации, и Карл каким -то образом был прикреплен к СС. В более позднем автобиографическом романе "Фиона" он упоминает, что был офицером-курьером, в обязанности которого входило находить венгерских солдат в немецких полевых госпиталях и организовывать их

транспортировку отправляйтесь в Венгрию. Подозреваемый в содействии побегу двух англичан, он был арестован и содержался под стражей в течение пяти месяцев; хотя его допрашивали, физического насилия к нему не применяли. Один из его товарищей по заключению был казнен, но Карла спас звонок - сигнал об окончании войны. Он вернулся в университет и на этот раз преуспел в учебе (Шарлотта рассказала мне, что она получила докторскую степень по психологии и стала младшим преподавателем). Но в 1947 году у него снова возникли проблемы, на этот раз с коммунистическим режимом, и он провел еще несколько лет в тюрьме.

месяцы в тюрьме. В 1948 году он бежал в Англию через Австрию, куда прибыл в апреле.

Он уже был вовлечен в трансвестизм. Это развивалось медленно; впервые это появилось, когда он занимался любовью со своей девушкой, а потом лежал обнаженный на ее кровати, накрытый ее атласным халатом, и наблюдал, как она готовит кофе. Глядя на очертания своих бедер под атласом, он возбудился и начал ласкать их. Потом принесли кофе, и он забыл об инциденте. Год или два спустя он купил несколько пар нейлоновых чулок для другой любовницы - похоже, он был кем-то вроде донжуана. Она позвонила в последнюю минуту, чтобы отменить свидание, и он отправился спать с книгой. Затем, поддавшись внезапному порыву, он встал, надел чулки и полюбовался своими ногами в них; затем он мастурбировал с ‘доселе невиданной интенсивностью личного участия’. Расстроенный и пристыженный, он разорвал чулки на куски и поклялся никогда больше этого не делать . Анализируя это позже, он говорит, что все это казалось таким же естественным, как падение яблока с дерева, и что то, что позже сказал ему психиатр о “заменителях” и “смещении аффекта”, было похоже на объяснение падения яблока тем, что оно тяжелое. Что его беспокоило , так это то, что чулки на его ногах казались более чем подходящей заменой самой девушке.

Когда один из друзей случайно оставил в квартире Карла чемодан с одеждой своей жены, он снова не смог удержаться и переоделся - на этот раз в полностью женский наряд. Ему стало так стыдно, что он позвонил своему другу и попросил его немедленно забрать чемодан . Но после этого он начал покупать женскую одежду и наряжаться. Периодически он испытывал отвращение и устраивал “чистку”, заворачивая одежду в свертки и “теряя” их в автобусах или парках. Когда он уехал в Англию, он раздал все это благотворительному фонду. Венгерский аналог OXFAM.

В Лондоне Карл нашел работу переводчика в Harwich Labour Обменялся и завел роман с замужней женщиной по имени Джулия. Ей было удобнее оставить кое-что из своей одежды и косметики в его квартире. В те дни, когда она не могла прийти, он начал переодеваться в ее одежду и пользоваться ее косметикой. Их роман продолжался три года и закончился, когда

об этом узнал ее муж.

В начале 1950-х он встретил Филлис, разведенную женщину с маленьким сыном и уютной квартирой. У него вошло в привычку проводить с ней выходные, а когда она сказала, что беременна, он решил жениться на ней,

Тайна Шарлотты Бах убедила его, что он наконец-то влюбился. Ему хотелось верить, что тяга к трансвестизму наконец-то исчезла. Тем не менее, он хранил одежду в течение первых пяти лет своего брака, пока не решил сэкономить полкроны в неделю, которые платил за хранение, избавившись от нее. (Беременность оказалась ложной тревогой).

Для следующей части жизни Карла необходимо опираться на автобиографический (и неопубликованный) роман “Фиона”. По всем пунктам, которые Я смог проверить, что эта история является точным описанием его собственной жизни, и он называет героя Грегори Блейзом - Блейз - это одно из его собственных христианских имен. На девятом году их брака, в 1964 году Блейз снял себе комнату в Мейфэре, где он кое-как зарабатывает на жизнь, работая агентом по недвижимости. Выходные он проводит со своей женой в Хэмпстеде, но в то же время ведет множество дел. В целом, эти интрижки не приносят глубокого удовлетворения , хотя описания физического соблазнения ясно дают понять, что Карл Хайду обладал сильным нормальным сексуальным влечением и получал огромное удовольствие от своего мастерства - он может посвятить целых три страницы описанию деталей соблазнения. Столь же ясно, что это донжуанство оставляет его в основном неудовлетворенным; его цель - поддержать его эго, и это редко удается дольше, чем на несколько часов кряду - по крайней мере, до тех пор, пока он не встречает дочь генерала по имени Фиона (невозможно не заметить, что автор одержим этим по рангу и социальному положению), которая находит его очаровательным и интригующим, и чья мягкая натура раскрывает в нем все лучшее. Роман читается как пояснение к замечанию Розеншток-Хьюсси: “Даже мужчине , который ни во что не верит, нужна девушка, которая верила бы в него”. Блейз сравнивает ее со сказочной

принцессой, которая целует жабу и превращает ее в принца^ Но он добавляет, что после разрыва отношений он снова превращается в жабу . Но Фиона в конце концов начинает находить его неудовлетворительным - возможно , потому, что он не может удержаться от того, чтобы не изменять ей с другими женщинами, и бросает его. Он возвращается к своей жене, но вскоре после войны она умирает во время срочной операции. Неделю спустя его пасынок погибает в автокатастрофе, возвращаясь в школу. Автор приводит романа хэппи-энд, с Фионой сказав: 'Здравствуй, дорогая … вы шоу уже известно, я вернусь к вам'.Но в реальной жизни Фиона не вернулся, и Карл Хайду был тяжелый душевный надлом, который

превратили его в Шарлотт Бах. .

В реальной жизни Карл Хайду зарабатывал на жизнь поиском жилья в Паддингтоне (а не в Мейфэре). В 1957 году он едва избежал столкновения с полицией

вступил в конфликт с законом, когда организовал ассоциацию борцов за свободу, чтобы помочь венграм, и собрал 2000 фунтов стерлингов. Журналист лондонской вечерней газеты преследовал "барона" Карла Хайду (журналист берет "барона" в кавычки) и сумел добиться от него признания в том, что у него возникнут некоторые трудности с показом того, как были потрачены деньги. Вскоре после этого Хайду сменил имя на Михаэль Кароли и стал преподавателем и журналистом. Он устроился на работу в качестве Агонизирующая тетя" в журнале под названием "Сегодня", пишет статьи с такими заголовками, как "Следует ли шлепать больших девочек?" и "Почему, ну почему я ворую?" В 1959 году он читал лекции в Институте Станиславского о роли психологии в актерском мастерстве — он присвоил себе несколько фиктивных степеней

- и в 1961 году написал книгу о гипнозе. (Позже я с удивлением осознал, что эта книга стояла у меня на полке много лет, но я и не подозревал, что она написана Шарлоттой.) Он также зарекомендовал себя как гипнотерапевт — на этот раз по адресу в

Мейфэре - и, похоже, добился определенного успеха. Теперь он предпринимал решительные попытки “стать известным” и завести несколько знаменитых знакомств - писал, в частности, Джан Карло Менотти. Роман с “Фионой” действительно имел место; как, разумеется, и смерть Филлис и его пасынка. И хотя он был Майклом Кароли, а не Шарлоттой Бах, результаты были во многом такими, как он мне описал. Он заперся в своей квартире в Хайгейте и позволил себе распасться. Он влез в долги, не смог оплатить счета и провел два месяца в тюрьме. В течение этого времени он постоянно переодевался в женское платье, надевая одежду своей покойной жены. Затем, наконец, он предпринял попытку взять себя в руки и заявить о себе как о писателе

- не со словарем психологических терминов, а с книгой о трансвестизме под названием “Мужчина и/или женщина”. Вскоре после этого он решил расширить свой опыт общения с трансвеститами и поместил объявление в New Statesman, объявив, что он психолог и хочет взять интервью у трансвеститов.

Среди тех, кто откликнулся на объявление , был сорокачетырехлетний телеведущий (обычная аббревиатура для трансвестита) по имени Деррик Александр. Как и Карл Хайду, он был, по-видимому, обычным гетеросексуалом настоящий мужчина, у которого никогда не возникало проблем с поиском подружек, но последние четырнадцать лет он боролся со все более сильным желанием одеваться как женщина. Он рассказал, как во время своего брака оставлял жену смотреть телевизор и прокрадывался наверх, чтобы переодеться в ее одежду. Деррик позвонил ‘доктору’

“Секрет Шарлотты Бах ” и направился в квартиру по адресу Лэнгборн-Мэншенз, 52, Хайгейт. Там он обнаружил, что его уже опередили с полдюжины других Телевизоры, всем не терпится рассказать истории из своей жизни в обмен на кофе и сочувствие. Карл Хайду оказался высоким, обходительным бородатым мужчиной, совершенно лишенным женских манер. Деррик Александер также упоминает, что другие трансвеститы вызывали у него отвращение - они казались ему довольно глупыми и отвратительными. Тем не менее, он принял приглашение в дом

одной “женщины” на Уимблдоне, где все они , за исключением Хайду, переоделись в женскую одежду и болтали вместе, как обычные девчонки. Существует цветная фотография, сделанная на этой вечеринке. Все “женщины” выглядят совершенно нормально, некоторые из них даже довольно очаровательны. Хайду возвышается над ними всеми. Это было довольно типично для “Шарлотты”, что у него не было желания быть “одной из девушек”; его уверенность в собственной уникальности заставила его принять решение никогда не быть частью какой-либо группы.

Когда Деррик Александер стал регулярно заходить в квартиру Кароли, он начал задаваться вопросом, почему психолог должен быть так одержим трансвестизмом. Когда он однажды прокомментировал это, Кароли подошел к ящику стола и достал несколько фотографий. На одной из них было изображено Кэроли сидел на подлокотнике дивана рядом с женщиной, которую он назвал своей женой. На мгновение Деррик удивился, но затем присмотрелся повнимательнее. - Они оба - это вы. - Кароли был рад, что потребовалось такое тщательное изучение, чтобы понять, что фотография была монтажной. Должно быть, для него было облегчением узнать, что есть еще один человек, которому он может довериться. Деррик Александер был умен и начитан, и вскоре они сблизились

друзья. ,

Кароли, по-видимому, много думал о том, как

проблема в том, как появиться на публике, не будучи прочитанным (телевизионный сленг, обозначающий

грохотало). Первое основное правило, сказал он Деррику, - никогда не заговаривать , если ты не в поле зрения. Если кто-то считает само собой разумеющимся, что ты женщина, он не обратит внимания на мужской голос. Далее, внимательно понаблюдайте за женщинами и отметьте те маленькие “женские” штучки, которые они постоянно делают . Деррик был неуверен в себе при появлении на публике, поскольку его дважды арестовывали за “нарушение общественного порядка’ (т.е. ношение одежды в общественных местах). Кароли взял на себя роль наставника, пригласил Деррика на вечер в Вест-Энд и сделал всевозможные замечания по поводу допущенных им ошибок.

Ниже приводится типичная история того периода, рассказанная

мне

31

Деррик (ныне Делла Александер). Однажды вечером они сидели в винном баре в Кэмден-Тауне, когда Шарлотта вышла к дамам - это было частью ее ритуала. Две пожилые женщины-кокни за соседним столиком наблюдали за ними, и одна из них вдруг заявила своей подруге: “Вот это мужчина!”

Когда Шарлотта вернулась, Деррик пробормотал: “Тебя прочитали‘.

Шарлотта с минуту смотрела на двух пожилых леди, затем подошла к их столику. Она вежливо объявила с сильным венгерским акцентом: “Сегодня мой день рождения, и мы устраиваем праздник. Не хотите ли, дамы, выпить со мной по бокалу вина?’

Две пожилые леди выглядели озадаченными, но сказали, что с удовольствием это сделают. Затем Шарлотта рассказала им историю о смерти своего мужа и сына на той же неделе, показала фотографии своего высокого бородатого мужа и стала все более довольной собой , поскольку две пожилые леди, очевидно, изменили свое мнение о ее поле.

Наконец, одна из них сочувственно спросила: “Как ты думаешь , дорогая, ты когда-нибудь снова выйдешь замуж?”

Шарлотта состроила женственную гримасу. Если я смогу найти подходящего мужчину.’

На это одна старушка с непринужденностью кокни заметила: “Я бы хотела быть великаном”.

Делле пришлось отвернуться, чтобы подавить истерику. .

В это время - в конце шестидесятых - Кароли активно подумывала об операции по смене пола. Он фактически убедил Деррика Александера сделать решительный шаг; Деррик отправился в Испанию и вернулся как Делла Александер. Но Кароли так и не приступил к операции; причина, я думаю, заключалась в том, что он уже стал тем, кем намеревался стать. Это была Шарлотта Бах, величайшая психологическая исследовательница двадцатого века. Все, что ему теперь оставалось сделать, - это убедить остальной мир признать это.

2. Шарлотта и тайны эволюции

Книга “Мужчина и/или женщина” была отвергнута несколькими издателями, но Шарлотту это не смутило. В 1969 году она написала своему литературному агенту Майклу Фентону, попросив его изъять рукопись из обращения, объяснив это “новыми важными событиями’. Примерно в то же время она написала в IBM, объяснив , что “она и ее брат, еще один психолог”, завершили исследование важного проекта, посвященного сексуальным отклонениям, который может иметь значительные коммерческие перспективы - например, в области подбора персонала. Их ответ неизвестен.

В 1971 году, когда я сражался с гигантским шрифтом Шарлотты, напечатанным на машинке,

Я никак не мог понять, как ей удалось перейти от теории о сексуальных извращениях к всеобъемлющей теории эволюции. По сути, это почти невозможно понять рывок без определенных знаний половое развитие по Карлу Хайду. Но как только мы узнаем что-то о его истории все вдруг

становится понятно. n

Карл Хайду был, по сути, нормальным мужчиной с аномально сильным сексуальным влечением. Женщины находили его привлекательным, и его сексуальные завоевания сыграли важную роль в поддержании его неуверенного в себе эго. Его мучило чувство отсутствия цели, отсутствия настоящей идентичности. Он был блестящим человеком, но, казалось, не стремился к успеху. Восхищение любовницами, по крайней мере, убедило его в том, что он этого заслуживает

ˆВ тот день, когда он натянул чулки своей подруги и занялся мастурбацией, он столкнулся с еще одной угрозой своему эго. Ношение женского нижнего белья, казалось, усиливало его сексуальное влечение, так что он ощущал доселе не испытанную остроту полной вовлеченности”. Таким образом, казалось , что,

помимо других своих личностных проблем, он также был женщиной в мужском теле. Его немедленной реакцией было отвращение и клятва никогда больше так не делать.

33

Неудачники

Изучение гомосексуалистов и других трансвеститов в конце концов привело его к выводу, что этот вывод был необоснованным. Трансвеститы на самом деле являются мужскими душами в мужских телах. В таком случае, почему возникает желание одеваться как женщина? Статья Десмонда Морриса о колюшках и вьюрках-зябликах, похоже, дала ответ на этот вопрос. Если птицы и рыбы могут “менять” пол, то такая же двойственность должна присутствовать у всех живых существ. Когда они разочарованы, все они испытывают определенное желание “выпустить пар”, поддаваясь желанию стать своей противоположностью.

В зоологии выпускание пара технически известно как ‘вытесняющая активность” или “побочная активность’. Когда два самца колюшки сталкиваются лицом к лицу на границе своих территорий, у них такой вид, словно они вот-вот сцепятся насмерть; вместо этого каждый из них внезапно встает на голову и начинает рыть ямки в песке, энергично размахивая хвостом. Две серебристые чайки, находящиеся в одинаковой позе, начнут щипать траву. Две косули будут атаковать своими рогами кору ближайших деревьев, а не друг друга. Это естественный способ предотвратить ненужное кровопролитие, и, подобно гомосексуалистической активности одинокого самца колюшки, это, по-видимому, демонстрирует , что Теннисон был немного несправедлив к природе, когда описал ее как “красную от зубов и когтей’. Среди людей мы можем наблюдать активность вытеснения, когда нетерпеливые водители начинают сигналить , или скучающий человек барабанит пальцами по столу или немелодично насвистывает.

Тинберген заметил — в ходе исследования инстинктов — что у птиц и животных действия по перемещению часто “ритуализируются” и превращаются в то, что он назвал

“социальным освобождением’. Когда люди не уверены в себе , они улыбаются, а улыбка - это средство социальной разрядки; так же как и разговоры о погоде, еще одна реакция на смущение. Когда журавли становятся агрессивными, их боевой порыв превращается в вытесняющее “прихорашивание”, а прихорашивание - подобно тому, как боксер разминает мускулы, - также является предупреждением Жест “не подходи” - еще один тип социальной разрядки. Взмахи хвостом у рассерженных самцов колюшек также используются в качестве приглашающего жеста для самки, приглашающего ее зайти в гнездовую зону.

Теперь Шарлотта подумала о расстроенной псевдоженке колюшки спина, ведущая себя как самка, или разочарованные зебровые вьюрки, меняющие роли в брачном ритуале, - несомненно, это было вытеснением, которое также являлось ‘сексуальным отклонением’? И когда Карл Хайду сидел и ждал свою любовницу, а она позвонила и сказала, что не сможет прийти, он попытался

 , чтобы развеять свое разочарование, легла в постель с книгой, затем надела чулки и занялась мастурбацией с небывалым чувством наслаждения. Участие. Фрустрация вылилась в сексуальные отклонения Предположим, что все сексуальные отклонения - это действия по вытеснениюˆ В них , безусловно, есть одна и та же нелогичность: мужчина возбуждается при виде костыля или черного резинового фартука, или переодевается ребенком, а его шлепает проститутка, переодетая няней. .

На самом деле, в большинстве сексуальных сцен есть что-то совершенно детское.

слово “детский” дало Шарлотте еще одну важную подсказку. В зоологии существует любопытный феномен, известный как “ИТС” , который означает, что представители этого вида никогда не достигают зрелости. Мы можем представить, например, что произошло бы, если бы в результате какой -то странной мутации человеческие существа начали достигать половой зрелости в возрасте двух лет. Они начали бы спариваться, будучи еще младенцами, и вполне могли бы умереть в возрасте десяти лет,

измученные воспитанием детей, но на самом деле существуют виды, одним из примеров которых является разновидность саламандры, названная ящерицей аксолотлем, которая на самом деле является детенышем сухопутной саламандры.

В конце 1920-х годов голландский зоолог Людвиг Болк предположил, что человек также может быть неотонным видом. На определенной стадии эмбрион человекообразной обезьяны напоминает развитый человеческий эмбрион, но человекообразная обезьяна выходит за рамки этого и развивает надбровные дуги, волосы на теле и специальные зубы. Таким образом, кажется спорным, что человек - это не человекообразная обезьяна. Шарлотта признала, что большинство из нас по-прежнему эмоционально напряжены. всю нашу жизнь. Но у вида "Питер Пэн" есть один ˆ по сравнению с видом, который продолжает полноценно развиваться, у него больше возможностей для развития. Покрытые панцирем динозавры зашли в тупик, потому что им больше некуда было идти. То же самое можно сказать и о черепахе: ее защитный панцирь - это тоже тюрьма , из которой она не может сбежать. Чем более уязвимым и открытым является существо, тем больше у него возможностей. Незрелость мужчины означает

что он все еще является "развивающимся" видом.

Молодой человек, который утверждал, что испытал восьмичасовой оргазм , дал Шарлотте последнюю подсказку. Вот в чем, думала она, причина того, что человек живет в состоянии эмоциональной незрелости и нервного напряжения: потому что его противоположные силы должны были перерасти во взрыв творчества. В какой-то момент она начала пытаться доказать, что Леонардо был трансвеститом, чьи внутренние конфликты отражались в его картинах и научных изобретениях. Теория Шарлотты

Неудачники

"Эволюцию" можно рассматривать как развитие высказывания Ницше о том, что в каждом человеке должен быть хаос, чтобы из него родилась танцующая звезда. По ее мнению, ее величайшим оригинальным вкладом было осознание того, что основной причиной хаоса является внутренняя полярность мужского и женского в каждом из нас.

Таким образом, мы могли бы сказать, что теория Шарлотты полностью согласуется с утверждением Гете о том, что вечное женское начало влечет нас ввысь и дальше - или, скорее, что конфликт между вечным женским и вечным мужским началом влечет нас ввысь и дальше. Ее теорию эволюции можно сравнить с теорией всемирного тяготения Ньютона. Ньютон объяснял движение небесных тел, предполагая существование силы, называемой гравитацией. Земля и планеты притягиваются гравитацией солнца, но, поскольку они находятся в движении, они не падают на него, а вращаются вокруг него по эллиптическим орбитам. Согласно теории Шарлотты, противоположность мужского и женского начал - это сила притяжения. И поскольку мы живы и бодры - а бодрость духа особенно важна, - конфликт порождает эволюцию.

Это еще не все - совсем не далеко (хотя для наших нынешних целей этого будет достаточно). Она пришла к убеждению, что алхимия - с ее основным акцентом на мужском и женском принципах - была древней системой знаний, основанной на том же признании; но поскольку древние ничего не знали ни о Ньютоне, ни об Эйнштейне, ни о кибернетике, ни о деятельности по перемещению, ни о неотонии, они должны были выражать свои интуитивные прозрения символически. Она верила, что Юнг был прав, рассматривая алхимию как хранилище древней мудрости (хотя и не смог понять, в чем ее суть). Философский камень - это способность к восьмичасовому оргазму и еще более высоким мистическим переживаниям. Когда человек научится понимать свою собственную двойственную природу, он также научится использовать ее для стимулирования своей собственной эволюции, точно так же, как он использует электрический ток, который чередуется между положительным и отрицательным для освещения своих городов. Когда он поймет причину своего саморазделения, он научится контролировать свои полярности, чтобы создать такую интенсивность сознания, которую современный человек ощущает лишь мельком при сексуальном оргазме.

Более того, это новое видение освободит человека от его нынешнего чувства зависимости от физического мира. Наука с ее ‘редукционистскими’ тенденциями загнала человека в ловушку статичной вселенной пространства и времени. Шарлотта рассматривала мир как совокупность информации, распределенной во времени. Можно сказать, что, поскольку она считала живые существа центром мирового процесса, она считала, что мы должны изменить свою жизнь.

Шарлотта и “Тайны эволюции ” смотрят на мир своими глазами и пытаются увидеть его таким, какой он есть, вместо того, чтобы стремиться к псевдообъективности. Человек больше похож на симфонию, чем на картину - он процесс, а не вещь. И сама Вселенная - это процесс, а не вещь. Ученым будущего придется ориентироваться скорее во времени, чем в пространстве. Когда это произойдет, мы поймем, что Вселенная управляется живыми энергиями, а не физическими силами, и что ее основные процессы

они ближе к магии, чем к науке.

Это было благородное и впечатляющее видение, и неудивительно , что Шарлотта пришла к убеждению, что она является одним из величайших умов двадцатого века. После изучения теории относительности и квантовой теории, она объявила, что обнаружила логическую ошибку, присущую им обоим. “Теперь я в состоянии доказать свою теорию с помощью От А до Я, неопровержимо и вне всяких разумных сомнений - действительно, сомнительно, что моя теория может быть опровергнута в ближайшее время достойное будущее…’ Как только она убедилась, что это противостояние мужского и женского начал является движущей силой эволюции, она начала видеть это повсюду - ее последней работой стала обширная машинописная статья об эволюции письменности, в которой она намеревается продемонстрировать, что А и В - символы мужского и женского начала, и все остальные буквы, особенно китайские, могут быть истолкованы как символические выражения конфликта между мужчиной и женщиной. Она даже пришла к выводу , что ее теория доказывает, что время имеет сферическую форму и десять измерений.

И все же я должен признаться, что, несмотря на мое восхищение, я оказался не в состоянии принять теорию эволюции Шарлотты. Когда в середине 1970-х годов она решила основать Институт этологии человека и читать лекции на эту тему в Лондонском политехническом институте, она спросила меня, может ли она использовать мое имя в качестве спонсора на своем фирменном бланке.

Я глубоко вздохнул и сказал ей, что, по моему мнению, ее основная идея просто не соответствует действительности. Я ожидал взрыва ярости и немедленного отлучения от церкви. На самом деле, она ответила, что не возражает, если я не соглашусь с ее идеями, при условии, что я соглашусь с тем, что они заслуживают более широкой известности. Поскольку я мог спокойно согласиться с этим утверждением в конце концов, я стал спонсором Института этологии человека.

Мне с самого начала казалось, что слабое место в Теория Шарлотты заключалась в том, что она делала упор на трансвестизм. Мое первое признание осознание того, что она не знает, о чем говорит, пришло, когда она написала мне, что прочитала мой роман “Ритуал в темноте” и что она распознала элемент фетишизма нижнего белья, который доказал

что я, по сути, трансвестит. Я нахожу это абсурдным. Если женское нижнее белье и возбуждало меня, то не потому, что я хотела в него одеваться, и уж тем более не для того, чтобы стать женщиной. Это было просто потому , что это отражало “запретную” природу “вечной женственности”. Однажды я спросила подругу, почему, по ее мнению, я нахожу ее трусики возбуждающими, и она поразила меня простотой своего ответа: - Потому что они ассоциируются с этой частью тела. - На мгновение Я поймал себя на том, что задаюсь вопросом, была ли она невероятно умной или я был невероятно глупым.

Для Шарлотты фетишизм в одежде проявился в желании принадлежать к противоположному полу. Мне это объяснение показалось более простым. В неестественных условиях цивилизации сексуальное влечение искусственно усиливается. (Обезьяны в зоопарках постоянно занимаются сексом; в природе они кажутся относительно равнодушными к этому.) Большинство молодых людей готовы к сексу задолго до того, как у них появляется возможность попробовать его, поэтому интенсивность желания “выплескивается” на объекты, связанные с ним. (В этом отношении Шарлотта была права: отклонения - это действия по

вытеснению.) Д-р Джонсон всегда ел как свинья и рассыпал еду себе на рубашку; он сказал миссис Трэйл, что это из -за того, что в студенческие годы он был полуголодным и теперь не мог быть умеренным в еде. Но если бы Джонсону сказали, что его зверский аппетит был вызван желанием превратиться в бифштекс, он бы презрительно фыркнул.

Однако, с другой стороны, доктор Джонсон действительно становится бифштексом - или , по крайней мере, бифштекс становится частью доктора Джонсона. На симпозиуме, Платон замечает, что изначально мужчины и женщины были половинками единого существа, которое боги разделили надвое, чтобы оно не стало слишком могущественным; теперь мы все блуждаем в поисках своей “второй половины’. Когда мужчина держит женщину в своих объятиях, он испытывает желание поглотить ее, слиться с ней воедино, и фактическое проникновение в ее тело - это всего лишь символический союз. Но поглощение и смешивание - это совсем не то же самое, что превращение, как мы можем видеть в случае с бифштексом. Мне показалось, что Шарлотта допустила элементарную ошибку в своих рассуждениях.

Это понимание заставило меня усомниться в других основных элементах ее теории. Правда ли, что все действия по вытеснению, имеющие эволюционное значение, на самом деле являются отклоняющимися моделями сексуального поведения, и что все средства социального освобождения у нашего вида произошли от этих моделей? Представьте себе список средств социального освобождения: улыбка, подмигивание, вздох, стон

Шарлотта и тайны эволюции скука, взгляд смущения или недоумения (что вызывает другие люди, чтобы спросить, если они могут быть полезны), комментарий к погода … Трудно понять, как эти зародились в сексуальных Деви трации. Правда ли, что самец зебрового вьюрка “превращается” в самку , когда исполняет танец ухаживания за самкой? Более вероятно, что он просто пытается напомнить ей о том, что она должна делать, а также пытается развеять свое собственное разочарование.

Но это не значит, что эти ошибки - если это действительно так - опровергают ее теорию. Мне кажется, что ее понимание эволюции человека в корне верно. Согласно Дарвину, человек поднялся по эволюционной лестнице под давлением окружающей среды. позиция; голод и нищета подталкивали его снизу. Очевидно , что в какой-то степени это правда. Но Шарлотта понимала, что его также “заманивали” сверху, под давлением желания того, что можно было бы назвать “идеальным сексуальным опытом’. Все мы замечаем, что реальность полового акта далека от совершенства, но это не убеждает нас в том, что секс - это сильно переоцененное занятие. Каждый раз , когда мужчина видит, как симпатичная девушка подтягивает чулок, он видит то, что можно было бы назвать “первобытным сексуальным видением”. К сожалению, между этим первобытным видением и самым обычным сексуальным опытом существует определенное несоответствие. Но она танцует перед нами, как о-о-клок, заманивая нас в измученном усилий. Это может привести романисты чтобы писать романы, поэты пишут стихи, а музыканты, чтобы написать symphon x годов. (Чарльз Кехлин даже посвятил симфонию своей любимой Голливудские звезды - пример влияния сексуального идеала на музыку.) Это, безусловно, подтолкнуло Карла Хайду к созданию своей эволюционной теории, а также к тому, чтобы одеваться в женскую одежду. Так что, действительно ли его Правильность теории о транссексуальности, возможно, не так важна, как кажется.

Эта теория о “первичном сексуальном видении” и проблеме его достижения проходит через весь роман “Фиона”. В первой сцене в спальне Грегори Блейз собирается соблазнить замужнюю женщину по имени Нора (как правило, это жена полковника).

Не прошло и нескольких минут, как он уже сидел на покрытом ковром полу… Нора сидела на низком стуле рядом с ним, из проигрывателя звучала приторная мелодия Фрэнка Синатры, а его рука была у нее под юбкой, ощущая теплую и в то же время прохладную плоть между верхом ее чулок и брюками. Щель между чулком и брюками была узкой, и кончики его пальцев со странным трепетом нащупали скользкие нейлоновые трусики. Судя по всему, он одержал победу, но между ними не было настоящей связи…

Неудачники.

Он доводит эту мысль до конца.:

Все еще держа левую руку под головой Норы, продолжая крепко целовать ее, он расстегнул молнию на ее платье и задрал юбку выше талии.

В этот момент Нора сказала с очень милой улыбкой, которая была чуть -чуть чересчур застенчивой:

“Подождите минутку, пожалуйста’.

Она протянула руку, взяла с дивана еще две подушки, подложила их под себя и, не вставая, молниеносным движением выскользнула из платья . Затем, перевернувшись на другой бок, она положила платье на пол, разгладила его, подвернув рукава как следует, чтобы оно не помялось…

Несколько абзацев спустя:

Он осторожно опустился на тело Норы сверху. Ее ноги раздвинулись, колени выгнулись вверх. Он почувствовал, как его пенис коснулся светлых волос на лобке, которые мгновение назад казались непристойными, но теперь возбуждали. Его телом управляли желания плоти, все остальное казалось второстепенным. Его вес приходился на левый локоть, левая рука лежала под Лопатки Норы. Его правая рука скользнула вниз, мимо ее бедра, под колено, намереваясь дотронуться своим пенисом до маленького розового пятнышка среди светлых волос на лобке. Но рука Норы уже была там и делала это. В этот момент он с ужасом осознал тот момент в ресторане [внизу], когда Нора снимала перчатки, обнажая натруженные от работы по дому кончики пальцев…

В более поздней сцене занятия любовью с Фионой все еще ясно, что его герой - мужчина, которого возбуждает нижнее белье:

Сняв с себя платье, Фиона села на матрас, оставшись в одном лифчике, поясе для подтяжек, брюках и чулках. Грегори выпрямился, глядя на нее сверху вниз во весь свой рост. У него возникло слабое желание помочь ей раздеться дальше, как он делал это в бесчисленных других случаях с другими женщинами. Его фетишистские наклонности обычно вызывали у него при этом

дополнительный трепет. Или, в качестве альтернативы, попросите ее больше не раздеваться, так как ощущение гладкого скользкого нейлона с живой, движущейся плотью под ним вызывает большее возбуждение, чем ее обнаженное тело.

Но хотя описание занятий любовью с Фионой такое же точное и клиническое, как и с Норой (“Вдох и выдох, вдох и выдох, вдох и выдох…”), Грегори теперь находит это совершенно удовлетворительным. Почему? Потому что “она искала мужчину. Мужчину с большой буквы… У нее был

Шарлотта и “Тайны эволюции ” выбрали его, потому что она чувствовала, что он мужчина. Это заставляло его чувствовать

больше похож на Мужчину.’ ,

Это звучит необычно в устах человека, который решил одеваться и вести себя как женщина. Это показывает, что навязчивый донжуанизм был попыткой повысить его самооценку, чтобы стабилизировать его чувство идентичности. Но неудача во всех его отношениях с женщинами показывает, что это было безуспешно.

Фиона раскрывает еще один важный аспект характера Карла Хайду: его преступные наклонности. Поскольку Фиона вызывает восхищение публики, Блейз использует ее как мать-исповедницу, уверенную в мгновенном прощении. В какой-то момент он рассказывает ей, как в конце войны вышел на улицу после наступления комендантского часа и был остановлен солдатом-подростком лет пятнадцати. Солдат предложил отвести его на гауптвахту для проверки. Его документы были в порядке, и можно было не сомневаться , что через полчаса его освободят. Но его раздражало, как этот крестьянин обращался к нему, дворянину и офицеру; итак, когда мальчик сделал несколько шагов перед ним - это показывает, каким он был глупым ребенком - он даже не обезоружил меня - Блейз выхватил пистолет и выстрелил ему в

затылок. ‘С тех пор я часто задавалась вопросом, зачем я это сделала”. Фиона нежно говорит, что он, должно быть , испытывал угрызения совести, и он отвечает: “Нет, это никогда не беспокоило меня так сильно’. Фиона чувствует себя сбитой с толку; она знает его как доброго и деликатного человека, и это не вписывается в общую картину. Почти наверняка именно по этой причине Хайду включил этот анекдот в роман - как еще одну иллюстрацию того, какой он сложный и увлекательный человек . Шарлотта рассказала Делле Александер, что застрелила солдата, который собирался “продать” ее, поэтому разумно предположить, что

анекдот правдив.

У Блейза есть еще одно признание, которое, в своем роде, еще более показательно. Он показывает Фионе бумажник и признается, что украл его. Он зашел в магазин, чтобы купить такой же; тот, который он хотел , стоил примерно на фунт дороже, чем он собирался заплатить, поэтому он сунул его в карман. Он признает, что фунт был пустяковой суммой, но говорит, что был доволен собой за то, что так ловко украл его. Рассказывая ей об этом, он заливается слезами, и Фиона снова задумывается о том, что произошло.

у него странный и сложный характер… …

Итак, Карл Хайду обладал элементарными криминальными наклонностями. Как и всякая настоящая преступность, она возникла из маниакального эгоизма, одержимости самим собой, из-за которой другие люди казались ему относительно неважными.

Я

Неудачники

Однажды, когда я пригласил Шарлотту на ланч в Кэмден-Таун, мы зашли в ее типографию, и меня представили приятному

мужчине , который, очевидно, относился к ней с некоторым благоговением. После ее смерти один из ее подписчиков рассказал мне, что она хвасталась, что никогда не заходила в типографию без того, чтобы не украсть какую-нибудь мелочь. Делла Александер рассказала, как Шарлотта воровала в больших магазинах. Но это не было простой магазинной кражей - это было бы недостаточно сложно . Она просматривала какие-то вещи - скажем, бюстгальтеры - и прятала одну из них - любую - под пальто. Позже она возвращалась в магазин и объясняла продавщице, что купила его накануне, но обнаружила, что он не того размера - не могла бы она его поменять ? Когда у нее спрашивали квитанцию, она объясняла, что потеряла ее, и изображала такую беспомощность и некомпетентность, что продавщица неизменно позволяла ей выбрать нужную.

В своих письмах и биографических описаниях “Шарлотты” она часто, кажется, лжет совершенно без необходимости - в том, что один из персонажей Шоу называет “экстазом лживости’. В письме к эксперту по генетике она описывает, как трансвеститы иногда совершают неподобающие поступки. эти жесты можно перенять у “скажем, актрисы на экране, или у подруги, или еще у кого-нибудь - возможно, даже у меня…”, и можно почти услышать, как Карл Хайду хихикает про себя.

Типичным преступникам не хватает того, что Дэвид Рисман называет внутренней прямотой. они, как правило, слабаки, которые идут по пути наименьшего сопротивления и воруют, потому что это кажется очевидным кратчайшим путем к получению того, чего они хотят. Но проблема преступности в том, что отношения с другими людьми никогда не могут быть по-настоящему нормальными - за исключением, пожалуй, других мошенников. Другие люди - потенциальные жертвы. В результате, как отмечает Сартр в своей книге о Жене, преступник остается преступником, потому что чувствует себя виноватым. Поскольку Шарлотта , похоже, всю жизнь страдала клептоманкой и мелкой мошенницей, мы сталкиваемся с удивительным противоречием между высокомерным, грубым создателем теории эволюции транссексуалов и неисправимой воровкой. Но затем она с триумфом вписывает противоречие в свою собственную теорию, указывая на то, что человек - это неотонический (и, следовательно , незрелый) вид, и в этом его особая заслуга. Чувство вины , связанное с сексуальными отклонениями, является двигателем эволюции. Что касается возражения о том, что она трансвеститка и что, согласно ее теории, трансвеститы являются эволюционным тупиком, она могла бы ответить , что ее создание

сексуальной теории делает ее особым случаем; она

Шарлотта и “Тайны эволюции ” использовали ее трансвестизм, чтобы понять суть ее трансвестизма, а затем использовали это понимание как основу теории, потрясшей мир. Как и основательница религии, она была уникальной в своем роде.

Но было бы жаль позволить ей уйти с этим куском пр Интеллектуальная ловкость рук. Для уголовного подряд является реальным ключом к Герой Карл Хайду это. Напрашивается очевидное сравнение с Достоевским, которого его биографы подозревают в пожизненном чувстве вины за изнасилование несовершеннолетней девочки. Достоевский уделяет так много внимания стыду и вине, что естественно заподозрить его в каком-то тщательно скрываемом сексуальном отклонении, возможно, в педофилии. В “Идиоте” есть глава , где на чаепитии все герои решают признаться в самом постыдном поступке, который они когда-либо совершали. В скрытой главе из “Бесноватые” назывались “Исповедь Ставрогина”, “Плейбой” от Byromc Ставрогин описывает, как однажды он украл деньги у бедного клерка, пытаясь понять, сможет ли тот испытать стыд. Ставрогин также описывает, как он соблазнил маленькую девочку, а затем не предпринял никаких попыток помешать ей повеситься. Свидригайлов, персонаж “Преступления и наказания”, также изнасиловал маленькую девочку, которая затем покончила с собой. Достоевский, похоже, прямо-таки упивался стыдом - его вторая жена рассказывала, как он занимал у нее последние несколько копеек, а потом шел и проигрывал их. Герой его романа записывает из Андеграунд также извлекает пользу из этой склонности к слабости и самопротиворечию; он заявляет, что если однажды наука сведет вселенную к абсолютно логичному месту, то человек сойдет с ума , если повернется спиной к логике. - Я верю в это, потому что, похоже , вся цель человека - доказать, что он мужчина, а не шестеренка. Поэтому , если от него ожидают, что он будет вести себя с благодарностью или порядочностью, он намеренно проявит неблагодарность и подлость, чтобы отстоять свою свободу. Но, по крайней мере, Достоевский использовал все эти чувства вины, стыда и внутреннего противоречия, чтобы создать такие шедевры, как

“Преступление и наказание” “Мент” и “Братья Карамазовы”. Он, кажется, является идеальной иллюстрацией теории Шарлотты об эволюции через внутренний конфликт.

У самого Хайду была готовая причина для пожизненного стыда за свою клептоманию и сексуальные отклонения. Подобно Достоевскому, он использовал чувство вины и раздвоение личности в качестве материала для творчества. И все же, хотя он считает творца и шамана высшими достижениями эволюции, в его главном творении, докторе Шарлотте, есть элемент абсурда Мария Беатрикс Августа Бах, доктор философии. Он, должно быть, осознавал определенный элемент абсурда, когда готовился принять свою обожаемую

ученики, которые относились к нему скорее так, как относились теософы Мадам Блаватская, надевая груди из поролона и влезая в трусики большого размера. Должно быть, он чувствовал, что опустился до уровня вечеринки “болтливых девчонок”, которую они с Деллой Александер посетили на Уимблдоне… на самом деле так оно и было. Однако затем он продолжал читать ученикам лекции об основополагающей двойственности мужского и женского начал во всем творении и убеждал извращенцев и девиантов в том, что сексуальные отклонения являются движущей силой творения.

Очевидно, он был неправ. Но каков был реальный ответ? Это была проблема, решение которой продолжало ускользать от меня.

В 1978 году я изложил теорию эволюции Шарлотты в своей книге “Тайны”. Она была немного недовольна этим - очевидно , считала, что восьми страниц недостаточно, чтобы выразить ее идеи в полной мере, - но была довольна тем, что книга была размножена десятками экземпляров и переплетена в твердую обложку. “Детективы” вышли в десятке или около того зарубежных изданий и способствовали распространению ее репутации за рубежом, но я чувствовал, что она была разочарована относительно мягким откликом - она надеялась , что ее завалят корреспонденцией со всего мира. Шарлотта

торопилась. Я думаю, что отсутствие всемирной известности было для нее занозой в заднице, о которой она редко забывала, и, возможно, это способствовало развитию рака печени, который в конце концов убил ее. Но, с другой стороны, это был ее “секрет”, который действительно убил ее. Она, должно быть, понимала, что если добьется той славы, о которой мечтала, то больше не сможет дурачить мир. И когда за несколько месяцев до смерти она начала подозревать, что у нее рак, она, должно быть, приняла сознательное решение не позволять никому из своих друзей-медиков, которых у нее было несколько, обследовать ее. Таким образом, ее смерть следует рассматривать как своего рода самоубийство.

Когда Делла Александер прочитала мою главу в “Тайнах”, она прокомментировала : “Колин Уилсон будет в ярости, когда узнает”, и Шарлотта небрежно заметила: “О, я не думаю, что он будет возражать”. “Она была права, мне просто было очень любопытно. И когда один из ее душеприказчиков прислал мне машинописный текст “Фионы” и несколько автобиографических фрагментов, я жадно прочел их в поисках ключа к тайне.

Читая “Фиону”, я убедился, что видение Хайду значения секса в принципе не отличается от моего собственного. В сцене с Фионой, когда они занимались любовью, была фраза: “Они были

F

Шарлотта и “Тайны эволюции ” глубоко засовывают языки друг другу в рот, словно пытаясь проникнуть до конца.проникают друг в друга.’ Было очевидно, что это не означало, что Блейз хотел стать Фионой и наоборот; они хотели оставаться самими собой, впитывая в себя какую-то существенную часть другого. И снова это был доктор Джонсон и бифштекс. Блейк понимал это: то, что “действительно требуется мужчинам в женщинах”, - это “черты удовлетворенного желания’. И когда он лежит на Фионе, “двигаясь медленно и долгими движениями, ритмично приподнимая и опуская ягодицы, наслаждаясь каждым движением”, он на самом деле наслаждается своей сексуальной победой над ней, а не своим желанием стать ею. Двадцать четыре часа назад она была незнакомкой в баре; теперь она лежит под ним обнаженная, а ее одежда валяется в нескольких футах от него на ковре. Он может сказать себе, что он в большей степени Мужчина , чем думал, что он не совсем тот бесцельный бродяга, которого он привык подозревать. Он также может сказать себе, что жизнь сама по себе более богата и увлекательна, чем он предполагал, что усилия, бдительность и решительность стоят того, и что судьба, возможно , еще уготовила ему какое-то важное предназначение.

Это напоминает замечание доктора Джонсона о том, что когда мужчина знает, что через две недели его повесят, это чудесным образом концентрирует его разум. Секс также чудесным образом концентрирует разум, и именно поэтому цивилизованный человек так одержим им. Это позволяет ему “наслаждаться каждой частичкой дюйма” не только в процессе полового акта, но и в самой жизни.

Но это, конечно, только подчеркивает основную проблему: после полового акта мужчине становится грустно, потому что он быстро возвращается к своему рассеянному состоянию. В состоянии сексуального возбуждения как будто сам дух возбуждается и обретает способность проникать в смысл жизни. Нормальное сознание вялое и ненадежное, его отношение к реальности защитное. Это то, что Сартр называл ‘случайность” - это ощущение того, что ты находишься во власти случая. И это проблема, которую в “Постороннем” я назвал “первородным грехом’. Бесконечные сексуальные контакты Блейза - это попытка

избавиться от чувства случайности.

И то же самое, как я понял, относилось и к его преступной деятельности. Он понятия не имел, что заставило его выстрелить пятнадцатилетнему мальчику в затылок или украсть бумажник, когда он мог бы с такой же легкостью заплатить за это. А Шарлотта, похоже, понятия не имела, зачем она пошла воровать в магазин (“Почему, о, почему я ворую?”) или почему она вообще украла из своего принтера,

от чьей доброй воли она так сильно зависела. Это было потому, что преступление, как и секс, вызывало волнующее возбуждение, которое заставляло ее чувствовать себя сильной и целеустремленной.

В этих размышлениях был привкус чего-то знакомого; я где-то сталкивалась с ними раньше. Может быть, у Достоевского? Или Жене? И тут меня осенило: не у Достоевского или Жене, а в том единственном учебнике криминологии, у маркиза де Сада. И чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что Де Сад представляет собой вызов, которого Шарлотта намеренно избегала. Ни один писатель не позволяет нам более ясно понять природу и цели сексуальных извращений. И то, что он хочет сказать, как мы увидим, прямо противоречит теории сексуальных отклонений Шарлотты Бах.

3. Воплощение анархии

Если судить по его произведениям, маркиз де Сад, несомненно , самый злой человек из когда-либо живших; они полны

изнасилований, пыток, увечий и убийств, совершаемых исключительно для ублажения его героев. Он способен описать детей, с которых заживо сдирают кожу, мучения целой семьи, вынужденной наблюдать за страданиями друг друга, смерть женщины, разорванной надвое половым членом осла. Кажется, нет такого избытка тошнотворного ужаса, который он не смог бы описать с восторгом. Итак, когда читатель узнает, что он провел двадцать восемь лет своей жизни в тюрьме и умер в психиатрической лечебнице, он понимает, что это не так. в таком случае естественная реакция - пробормотать: “Так ему и надо”.

Становится неожиданностью узнать, что это воплощение зла на самом деле никогда не совершало убийств - или каких-либо других преступлений - и что его тюремное заключение было вопиющей несправедливостью. Этот человек, чье воображение было способно на такие мерзости, нравился мужчинам, его любили женщины и даже уважали представители закона, которые пришли его арестовывать. Френолог , исследовавший его череп после смерти, сказал, что на нем была заметная выпуклость , свидетельствующая о благожелательности, и что он отнюдь не указывал на криминальные черты, а был “во всех отношениях похож на отца Церкви’.

По мере того, как стали всплывать факты из его жизни, наметилась сильная тенденция к реабилитации де Сада. Симона де Бовуар написала эссе под названием “Должны ли мы сжечь де Сада?”, и ответ, как и следовало ожидать, был отрицательным. Роман о нем называется “Святой сатаны”. Поэт Аполлинер описал его как “самого свободного человека, который когда-либо жил”; но любой, кто когда-либо работал над “120 днями Содома ” или “Джульеттой”, должен будет признать, что это чепуха. Чтобы оценить де Сада с худшей стороны, достаточно прочитать заключительные сцены оргии в “Джульетте”, в которых мать наблюдает, как ее любовник насилует ее маленькую дочь, а затем одобрительно кричит и мастурбирует сама, бросая ребенка в огонь и наблюдая за этим

она задралась насмерть. “Свободный духом” Де Сад или нет, но он, несомненно , был невероятно порочным и неприятным персонажем, и защитники, которые говорят о его мученичестве, - сентиментальные эгоисты.

Не лучше ли в таком случае не обращать на него внимания? Ответ должен быть отрицательным; ценность де Сада заключается в абсолютной прямоте его истории болезни. Никто не может дать нам более ясного представления о причинах и развитии сексуальных отклонений. Чтобы понять, почему де Сад стал самым страшным “психическим преступником” всех времен, нужно понять нечто фундаментальное о природе человека и его сексуальном влечении.

Донатьен Альфонс Франсуа де Сад родился 2 июня 1740 года. Его отец был графом на дипломатической службе, мать - фрейлиной принцессы де Конде, и детство де Сада прошло в роскошном отеле “Де Конде”. Здесь он воспитывался практически в окружении слуг, почти не получая любви ни от одного из родителей - факт, которому его биографы приписывают развитие некоторых из его самых неприятных черт. Он, несомненно, был избалованным ребенком, признаваясь в одном, вероятно, автобиографическом отрывке: “Как только я начал думать, я поверил, что природа и фортуна объединились, чтобы осыпать мои колени своими дарами… Мне казалось, что все должно подчиняться мне, что вся вселенная должна потакать моим прихотям…” И к тому времени, когда он избавился от этого заблуждения - после того, как его бросили в тюрьму, - он был слишком стар, чтобы меняться, и продолжал создавать ментальную вселенную, которая должна была потакать всем моим прихотям. его капризы. В возрасте девяти лет его отправили в иезуитскую школу-интернат, где он научился ненавидеть религию. В пятнадцать лет он пошел в армию, где тратил непомерную сумму своих карманных денег на проституток и ухаживал за молодыми актрисами.

Но никто не знает, где он приобрел свою главную манию - пожизненную одержимость причинением боли и страданиями от нее. Следует признать, что это было довольно распространено в восемнадцатом веке, когда в каждом публичном доме комната была уставлена березовыми розгами и инструментами для связывания. В своей книге “Сексуальная жизнь в Англии” Иван Блох отмечает, что англичане были настолько увлечены поркой, что на континенте ее называли “английским пороком”. Блох несколько туманно объясняет, что ‘бичевание совокупление - это

имитация и сознательный синтез всех физиологических садистских компонентов полового акта", - под этим он подразумевает, что это настолько похоже на половой акт, что его легко можно перепутать с ним. Хиршфельд , кажется, ближе к истине, когда говорит, что бичевание - это просто преувеличенная версия нормальной мужской сексуальной агрессии.

r

Воплощение анархии И он подкрепляет свой аргумент, приводя случай с мужчиной, который пристрастился к розгам, когда был застигнут за мастурбацией гувернанткой-садисткой, которая затем била его тростью по голым ягодицам. - Это обожгло мою задницу, как огонь, но в то же время так приятно покалывало, так восхитительно. И все дело было в ударах; никогда еще нам не было так приятно мастурбировать… Позже я заметил , что руки гувернантки во время моих, теперь уже регулярных, наказаний часто скользили у меня между ног и оставались там.' Это подчеркивает тот факт, что секс может ассоциироваться со всем, что постоянно вызывает его в памяти, - как у собаки Павлова при звуке колокольчика.

По какой-то причине молодой де Сад стал ассоциироваться с хлыстом. впадал в сексуальный экстаз и всякий раз, когда посещал бордели, имел обыкновение просить девушек позволить ему отхлестать их по голым задницам и просить их сделать то же самое для него. Также, по-видимому , на ранней стадии у него развилось пристрастие к содомии со своими сексуальными партнерами, без сомнения, потому, что это было более "запрещено", чем вагинальный половой акт. Очевидно, он был очень сексуальным молодым человеком и, как и большинство молодых людей, был бы рад лишить девственности каждую девственницу в мире. Долгие периоды казарменной жизни привели к тому, что, когда он наконец добрался до города, он был готов к оргии. А поскольку он был не только садистом, но и мазохистом, стремление к содомии сопровождалось желанием подвергнуться содомии, а также быть избитым. Похоже, он находил величайшее удовольствие в том, чтобы заниматься содомией в тот момент, когда его подвергали содомии, - подвиг, который, должно быть, требовал замечательного выбора времени.

Но самым странным его "извращением" - и именно оно было истинным корнем его беды - была патологическая ненависть к религии. Опять же, мы не знаем, почему он так сильно ненавидел это, но если предположить, что его психологической отправной точкой было ощущение, что "все должно подчиняться мне, и что вся вселенная должна потакать моим прихотям", мы также можем увидеть, что его строгая иезуитская школа-интернат, где он учился подъем в 5.30 утра, должно быть, стал первым и самым сильным потрясением для его чувства неуязвимости. Какой бы ни была причина, очевидно , что что-то вызвало в нем жгучее

негодование, которое превратило его в одного из самых изобретательных богохульников всех времен.

Первое столкновение с законом у Де Сада произошло, когда ему было двадцать три года; на самом деле, это произошло с самим королем. В октябре 1763 года де Сад через сводню нанял двадцатилетнюю мастерицу по изготовлению вееров по имени Жанна Тестар. Молодой человек приятной наружности,

ростом чуть больше пяти футов, с лицом, изрытым оспой, он начал с того, что спросил, верит ли она в Бога, и, когда она ответила, что она Христианин, он ответил ‘оскорблениями и ужасными богохульствами’. Он заявил, что доказал отсутствие Бога, совершив святотатственные действия, такие как введение облатки для причастия во влагалище девушки перед половым актом, а затем призвал Бога отомстить Себя. После этого де Сад мастурбировал на распятие, затем направил пистолет на девушку и заставил ее топтать распятие, произнося богохульства. Затем он провел ночь, читая ей атеистические стихи - должно быть, ей было ужасно скучно - и пытаясь убедить ее принять содомию. Наконец, он заставил ее пообещать причаститься вместе с ним в следующее воскресенье, чтобы они могли осквернить ее внутренности. Затем он ушел.

Жанна немедленно рассказала о случившемся сводниче , которая приехала за ней, а та, в свою очередь, сообщила об этом в полицию. В то время богохульство каралось смертной казнью. Де Сад был арестован и доставлен в Фонтенбло, где его допрашивал министр королевского двора - Людовик XV проявлял почти болезненный интерес к делам своих подданных, - а затем он был заключен на две недели в государственную крепость в Венсенне. Де Сад был достаточно молод, чтобы поверить, что Бог принял его вызов, и он написал покаянные письма; когда его отец заступился за него, он был освобожден, но сослан в деревню.

На момент своего заключения де Сад был женат уже шесть месяцев. Его невеста, Рене-Пелажи де Монтрей, была дочерью недавно получившего дворянское звание сборщика налогов и,

следовательно,, строго говоря, принадлежала к буржуазии. Он был вынужден жениться на ней по своей отец, у которого плохой менеджмент был причиной своего состояния, чтобы испарить быстро; де Сада это совсем не нравилось.

Через шесть месяцев после его заключения, мадам де Сад стал бере Нант. Но как только король отозвал свой приказ об изгнании, де Сад примчался в Париж и завел роман с актрисой. Когда его теща, Мари-Мадлен де Монтрей, узнала об этом, она повела себя на удивление сдержанно, позволила молодому человеку довериться ей и прекратила роман, убедив его , что девушка его обманывает. Большинство биографов де Сада, похоже , сходятся во мнении, что ее привлек зять, или, возможно, она была просто ослеплена его титулом. Во всяком случае, в течение многих лет она проявляла удивительную терпимость к его бесконечным сексуальным выходкам. Де

Воплощение анархии

Сад вскоре нашел себе другую актрису, у которой занял крупную сумму денег, чтобы расплатиться с долгами, и снял дом в парижском пригороде Арсей, где он мог развлекать проституток.

Его пристрастия неизбежно снова привели его к конфликту с законом. В пасхальное воскресенье 1768 года он подобрал нищенку по имени Роза Келлер в Париже и уговорил ее поехать с ним в его арендованный дом, заявив, что хочет, чтобы она там убралась. Оказавшись там, он приказал ей раздеться, связал ее по рукам и ногам и начал избивать кнутом. Когда она закричала, решив, что ее вот-вот убьют, он пригрозил ей ножом. Наконец, “с громкими и ужасающими криками” он испытал оргазм, а затем развязал ее. Позже она сбежала, выбравшись из окна спальни с помощью связанных простыней, и сообщила о нем в полицию. И снова вмешалась теща де Сада , прислав адвоката, чтобы тот откупился от девушки за 2400 ливров это огромная сумма. Но закон уже пришел в движение, и несколько недель спустя де Сад был арестован и заключен в замок Сомюр. На этот раз его освободили только через шесть месяцев.

В течение следующих трех лет де Сад держался подальше от

неприятностей; он вернулся в свой полк и проводил много времени в доме своих предков, замке де ла Кост, недалеко от Авиньона - к тому времени его отец умер, и Сад унаследовал его титул графа. Он развлекался тем, что писал и ставил пьесы, пытался соблазнить привлекательную младшую сестру своей жены Анну - канониссу (монахиню-подмастерье) и нанимал слугу по имени Латур для содомии с ним. Но он жаждал оргий и в середине июня 1772 года отправился со своим слугой в Марсель, Остен якобы для того, чтобы собрать деньги, а на самом деле для того, чтобы завести короткую интрижку с проститутками. Он взял с собой банку анисовых конфет, в которые добавил шпанскую мушку - афродизиак. На следующий день после его приезда его слуга подобрал четырех девушек в возрасте от восемнадцати до двадцати трех лет, и де Сад и Латур отправились в дом одной из них. Там де Сад отхлестал восемнадцатилетнего юношу, пока тот мастурбировал Латур, а затем угостил ее сладостями. Затем он попросил одну из девушек отхлестать его веником, после чего вступил с ней в вагинальный половой акт, в то время как его слуга занимался с ним содомией. После этого слуга вступил в половую связь с другой девушкой, после чего де Сад выпорол ее. Наконец, де Сад совершил содомию с одной из девушек, в то время как его камердинер совершил содомию с ним. Затем Де Сад заплатил им и ушел.

В тот вечер он совершил ошибку, посетив другую проститутку

и угощал ее сладостями; она отказалась разрешить ему содомию, и он ушел. На следующий день де Сад и Латур вернулись домой; однако к этому времени проститутку сильно тошнило, и ее рвало кровью и черной желчью. Врач, который осматривал ее, заподозрил отравление мышьяком и вызвал полицию. Вскоре были найдены и другие женщины; у одной из них после употребления сладостей также начались сильные боли в животе . Она также призналась в содомии, за которую полагается повешение. И когда де Сад услышал, что выдан ордер на его арест, он бежал из Ла-Косте, взяв с собой своего слугу и младшую сестру своей жены Анну, монахиню-подмастерье.

Для тещи де Сада это стало последней каплей; сбежав со своей невесткой, он нанес непоправимый ущерб чести семьи . Поэтому, когда де Сад вернулся из Италии и снял дом в Шамбери - тогда это было итальянское герцогство Савойское, - она обратилась к королю Сардинии с просьбой выдать ордер на его арест. (К тому времени он был заочно приговорен к смертной казни). Де Сад и его слуга были взяты под стражу и заключены в тюрьму Форт-Миолан. Его многострадальная жена поддержала его, и четыре месяца спустя ей удалось организовать его побег. В конце концов, де Саду удалось вернуться во Францию и воссоединиться с ней в Ла-Косте. Как только его теща узнала об этом, она обратилась к королю Франции с просьбой выдать ей ордер на его тюремное заключение. Но, несмотря на несколько рейдов, полиции не удалось найти беглеца.

Мадам де Монтрей, возможно, решила бы оставить все как есть, если бы не очередной скандал. На этот раз де Сад нанял пятерых молодых служанок, всем им было около двадцати лет, и молодого секретаря-мужчину. Некоторых из них он избил так сильно, что им потребовалась госпитализация. Служанка по имени Нанон родила от него ребенка. Невероятно, но графиня де Сад в конце концов позволила себе присоединиться к оргиям, возможно, в попытке сохранить его любовь. Когда мадам де Монтрей узнала, что ее дочь также была развратной, она решили, что пора ее зять был постоянно incarcer ованные. В конце концов он был арестован в Париже в феврале 1777 года и должен был провести следующие тринадцать лет в тюрьме - несмотря на то, что Дело об отравлении в Марселе было рассмотрено повторно, и де Саду вынесли предупреждение. Королевский приказ о заключении под стражу отменил этот вердикт.

Для такого властного человека, как де Сад, заключение в Венсенне было настоящим кошмаром. Его бросили в маленькую, душную камеру, в которой

вентиляционные каналы были забиты, а пол покрыт толстым слоем пыли; он не мог спать по ночам, потому что по камере

бегали крысы и мыши. Ему запрещались физические упражнения и даже письменные принадлежности. Он то впадал в ярость и негодование, то впадал в отчаяние и жалость к себе. Прошло три года, прежде чем ему разрешили заниматься ежедневными физическими упражнениями. И в этот период произошел исторический Родился маркиз де Сад - человек, чье имя ассоциируется с садизмом

.

В первые годы своего пребывания в Венсенне де Сад тратил много энергии на эмоциональные взрывы; его записи полны обличений губернатора де Ружмона. В конце концов, он, похоже, понял , что ненависть - это пустая трата времени, и в канун Рождества 1780 года начал набрасывать комедию. (Он всегда страстно любил сцену). В мае 1781 года его невестка Анна умерла от оспы. Два месяца спустя его жене впервые разрешили навестить его. Но де Сад стал подвержен таким сильным приступам ревности, что в октябре визиты были приостановлены. Его эмоциональный мир становился все более бесплодным. И в июле следующего года он завершил первую из своих типично садеевских работ - “Диалог между “Священник и умирающий” - его первая и, во многих отношениях, самая ясная попытка выразить свою собственную философию разрушения.

На первых страницах книги раскрываются основные логические ошибки де Сада . Священник спрашивает умирающего, раскаивается ли он, и умирающий отвечает, что да, он раскаивается в том, что был настолько глуп, что тратил время на моральные угрызения совести, когда был послан в этот мир развлекаться. Природа наделила его страстями “для служения ей”, и он сожалеет, что не смог использовать их в полной мере. Далее он объясняет, что он атеист, и опровергает все доводы священника о благости Бога. Когда он высмеивает мысль о том, что Бог создал его исключительно для того, чтобы наказывать за желания, над которыми он не властен, священник резонно отвечает: “Но ты свободен”. “Только в соответствии со своими предрассудками, и они быстро разрушаются с помощью разума”. Стали бы люди совершать преступления, за которые, как они знают, их казнят, если бы у них была хоть какая-то свобода выбора? “Мы - пешки в руках непреодолимой силы, и ни на мгновение не в нашей власти сделать что-либо, кроме как подчиниться ей. Священник отвечает: “В таком случае, мы не

должны уклоняться от наихудшего из преступлений”, но - как ни странно - умирающий с этим не согласен. Пусть преступления наказываются по закону - это будет достаточным сдерживающим фактором. После чего он говорит умирающему:

священник узнает, что в соседней комнате ждут шесть красивых девушек, чтобы утешить его в последние часы, и предлагает ему выбрать. Невероятно, но священник принимает это предложение и в их объятиях превращается в человека, испорченного природой, потому что он был не в состоянии объяснить, что такое испорченная природа”.

Итак, аргументацию де Сада можно резюмировать следующим образом. Природа послала человека в этот мир исключительно для удовлетворения его желаний. Здесь нет Бог и нет свободы, поэтому у него нет выбора. Однако это явно противоречит самому себе. Если у человека нет выбора, то почему большинство людей сдерживают свои желания? В более поздних работах де Сад попытается ответить на это возражение: из-за страха. Те, кто обладает властью в мире, никогда не пытаются сдерживать свои желания: короли, судьи, архиепископы епископы - все они в полной мере потворствуют своим порокам. Но они проповедуют религию , чтобы держать бедных в узде. В мире де Сада нет таких понятий , как бескорыстие или истинная добродетель: только страх и самообман.

В феврале 1784 года де Сада перевезли из Венсенна в Бастилию. Он занимал комнату в Башне Свободы, которая, по иронии судьбы, была намного уютнее, чем его жилище в Винцене , и ему разрешалось завешивать стены яркими драпировками. Питание было трехразовым, и еда была вкусной. Графине де Сад снова разрешили навестить ее - теперь она жила в монастыре, чтобы успокоить патологическую ревность своего мужа. И именно в Бастилии де Сад начал писать свое первое произведение о преступной сексуальности “120 дней Содома”, которое он завершил в Ноябрь 1785 года.

“120 дней” - это, по сути, сексуальная мечта наяву,

мастурбационная фантазия мужчины, который долгое время был лишен секса; следует признать, что это самая настоящая сексуальная мечта наяву. Сюжет романа прост: четверо распутников (включая герцога, епископа и лорда-верховного судью) решают провести четыре месяца , систематически предаваясь всевозможным формам сексуального удовлетворения. Они наняли четырех мадам из борделя, чья работа заключается в том, чтобы обеспечить небольшую армию молодых людей и девушек - и некоторое количество детей - а также рассказывать истории из своего собственного жизненного опыта распутства. Также присутствуют четыре дочери the libertines, все из которых были лишены девственности - анально - в раннем возрасте своими собственными отцами, а затем выданы замуж за других членов группы, чтобы каждый мог продолжать пользоваться их благосклонностью. В начале своего повествования де Сад посвящает несколько страниц описанию привычек и преступлений местных жителей.

:\lr

распутники. Герцог де Бланжи, например, одно время занимался разбоем на большой дороге, во время которого насиловал всех привлекательных женщин - и мужчин, - а затем убивал их всех. Его брат, епископ, когда-то был назначен душеприказчиком по завещанию богатого человека и опекуном его сына и дочери; он быстро присвоил наследство, изнасиловал обоих детей, а затем убил их. Председатель суда обладает особенно садистским чувством юмора. Однажды он изо всех сил старался заполучить маленькую девочку, родители которой отвергли все его предложения. И вот он добился, чтобы мужа обвинили в вымышленном преступлении и приговорили к колесованию. Чтобы добиться освобождения своего мужа, мать привела свою дочь в дом президента в день казни, и президент устроил так, что во время казни он изнасиловал девочку, которую держала на руках ее мать , достигнув оргазма в тот момент, когда муж скончался. Затем ставни распахнулись, чтобы показать сцену казни, и мать с дочерью упали в глубокий обморок - чтобы

никогда не проснуться, потому что им дали яд, когда они прибыли на место. Варианты этой сцены были одной из любимых сексуальных фантазий де Сада и часто встречаются в его творчестве.

Далее, как отметил редактор де Сада Морис Гейне, следует чрезвычайно широкий перечень сексуальных отклонений. материалы, представленные с маниакальной точностью и тщательностью и занимающие сотни страниц. Все начинается довольно мягко: священник , для которого самое большое удовольствие - мастурбировать перед семилетними девочками, бормоча при этом непристойности, и другой священник, которому нравится, когда маленькие девочки мочатся ему в рот. Другой мужчина хочет сосать молоко из грудей кормящей матери, пока она мастурбирует ему на коленях. Примерно сотней страниц позже де Сад описывает мужчину , который достигает оргазма, слушая удары молотка, когда обнаженную девушку забивают гвоздями в гроб, и другого, который привязывает девушку к трупу “колено к колену, рот к рту” и бьет ее, пока он разряжается. За этим следуют разнообразные сцены убийств и увечий: во время насилия над жертвами им отрывают ноги и выкалывают глаза. Один извращенец получает удовольствие от того, что закапывает своих жертв заживо, а затем прижимается ухом к земле, прислушиваясь к их крикам. С детей сдирают кожу и поджаривают заживо, отцов заставляют насиловать своих дочерей, беременным женщинам вспарывают животы.

Интересно, что эти последние сцены в книге лишь в общих чертах, а не описаны подробно, что свидетельствует о том, что даже де

“Отверженные”

Сад не смог пережить все эти ужасы. Книга была написана на сорокафутовом рулоне бумаги мелким почерком и исчезла после штурма Бастилии, чтобы вновь появиться в Германии много лет спустя.

Де Сад избавлялся от всех сексуальных фантазий до тех пор, пока не испытывал психологического - и, без сомнения, физического -

истощения. Катарсис превратил его в художника - не очень хорошего , но все же художника. Научившись искусству творчества и избавившись от своих самых мрачных фантазий, он теперь был готов попробовать что-то более традиционное и сделать ставку на литературный успех. Очевидно, что о садистской порнографии не могло быть и речи физика. Вместо этого он позаимствовал основной сюжет “Клариссы” Ричардсона - об эгоцентричном повесе, который заманивает добродетельную девушку в бордель, а затем насилует ее - и превратил его в объемную работу под названием “Алина и Валкур”. В романе де Сада, Плейбой Ричардсона, ловелас, - это превращается в злой отец, следователь-де-Blamont, кто пожелания, чтобы заставить его дочери Алине выйти замуж за компаньона в разврат эры, финансист Dolburg. Судья де Бламон в конце концов отравляет свою жену, затем заманивает свою дочь в отдаленное загородное поместье , где лишает ее девственности, и она в отчаянии совершает самоубийство.

Де Сад ведет макиавеллиевскую игру. Все его симпатии, очевидно, на стороне злого отца, но он делает все возможное, чтобы убедить своих читателей, что Бламонт внушает ему ужас и что он твердо стоит на стороне добродетели. В книге необычайно много происшествий - особенно в рассказе об аморальной старшей сестре Алины, Леоноре, - но очевидно, что сердце де Сада на самом деле лежит не к этому.

Идея перенять нравоучительный тон Ричардсона и писать, не высовываясь, очень понравилась мрачному чувству юмора де Сада. Его следующей работой в этом направлении стал длинный рассказ под названием “Несчастья добродетели”, первоначально задуманный как часть сборника рассказов и басен. Это история невинной девушки по имени Жюстин, которая оказалась выброшенной в мир иной после банкротства своего отца и смерти матери. Через несколько страниц богатый банкир срывает с нее одежду, и только преждевременный оргазм спасает ее от изнасилования. Приговоренная к смертной казни за преступление, которого она не совершала, она сбегает и попадает в руки банды грабителей, которые совершают с ней различные извращенные половые акты, но оставляют ее девственность нетронутой. И так ее несчастья продолжаются.

Воплощение анархии

Она попадает в руки гомосексуалиста де Брессака, который заставляет ее посвятить его в свои планы по убийству матери и в конце концов возлагает вину на нее. Она проводит некоторое время в школе, где негодяй-учитель сексуально растлевает своих учеников и совершает инцест со своей дочерью, в конце концов клеймя Жюстину каленым железом. Она думает, что обрела безопасность в монастыре, но монахи оказываются распутниками; ее пороют, насилуют и заставляют делать минет. Там же она, наконец, теряет девственность - неизбежно, с максимальной болью. В конце истории, после долгих страданий, Жюстину спасает от несчастий ее сестра Джульетта, которая стала успешной куртизанкой, но как раз в тот момент, когда кажется, что она вот-вот будет жить долго и счастливо, она пытается закрыть окно во время грозы и погибает от вспышки молнии.

Де Саду так понравился этот короткий роман, что он решил расширить и переписать его; позже он стал его самым известным и популярным произведением.

В следующем, 1788 году, де Сад написал еще один короткий роман в своей “макиавеллиевской” манере. “Эжени де Франваль, или Несчастья инцеста” начинается словами: “Наставлять мужчину и исправлять его нравственность - такова единственная цель, которую мы ставим перед собой в этой истории…” Речь идет о другом порочном отце, который задумал развратить свою дочь и воспитывает ее, не имея ни малейшего представления о том, что такое инцест. религия или мораль. В день ее четырнадцатилетия он совершает с ней инцест. Вскоре Эжени становится такой же развращенной, как и он. Когда мать Эжени узнает об этом, наблюдая за тем, как ее муж и дочь занимаются любовью через дверную щель, она приходит в ярость. Ее муж уговаривает молодого распутника попытаться соблазнить ее, но у него ничего не получается. Эжени также не удается соблазнить добродетельного священника по имени Клервиль. Франваль сажает его в тюрьму по ложному обвинению. Когда молодой распутник пытается сбежать с Эжени, Франваль преследует их и убивает его. Наконец, когда умирает ее мать, Эжени раскаивается и умирает от разбитого сердца. Франваль также испытывает запоздалые угрызения совести, глядя на труп своей жены, и убивает себя.

Главный интерес этого нелепого фарса в том, что он заставляет читателя ясно осознать то, о чем он только подозревал, читая предыдущие книги: что де Сад создает мир чистой, неподдельной фантазии и что он совершенно неспособен даже на крупицу реализма. Обстоятельные - почти бальзаковские - начала многих его книг создают обманчивую видимость реализма. Но

Де Сад даже отдаленно не похож на реалиста. Книги - это затянувшиеся фантазии о мастурбации, а все персонажи - деревянные манекены. Когда Франваль решает соблазнить Эжени, он садится рядом с ней и говорит: “Все те многочисленные прелести, Эжени, которыми одарила тебя природа, - ты должна без промедления принести их в жертву мне”. И Евгения отвечает: ‘Но о чем ты меня просишь? Разве ты уже не хозяин всего на свете? …Сделай Эжени своей жертвой; принесенная в жертву твоими любимыми руками, она всегда будет торжествовать.’ Таким образом, Франваль становится “похитителем той девственности, которую природа … сделала его надежным защитником’. Затем “несколько дней прошло во взаимном опьянении… Она желала бы принимать его в тысяче храмов одновременно; она обвиняла воображение своей подруги в излишней робости, в том, что она не отбросила всякую осторожность’.

Очевидно, что ни один отец не станет соблазнять свою дочь таким образом, и ни одна дочь не отреагирует криком “Сделай Эжени своей жертвой”, а затем не упрекнет его в том, что у него недостаточно грязные мысли. Де Сад пишет как бы в вакууме. И как только мы видим это, мы также видим, что всем его фантазиям недостает реализма. Смог бы епископ на самом деле присвоить состояние покойника, а затем изнасиловать и убить его детей так, чтобы никто этого не заметил? Возможно ли на самом деле заставить отца изнасиловать свою дочь или брата - сестру под дулом пистолета? Правда в том, что де Саду просто нравится эта идея, и он не пытается придать ей правдоподобный вид. Иными словами, ему просто не хватает воображения. Он сам признает это в отрывке из “120 дней Содома”, когда проститутка

описывает, как одному клиенту нравится есть грязь у нее между пальцами ног. Один из распутников замечает: “Стоит только слегка пресытиться, и все эти гнусности приобретают более глубокий смысл; пресыщение вдохновляет их… Человек устает от обыденности, воображение становится раздраженным, и скудость наших средств, слабость наших способностей, испорченность наших душ приводят нас к этим мерзостям’.

Здесь Де Сад дает нам ключ к разгадке своих собственных сексуальных отклонений. У людей секс - это реакция на идеи, а способность , которая реагирует, - это воображение, которое является лишь другим названием чувства реальности, или того, что психолог Пьер Жане назвал ‘функция реальности’. Мы признаем это, когда говорим: “Ему не хватает воображения - он понятия не имеет, как сильно ранит людей”, имея в виду, что у него весьма слабое чувство реальности.

Воплощение анархии

У большинства нормальных людей воображение довольно чувствительное и отзывчивое. У де Сада оно было на удивление грубым и невосприимчивым, как будто у него был лишний слой кожи. Без воображения любой опыт, как ни странно, не приносит удовлетворения. Например, когда мы очень устали, нам трудно наслаждаться едой, смотреть телевизионную программу или даже читать газету. Ценить любой опыт следовательно, нам нужно быть полностью пробужденными, чтобы разум полностью участвовал в реальности. Потребность Де Сада быть выпоротым, совершать мужеложство, заниматься множественным сексом - все это, по-видимому, указывает на то, что его чувства должны были обостриться до восприимчивости. Он был похож на человека, страдающего каким -то нервным заболеванием, которое делает его нечувствительным к булавочным уколам. В тюрьме, где не было проституток, которые могли бы его выпороть, или слуг, принуждавших к содомии, де Сад пытался заменить реальность воображением. Но его воображение также нуждалось в жестокой порке, чтобы добиться какого-либо результата. Вот почему его герои никогда не довольствуются просто половым актом; это должен быть, по меньшей мере, инцест или насильственное

лишение девственности. Ничто менее возмутительное не могло бы затронуть тот дополнительный слой кожи, который прикрывал его чувства…

И затем, совершенно неожиданно, де Сад оказался на свободе. Французская революция восстание настигло короля, который был ответственен за его заключение в тюрьму, Людовик XVI. Но, как обычно, де Саду не повезло: он недооценил свои шансы и оставил большую часть рукописей в своей камере. Он слышал о хлебных бунтах и о том, что войска стреляли в толпу , и 2 июля 1789 года, используя трубу в качестве мегафона, он крикнул из окна своей камеры, что заключенных убивают и что народ должен прийти им на помощь. Власти отреагировали быстро: де Сада подняли с постели в час ночи и перевезли в психиатрическую больницу Шарантон под Парижем. Десять дней спустя толпы людей ворвались в Бастилию и убили многих из ее гарнизона, включая губернатора де Лонэ. Мадам де Сад, которую муж попросил забрать его книги и рукописи, немного замешкалась , и они были разграблены мародерами; по словам де Сада, он попросил ее забрать свои книги и рукописи. Шаде, исчезли пятнадцать книг, которые были готовы к печати. Из-за того, что де Сад находился в Шарантоне, ему пришлось ждать окончания своего тюремного заключения еще девять месяцев; наконец, в апреле он был освобожден 1790. Его жена отказалась видеться с ним и вскоре после этого подала заявление о раздельном проживании.

Поначалу все шло хорошо. Как бывший государственный заключенный, он был в выгодном положении, чтобы выдавать себя за революционера, и стал гражданином Садом.

59

“Отверженные”

У него завязалась связь с молодой актрисой Мари-Констанс Ренель, которую бросил муж, и это продолжалось до конца его жизни. Он писал комедии, которые были приняты в “Комеди”-Француз и мечтал стать Мольером революции. Он переписал “Несчастья добродетели” в более пространной версии под названием “Жюстина”, которая имела значительный — хотя и скандальный — успех, когда появилась в 1791 году. В этой версии

Джастин теряет свою девственность гораздо раньше. Банда грабителей захватывает красивого молодого путешественника , и Жюстин спасает ему жизнь и помогает бежать; он сбивает ее с ног в лесу, насилует и совращает, а затем оставляет привязанной к дереву, забрав ее деньги. Революция , очевидно, заставила де Сада почувствовать, что в осторожности больше нет необходимости , и то, что было довольно сдержанной книгой, превращается в оргию ужаса.

Но он постоянно нуждался в деньгах, а успеха как драматург добиться не удалось; всего одна пьеса. Была поставлена пьеса “Граф Окстьерн” - ее герой-злодей - еще один из “монстров” де Сада, похитивший и изнасиловавший добродетельную девушку, - но зрители подняли шум, и ее пришлось снять : революционер Марат решил, что де Сад был типичным распутным аристократом старого режима и должен был умереть; однако случайно он донес на маркиза де ла Саль, который был казнен. Марат обнаружил свою ошибку и собирался ее исправить, когда Шарлотта Корде убила его в ванной. Не подозревая, насколько близок он был к гильотине, де Сад выступил с речью, в которой назвал Марата великим человеком.

Вскоре Де Сад стал судьей революционного комитета; в его власти было уничтожить свою тещу и ее мужа; вместо этого он вычеркнул их имена из списка смертников: “Вот моя месть!” Как член больничной комиссии, он сыграл важную роль в улучшении условий в переполненных палатах. Назначенный председателем своей революционной секции, он подал в отставку , когда его попросили поддержать предложение, которое он считал “ужасным… совершенно бесчеловечным’. Тем не менее, одна из его революционных брошюр получила высокую оценку, и он был избран делегатом для выступления перед национальным собранием. Как он с радостью сообщил своему адвокату Гофриди, его положение в обществе поднималось.

В декабре 1793 года удача изменила ему; он был арестован по обвинению в том, что двумя годами ранее написал письмо с предложением вступить в

полк, который надеялся спасти короля. Но после казни Робеспьера и других террористов де Сада освободили в следующем октябре. В 1795 году “Алина и Валькур” вышли под собственным именем де Сада и откровенным порнографическим произведением под названием “Философия”. офи в спальне появилась анонимно.

Последнее, во многих отношениях, одно из самых интересных и наименее отталкивающих произведений де Сада. Написанный в форме диалога, он описывает развращение невинной молодой девушки по имени Эжени братом и сестрой, совершающими кровосмесительный акт, и распутником по имени Долманс. На самом деле, Эжени довольно легко развратить. Когда Дольманс впервые схватил ее и поцеловал, она сопротивлялась, но когда мадам де Сент-Анж говорит ей, чтобы она не была ханжой, и демонстрирует французский поцелуй, после чего она мгновенно позволяет Дольмансу засунуть язык ей в рот. После этого ее наставники описывают половые органы и их функции, и она достигает оргазма, когда один из них вводит язык ей во влагалище, а другой - в задний проход. Ей говорят: “При любых обстоятельствах у женщины… никогда не должно быть другой цели, кроме как трахать себя с утра до ночи; это единственная цель Ее создала природа.’ Затем следуют длинные речи, в которых ей говорят , что религия - это заблуждение, и что такого понятия, как преступление, не существует - хотя мгновение спустя распутники противоречат сами себе, говоря ей, что преступление - это самое сладкое удовольствие в мире. Затем ее учат сосать пенис Долманса (опытная женщина, никогда не отказывайте своим любовникам в этом удовольствии, это привяжет их к вам навсегда) и насиловать его фаллоимитатором, пока он насилует мадам де Сент-Анж. Затем ее саму подвергают содомии, и приводят деревенского мужлана с огромным пенисом, чтобы лишить ее девственности. У де Сада за половым актом никогда не следует печаль или изнеможение; это часть распространяемого им мифа о том, что секс бесконечно восхитителен и что никто никогда от него не устанет. Единственная “садистская” часть книги - это финал, когда появляется вспыльчивая и властная мать Эжени и приказывает своей дочери немедленно возвращаться домой. Дольманс воспользовался случаем, чтобы произнести длинную речь, доказывающую, что родители не имеют никаких прав на своих детей. Затем Эжени предлагает своей матери поцеловать ее в зад, а возмущенную даму раздевают и подвергают мужеложству и

самобичеванию, после чего дочь насилует ее фаллоимитатором (“…одним махом, кровосмесительница, прелюбодейка и содомитка, и все это в девушке, которая потеряла только свою мейденхед сегодня). После этого Эжени зашивает влагалище своей матери, в то время как остальные

устраивают сексуальную оргию. Затем даме говорят: “Ваша дочь уже достаточно взрослая, чтобы делать то, что ей нравится; ей нравится трахаться, она обожает трахаться, она была рождена для этого, и если вы не хотите, чтобы вас трахали сами, лучше всего позволить ей делать то, что она хочет.’ Затем мать Эжени вышвыривают, нанеся ей несколько сильных ударов ногой.

Сцена, подобная этой, дает нам ключ к пониманию де Сада. Его ненависть к любой власти патологична, и он любит изображать ее подавленной. Но в то время как большинство авторов довольствуются тем, что показывают авторитетную фигуру, теряющую достоинство и самообладание, де Саду приходится идти на безумные крайности. Вместо того, чтобы просто выразить неповиновение, он впадает в безумие, напоминающее эпилептический припадок.

Внезапно мы начинаем понимать, что именно с ним не так. Ван Вогт писал о типе, который он называет “жестоким человеком”: “он принимает решение потерять контроль”. Большинство из нас принимает это решение в определенный момент, когда что-то выводит нас из себя; но большинство из нас также осознает, что не стоит реагировать на каждую раздражающую ситуацию “потерей контроля”. Потому что “потеря контроля’ подчиняется закону убывающей отдачи. Если раздражение выражается криком, гнев - воплем, ярость - громким визгом, то человеческий голос не способен выразить свою ярость. Де Сад, кажется, никогда не осознавал этой простой истины; его реакция всегда была реакцией избалованного ребенка, которого никогда не учили самоконтролю; он всегда хотел идти все дальше и дальше. Отсюда и комментарии типа “При любых обстоятельствах у женщины никогда не должно быть другой цели, кроме как

трахать себя с утра до ночи", которые доводят сомнительную полуправду до абсурда.

Примечательно, что глава, которую де Сад считал самой важной в книге, представляет собой не описание сексуальной оргии, а философский памфлет под названием "Французы, еще одно усилие, если вы хотите Стать республиканцами'. Ее тезис заключается в том, что французы справились с супер нанесли мощный удар, казнив короля; теперь они должны довести дело до логического завершения, казнив Бога, то есть свергнув все религиозные предрассудки. Призывая к господству разума, де Сад звучит как некий социальный философ-идеалист, ученик Руссо и Вольтера. Вместо того чтобы надоедать своим детям "божественными глупостями", научите их этическим и социальным принципам, и тогда истинный патриотизм засияет в каждом из них. Есть только одно небольшое возражение против этого гимна разуму. Де Сад верил, что вся природа пронизана злом и что жизнь - это панорама космической преступности.

разрушение; поэтому трудно понять, как разум может гарантировать счастье… Но Де Сада никогда не волновали такие тривиальные противоречия.

В 1797 году недостаток самоконтроля дорого обошелся ему, когда он отправился в Прованс, чтобы попытаться получить давно просроченную арендную плату; он вышел из себя в разговоре со сборщиком налогов и обвинил его в краже части денег. Результатом стало дорогостоящее судебное разбирательство и публичные извинения.

Он постоянно беспокоился о деньгах; он сказал своему адвокату, что отсутствие безопасности нанесло больший ущерб его здоровью, чем годы, проведенные в Бастилии.

Также в 1797 году издатель де Сада опубликовал его самое значительное произведение на сегодняшний день: обширный роман (в десяти томах), объединяющий истории несчастной Жюстины и ее сестры Жюльетты. Цель автора - зайти дальше, чем

когда-либо заходил кто-либо из людей, создавая в воображении сцены сексуального насилия и жестокости. Результат неизбежен: за несколько десятков страниц читатель настолько привыкает к сценам изнасилования и убийства, что они становятся просто скучными и повторяющимися. Совершенно типичной является сцена, в которой к министру правительства обращается нищенка с просьбой о подаянии; она ведет его в убогую хижину, где двое ее полуголых детей умирают от голода. Затем священник рассказывает, что он был ответственен за то, что ее мужа бросили в тюрьму, изнасиловал двоих ее детей, а затем совершил над ней содомию, вышибив ей мозги, когда достиг оргазма. Подобные сцены перемежаются длинными рассуждениями об атеизме, преступности, безнравственности и на любые другие темы, которые нравятся автору. Оргии также отличаются повторяемостью: 'Восемнадцатилетняя девушка ложится на оттоманку. Я усаживаюсь на ее лицо, Клервиль устраивается на моем. Я сосал, и мне сосали; стоявшая надо мной младшая девочка подставляла свои ягодицы для поцелуев Клервиль, которую другая девочка ласкала фаллоимитатором; самая стройная из четверки, наклонившись, теребила пальцами клитор Клервиль, который был плотно прижат моим ртом, и в то же время подставляла мне свое влагалище. мой друг… И так далее, до бесконечности. Иногда де Саду удается выдвинуть какую-нибудь новую идею: оргия на кладбище в окружении гниющих трупов; каннибальский пир, на котором они едят жареные грудки и ягодицы; убийство Джульеттой собственного отца после того, как она соблазнила его. Все это гораздо менее ужасно, чем кажется, поскольку читатель никогда не перестает осознавать, что это всего лишь кошмарная фантазия, своего рода Мультфильм о Томе и Джерри, в котором никто никогда по-настоящему не пострадал. Несмотря на это,

финальная сцена, в которой Джульетта позволяет своему любовнику изнасиловать ее собственную дочь, а затем сжечь ее заживо, вызывает некоторую тошноту в желудке. В "Джульетте" смерть Жюстины приберегается для конца; после того как в нее попадает молния, распутники набрасываются на тело и

устраивают некрофильскую оргию.

Ясно одно: бессмысленно осуждать книгу за то, что она шокирует, поскольку таково было намерение де Сада. По мере того, как это постепенно доходит до читателя, он начинает реагировать с некоторой долей удивления. нация. Де Сад похож на какого-нибудь хиппи средних лет или на какого-нибудь довольно старомодного представителя дадаистского движения, убежденного , что он по-прежнему шокирует, хотя на самом деле он лишь слегка абсурден. И как только мы достигнем этой отстраненности, мы сможем оценить “аргументацию” де Сада и увидеть все ее недостатки. Эту аргументацию можно было бы в общих чертах резюмировать следующим образом.

1. Человеческое тело обладает огромной способностью доставлять удовольствие, но большинство из нас едва ли начинают исследовать эту способность, потому что нам мешают абсурдные религиозные и моральные принципы.

2. Секс по самой своей сути содержит элемент “преступности’. Наши собственные тела возбуждают нас не потому, что они “знакомые”. Другие тела возбуждают нас постольку, поскольку они незнакомы, чужды, запретны. Это относится как к женатым священнослужителям, так и к распутникам. Мы пытались одомашнить секс, устранить этот элемент “порочности”. Это ошибка. Мы должны признать, что сам половой акт является формой символического изнасилования, и что в противном случае мы бы не получали от него удовольствия.

Пока что мы, возможно, готовы с ним согласиться. Эти аргументы не отличаются от тех, которые использовали Д. Х. Лоуренс или Вильгельм Райх или различные другие ‘сексуальные освободители’. На самом деле, широкое признание фрейдистской революции сделало эту часть аргументации де Сада почти излишней. Следующая часть кажется нам сомнительной.

3. Если любой секс является формой изнасилования, почему мы не можем принять это и согласиться с тем, что каждому человеку должно быть позволено выбирать любую форму “изнасилования” , которая ему нравится, будь то дети, животные, монахини или даже младенцы? Сами по себе эти действия не являются аморальными, поскольку все мы созданы Природой, а Природа безразлична к морали.

Мы спрашиваем: а как же общественный договор, наше

молчаливое согласие не делать другим того, против чего мы бы возражали, чтобы они поступали с нами?

Де Сад отвечает: Природа также безразлична к этому понятию. Закон

в природе выживает сильнейший. Сильные могут заявлять о моральных принципах, но на практике они грабят слабых.

И только в этот момент мы можем внезапно осознать главную ошибку в аргументации де Сада. Он выступает за абсолютный эгоизм. Он говорит, что в идеале хотел бы стать султаном , обладающим абсолютной властью над жизнью и смертью каждого человека; только тогда он смог бы в полной мере использовать способность к удовольствиям, которой наградила его природа. Если мы возразим: “Но ведь остальному человечеству наверняка было бы что сказать по этому поводу?” - он ответит: “Конечно. Но каждый человек должен пытаться навязать свою волю другим - на самом деле, именно так функционирует общество, хотя никто не настолько честен, чтобы признать это”. “Вы хотите сказать, что не существует таких понятий, как естественная порядочность, доброта или великодушие?’ - Именно так. Наконец’то вы меня поняли!

Для большинства из нас такое утверждение так же абсурдно, как утверждение, что черное - это белое. Мы все видели порядочность и великодушие в действии и прекрасно знаем, что на самом деле это не другое название личных интересов. Но тогда мы также должны принять во внимание утверждение Де Сада о том, что он абсолютный материалист, что он верит в то, что человек - это машина, и что свободы воли не существует - все мы делаем то, к чему нас принуждает наша природа . Вся философия эгоизма Де Сада основана на этом утверждении. И все же это, безусловно, самое слабое место в его аргументации, поскольку он говорит нам, что мужественные люди выбирают преступление, а не добродетель; если у нас нет свободы воли, такой выбор невозможен.

Следует также признать, что сам де Сад был живым опровержением своих аргументов. Он проявлял нежность и привязанность питался по отношению к своей новой любовнице и ее сыну и приложил немало усилий , чтобы его теща была включена в список тех, кому суждено было выжить, а не умереть. Но тогда сам де Сад, несомненно, отрицал бы, что это подрывает его правоту. Он бы ответил, что не претендует на то, чтобы жить в соответствии со своими собственными принципами абсолютного эгоизма и бессердечия, что все, чего он хотел, - это заставить интеллектуально нечестное общество согласиться с тем, что его религия и мораль в основе своей ложны. Это точка зрения на де Сада, которой придерживаются такие современные защитники, как Морис Гейне, Гийом Аполлинер и Острин Уэйнхаус, и которая лежит в основе их мнения о том, что де Сад - глубоко непонятый человек. Но если это так, то виноват в этом сам де Сад. Он приложил немало усилий, чтобы объявить себя врагом общества и человека.

Неудачники

раса - один из его персонажей говорит, что если бы он мог достать солнце с неба, он бы использовал его, чтобы сжечь мир - и если мы поверим ему на слово, он вряд ли может винить нас.

Общество, безусловно, обвинило его. К 1800 году все вздохнули с облегчением, узнав, что эксцессы революции остались позади. Наполеон, по-видимому, возвращал Францию к величию; богатые и бедные могли снова почувствовать гордость и патриотизм. У Де Сада была репутация одного из выразителей революции. Вряд ли она была заслуженной, поскольку он был не революционером по натуре, а аристократом старого образца. Во всяком случае, Жюстин и Жюльетта вызвала именно тот шок и ужас, на который рассчитывал де Сад . Воспоминания о реальном кровопролитии и жестокости были слишком свежи, чтобы новые хозяева Франции могли относиться терпимо к выдуманным де Садом преступлениям любви'. 6 марта 1801 года де Сад посетил контору своего нового издателя Николя Массе - без сомнения, в надежде выручить несколько ливров, поскольку он жил в крайней бедности, - когда прибыла полиция. Он и Массе были арестованы, и Массе, похоже , осудил де Сада как автора "Жюстины" (де Сад продолжал упорно отрицать это), чтобы спасти свою шкуру. Вполне вероятно, что полиция уже оказала давление на Массэ и что арест де Сада был организован заранее. Была изъята тысяча

экземпляров ” Жюстины и Жюльетты”.

Оставшиеся четырнадцать лет жизни Де Саду предстояло провести в тюрьме. По-видимому, он был хорошо откормлен, поскольку стал невероятно толстым — настолько толстым , что едва мог ходить. По натуре он был снисходителен к себе, и если ему не хватало секса, он старался компенсировать это едой. Его разговоры были настолько непристойными, что молодые заключенные жаловались на постоянные попытки развратить их, и он был в трансе переведен в другую тюрьму. В конце концов его перевели обратно в Приют в Шарантоне, где его семья оплачивала его питание и жилье. Большую часть времени с ним обращались крайне плохо, не допускали контактов с другими заключенными, отказывали в посещении церкви и письменных принадлежностях. Несмотря на это, ему удалось завершить еще один обширный роман “Мемуары Эмили”, который был уничтожен после его смерти, и несколько небольших произведений в духе более ранних “Преступлений любви”. Один роман, “Маркиза де Гранж”, даже был опубликован при его жизни. Он писал пьесы, в которых заключенные были представлены в качестве актеров. Но когда он умер в возрасте семидесяти четырех лет в декабре 1814 года, он был практически

забытый. Французы, безусловно, очень хотели забыть его.

Несмотря на поддержку некоторых талантливых защитников , любому, кто действительно читал де Сада, трудно испытывать к нему симпатию. В его работах есть что-то инфантильное и гадкое, что не позволяет воспринимать его всерьез. В этом есть и доля глупости. Верить в то, что у женщины нет другой цели, кроме как трахаться с утра до ночи, просто неразумно. Секс может быть восхитительным, но у всех нас есть другие занятия, многие из которых в долгосрочной перспективе приносят больше пользы, чем сексуальное наслаждение. Мы уже порядком устали от его предположения, что секс - это самая интересная вещь в мире. Де Взгляд Сада на секс, по-видимому, принадлежит развратному школьнику, который никогда его не испытывал.

Но хотя его творчество представляет собой скорее литературный курьез, чем настоящую литературу, оно, по крайней мере, обладает тем достоинством, что рассматривает секс под микроскопом и позволяет нам разобраться в сложной смеси составляющих его импульсов. И все, от Эжени де Ранваль до Жюстин и Жюльетты, осознают, что в основе мужского сексуального влечения лежит воля к власти. Природа запрограммировала мужчин на то, чтобы они находили женщину эротически возбуждающей, а это значит, что она рассматривается как запретная территория". На самом деле, один из парадоксов творчества де Сада заключается в том, что его героини - Эжени де Франваль, Эжени де Мистиваль, Джульетта - перестанет возбуждать эротически, как только они это осознают. подчеркивают, что им нравится секс, и де Саду приходится поддерживать накал порнографии , лишая девственности как можно больше невинных девственниц. Его возбуждает одно и только одно: представление о всемогущем мужчине , преследующем и насилующем свои жертвы, подобно дикому зверю, охотящемуся на свою добычу. (Не случайно, что еда и секс были взаимосвязаны в де Разум Сада, так что одно стало заменять другое.)

Как ни странно, де Сад не был порнографом. Порнография любит позлорадствовать над сладострастными предварительными процедурами и физическими подробностями секса, пытаясь в точности воссоздать в сознании читателя, каково это - снимать с девушки одежду, ласкать ее тело, устанавливать генитальный контакт и так далее. У де Сада все это формально; де Франваль просто "лишает" Эжени девственности, а затем обучает ее всем тайнам любви. Настоящий порнограф описал бы это с маниакальной точностью; де Сада интересует не это - его интересует только жажда власти: как заставить отца пренебречь всеми религиозными и социальными условностями, соблазнив собственную дочь. Очевидно, что он

‘1

ему нравится писать длинные атеистические монологи не меньше, чем описывать оргии. Его философию можно охарактеризовать как “только для меня”; его мечта - стать Чингисханом, Владом Цепешем и Иваном Великим. Ужасно, все вместе взятое.

Все это подводит нас к неизбежному вопросу: какой свет история болезни Де Сада проливает на теорию сексуальных отклонений Карла Хайду?

Прежде всего, давайте еще раз подытожим теорию Хайду. В каждом из нас есть мужская и женская полярности; каждого из нас сильно тянет к этому противоположному полюсу. Меня влечет к девушке, потому что я хочу слиться с ней, стать ею. Поскольку люди овладели секретом “символической реакции”, они могут также сильно реагировать на “запретное” нижнее белье девушки. И поскольку во многих отношениях воображение работает лучше, когда рядом нет реальной девушки, которая могла бы задеть его чувства, переодевание в женскую одежду может быть еще более удовлетворительным способом добиться такой идентификации.

‘Нормальные’ люди сопротивляются этому желанию до такой степени, что даже не осознают его. А великие художники и религиозные мистики поднимают это сопротивление на более высокий уровень и каким-то образом используют его энергию для достижения более интенсивных состояний сознания. Другими словами, сексуальная энергия становится “десексуализированной” и, таким образом, эволюционирует огромная сила.

Де Сад категорически опроверг бы это. Он настаивал бы на том, что желание самца к самке подобно желанию тигра к своей добыче - это не желание “стать” ею, а желание обладать ею, вплоть до уничтожения. Движущей силой эволюции является не “бисексуальность”, а воля к власти. Когда мужчина занимается любовью с женщиной, его удовлетворение проистекает из ощущения, что он навязывает ей свою волю; он испытывает божественные ощущения. Большинство из нас предпочитает игнорировать этот основополагающий факт жизни, поэтому, например, мы говорим “заниматься любовью” , а не “трахаться”. Но если бы мы осмелились взглянуть правде в глаза, мы бы также признали, что секс может вызывать ощущение, близкое к

мистическому экстазу…

Главная ошибка де Сада заключается во второй части этого аргумента. Он осознал, что сексуальное возбуждение основано на чувстве “запретности”, поэтому он считает, что все, что нам нужно сделать, чтобы усилить это возбуждение, - это искать все более запретные удовольствия - изнасилование, инцест, пытки, убийство… Но чувство “запретности” зависит от детского элемента в поведении. мы сами, а

неповиновение авторитету взрослых. Поэтому, чтобы сохранить ощущение запретного, нам нужно сознательно культивировать это детское чувство несс и отказываются взрослеть. Это невозможно сделать. Взрослая часть нас отказывается быть постоянно подавленной и “злой”. “несс” теряет свой вкус. Так что нам приходится искать что-то еще более порочное… а это, в свою очередь, становится скучным. Сексуальное влечение просто не выдержит того веса, который пытается придать ему де Сад, оно прогибается и рассыпается. Мы должны признать, что настоящее удовлетворение заключается в достижении нашей врожденной эволюционной цели, и что, нравится нам это или нет, это предполагает перерастание представления о том, что секс - это самая приятная и важная вещь в мире.

Но хотя вторая часть аргументации де Сада абсурдна, в первой есть доля правды. Сексуальное возбуждение - это, по сути, желание обладать. Мужчина, раздевающий женщину, подобен медведю в поисках меда. Для де Сада секс был погоней за запретным сладостями. Во всех его работах нет ни малейшего следа желания взять на себя женскую роль или нарядиться женщиной. Он рассматривал сексуальные отклонения в большей или меньшей степени как неправильно направленные попытки овладеть женщиной и , несомненно, расценил бы трансвестизм Хайду как довольно забавную попытку овладеть всеми женщинами с помощью своего воображения. Как можно совместить идею одевания в женскую одежду с идеей обладания?

Сама суть извращения - это “запретность’. Герой этого “Венфер”

Барбюса гласит: “Мне нужна не женщина, а все женщины вместе взятые. И все же, когда он снимает проститутку, это становится скучным разочарованием, поскольку элемент запретного исчезает.

Чтобы понять причину сексуальных отклонений, мы должны признать , что секс, к сожалению, имеет свойство вызывать разочарование, и что все усилия де Сада были направлены на то, чтобы предотвратить это — бесконечный поиск запретного. Хайду пытался избежать неприятного элемента в сексе, отказавшись от реальной девушки и придав женской одежде магическую ауру запретного; ее одежда стала своего рода приманкой для сексуального возбуждения. Де Сад сказал бы, что он неправильно понял свои собственные мотивы и пришел к совершенно ошибочному выводу, что хотел стать женщиной.

Короче говоря, что общего у де Сада и Хайду, так это попытка избежать “разочаровывающего” элемента в сексе с помощью воображения . Это, в свою очередь, говорит о том, что ключ к сексуальным отклонениям не в том, что они не связаны друг с другом.

суть не только в фундаментальном конфликте между мужским и женским началом в каждом из нас, но и в самом воображении.

Колюшка с десятью шипами дает важный ключ к пониманию того, как это работает. Когда самка входит в зону своего гнездования, самец выпускает свою сперму в воду. Людям это не кажется особенно приятным способом достижения оргазма, но мы должны понимать, что колюшка находится в состоянии сильного сексуального возбуждения, которое высвобождается при одном только виде самки , плавающей вверх-вниз. Музыкант Хиршфельда, который мастурбировал, прогуливаясь рядом со школьницами, ведет себя примерно так же. Если сексуальное влечение достаточно сильно, оно может быть вызвано “павловской” ассоциацией, которая просто связана с половым актом. Девиант может быть возбужден даже ассоциацией с ассоциацией - как Де Сад был возбужден преступлением, потому

что преступление, как и секс, “запрещено’.

Если эти аргументы верны, то предположения Хайду о природе сексуальных извращений были ложными, и теория, построенная на этих предположениях, также должна быть ложной. На самом деле, изучение истории сексуальных отклонений со времен Де Сада показывает, почему эти предположения ложны. Если бы извращение действительно было вызвано нашей врожденной полярностью между мужчиной и женщиной, то оно было бы таким же на протяжении веков. На самом деле, природа сексуальных извращений менялась и развивалась со времен Де Сада. То, что мы сейчас назвали бы извращением, в значительной степени является продуктом девятнадцатого века, и фактором, стоящим за его появлением, является не транссексуальность, а странный и болезненный расцвет воображения.

4. Романтические муки

Спустя столетие после того, как Де Сад написал “Жюстину”, в Европе было опубликовано очередное всестороннее исследование сексуальных отклонений. Это был не роман, а учебник по медицине “Сексуальная психопатия” Рихарда фон Крафft-Эбинга, и именно в этой работе Крафft-Эбинг ввел в обиход термины ‘садизм’ и ‘мазохизм’. Эта книга сразу же стала бестселлером, в результате чего британский медик-Психологическая ассоциация обсуждала вопрос о том, следует ли аннулировать членство автора в ней. Самое поразительное в нем - это широкий спектр сексуальных извращений, которые он описывает. Прочитав около дюжины таких случаев, читатель начинает думать, что улицы Берлина или Вены девятнадцатого века, должно быть, были забиты садистами, мазохистами, вуайеристами, фетишистами и трансвеститами. Мы читаем о мужчине, который ставил пиявок во влагалище своей подруги, пока у нее не началась анемия, о том, кто платил проституткам за то, чтобы они позволяли ему испражняться им в рот, о том, кто мог достичь оргазма, только выпив кровь девушки, и о другом, которого сексуально возбуждали ночные колпаки старух. Даже де

Сад был бы поражен поразительной изобретательностью некоторых извращенцев девятнадцатого века.

Краффт-Эбинг родился в 1840 году, ровно через столетие после де Сада. Что же произошло в том столетии, что вызвало такое необычайное распространение сексуальных отклонений? Естественно, конечно, предположить , что они были столь же распространены и в более ранние века, но это оказывается неправдой. В книге “Границы эроса” (1985) Гвидо Руджеро исследует преступления на сексуальной почве и сексуальность в Венеции в XV веке, и результаты исследования кажутся нам удивительно скромными. Блуд считался преступлением, и гомосексуалистов могли сжечь заживо; но , похоже, здесь нет ни малейших признаков садизма, мазохизма, эксгибиционизма и всего остального. Причина становится очевидной в главе под названием “Сексуальные преступления против Бога”, посвященной сексуальному поведению священников, монахов и монахинь, а также людей, совершивших преступления на сексуальной почве.

блуд в церкви. Мужчину, который занимался любовью с девушкой под звуки органа, упрекнули в том, что он “слишком мало думал о вреде и оскорблении, которые он нанес нашему верховному создателю’. Становится ясно, что, хотя венецианцы были далеки от ханжества, они серьезно относились к сексуальным преступлениям (например, к инцесту, совращению детей, изнасилованию), поскольку это могло привести виновного в Ад. Содомия была грехом, потому что осуждалась в Библии. Но мы также отмечаем, что соблазнение считалось более тяжким, если оно происходило между аристократом и представителем низших сословий. Очевидно, именно поэтому было так мало ‘извращенные” сексуальные преступления в Венеции эпохи Возрождения: потому что социальные и религиозные табу были очень сильны.

В своей книге о маркизе де Саде Иван Блох посвящает около ста страниц сексуальной морали в эпоху де Сада. К тому времени

религия была серьезно подорвана материалистической философией. Кондильяк фактически упразднил душу; Ламетри написал книгу , доказывающую, что человек - это машина; “Система природы” Гольбаха была известна как “Библия атеизма”. Людовик XV (подписавший оригинальную грамоту) был знаменит огромным количеством своих ошибок. локоны - один философ описал жизнь короля как “непоколебимую “проституция” - и у него был свой собственный частный бордель, известный как В Оленьем парке полно молодых девушек. Блох приводит страницу за страницей полицейских отчетов о священнослужителях, из которых становится ясно, что большинство из них рассматривали свои обеты целомудрия как шутку; отцы-исповедники в монастырях часто использовали молодых монахинь в своих интересах. Порка стала обычным делом место в борделях. А один монах, которого цитирует Блох, заплатил двум проституткам хочет одеть его и изобразить в женском образе - “желание, которое я лелеял много лет, но не мог удовлетворить до сегодняшнего дня’. Дворяне относились к своим слугам как к движимому имуществу, и сексуальное удовольствие иногда ассоциировалось с использованием власти. Принцу де Конде нравилось травить людей, а его сын, граф де Шароле, однажды отвлекся от любовных утех, чтобы выстрелить в тэтчера с крыши. Он и его брат, герцог Бургундский, любили поджаривать проституток на костре - правда, только до появления волдырей и ожогов.

Однако, в очередной раз становится ясно, что существует тесная связь между сексуальными отклонениями и религиозным климатом. В знаменитом ‘Дело о ядах”, имевшее место во время правления Людовика XIV , показало, что священники служили черные мессы и приносили в жертву младенцев. Любовница короля, Мина де Монтеспан, позволила ей

обнаженное тело использовали в качестве алтаря, на животе у нее была чаша, а над чашей перерезали горло ребенку и бросили тело в печь. Другая любовница короля пришла, чтобы совершить обряд оберега, в сопровождении мужчины; священник, совершавший

обряд, заставил мужчину помастурить вылил сперму в чашу, а затем смешал ее с менструальной кровью женщины. Очевидно, что идея богохульства играла важную роль в оргиях, описанных на суде в 'Палате Арденте' (комната, освещенная свечами). Религия больше не вызывала того благоговейного уважения, которым она пользовалась в Средние века, но у нее все еще было достаточно силы, чтобы заставить порочность казаться более восхитительно греховной. Таким образом, она стала своего рода подспорьем для оргиастического сексуального поведения.

Все это дает важный ключ к пониманию де Сада. Религия и секс были неразрывно связаны в его сознании - до такой степени , что это просто выходит за рамки понимания современного секулярного мышления. Читатель, который этого не понимает, упускает из виду весь смысл. 'Друзья мои, - говорит Джульетта, - настало время рассказать вам немного о себе и, прежде всего, описать мое богатство, плод самого распутного образа жизни, чтобы вы могли сравнить его с состоянием нищеты и невзгод, в котором оказалась моя сестра, выбравшая хорошее поведение, уже томился. Ваше мировоззрение и ваша философия подскажут вам , какие выводы следует сделать из этих сравнений". Для современного читателя это всего лишь глупое обобщение; по собственному замечанию Де Сада знание мира, должно быть, подсказало ему, что злые люди часто попадают в тюрьму, а добрые часто сколачивают состояние. Но тогда мы сможем понять этот абзац (из "Джульетты", часть третья), только если поймем, что он предназначался не для наших глаз, а для глаз священников и прелатов. То же самое относится и к разговору Джульетты с Папе Римскому, в котором он признается, что он обманщик и развратница, а она называет его старой обезьяной. Только тогда мы сможем понять, что имел в виду де Сад в следующем отрывке:

Все утро я был беспокойным, мрачным, вспыльчивым, я ерзал на месте. Я выпорол двух своих наемниц, я был зол; я подразнил ребенка, которого доверили заботам одной из них, а затем заставил его выпрыгнуть из окна; он умер от падения; это несколько подняло мне настроение, и остаток дня я провел спокойно всякие маленькие проказы…

Джульетта ожидает приезда своего отца, которого она планирует соблазнить, а затем убить, в то время как ее любовник будет насиловать ее. И это

сцена также предназначена для просмотра блюстителями закона и веры. Возможно, наиболее показательной является параллель с признаниями массового убийцы двадцатого века Карла Панцрама,* бывшего преступника традиционно высокий уровень доминирования, реакцией которого на ощущение несправедливости были крики неповиновения и разбивание всего, что попадалось ему под руку , хотя он знал, что тюремные охранники избьют его до потери сознания . Чем больше его били, тем более дерзким он становился; для него было делом чести не позволить сломить себя. Он сформулировал философию ненависти, очень похожую на философию де Сада, основанную на утверждении, что жизнь жестока, бессмысленна и глупа; и он совершил двадцать убийств, многие из которых были совершены детьми, просто как вызывающее выражение этой философии. Вина за эти убийства он верил, что смерть каким-то образом постигнет тех, кто заставил его страдать, - идея, явно лишенная логики. Де Сад написал “120 дней Содома” и “Джульетту” в том же духе, что и “Убийство Панцрамом”, и его логика также не выдерживает критики. Но мы упускаем весь смысл “Джульетты”, если не понимаем, что она была написана в то столетие, когда человека еще могли казнить за богохульство. Де Сад верил, что революция окончательно подорвала власть Церкви, и Джульетта должна была нанести ему несколько увесистых пинков на прощание, подобных тем, что были нанесены Мать Эжени от Дольманса. Де Сад не понимал этого Христианская мораль по-прежнему вызывала сильную негативную реакцию.

Из исследования Блоха о де Саде становится ясно, что в XVIII веке было гораздо больше сексуальной распущенности и извращений Франции, чем в Италии XV века, и что этот рост был вызван снижением влияния Церкви. (У Блоха есть глава об Италии XVIII века, которая не оставляет у нас сомнений в том, что то же самое относилось и к этой стране). Но все же существует огромная разница между блоховскими прелатами с грязными наклонностями, которые “непристойно трогали”, а иногда и пороли монахинь-подростков, и Краффтом-Некрофилами, вампирами, флагеллантами и фетишистами костылей Эбинга. Так или иначе, мир, описанный Краффт-Эбингом и Хэвелоком Эллисом и Магнусом Хиршфельдом, гораздо более напряженный, чем мир де Сада. Нам кажется, что героям Де Сада просто нужны сильные ощущения, чтобы довести себя до оргазма, в то время как пациенты Краффт-Эбинга

* “Убийца”, журнал об убийствах, под редакцией Томаса Э. Гэддиса и Джеймса О. Лонга, Макмиллан, 1971

превратили воображение в замену реальности. Он описывает, например, мужчину, который мог достичь оргазма, только намыливая и брея лицо проститутки, мужчину, который прокрался в спальню хорошенькой служанки, чтобы выпить ее мочи из ночного горшка, мужчину , который заплатил проститутке за то, чтобы она прошлась по конскому навозу в новых туфлях, а затем вылизала их дочиста. Среди его наиболее показательных случаев - случай с мужчиной, который мог заниматься любовью с женщинами только в том случае, если они были полностью одеты, в шелковом платье, нижних юбках и корсетах; обнаженная женщина или женщина в ночной рубашке оставляли его равнодушным. (Здесь мы совершенно отчетливо видим , что он пытался перенести в спальню образ прогулки по улице, любуясь привлекательными женщинами в кринолинах и бонах сетки, чтобы, занимаясь любовью, он мог чувствовать прикосновение материала платья и нижних юбок к своей обнаженной плоти. Можно сказать, что он пытался быть в двух местах одновременно.) Краффт-Эбинг указывает на суть фетишизма, когда пишет: “Причину этого явления, по-видимому, следует искать в ментальном онанизме таких индивидуумов. Видя бесчисленные одетые формы, они развивают в себе желание еще до того, как увидят наготу. Иными словами, воображение и сексуальная неудовлетворенность объединились, чтобы запечатлеть в сознании их собственное представление о сексуально привлекательной женщине.

Таким образом, это, по-видимому, дает правдоподобный ответ на вопрос: что же произошло между 1740 и 1840 годами, что привело к такому распространению сексуальных отклонений? Ответ заключается в том, что люди научились использовать воображение гораздо активнее, чем в предыдущие столетия. Они научились мечтать наяву.

На самом деле, именно в 1740 году печатник средних лет по

имени Сэмюэл Ричардсон сделал решающий шаг к тому, чтобы использовать силу грез наяву, и написал то, что сейчас считается первым современным романом. Она называлась “Памела” и представляла собой историю молодой служанки, хозяин которой предпринимал все возможные попытки соблазнить или изнасиловать ее, прежде чем капитулировать перед ее добродетелью и повести ее к алтарю. Он выпрыгивает на нее из шкафа, когда она раздевается, и даже поручает ее заботам сводницы, которая держит ее за руки, пока он пытается ее изнасиловать - его останавливает только то, что у нее что-то вроде припадка. Для читателей XVIII века, привыкших только к плутовским романам и “правдивым повествованиям” вроде “Дон Кихота” и “Робина , сына Крузо”, воздействие этого сексуального реализма, должно быть, было ошеломляющим. До 1740 года проповеди были самой популярной формой чтения, и многие священнослужители разбогатели на этих доходах. После

“Отверженные”

В 1740 году публика хотела историй о людях, которых она могла бы узнать. Роман стал своего рода ковром-самолетом, который мог унести ее в далекие путешествия в мир воображения.

Через год Ричардсон стал самым читаемым писателем в мире. Европе, и сотни священнослужителей читали проповеди о Памеле, которые были приняты за своего рода нравоучительный трактат. Сомнения начали возникать после публикации “Клариссы” в 1748 году, в которой героиню в конце концов накачивают наркотиками и насилуют в борделе. Но людей по-прежнему волновал только реализм; никто не сомневался, что намерения Ричардсона были высоконравственными. Два столетия спустя В. С. Притчетт подошел совсем близко к сути дела:

Страстный и одержимый сексом, чопорный Ричардсон подкрадывается на цыпочках все ближе и ближе, дюйм за дюймом… Он манит нас, останавливаясь, чтобы произнести всевозможные благочестивые заверения, а затем снова подкрадывается все ближе и ближе , медля, споря с нами шепотом, возбуждая нас, пока мы не поймаем его. и одержимость тоже… Ничто, кроме изнасилования Клариссы Харлоу человеком, решившим уничтожить ее, не может удовлетворить феномен Ричардсона бесконечная греза наяву с ее бесконечными задержками.

И сам Ричардсон, смущенный шумихой, позаботился о том, чтобы его следующий роман был о “хорошем человеке”, сэре Чарльзе Грандисоне, и чтобы в нем не было сцен изнасилования или попыток соблазнения.

Примечательно, что первые два современных романа были посвящены попыткам соблазнения. Ричардсон был первым романистом, который освоил “фокус с ковром-самолетом”, и это волшебство было магией секса. Ричардсон не был аристократичным повесой. Он был сыном столяра, который стал подмастерьем печатника и женился на дочери босса, и ни один скандал не коснулся его имени. Таким образом, романы раскрывают амбивалентность высоконравственного человека, который находил секс увлекательным. Столетие спустя у него вполне мог развиться какой-нибудь особый извращенный что-то вроде обувного фетишизма. Вместо этого он вложил лихорадку заблокированных - и в значительной степени неосознанных — сексуальных импульсов в эти фантазии обольщения. При этом он научил своих современников искусству фантазировать на бумаге.

Я уже отмечал в другом месте, что самое удивительное в этой истории то, что историки не смогли распознать революционное значение Памелы. Они, конечно, признают ее литературной вехой . Они также отмечают, что в романе была огромная психологическая нагрузка

* “Мастерство романа”, глава 2

пропасть между эпохой Свифта и эпохой Диккенса. Но они склонны объяснять это социальными причинами: войнами, потрясениями и Промышленной революцией. Беглый взгляд на учебники истории показывает, что это неправда; около 1740 года в Европе не происходило ничего особо революционного . Что касается промышленной революции и Французского переворота однако они появились пятьдесят лет спустя, когда революция воображения уже преобразила Европу. Они были следствием, а не причиной.

Мы можем в полной мере оценить влияние творческого переворота Ричардсона. действие происходит под влиянием самого успешного романа восемнадцатого века: “Жюли, или новая Элоиза” Руссо, появившегося через двадцать один год после “Памелы”. Жан-Жак Руссо прославился десятилетием ранее своими рассуждениями о науке и искусстве, в которых утверждал, что цивилизация просто развратила человека и что, если он хочет быть свободным и счастливым, он должен вернуться к природе. В 1757 году, спокойно живя в деревне и пытаясь написать роман, он влюбился в графиню Софи д’Удето, но она уже была влюблена в другого мужчину. Руссо идеализировал ее как идеальную женщину и ввел в свой роман под именем Жюли д’Этанж. Рука Жюли в нее влюбляется молодой учитель из Сен-Пре, и она вскоре признается, что отвечает ему взаимностью. Они решают, что если они любят друг друга, то в глазах Бога они женаты, и однажды ночью Джули впускает его в свою спальню.

Этот эпизод сделал роман “Джули” самым успешным романом столетия. Руссо считал, что если природа добра, то удовольствие не оскорбляет ее, и мужчины и женщины должны дарить себя без стыда. Это шокировало Джулию гораздо больше, чем Клариссу, поскольку мысль о том, что молодая девушка добровольно отдает свою девственность любовнику , всегда возбуждала читателей даже больше, чем изнасилование. (В 1960-х годах одного названия “Секс и одинокая девушка” было достаточно, чтобы книга стала бестселлером.) Вот почему, когда в феврале 1761 года появилась “Жюли”, Руссо стал величайшей литературной знаменитостью Европы. Библиотеки могли выдавать его на час вперед. Один современник рассказывает, что женщины целовали клочок бумаги, на котором Руссо написал свое имя, и платили любую цену за стакан, из которого он пил. До конца столетия роман выдержал семьдесят два официальных издания и был распространен пиратским способом во всех странах мира. Европа.

На самом деле, у Джули есть моральный финал. Влюбленных мучает

угрызения совести, и Сен-Пре отправляется в кругосветное путешествие. Джулия выходит замуж за мужчину постарше, который знает, что она не девственница. Когда Сен-Пре возвращается, муж приглашает его погостить, и, хотя они с Жюли по-прежнему любят друг друга, они благородно решают не предавать доверие мужа. Когда Жюли погибает в результате несчастного случая, Сен-Пре решает посвятить свою жизнь воспитанию ее детей. На самом деле добродетель и самопожертвование были не менее важными составляющими успеха книги , чем сцена соблазнения, поскольку они превратили роман из грубой интриги в идеальную любовь. Европа была потрясена смертью Клариссы Харлоу, но он пролил реки слез из-за смерти Джули.

На следующий год после “Жюли” издатель “Руссо” выпустил в свет “Общественный договор” - книга, которая начиналась со спорного утверждения о том, что человек рождается свободным, но повсюду закован в цепи. Французское правительство немедленно запретило ввоз этого произведения во Францию, но это лишь сделало его “классикой андеграунда”. Больше, чем любое другое произведение, “Общественный договор” был ответственен за французскую Революция.

Такие работы, как Памела, Кларисса и Джулия, научили Европу мечтать; однако, как ни странно, другие писатели не спешили последовать их примеру. В Англии Филдинг, Смоллетт и Стерн принадлежали к старой реалистической традиции Дон Кихота и Робинзона Крузо. Наиболее примечательными Французский роман второй половины XVIII века - это роман Лакло “Опасные связи” (1782), в котором рассматривается идея соблазнения как забавного времяпрепровождения - два главных героя, распутник-мужчина и распутница-женщина, обмениваются письмами о том, как они соблазняли различных добродетельных невинных девушек. Тон очень близок к творчеству де Сада. Именно в Германии писатели восприняли уроки Ричардсона и Руссо близко к сердцу. В “Горестях юного Вертера” (1774) двадцатичетырехлетнему Гете удалось повторить успех Памела и Джулия. Его герой, молодой художник, с первого взгляда влюбляется в привлекательную деревенскую девушку Шарлотту, и его любовь приобретает характер лихорадки, одержимости, так что, когда она выходит замуж за другого, он совершает самоубийство. Роман вызвал волну самоубийств. За тридцать четыре года, прошедшие после “Памелы”, читатели научились сочувствовать любовным экстазам и страданиям; Гете преподнес их в дистиллированной форме, которая была подобна крепкому

напитку. Если Ричардсон научил Европу мечтать, то Гете убедил ее, что она должна дать волю своим чувствам. Внезапно наступила эпоха романтики; мужчины и женщины больше не стыдились расплакаться. Романы о

Романтические истории о несчастной любви лились из газет, и Европа судорожно рыдала

.

Но вскоре немцы сделали важный шаг вперед. В чем цель воображения, если не в том, чтобы улучшить реальность? Немецкая романтическая школа специализировалась на туманных пейзажах с великолепными лесами на переднем плане и древними замками на горизонте. Самым популярным романистом конца XVIII века был Жан Поль, чьи романы забавны и эксцентричны, но полны прекрасных пейзажей пейзажи и сильное выражение эмоций; в свое время его считали равным Шекспиру. Немецкий писатель-романтик ничего так не любил, как сажать своего героя на козлы дилижанса, летящего по извилистой сельской дороге в поисках странных приключений. В рассказах Гофмана герой, скорее всего, проходит через обычную дверь и оказывается в волшебном месте, где к нему обращается золотая змея, обладающая голосом очаровательной девушки.

Романтики также любили писать о несбывшихся желаниях. “Аластор” Шелли рассказывает о принце, которому снится, что он обнимает прекрасную девушку, которая растворяется в его объятиях; он посвящает свои дни ее поискам, но встречает лишь разочарование и умирает в отчаянии. Герой Новалиса Генрих фон Офтердинген видит во сне чудесный голубой цветок и тратит всю свою жизнь на его поиски - но в данном случае сам автор умер до того, как закончил роман. Новалис умел вызывать в воображении удивительные ощущения чувственного блаженства:

Им овладело непреодолимое желание искупаться; он разделся и ступил в бассейн. Ему показалось, что его окутывает закатное облако; райское ощущение разлилось по его душе; казалось, в нем

смешались со сладострастным восторгом бесчисленные мысли. Новые, невиданные прежде образы возникали, переплетались и становились видимыми вокруг него, и каждая волна стихии льнула к нему, как нежный цветок. Волны казались растворившимися очаровательными девушками, которые на мгновение воплотились, коснувшись юноши…

Сексуальная образность последнего предложения подчеркивает, что римлянин тики ассоциировали свои волшебные далекие горизонты с сексуальным блаженством, удовольствием ощущать прикосновение обнаженного женского тела к своей коже. И все же это само по себе было одной из главных причин глубокого пессимизма, ставшего причиной столь многих самоубийств и ранних смертей среди романтиков. В конце концов, некоторые из них были привлекательны для женщин и полностью осуществились

Неудачницы.

Любовные романы. Но это все равно не приблизило ее к идеалу. Девушка была обычной смертной, а не воплощением вечной женственности. Таким образом, романтики пришли к убеждению, что идеал всегда недостижим , что между реальным миром и миром воображения лежит огромная пропасть . А когда они чувствовали усталость и депрессию или страдали от туберкулеза, этого было достаточно , чтобы склонить чашу весов в сторону смерти.

Однако у менее идеалистичных писателей тоска по вечной женственности выливалась в фантазии о соблазнении и насилии. ‘Готический роман’ был придуман Горацием Уолполом в 1765 году; его замок Отранто - это причудливый сборник псевдосредневековых ужасов и тайн: призраки, великаны, волшебные мечи, подземные ходы… В большинстве подобных фантазий героиня находилась в плену у злодея, так что это был лишь вопрос времени, когда ее насильно лишат добродетели, как несчастную Клариссу. Именно это происходит с Антонией, героиней романа Мэтью Льюиса “Монах”, ставшего литературной сенсацией 1795 года. Монах - ученый и добродетельный отец

Амбросио, но его падение начинается, когда он узнает, что юная послушница на самом деле влюбленная в него девушка; он поддается искушению и овладевает ею. Затем он обращает свое внимание на прекрасную Антонию, которая хочет, чтобы он помог ее больной матери. Он собирается изнасиловать одурманенную Антонию, когда в комнату входит ее мать; Амбросио душит ее; затем он уносит Антонию в склеп, полный трупов, где насилует ее, а затем закалывает ножом. После пыток инквизицией Амбросио был сброшен дьяволом с высокого обрыва навстречу своей смерти. После монаха большинство Готические романы имели ярко выраженный сексуальный подтекст; “Мемуары дьявола” Фредерика Соули (1837) - типичный пример, полный супружеской измены, инцеста и убийств, с кульминацией, в которой дьявол заставляет замок злодея провалиться в бездну. В Шампавере: Аморально “Рассказы” (1833) Петрюса Бореля, который любил называть себя “оборотнем” (le lycanthrope), наполняет свои истории изнасилованиями, убийствами и пытками. В одном из них анатом накачивает наркотиками любовников своей жены, а затем использует их трупы в своих экспериментах; когда его жена умирает от ужаса, он использует ее тело для той же цели. В “Дине”, прекрасной еврейке, героине, которая проводит свою жизнь в поисках сильных ощущений, лодочник в конце концов насилует ее, затем швыряет в воду со связанными за спиной руками и забивает шестом. Борель намеренно приближается к грани порнографии.

Романтические муки

Правда в том, что добродетельного Сэмюэля Ричардсона можно считать отцом порнографии, а также отцом современного романа. Спустя семь лет после публикации “Памелы” нищий Богемец по имени Джон Клиланд, который провел большую часть своих тридцати восьми лет в долговых тюрьмах, решил написать свою собственную историю о соблазнении невинной девушки и выпустил “Мемуары женщины для удовольствий” (более известные как “Фанни Хилт”), которые он продал за двадцать гиней, что сделало его издателем десять тысяч фунтов. Памела оказала сильное влияние на Клеланда.

В прежние века никто не проводил четкой границы между порнографией - тем, что французский писатель назвал “книгами, которые читаешь одной рукой”, - и литературой, поэтому Рабле, Боккаччо, Аретино и Маргариты Наваррской считались скандальными, но забавными; никому бы и в голову не пришло назвать их непристойными (хотя бы потому , что до середины XVI века это слово не употреблялось). После смерти Людовика XIV в 1715 году Франция вздохнула с облегчением и позволила своим моральным устоям ослабнуть; одним из результатов стало производство ряда более или менее порнографических произведений, направленных против Церкви и священства. Одна из самых ранних, “Венера в монастыре, или трилогии Сенфруа и Евлалии” аббата Баррена, описывает соблазнение монахини иезуитом и появилась при жизни Людовик XIV. В 1745 году появилась одна из самых известных антиклерикальных повестей о соблазнении. “Монастырские врата, или история дома” “Педераст” Шарля Жерве де Латуша. (На самом деле “Бугре” означало “мужчина”). Болгарский, потому что считалось, что булгары склонны к содомии.) Крестьянский парень по имени Сатурнин подглядывает через дырку в стене и видит, как его мать занимается сексом со своим отцом -исповедником; он мастурбирует, а затем отправляется на поиски своей сестры Сюзанны , чтобы попытаться изнасиловать ее. Она сопротивляется ему, но говорит ему, что уже познала прелести лесбиянства у монахини - и затем она довольно подробно рассказывает своему брату сексуальную историю монахини, в ходе которой становится ясно, что жизнь монахов и монашек - это одна долгая сексуальная оргия. Теперь оба сексуально возбуждены, и, подсмотрев в щель очередную сцену прелюбодеяния, Сюзанна уступает своему брату. Затем Сатурнин становится монахом и обнаруживает , что удовольствия монашеской жизни не были преувеличены; как отец-исповедник, он может использовать в своих интересах кающихся женщин и даже насилует монахиню, которая приобщила его сестру к лесбиянству. Но в конце концов он подхватывает сифилис от своей сестры и вынужден

будут кастрированы; Сюзанна умрет от горя. Это результат

греховной жизни, которой они научились в монастыре. И все же, хотя история сама по себе звучит достаточно непристойно, ее цель, очевидно, сатирическая и антиклерикальная, а не конкретно порнографическая.

Для сравнения, у “Фанни Хилл” только одна цель: возбуждать. Фанни - сирота, которая приезжает в Лондон без гроша в кармане и устраивается горничной в бордель. В первую же ночь, проведенную там, другая девушка забирается к ней в постель и обучает секретам любви. Но там, где Боккаччо, Брантом или Латуш просто сказали бы, что они ласкали друг друга, Клиланд посвящает этому две страницы:

Мои груди… Какое-то время она ласкала их руками, пока, скользнув ниже, по гладкой дорожке, она не почувствовала мягкий шелковистый пушок, который всего несколько месяцев назад покрывал эти прелестные уголки Маунт-Плезант и обещал дать им благодарный приют. средоточие самых утонченных ощущений, которое до этого момента было средоточием самой бесчувственной невинности. Ее пальцы играли и норовили запутаться в молодых побегах этого мха, который природа создала одновременно и для использования , и для украшения.

Но, не удовлетворившись этими внешними ограничениями, она теперь пробует на вкус главное место и начинает дергаться, вкрадываться и, наконец, с силой вводит палец в самое лоно таким образом, что , если бы она не действовала незаметными переходами, это воспламенило бы меня до невозможности. скромность, чтобы противопоставить свое сопротивление их прогрессу,

Мне следовало бы выпрыгнуть из постели и позвать на помощь в борьбе с такими странными нападениями.

Вместо этого, ее похотливые прикосновения зажгли новый огонь, который разожегся по всем моим венам…. [Наконец,]…впадинка, к которой она направила мою руку, легко приняла его; и как только она почувствовала это внутри себя, она задвигалась взад и вперед, с таким стремительным трением, что я тут же вытащил его, мокрый и липкий, как вдруг Фиби мгновенно успокоилась…

Такой анатомической точности еще никто не добивался. По сути, было найдено новое применение художественному произведению: оно не просто позволяет читателю погрузиться в чувства и горести молодой девушки, но и позволяет ему во всех

подробностях рассказать о ее первых эротических ощущениях. По-своему, Клиланд заслуживает такой же похвалы за то, что открыл новые горизонты, как Ричардсон или Руссо. Когда первый любовник Фанни, Чарльз, лишает ее девственности, этот процесс описан на трех страницах, опять же с большим реализмом.:

…затем приложил острие своей машины к щели, в которую он искал вход; она была такой маленькой, что он едва мог убедиться, что она правильно направлена. Он смотрит, он ощупывает и удовлетворяет себя; затем с яростью устремляется вперед, его невероятная жесткость, придавленная таким образом, клинообразная, разрушает соединение этих частей, и ему остается только ввести кончик на глубину губ…

И так далее, пока, через полстраницы: “одним яростным безжалостным выпадом оно, пропитанное и пахнущее кровью девственницы, не вошло в меня по самую рукоятку”.

На протяжении всей книги Клиланд демонстрирует ту же способность находить нужные слова или фразы, чтобы передать реальность сексуального опыта. Если это и есть порнография, то он, безусловно, порнограф. Но достаточно прочесть всего полстраницы “Фанни Хилл”, чтобы понять , что за этим кроется нечто большее. Очевидно, что Клиланд наслаждается своей способностью создавать реальность в словах. Он в точности похож на писателя-путешественника, который с удовольствием пытается увлечь читателя в путешествие. Предыдущие авторы обходились фразами вроде: “Затем они окунулись в мир сладострастия и, не теряя времени, начали играть в игру под названием “Зверь с двумя спинами”. Но у Клиланда было немало женщин, и он стремится “говорить правду”. Поэтому, когда Фанни намеревается соблазнить юношу с гигантским пенисом (чтобы отомстить своему любовнику за его неверность), он хочет, чтобы читатель разделил ее опыт:

О, тогда! обжигающее прикосновение его пальцев придает мне решимости, и мои страхи тают перед нестерпимым жаром, мои бедра раскрываются сами собой и дают полную свободу его руке;

и вот теперь, когда он легким движением подбросил мои нижние юбки, аллея оказалась слишком красивой, слишком открытой , чтобы ее можно было не заметить. Теперь он на мне; я расположился струей под ним, максимально удобно и открыто для его попыток, которые были достаточно неудачными, потому что его машина, не встречая впускного отверстия , врезалась в меня случайными толчками, то сверху, то снизу, то рядом с ним точка; тилль, сгорая от нетерпения от его раздражающих прикосновений, Я осторожно, своей рукой, направлял этот бешеный двигатель туда, где моему юному новичку предстояло получить свой первый урок наслаждения. Таким образом, он, в конце концов, проделал теплое и недостаточное отверстие; но он был вынужден признать, что ни одна брешь не является невыполнимой, а моя, хотя и часто входившая, все еще была недостаточно широка, чтобы он мог легко в нее пролезть.

Однако, по моему указанию, головка его громоздкой машины была так сильно заострена, что, когда я почувствовал, что он вплотную прижат к нежному отверстию, мое благоприятное движение встретило его своевременный толчок, в результате чего его губы , сильно расширенные, уступили место его стремительности, чему он таким образом способствовал.

мы оба могли бы почувствовать, что он нашел пристанище. Продолжая свою мысль, он вскоре, сильными и, на мой взгляд, наиболее болезненными проникающими толчками, проникает так глубоко, что теперь может быть в достаточной степени уверен в своем входе; здесь он застрял…

И описание продолжается еще на три страницы. На самом деле, время, затрачиваемое на чтение, очевидно, намного больше, чем на то, чтобы сделать это. Клиланд замедлил время, чтобы убедить читателя поделиться своим творческим опытом. И это, конечно, именно то, что Ричардсон сделал в “Памеле” и еще более подробно сделает в “Клариссе”. Доктор Джонсон перешел прямо к делу, когда сказал, что если вы будете читать Ричардсона ради истории, “ваше нетерпение будет настолько сильным , что вы

повеситесь". Ричардсон предполагает, что Памела и Кларисса стала настолько реальной в воображении читателя, что нам хочется задержаться на ней. Полтора столетия спустя Марсель Пруст доведет это предположение до невероятных пределов, фактически убедив читателя отказаться от привычного чувства времени. Ни один писатель до появления Ричардсон мечтал бы совершить такой подвиг: Сервантес, Лесаж, Дефо - все они полагались на обилие происшествий, чтобы удержать интерес читателя.

Фанни, подобно своему создателю, жила, чтобы наслаждаться плодами своих похотливых трудов; в конце концов она счастливо вышла замуж за своего первого любовника, которому призналась во всем и получила прощение. Клиланд, вызванный в Тайный совет для объяснения причин написания аморальной книги, сослался на бедность и получил пенсию в размере ста фунтов в год при условии, что он больше не будет писать порнографию. Он продолжал жить , не имея долгов, вплоть до своего восьмидесятилетия, в год Французской революции.

Ближайшие преемники Ричардсона не предприняли ни малейшей попытки перенять его пример. Генри Филдинг и Тобиас Смоллетт продолжал писать в традициях Сервантеса и Лесажа - на самом деле, оба они написали романы (Джозеф Эндрюс и сэр Ланселот Гривз), которые были подражаниями Дон Кихоту; Лоуренс Стерн обращался еще дальше в прошлое, к Рабле. С нашей точки зрения, самое интересное в них - это их общее отношение к сексу. Хотя все они писали об этом с гомерическим восторгом, в них не было ничего, что мы сейчас назвали бы порнографией. Следующее поколение осуждало их грубость и непристойность, но никто не смог бы обвинить их в том, что они одержимы сексом. Они

Романтики просто считали это само собой разумеющимся - наряду с едой, питьем и общением - одним из важнейших стимулов человеческого существования. Что шокировало романтиков, так это их реализм. Поклявшись в вечной верности девушке, которую он любит, Том Джонс из фильма Филдинга позволяет соблазнить себя первой привлекательной женщине, которую он встречает на пути в Лондон. (Позже выясняется, что

она была его давно потерянной матерью, но это оказывается ложной тревогой.) Перегрин Пикль Смоллетта заходит еще дальше: как только он расстается со своей настоящей любовью, Эмилией, он прилагает все усилия, чтобы соблазнить молодую леди, которую встречает в дилижансе - вплоть до попытки изнасилования, - а затем сбегает с женой попутчика. Позже он разбогател, но вместо того, чтобы предложить своей возлюбленной руку и сердце, он предлагает ей крупную сумму денег за то, чтобы она легла с ним в постель (что она с негодованием отвергает)..

“Тристрама Шенди” Стерна (1760) можно рассматривать как развернутую непристойную шутку. Юмор основан на бесконечных отступлениях; кажется, что рассказчик по своей природе не способен уловить суть. А причина, как мы узнаем из первых глав, в том, что его отца внезапно прервали на пороге оргазма. Мистер Шэнди обычно раз в месяц заводил часы, а затем занимался любовью со своей женой. В тот день, когда был зачат его сын, жена прервала его оргазм, чтобы спросить, “Вы завели часы?”, что вызвало у мистера Шэнди инсульт и помешало жизненно важным жидкостям выполнять свою работу должным образом. Поэтому его сыну Тристраму тоже трудно доводить что-либо до кульминации. (Его проблемы усугубляются несчастным случаем в детстве, когда он мочился из окна, которое внезапно выпало…) Стерн готов пойти на все, чтобы отпустить неприличную шутку. В одной из глав он подробно рассматривает католическую доктрину о крещении нерожденных детей и цитирует длинный документ на французском языке, написанный акушером, суть которого заключается в том, что хирург изобрел своего рода насадку, с помощью которой можно крестить ребенка , пока он еще находится в утробе матери. ‘без вреда для матери’. Шутка заключается в том, что французское название насадки - canulle - также является французским жаргонным обозначением мужского полового органа. Стерн подчеркивает этот момент, сомневаясь в том, что операция может быть проведена “без вреда для отца”, то есть без превращения его в рогоносца. Итак, весь смысл “Тристрама Шэнди” в том, что в своей скромной, насмешливой манере он призван шокировать - шутка усиливается тем фактом, что ее автор - священник. Тем не менее, очевидно , что между Стерном и его аудиторией существует общая симпатия; он как любимец публики.

гость на ужине, который рассказывает рискованную историю в полной уверенности, что это будет оценено по достоинству. Мы чувствуем то же самое, когда читаем Филдинга и Смоллетт; они не устанавливают никакой дистанции между собой и своей аудиторией. Желание Де Сада ошеломить своих читателей сохранится и через тридцать лет.

Эти наблюдения также позволяют нам понять суть порнографии графика. Боккаччо и Рабле непристойны, но не порнографичны, потому что они рассматривают секс как часть жизни - очень важную, но все же часть. Даже Клеланд не является по-настоящему порнографическим персонажем, поскольку в основе его лежит раблезианское наслаждение гротеском. он несколько раз от души шлепнул ее и, запустив руки ей в грудь, высвободил их из корсета, пренебрегая его ограничениями они сорвались и свисали вниз, по крайней мере, до пупка…'). Но у де Сада секс раздут до предела, пока не становится самой важной вещью в мире — Филдинг и Смоллетт, несомненно, сочли бы его слегка сумасшедшим. В порнографии секс каким-то образом отделился от реальности, подобно воздушному шару, который оторвался от причала.

Это, в свою очередь, предполагает ответ на наш вопрос: что произошло между рождением де Сада и рождением Крафft-Эбинга? Расцвет романа научил Европу использовать свое воображение. А когда воображение применили к сексу, результатом стал расцвет порнографии - и "сексуальных извращений'.

Давайте зададим, на первый взгляд, абсурдный вопрос: для чего нужна порнография? Это звучит абсурдно, потому что ответ кажется самоочевидным: возбуждать сексуальное влечение. Но если мы попытаемся поставить себя на место марсианского ученого, изучающего людей, мы увидим, что это вовсе не самоочевидно. Марсианин хотел бы знать: почему люди хотят читать о совершенно нормальной биологической активности? Им нравится еда и напитки, но нет процветающей индустрии, описывающей гастрономические оргии.

Отчасти ответ кроется в "феномене Барбюса", то есть в наблюдении героя Барбюса о том, что, хотя он хочет "всех

женщин”, он обнаруживает, что переспать с проституткой - это разочарование. Но что вызывает “эффект подавления”? Это, очевидно, подводит нас к гораздо более важному вопросу: к тому, что психиатр Виктор Франкл назвал ” законом обратного усилия’. Чем сильнее заика старается не заикаться, тем больше вероятность, что он будет заикаться. Как ни странно, лучший способ не заикаться - это

заикание - это сознательная попытка заикаться. Герой Барбюса испытывает вожделение к девушке, которую видит на крыше трамвая, потому что это запрещено. Проститутка слишком доступна и поэтому менее возбуждает. Марк Твен сформулировал версию того же закона в “Томе Сойере”, в главе , где Том уговаривает всех своих друзей покрасить забор, шепча им: разговаривает и выглядит так, как будто ему это нравится. Твен говорит: “Работа - это то, что человек обязан делать; игра - это то, что он не обязан делать”. Согласно этому определению, секс с проституткой - это “работа”.

“Феномен Барбюса”, по-видимому, имеет физиологическую основу. Животноводы обнаружили, что самец может совокупиться с самкой всего два-три раза, прежде чем ему это надоест. Если самца быка — или козы, или овцы, или лошади — поместить в загон с самкой во время течки, он может совокупиться один или два раза, а затем теряет интерес. Но это не от сексуального истощения. Если самку убрать и привести в загон другую самку, у которой течка, он начнет все сначала. И так далее с третьей, четвертой или пятой - на самом деле у некоторых животных предел еще не установлен. Но если одна из первоначальных самок появляется вновь, самец не дает себя одурачить; он игнорирует ее.

Это явление получило название “эффект Кулиджа”, и причина его описана в исследовании Дональда Саймонса ” Репродуктивное поведение человека” (The Study of Human Sexuality, 1979). История гласит , что мистер и миссис Кэлвин Кулидж осматривали государственную ферму, и их отправили на разные

экскурсии. Проходя мимо курятника, миссис Кулидж спросила дежурного, совокупляется ли петух чаще одного раза в день.

‘Десятки раз’.

“Пожалуйста, передайте это президенту”, - попросила миссис Кулидж.

Мужчина передал это сообщение, когда президент посетил загон.

“А петух каждый раз выбирает одну и ту же курицу?”

- О нет, господин президент, каждый раз по-разному.

Президент медленно кивнул, затем сказал: “Передайте это миссис Кулидж.

По-человечески это можно было бы назвать эффектом “она-не-моя-жена”. Согласно старому анекдоту, женщина, страдавшая от мигрени , пришла в ярость, когда дорогостоящий специалист велел ей сесть на кровать, прижать руки ко лбу и повторять снова и снова: “У меня не болит голова’. Муж посоветовал ей попробовать это, и, к ее удивлению, головная боль мгновенно прошла. Несколько месяцев спустя ее муж начал страдать от полового бессилия и обратился к

тот же врач. Он отказался рассказать жене, что сказал врач, но его импотенция полностью исчезла. Каждый вечер, перед тем как жена ложилась спать, он настаивал на том, чтобы провести пять минут наедине в спальне. Однажды ночью, не в силах больше этого выносить, его жена на цыпочках подкралась к двери и заглянула в замочную скважину. Он сидел на краю кровати, прижав руки ко лбу, и повторял: “Она мне не жена, она мне не жена. .

Так что то, что мы могли бы назвать “феноменом Барбюса”, похоже, имеет под собой некую биологическую основу. У мужчин есть фундаментальное стремление к необычности’. (Саймонс

отмечает: “Женщина ничего не выигрывает в репродуктивном плане и многое может потерять, стремясь к сексуальному разнообразию как таковому’). У мужчин сексуальное влечение больше не вызывается запахом самки в период течки; эту функцию берут на себя визуальные стимулы, при этом воображение играет все более важную роль. Именно воображение, а также визуальный стимул наполняют героя Барбюса желанием к женщине, юбка которой задирается на крыше трамвая. А человеческая реальность проститутки делает излишним воображение, поэтому он оказывается в положении быка, который уже трижды обслужил корову и потерял к ней интерес.

Очевидно, что это является основой большинства, если не всех, сексуальных “извращений’. Если бы герой Барбюса предпочитал школьниц, он, возможно , нашел бы проститутку более привлекательной, если бы она была одета в школьную форму.

Поскольку секс у человека регулируется - в некоторой степени - воображением , то мужчина в целом лучше контролирует свои сексуальные влечения , чем бык или крыса. После третьего совокупления они теряют интерес и могут вернуть его, только если им предоставят другую самку в период течки. Когда Джеймс Джойс был в Лондоне в 1902 году, он провел ночь с проституткой, которая рассказала ему, что потеряла девственность со своим братом Фредом, и что он занимался с ней любовью десять раз за ночь.* Очевидно, что Фреда побуждала к повторным действиям мысль о том, что он совершает инцест - побуждение к запретному. Но даже у воображения есть свои пределы. Отсюда порнография, которая стимулирует воображение с помощью удачно подобранной фразы (“он наконец-то нащупал теплое и недостаточное отверстие”), которая оживляет физический акт.

* смотрите “Мастерскую Дедала”, изд. Роберт Скоулз и Ричард М. Кейн, 1965, с. 45

Романтические муки

Тем не менее, наш марсианский ученый, возможно, все еще испытывает некоторое недоумение по поводу человеческой сексуальности. Почему люди должны хотеть читать о сексе, а не

заниматься им, когда голодный мужчина скорее съест еду, чем будет читать о ней? Здесь необходимо дать определение еще одному понятию, которое является центральным для понимания человеческой сексуальности: тому, что можно назвать “роботом”. В нашем подсознании у каждого из нас есть своего рода слуга, который выполняет определенные автоматические функции. Когда я учусь печатать на машинке, водить машину или изучать иностранный язык, мне приходится делать это болезненно и осознанно; затем, внезапно, мой робот -парковщик берет все на себя и делает это автоматически; на самом деле, он делает это гораздо лучше быстрее и эффективнее, чем мог бы “я”. Главная проблема с этим механическим камердинером заключается в том, что он часто берет на себя функции, которые я предпочел бы оставить за собой — например, когда я устаю, я ем автоматически и поэтому не получаю удовольствия от еды. На самом деле, именно по этой причине многое из того, что мы переживаем, кажется странным образом “нереальным”; робот берет все на себя. Когда мне плохо, я могу целыми днями жить в “роботизированном” состоянии, и переживания стекают с меня, как вода с утиной спины. И поскольку я не получаю никакой “обратной связи” в виде удовольствия или интереса от своей деятельности, я становлюсь еще более скучным, чем когда-либо, и опыт становится все менее интересным. (Это, конечно же, робот проявление депрессии и нервного срыва.) И именно поэтому исследователи намеренно ищут трудностей и опасностей - чтобы обмануть робота и “прочувствовать жизнь в себе более остро”.

Порнография также является методом обмана робота; она создает эффект “она-не-моя-жена”.

Главный вывод, который следует из этой главы, заключается в том, что настоящая порнография началась с романа Сэмюэля Ричардсона “Памела и Кларисса - особенно последняя - с этим духом пыхтения, одержимости у меня есть вуайеризм, описанный В. С. Притчеттом. Можно сказать, что Ричардсон не только научил Европу мечтать, но и научил ее мастурбировать. Странные сексуальные извращения, описанные Крафft-Эбинг и Хиршфельд - все они косвенно связаны с той же революцией в области воображения, которая породила великих романтиков-мечтателей девятнадцатого века.

Это странное - и довольно тревожное - осознание. Ведь из этого ясно следует, что мастурбация является одной из высших способностей, которые до сих пор были развиты у людей. Многие животные мастурбируют, но никогда без присутствия другого

животного или какого-либо аналогичного стимула. Человек может мастурбировать в пустой комнате: триумф науки.

чистое воображение. Также важно отметить, что человеческое воображение не одинаково сильно во всех областях. Я могу представить , как обжигаю палец, и морщусь от этой мысли, но на самом деле я не испытываю боли. Я могу представить, как пью фруктовый сок со льдом, когда мне хочется пить, но это не утоляет мою жажду. Только когда я использую сексуальное воображение, я могу создать что-то, приближенное к реальному ощущению, и убедить свое тело отреагировать соответствующим образом.

И отметим, что, сделав это, я намеренно жгут ную биологических энергий, которые предусмотрены природой для воспроизводства, точно так, как инженер использует мощь водопада на ГЭС. В этом отношении люди научились использовать естественные силы своего тела, чтобы одержать победу над роботом.

Следует также отметить, что, хотя романтики учили Европу мечтать, они всего лишь развивали трюк, которому человек научился сам много тысяч лет назад. Его открыли первые охотники, которые, сидя у костра, рассказывали истории о прошлом. Авторы “Эпоса о Гильгамеше”, Ветхого Завета и “Илиады” довели его до высокой степени совершенства. Позже они научились использовать музыку, живопись и драматургию для тех же целей - греческому актеру по имени Теспис принадлежит заслуга открытия, что, когда “Илиаду” читали вслух несколько разных людей, интерпретируя разных персонажей, она “оживала” гораздо сильнее , чем когда ее читал один человек. И в течение следующих двух тысяч лет драма была, безусловно, самым эффективным средством развития человеческого воображения, а также активизации человеческого интеллекта - нам достаточно прочитать любую из пьес Шекспира, чтобы понять, какого высокого уровня достиг обычный елизаветинский театрал, который вполне мог быть неграмотным.

Но даже по сравнению с созданием драмы изобретение романа

стало одним из величайших шагов в эволюции человеческого воображения. В драме нужен был театр, зрители и какие -то декорации; в романе театром был человеческий мозг, а декорациями - сам мир. Результатом стала духовная и культурная революция, которая создала современного человека.

Было неизбежно, что кто-то воспользуется новым изобретением для усиления сексуальных эмоций и создания литературного жанра, который мы называем порнографией, - книг, которые читаются одной рукой". Поступая так, человек усилил влечение, которое и без того является одним из наших самых сильных

биологические влечения. С точки зрения природы, это можно даже рассматривать как преимущество, поскольку, несомненно, в интересах природы "субсидировать" стремление к размножению мощным потоком сексуальной энергии; вот почему баран будет бесконечно продолжать совокупляться с новыми самками, находящимися в процессе эструса. Но когда дело касается людей, сама по себе сила влечения может оказаться сомнительным благом. Многим насильникам приходится годами сожалеть о том, что они когда-либо видели свою жертву. Мужчина, который приложил все усилия, чтобы затащить девушку в постель, может задаться вопросом, что же он вообще в ней нашел, как только сексуальное влечение утихнет. Человек, который гордится своим самообладанием, может стать рабом влечения, которое вызывает у него чувство вины и стыда.

С другой стороны, эта огромная сила может быть использована для того, чтобы вызвать сильные и опасные эмоции - например, сплавиться на каноэ по белой воде. Этому трюку научились романтики, и он породил так много сексуальных неудачников, историю которых мы должны теперь рассмотреть более подробно.

Маркиз де Сад все еще находился в Шарантонском приюте для душевнобольных в Март 1812 года, когда угрюмый молодой поэт проснулся в своих покоях в 8 Сент-Джеймс-стрит в Лондоне и “обрел известность”. Его звали Джордж Гордон, лорд Байрон, и ему было двадцать четыре года. Причиной такой внезапной известности стала публикация - предыдущая Суббота - одна из первых двух песен его поэмы “Чайльд Гарольд”. Было напечатано пятьсот экземпляров, и ко вторнику все они были распроданы. Первое ощущение славы пришло к Байрону буквально в тот момент, когда он проснулся в понедельник утром, 9 марта, и его камердинер вручил ему поднос , полный визитных карточек. Должно быть, это был ошеломляющий опыт. В субботу о нем почти ничего не знали; к полудню понедельника на него посыпались приглашения от богатых и влиятельных людей. Женщины умоляли представить их друг другу, и одна из них - Леди Роузбери была так потрясена, когда заговорила с ним, что ее сердце бешено заколотилось и она едва не лишилась дара речи. Осознавая свое воздействие на женщин, Байрон начал использовать то, что он называл “скрытым взглядом”, - внезапный взгляд вверх , когда человек отворачивается; похоже, это производило примерно такой же эффект, как ‘Пылающий взгляд’ Рудольфа Валентино, 1920-е годы.

Что же такого было в этом длинном - и зачастую скучном - стихотворении, что принесло ему такой успех? Поэт Сэмюэл Роджерс, прочитавший ее в корректуре, сказал своей сестре, что она никогда не приживется из-за своего плаксивого, недовольного тона и распущенного образа жизни героя. Он ошибся: публика истолковала “жалобный и недовольный тон” как меланхолическую задумчивость человека, который выпил чашу удовольствий до дна и теперь страдает похмельем. Что касается разгульного образа жизни, то в “Чайльд Гарольде” это звучит довольно приятно:

Когда-то на острове Альбион жил юноша,,

Который был непорочен в добродетели и наслаждался ею,;

Но проводил свои дни в самых грубых бунтах,

Мятежный ангел

И веселил сонный слух Ночи.

Ах, я! воистину, он был бесстыдным существом.

Склонным к пирушкам и нечестивому ликованию.;

Немногие земные вещи находили благосклонность в его глазах За исключением наложниц и плотских утех.

И выставляющих себя напоказ распутников высокого и низкого ранга.

К несчастью для Чайльд Гарольда (“чайльд” - это сын дворянина, который еще не унаследовал титул), секс и алкоголь начали ему надоедать, и “он почувствовал полное пресыщение’. Затем, с помощью хитрого психологического хода, Байрон поднимает его над уровнем обычного пьяного развратника, наделяя тайной печалью:

Ибо он прошел через длинный лабиринт Греха.

И не искупил своей вины, когда поступил неправильно,

Вздыхал по многим, хотя любил только одну.

И этот любимый человек, увы! никогда не мог принадлежать ему.

Ах, счастлива она была, что ускользнула от того, чей поцелуй Был осквернением столь целомудренной натуры…

Конечно, читателю остается только предполагать, что весь этот разврат - попытка забыть утраченную любовь; на самом деле “скорбь” ставит Чайльда Гарольда в прямое родство с Сен-Пре и юным Вертером. В 1940-х годах Голливуд позаимствовал листок из той же книги в Касабланка, когда Хамфри Богарт отрекается от Ингрид Бергман и смотрит, как она улетает навстречу рассвету вместе со своим мужем. На самом деле, Рик в “Касабланке” - это обновленная версия байронического героя:

И теперь Чайльд Гарольду было очень плохо на душе.

И он убегал от своих приятелей-вакханок.;

Говорят, временами у него наворачивались горькие слезы.,

Но гордость сковала его сердце.:

Он бродил в безрадостных мечтах.

И решил покинуть свою родную землю.

И посетить знойные края за морем…

(Байрон вырос в Абердине, отсюда и редкие шотландские обороты, такие как “не” вместо “не” и “и” вместо “око”.) Это было также для Преимущество Чайлда в том, что, как и его создатель, он был дворянином, жившим в разрушающемся аббатстве; читатели готических романов любили разрушающиеся замки и покрытые плесенью особняки с хлопающими ставнями:

Чайлд покинул отчий дом:

Это было огромное и почтенное сооружение;

Отверженные

Такие древние, что, казалось, просто не могли упасть.

Но в каждом массивном проходе была сила.

Монастырский купол! обреченный на мерзкое использование!

Там, где когда-то было логово суеверия.

Теперь стало известно, что пафийские девушки поют и улыбаются;

И монахи могли бы решить, что их время уже пришло

Если верить древним сказаниям и не ошибаться в этих святых людях.

Выпад в сторону “суеверия”, должно быть, вызвал у некоторых

изумление - в конце концов, он говорил о христианстве, - в то время как комментарий о монахах, подразумевающий, что они устраивали там оргии, был равносилен дополнительному оскорблению. Обладая безошибочным чутьем, Байрон собрал воедино материалы для бестселлера: грех, пресыщение, тайные печали и путешествие в дальние страны, чтобы забыть девушку, которая никогда не сможет принадлежать ему. Более того, Англия воевала с Наполеоном так долго - десять лет, - что даже самый Последовавший за этим рассказ о путешествиях по континенту показался мне захватывающим и красочным. К несчастью для Байрона, он продал авторские права на Чайлда Гарольд заплатил 600 фунтов стерлингов, а затем отдал деньги другу - в противном случае поэма в конечном итоге сделала бы его богатым человеком.

Байрон не был богатым человеком; на самом деле, то, что он был лордом, было чистой случайностью . Его отец, известный как "Безумный Джек Байрон", был известным повесой и игроком, который женился на простой и пухленькой шотландской наследнице из-за ее денег, а затем бросил ее, потратив все деньги (23 000 фунтов стерлингов) и сделать так, чтобы она забеременела. Он умер в бедности во Франции три года спустя. У его сына, родившегося 28 января 1788 года, было несчастное и одинокое детство; из-за деформированной правой стопы он хромал, и его школьные друзья смеялись над этим. В детстве он испытывал страсть к своей кузине Мэри Чаворт, но она переросла в ненависть, когда он услышал, как она спрашивает свою горничную: "Неужели ты думаешь, что я могу что-то чувствовать к этому хромому мальчику?' Его мать, Кэтрин Гордон, была склонна называть его "хромым отродьем". К счастью, когда ему было девять лет, его встретила служанка-нимфоманка. Мэй Грей дала ему понять, что он не так уж непривлекателен, когда забралась к нему в постель и научила его приемам занятий любовью (хотя неясно, занимались ли они любовью или просто ограничивались интимными ласками). Он стал яростно ревновать, когда она завела любовника - кажется, она даже позволила ему стать свидетелем их сексуального контакта, - и она избила его до полусмерти, когда он запротестовал. Возможно, именно этот эпизод в конечном итоге заставил Байрона пожаловаться на ее внимание семейному адвокату, и она была уволена. Позже он заявил, что в это раннее

приобщение к сексу стало причиной его дальнейшей склонности к пресыщению и меланхолии, ‘предвосхищению жизни’.

Отец Байрона, “Безумный Джек”, был простолюдином, хотя старший брат его отца был пятым лордом Байроном. Последний был известен как “Злой лорд”, потому что однажды в драке убил соседа, за что был судим своими сверстниками. Наследником титула и поместий в Ньюстедском аббатстве, недалеко от Ноттингема, был двоюродный брат Байрона, Уильям. Но Уильям был убит, когда ему было всего восемнадцать, при осаде Кальви на Корсике в 1794 году. Четыре года спустя Злой лорд Байрон умер, и его внучатый племянник, хромой десятилетний мальчик, унаследовал титул. Но имущество, которое он унаследовал, пришло в упадок и было заложено - Злой лорд решил разорить своих наследников после того, как его сын женился против воли отца. А поскольку у матери Байрона тоже не было денег , им приходилось жить в нищенском великолепии. Когда Байрону исполнилось тринадцать, правительство выделило грант в размере 300 фунтов стерлингов на его образование, и его отправили в Харроу, где его относительная бедность снова усложнила жизнь. Умная и любящая мать могла бы многое изменить, но Кэтрин Гордон была глупа и погружена в себя. Когда один из учеников заметил: “Байрон, твоя мать дура”, - юный лорд покорно ответил: Я знаю это. Байрон влюбился в свою кузину Маргарет Паркер, но она умерла вскоре после того, как он поступил в Харроу. Казалось, смерть преследовала его.

Байрон, несомненно, имел сильные гомосексуалистические наклонности, направленные на тех, кто моложе его. В Харроу он подружился с несколькими мальчиками помладше и защищал их от травли. Именно в Харроу Байрон начал писать стихи, большая часть которых была адресована юным протеже, таким как лорд Клэр и Уильям Харнесс. Насколько нам известно, все эти увлечения были идеалистическими. Но когда двадцатитрехлетний повеса по имени лорд Грей де Рутин, которому его мать сдавала Ньюстед, заигрывавший с гомосексуалистами, Байрон в ужасе бежал.

Его настоящая сексуальная инициация началась, когда он поступил в Кембридж в 1805. Он проводил много времени в Лондоне и познакомился с борделями в районе Пикадилли;

французская сводня посоветовала ему приправлять пыл деликатностью (то есть быть менее грубым). Он брал уроки бокса у известного боксера, обедал в хороших ресторанах и занимал деньги под огромные проценты у ростовщиков. Он также возобновил знакомство со своей привлекательной сводной сестрой с кудряшками Августа (его отец, Безумный Джек, был женат дважды), которая недавно вышла замуж за своего двоюродного брата. Полковник Джордж Ли. Он спас

мальчик из церковного хора по имени Джон Эдлстон из “Утопления” страстно влюбился в него, хотя позже утверждал, что их дружба была чистой. Кажется, нет причин сомневаться в чувствах Байрона к Эдлстон были столь же влиятельны, как и те, кого он позже принимал за некоторых из своих любовниц. Это заставляло его нервничать, поскольку он знал, что в Англии к гомосексуальности относились с отвращением. Четырьмя годами ранее В день рождения Байрона писатель Уильям Бекфорд был выслан из Англии после того, как его обвинили в гомосексуалистических связях с шестнадцатилетним юношей. Склонность Байрона влюбляться в мальчиков , несомненно, приводила к чувству вины - из-за “любви, которая не смеет назвать свое имя”, - что способствовало осознанию греховности Чайльд-Гарольда.

Хорошая жизнь и пристрастие к вину привели к тому, что Байрон прибавил в весе. Для человека с таким тщеславием, как у него, это было невыносимо; он начал тренироваться в боулинге с Эдлстоном, надевая полдюжины жилетов , чтобы вызвать потоотделение.

Он также приобрел репутацию шутника. Когда возмущенный студент из Кембриджа сказал ему, что держать собаку противоречит уставу колледжа, он привел медведя на цепи, указав, что в уставе ничего не говорится о медведях. Он завел себе любовницу - ходили слухи, что он купил ее в борделе за 100 фунтов стерлингов и наслаждался тем, что заставлял ее одеваться как мальчика и выдавал за брата. Когда она забеременела,

начались обычные мучения и сожаления, и Байрон объявил, что готов жениться на ней; к счастью, у нее случился выкидыш, и Байрон написал прощальное стихотворение. Это появилось в сборнике стихов под названием “Часы праздности” (название, призванное спровоцировать его кембриджских преподавателей), который был так резко встречен критиками, что Байрон подумывал о самоубийстве. Критик из эдинбургского журнала Review заявил: … его излияния растекаются по мертвой равнине и не могут подняться выше или ниже уровня, как если бы они были стоячей водой”. Это причинило Байрону такую душевную боль, что он объявил, что сходит с ума. Вместо этого он написал живую сатиру в манере Поупа “Английские барды и шотландские обозреватели”, которая была воспринята - по крайней мере, в Лондоне - с гораздо большим восхищением. Затем, разочаровавшись в Кембридже, он решил не возвращаться; его комнаты были сданы эрудированному молодому гомосексуалисту по имени Чарльз Мэтьюз. Когда Байрон познакомился с ним, они стали близкими друзьями - без сомнения, потому, что чувствовали определенную близость. И когда Байрон понял, что часы безделья сделали его в Кембридже кем-то вроде личности, он передумал и вернулся

чтобы насладиться своей известностью. Это был его первый вкус славы, и он нашел его сладким. В июле 1808 года он покинул университет, получив ученую степень, и пригласил своих ближайших друзей — Мэтьюза, Джона Кэма Хобхауса и Скроупу Дэвису - навестить его в Ньюстеде осенью. Там они переоделись в монашеские одежды, нанятые специально для этого случая, проговорили всю ночь и напились - Байрон пил вино из черепа, который он установил вместо кубка. Из того, что выяснилось позже, довольно ясно, что одной из тем их разговора была педерастия, и что Мэтьюз убеждал своих товарищей попробовать это. В следующем году Байрон и Хобхаус последовали его совету.

Байрону не терпелось отправиться в Большое турне по Европе, но у него не было денег — более того, он задолжал 12 000 фунтов стерлингов. Затем Скроуп Дэвис провел невероятно удачную ночь

за игорными столами и в конце концов выиграл столько золота, что хватило бы на ночной горшок; Байрон занял достаточно денег, чтобы оплатить свое путешествие, и в июле 1809 года отправился в путь вместе с Хобхаузом.

Доктор Луис Кромптон* доказал, что Байрон и Хобхаус намеревались практиковать педерастию. Байрон пошутил в письме к своему наставнику, что он намеревался написать главу в книге Хобхауса под названием “Содомия в упрощенном виде, или педерастия”. Оказалось, что это достойно похвалы. Но письмо, написанное Мэтьюзу из Фалмут, из которого они намеревались отплыть, дает понять, что это была далеко не шутка. Он говорит: “Я не думаю, что сама Грузия может сравниться с нами в возможностях или подстрекательстве к “Пленуму” и “выбору”. Коит. порт Фалмут… Мы окружены гиацинтами и другими цветами… И у меня есть намерение выбрать красивый Букет, который можно сравнить с экзотикой, которую я надеюсь встретить в Азии”. Все это своего рода код. Грузия - родина черкесских мальчиков; Гиацинт был красивым мальчиком, которого любил Аполлон и который случайно был убит богом во время игры в квойты, что также пишется как “койты”. Странную фразу ‘полное и неотвратимое согласие” можно найти в гомосексуалистическом романе Петрония “Сатирикон”, в котором поэт-неудачник Евмолп описывает, как он соблазнил маленького мальчика под носом у его матери и отца и в итоге достиг “полного и желанного совокупления”. Это совращение происходит в римской провинции в провинции Турция, называемой Азия, где Байрон надеялся найти похожий ‘букет’. Байрон рассказывает Хобхаусу, что надеется соблазнить мальчика в Фалмуте. (В заключение он говорит: “Один экземпляр я обязательно унесу”).

* Байрон и греческая любовь, 1985

В своем ответе Мэтьюз поздравляет Байрона с успехом его усилий “в таинственном” - то есть в его коде - и говорит, что Хобхаус также преуспел. Но Хобхауз должен позаботиться о том, чтобы не ставить тире под своими “таинственными значениями”, потому что это могло бы вывести кота из мешка, если бы “табелярии” (почтальоны) прочитали письмо. (В Англии того времени в среднем казнили двух гомосексуалистов в год , так что у них были причины скрывать свои тайные удовольствия.) Он продолжает

и предлагает называть педерастию его методом, пишется

через -е. Он продолжает: “Гиацинт, как вы, возможно, помните, был убит Койтом, но не тем “спокойным и желанным койтом”". Байрон казалось бы, успешного в своей попытке соблазнения, потому что он упоминается два года спустя его встречи с неким ‘Аббе гиацинт в Фалмут.

Итак, Чайльд Гарольд отправился в свое европейское турне, пресытившись гетеросексуальными удовольствиями в Ньюстеде, где он совокуплялся до состояния томного изнеможения со своей любовницей-мальчиком/девочкой Кэролайн (не путать с его более поздней любовницей Кэролайн Лэмб), а также оплодотворил служанку по имени Люси - и решил дать полную волю своей бисексуальности. Он уже почти решил навсегда покинуть Англию и намекает в письме, что у него была какая -то веская причина для бегства; представляется разумным предположить, что он уже пробовал заниматься педерастией и боялся, что его неосмотрительность не осталась незамеченной. (Позже он признался леди Кэролайн Лэмб , что “совратил” своего пажа Уильяма Раштона, а также трех своих школьных товарищей, одним из которых вполне мог быть Эдлстон.)

Они высадились в Лиссабоне, затем пересекли Испанию и добрались до Гибралтара, где сели на корабль, идущий на Мальту. Там он отправил своего пажа Раштона обратно в Лондон со слугой постарше, объяснив матери, что мальчикам небезопасно среди турок. Представляется более вероятным, что он понял, что его страницу, возможно, свело его стиль с другими мальчиками в Греция и Турция.

В Албании они познакомились с военачальником разбойников

Али-пашой, который весьма лестно отозвался о внешности Байрона; Байрон поспешно ретировался, когда Али-паша пригласил его к себе в спальню. Затем он и Хобхаус отправился в Грецию, затем в Константинополь. К тому времени они путешествовали вместе уже год, и Байрон почувствовал облегчение , когда Хобхаус решил вернуться прямиком в Англию. Начнем с того, что Байрон намеревался соблазнить пятнадцатилетнего греческого мальчика по имени Николо Жиро, с которым он познакомился в Афинах. Он тоже был заинтересован

в двенадцатилетней девочке Терезе Макри, чья мать была вдовой английского вице-консула и в чьем доме Байрон и Хобхаус остался во время их предыдущего визита в Афины; в двенадцать, Тереза, должно быть, выглядела довольно по-мальчишески. Но когда мать Терезы проявила признаки желания, чтобы Байрон женился на ее дочери, он поспешно переехал в монастырь, где Николо учился в школе, и вскоре преуспел в наслаждении полным и оптимальным обществом. Затем они вдвоем отправились в турне по Мореи, и, хотя Байрон подхватил лихорадку, он продолжал быть сексуально ненасытным — позже он рассказал Леди Мельбурн признался, что в какой-то момент он чуть не скончался во время полового акта - но не уточнил пол своей партнерши. В письме Хобхаусу он просит его передать Мэтьюзу, что на данный момент он получил более двухсот “подписок” и почти устал от них. Но не все его приключения были гомосексуалистическими. Однажды, возвращаясь домой, он наткнулся на повозку, в которой лежал извивающийся мешок; оказалось , что в нем находилась девушка-рабыня, которую приговорили к сбросу в море за то, что она занималась сексом во время мусульманского религиозного праздника. В конце концов Байрон уговорил губернатора помиловать ее при условии, что она покинет Афины. Позже упорно ходили слухи, что Байрон пользовался ее благосклонностью - что вполне правдоподобно, поскольку она была любовницей его слуги, а Байрон верил в то, что все должно быть поделено поровну.

В конце концов Байрон оставил Николо Жиро на Мальте, где устроил его в хорошую школу, и отплыл обратно в Англию, где высадился в июле 1811 года, через два года после своего отъезда. В руках у него были две первые песни “Чайльд Буруна” (ранняя версия Байрона), которую он, к счастью, решил переименовать в “Чайльд Гарольда”.

Возвращение домой было не совсем благоприятным. У Эдлстона появился недавно был арестован за непристойное поведение — один из биографов Байрона (Кромптон) утверждает, что он фактически стал ‘проституткой’ в Лондоне. Вскоре после этого он умер от туберкулеза. Если бы он был одним из тех школьников, которых Байрон развратил, - по словам Кэролайн Лэмб, - это вполне могло бы объяснить пожизненное чувство вины Байрона за то, что он “уничтожил того, кого любил”. Его друг-гомосексуалист Мэтьюз утонул во время купания минг в камере: он был пойман в камышах и вел долгую и мучительную борьбу за жизнь. А через две недели после его возвращения умерла мать Байрона; Байрон запоздало решил, что все-таки любил ее , и погрузился в уныние и жалость к себе. Возможно, чтобы развеять это мнение, он привез в Ньюстед несколько новых служанок, а также воспользовался услугами жены своего камердинера. Чайльд-Гарольд вызвал тревогу среди

его друзья - осторожный Хобхаус боялся, что это испортит репутацию Байрона, - но был тепло оценен читателями Мюррея.

Не было прецедента для сенсации, которую она вызвала, когда появилась в марте 1812 года, если не считать славы, которая обрушилась на Гете, когда был опубликован “Юный Вертер”. Ричардсон и Руссо добились такого же успеха, но никто не предполагал, что Ричардсон был озорным сквайром Би, или что Руссо на самом деле был Сен-Пре. Байрон стал популярным героем лондонского общества , объявив, что прошел через “длинный лабиринт греха” и теперь ему скучно и он измучен. Он достиг статуса романтического идола, провозгласив себя пресыщенным сластолюбцем.

По сути, Байрон воплотил в жизнь героя, которого ждала эпоха. Герои романтических романов были чисты и благородны сердцем, но люди начинали немного уставать от чистоты - казалось, что все веселье достается злодеям. Более того, действие всех романтических романов и поэм, казалось, происходило в какой-то далекой стране, которой никогда не было. Самым популярным поэтом того времени был сэр Вальтер Скотт (который тогда еще не начинал писать романы), но, возможно , он писал о средневековье. Действие романтического романа Байрона о путешествиях, по крайней мере, происходило в настоящем, и его героем был современный дворянин, живший в настоящем - пусть и живописно обветшавшем - аббатстве. Конечно, его нравственность была довольно сомнительной; он признался, что растратил свою молодость на блуд и разгульную жизнь; но, конечно, это было похвально искренность, а не желание шокировать? Кроме того, он умилостивил мораль, признав, что это не принесло ему ничего хорошего, но оставило его скучающим и пресыщенным. И тот факт, что он был влюблен в ту, которая никогда не могла принадлежать ему, также был некоторым смягчением. Как и тот факт, что он был поэтом, любившим побыть в одиночестве и полюбоваться звездами.

Успех “Чайльд Гарольда” на самом деле был обусловлен его неоднозначностью - или , скорее, неоднозначностью в умах его читателей. Читатели Ричардсона могли чувствовать себя добродетельными, облизываясь при виде сцен соблазнения; то же самое относилось к Джули и Монаху. Это было не совсем лицемерие, просто естественный человеческий интерес к пороку. Байрон просто понял, что пришло время сделать следующий шаг и объединить героя и злодея в одном человеке. Это был шаг, на который до сих пор никто не осмеливался. Вернее, единственный человек, который осмелился им воспользоваться , в настоящее время находился в психиатрической лечебнице в Шарантоне…

Было бы интересно получить подробный отчет о первых месяцах успеха Байрона; к сожалению, он был слишком занят, чтобы написать его. Мы

я знаю, что Сент-Джеймс-стрит часто была забита экипажами тех, кто хотел нанести ему визит, и что хозяйке было достаточно сообщить о его предполагаемом присутствии на приеме, чтобы гарантировать полную явку. Мы знаем, что Байрон одевался в черное, был чрезвычайно бледен и держался надменно и сдержанно. Его рост составлял всего пять футов восемь дюймов, но он был исключительно красив, у него были вьющиеся каштановые волосы. Байроническая хромота подчеркивала впечатление тайного страдания, которое делало его таким привлекательным для женщин, и вскоре молодые люди по всему Лондону стали подражать ему. Он делал вид, что презирает успех "Чайльд Гарольда", утверждая, что это симптом болезненной сентиментальности и что разумные люди скоро вернутся к чтению Поупа, которого он ценил превыше всего. Но его поклонники не сомневались, что Байрон недооценивал свой собственный талант и оригинальность. Теперь кажется символичным, что Байрон появился в Лондоне в тот же год, что и вальс, поскольку оба они ознаменовали собой водораздел между восемнадцатым и девятнадцатым веками.

Одной из первых, кто поддался байроническому унынию, была леди Кэролайн Лэмб, стройная, похожая на юношу женщина двадцати семи лет, которая читала Чайлда "Гарольд в корректуре" - Сэмюэл Роджерс предупреждал ее, что Байрон был косолап и грыз ногти, но это не имело значения. Когда он впервые увидел ее у леди Уэстморленд, она была слишком застенчива, чтобы быть представленной, и Байрон принял это за презрение или безразличие. Когда их наконец представили друг другу, он нашел ее очаровательной; она была капризной, капризно настроенной, возбудимой и совершенно необычной. После этой первой встречи она написала в своем дневнике, что Байрон был "безумным, дурным и опасным человеком", и добавила: "Это прекрасное бледное лицо - моя судьба". Вскоре Байрон стал постоянным гостем в доме своей свекрови, леди Мельбурн, где Кэролайн выжила; ее муж Уильям Лэмб, который был на шесть лет старше ее, был слишком занят своей политической карьерой, чтобы всерьез беспокоиться о ее грандиозных увлечениях. Что касается Байрона, то он был готов заняться любовью с любой женщиной, которая предлагала себя, но это был верный способ потерять его уважение. Через неделю после того, как она стала его любовницей, Байрон уже писал ей двусмысленные любовные письма, полные оговорок. Он убедил себя, что "как и Наполеон, я всегда испытывал глубокое презрение к женщинам". Когда она почувствовала его презрение,

она начала устраивать сцены и преследовать его так открыто, что даже ее муж начал беспокоиться из-за скандала. В одном знаменитом случае она переоделась мальчиком-посыльным и прокралась в его карету; в другой раз она послала ему прядь своих волос - не с головы, а со своего

лобок. После того как она устроила сцену на вечеринке, а затем попыталась покончить с собой, он в конце концов порвал с ней; Кэролайн сожгла его чучело и все его письма - по крайней мере, их копии (оригиналы она сохранила).

Байрон бежал в дом леди Оксфорд в Херефордшире. В свои сорок лет она все еще была красива, хотя и имела репутацию распутницы.; ее мужа звали Харли, а ее дети были известны как "Харлейский сборник". Байрон, не теряя времени, позволил ей добавить его имя в список ее любовников. Затем он отправился в дом своей сводной сестры Августы в Сикс-Майл-Боттом, недалеко от Кембриджа, и не замедлил понять, что она находит его таким же неотразимым, как и все остальные женщины. Идея инцеста была столь же восхитительна для Байрона, как и для де Сада. Августа была "хорошей" женщиной, преданной своему расточительному мужу и детям; но с тех пор, как Байрон видел ее в последний раз, он преодолел свою застенчивость и приобрел непринужденное обаяние и неотразимый взгляд соблазнителя; было очевидно, что она не сможет устоять перед ним. Итак, Байрон соблазнил свою сводную сестру и обнаружил, что ощущение греха придает прелюбодеянию новый оттенок. Естественно, он не мог удержаться от того, чтобы не довериться другим. Он сказал Тому Муру, что попал в "гораздо более серьезную и совершенно новую передрягу…" И когда он когда он признался леди Мельбурн, что его сестра стала его любовницей, она пришла в ужас и предупредила его: "Ты на краю пропасти, и если ты не отступишь, то погибнешь навсегда - это преступление, от которого нет спасения…" Вот что он сказал. Байрон хотел услышать. После неудачного романа с женой друга, леди Фрэнсис Вебстер - которую он решил пощадить в последний момент - он отвел Августу к Ньюстед, и она забеременела. Затем, словно

желая выставлять напоказ свой грех в лицом общества, он написал длинное повествовательное стихотворение под названием Невеста Абидос о брате и сестре, которые любят друг друга. (Это правда, что в конце концов Селим и Зулейка оказываются двоюродными братьями; но они думают, что они родные братья, когда влюбляются.)

Бывший любимцем лондонского общества, Байрон стал теперь главным источником злобных сплетен - отчасти из-за своей неспособности держать язык за зубами. (Его склонность делиться своими секретами с относительно незнакомыми людьми говорит о желании “снова оказаться в центре внимания’.) Он также оставался автором бестселлеров. Продолжение “Чайльд Гарольда”, Самого Фильм “Гяур”* был основан на эпизоде с женщиной, которую приговорили к тому, чтобы ее завязали в мешок и утопили. На это сильно повлияло творчество Скотта

* слово произносится так, как если бы оно рифмовалось с “башней”, но в один слог.

повествовательные стихи, но с восточным колоритом. За этим последовали “Невеста из Абидоса” с темой инцеста; “Корсар”, основанный на жизни настоящего пирата; и “Лара”, в которой герой несет на себе бремя какой-то преступной тайны, которую он искупает смертью. Современный читатель будет озадачен огромным успехом этих произведений (“Корсар” разошелся тиражом в 14 000 экземпляров за один день). Но это потому, что мы привыкли ко всем разновидностям удалых героев. Байрон фактически изобрел героя-удалца, поэтому его произведение обладало огромным преимуществом оригинальности. Впечатление, которое это произвело, было очень похоже на ранние фильмы Дугласа Фэрбенкса и Эррола Флинна , где

смелый герой может вступить в схватку на мечах с десятком врагов одновременно, а затем спастись, перепрыгнув через стену и повиснув на веревке над их головами. Главное отличие заключалось в том, что Байроновские Гяур, Селим, Корсар и Лара также были перевоплощениями Чайльд-Гарольд, размышляющий о каком-то ужасном тайном грехе. Это Лара:

В нем было глубокое презрение ко всему:

Как будто случилось самое худшее из того, что могло случиться.

Он был чужаком в этом дышащем мире,

Заблудший дух из другого мира…

Этот мрачный герой живет в разрушенном аббатстве, пьет вино из черепа и даже имеет любовницу, которая наряжается мальчиком-пажом. Байрон не смог удержаться от игры с огнем. В качестве последнего прозрачного жеста мистификации он опубликовал стихотворение “Аноний”. на самом деле это не так, хотя каждая страница подписана его авторством.

Как ни странно, Байрон решил, что “Лара” должна стать его последней работой, и отправил своему издателю чек, чтобы выкупить все свои предыдущие авторские права. Это было типично. Как показывают его дневники того периода , он был подвержен бесконечным переменам настроения. Для молодого человека, который только что в одночасье обрел известность, это вполне объяснимо - многих пожилых людей это дестабилизировало. Опасность заключалась в том, что Байрон был склонен поддаваться своим настроениям; он позволил им убедить себя в том, что слава - это блуждающий огонек, что жизнь - бессмысленное зрелище, что все человеческие ценности иллюзорны. Каждый ребенок испытывает одно и то же чувство, когда он отправляется в отпуск, полный нетерпеливого ожидания, а затем, спустя несколько часов, мрачно смотрит в окно поезда с чувством, что жизнь его подвела. К счастью, дети не философы и не пытаются делать общих выводов из этих перемен настроения. Байрон -

как и остальным его собратьям-романтикам, не хватало проницательности, чтобы понять, что перемены настроения не более важны, чем боль в животе, и на них с таким же успехом можно не обращать внимания. Байрон относился к ним так, как будто они имели какое -то универсальное значение; в “Каине” он даже заставляет Люцифера обвинять Бога в том, что он создал вселенную от скуки и все еще находит ее скучной.

Байрон считал себя Люцифером, но никогда не переставал надеяться на какое—то спасение - предпочтительно в руках женщины. Вскоре после публикации “Лары” беспокойство заставило его совершить самую большую ошибку на сегодняшний день и сделать предложение чопорной молодой леди по имени Аннабелла Милбэнк, кузина Кэролайн Лэмб, которая задела самолюбие Байрона , отказав ему два года назад. На этот раз она согласилась. Не успели они пожениться — в новом, 1815 году, — как он пожалел об этом; в карете, которая должна была отвезти их на “паточную луну” (как называл это Байрон), он сказал ей: “Мне достаточно того, что ты моя жена, чтобы я возненавидел тебя”. должно быть, он был ошеломлен. В их комнате перед ужином он воспользовался возможностью лишить ее девственности - он всегда восхищался Наполеоном, который обычно приказывал своим женщинам раздеваться, даже не отрываясь от своих бумаг. Но хотя за ужином он сказал ей, что теперь, когда она в его власти, он заставит ее почувствовать это, он, похоже, почувствовал к ней определенную привязанность. Недавние биографические исследования показали, что их брак, длившийся год, был счастливее, чем предполагали большинство его биографов. Вскоре они уже называли друг друга ласкательными именами, и Байрон признавался Тому Муру , что ему нравится брак. В какой-то момент она, вероятно, спасла ему жизнь, войдя в комнату, наполненную дымом из-за засорившегося камина, и освежив его одеколоном. Вскоре Байрон стал относиться к ней с той же нежностью, что и к Николо Жиро, и выражал ее почти таким же образом. В марте они поехали погостить к Августе, где Байрон дразнил Аннабеллу намеками на их кровосмешение, а затем переехали в дом на Пикадилли, который снаружи выглядел достаточно впечатляюще, но в нем почти не было мебели, поскольку Байрон, как обычно, был по уши в долгах. Свое восхищение Великой трагический актер Кин, кажется, было плохо влияет - начал он разглагольствуя, стреляя из пистолетов, и вообще ведет себя как человек пос располагает. Он также начал сильно пить; когда Аннабелла объявила , что

беременна, он почувствовал себя загнанным в ловушку. В тот декабрь, изнуряющий после рождения дочери Аннабелла уехала домой восстанавливать силы. Похоже, они расстались в наилучших отношениях, со всеми намерениями

против продолжения их брака. Проблемы, похоже, начались, когда она призналась своей матери, что иногда подозревала своего мужа в безумии. Причина, по ее словам, заключалась в том, что она заглянула в ящик стола и обнаружила грязную книгу, спрятанную под его бумагами. Книга почти наверняка была порнографическим материалом для гомосексуалистов. Что произошло дальше, неясно. Мы знаем, что Аннабелла сообщила о своих подозрениях относительно безумия Байрона некоему доктору Лашингтону, и что в Лондон были отправлены два врача, чтобы тайно понаблюдать за ним и определить, действительно ли он невменяем. Они, очевидно, решили, что это не так. Но то, что Аннабелла рассказала доктору и своей матери, настолько потрясло их, что именно они решили, что развод по закону — это единственное решение. Почти наверняка она рассказала им, что ее муж был гомосексуалистом и что она подвергалась анальному сексу (вероятно , полагая, что это был совершенно естественный вариант нормального полового акта). Они заверили ее, что ее муж был извращенцем и что она была обесчещена. С тех пор леди Байрон игнорировала письма своего мужа и закрывала глаза на его попытки к примирению.

Реакцией Байрона было то, что он заказал роскошную дорожную карету, обошедшуюся в 500 фунтов стерлингов, чтобы провести последнюю ночь с девушкой по имени Клэр Клермонт, которая бросилась ему на шею, а затем отбыл на Континент, чтобы никогда не возвращаться. Он был знаменит ровно четыре года; оставшиеся восемь лет его жизни были печально известны.

Он, несомненно, был озлоблен социальным остракизмом, который вынудил его покинуть Англию и который продолжал преследовать его за границей. (Через три месяца после его отъезда англичанин по имени Генри Бруэм сообщал из Женевы:

‘Лорд Байрон живет на другом берегу озера, и все его избегают - и англичане, и женевцы.) Нам его реакция кажется такой же наивной, как возмущенное удивление де Сада , когда его бросили в Шарантон. Правда в том, что Байрона наказали по той же причине, что и де Сада: за то, что он зашел слишком далеко. Чайльд-Гарольд создал впечатление, что он был виновен только в обычных юношеских излишествах - “пафосных девушках” и полуночных гулянках. Но намеки, сделанные в “Гяуре” и “Ларе”, наводили на мысль, что за этим кроется нечто большее. Его собственные намеки на гомосексуальность были удалены из “Чайльд Гарольда” по просьбе друзей - намек на начало позора Бекфорда:

Неудачники Несчастный Ватек! в недобрый час Вопреки голосу природы, соблазнившему на проклятые деяния…

и еще одна строфа о восточном пристрастии к педерастии:

Для мальчишеских прихвостней порочной любви Зажжен бесстыдный факел дикого желания.

Но он совершил величайшую ошибку, рассказав леди Кэролайн Лэмб о своей собственной педерастии, а леди Мельбурн - о своей кровосмесительной связи с Августой. После распада его брака, Леди Кэролайн разнесла обе истории по всему Лондону. Были и другие истории, большинство из которых основывались на фактах: что он настоял на том, чтобы сказать Аннабелле, что он отец дочери Августы Медора, и что он все еще вступал с ней в половую связь, что он напивался и вел себя как сумасшедший, размахивая кинжалами и пистолетами перед носом жены, что он завел себе новую любовницу - актрису - вскоре после того, как женился. И, несомненно , ходили слухи о том, что он развратничал со своей женой: по крайней мере, они были достаточно известны, чтобы быть изложенными в стихотворении под названием “Дон Леон”, приписываемом Байрону (хотя, вероятно, написанном драматургом Джорджем Колманом). Тайные грехи - это все очень хорошо, при условии, что они ограничиваются литературой; но одного предположения о том, что они разыгрываются в реальной жизни, было достаточно,

чтобы вызвать у британской публики один из привычных приступов морального негодования. Анонимный автор стихов в “Морнинг кроникл” отпраздновала его уход стихотворением, которое начиналось так::

“Из родной Англии, которая слишком долго терпела”
Нескончаемое бремя его нечестивой песни;

Его безумная карьера, полная преступлений и безумств, продолжается.

И он погряз в пороке, когда жизнь еще только начиналась;

Он отправляется в чужие края, готовый найти Жизнь, более подходящая для его грешного ума.

Было ощущение, что этот романтичный козел отпущения показал себя распутником и извращенцем, и что его изгнание было избавлением.

Изгнание должно было продлиться оставшиеся восемь лет его жизни. Слухи о его поведении, дошедшие до Англии, продолжали возмущать его соотечественников - как и такие произведения, как “Каин”, “Манфред” и “Дон Жуан” - особенно последнее. Каин, по сути, защищает первого убийцу, романтичного бунтаря, который убивает своего скучного обычного брата, а затем отправляется в изгнание с высоко поднятой головой. Манфред - это

страстное упражнение в самооправдании, в котором обреченный герой, явно созданный по образцу “Фауста” Гете, стоит на вершине горы, грозя кулаком небесам и умоляя духов вселенной даровать ему забвение его ужасной тайны. Что касается Дона Хуан, это было не что иное, как преднамеренное оскорбление британской общественности, серия вызывающе аморальных эпизодов, перемежавшихся горькими тирадами о британском лицемерии и нападками на крупных общественных деятелей, от принца-регента до Уильяма Вордсворта. Байрон был параноиком по поводу своего социального остракизма, но он был слишком хорошим писателем, чтобы позволить этому испортить его поэзию. Таким образом, “Манфред” остается великолепным образцом самооправдания - и самовосхваления, - в то время как “Дон Жуан” обладает легкостью в обращении и дерзким

владением языком, что делает его самым остроумным стихотворением на английском языке. Если бы Байрон не умер в Греции, Англия, вероятно, простила бы ему его чувство юмора. Интеллект - самое соблазнительное из всех качеств.

После посещения поля битвы при Ватерлоо, где были написаны несколько знаменитых строф для третьей песни “Чайльд Гарольда”, Байрон отправился вниз по Рейну в Женеву. Там, к его неудовольствию, его разыскала Клэр Клермонт, которая объявила, что беременна. Она была со своей сводной сестрой Мэри Годвин - их отцом был социальный философ Уильям Годвин - и возлюбленным Мэри, поэтом Шелли. Изгнанные из отеля любопытными экскурсантами, они наняли виллу над озером, и там Байрон начал роман о вампире, и Мэри начала писать “Франкенштейна”. Воображение Шелли было так возбуждено историями о привидениях, которые они рассказывали друг другу, что у него случился приступ истерии, и ему показалось, что соски Мэри превратились в глаза - интересный пример силы воображения. (В 1716 году такое было бы немыслимо.) Врач Байрона Полидори пришлось дать ему успокоительное.

Когда Шелли мягко упрекнула Байрона в том, что он соблазнил Клэр, он ответил типично: “Никто так не увлекался, как я, бедняжка , - меня насиловали чаще, чем кого-либо со времен Троянской войны”. В этом было больше, чем доля правды. (И, конечно, шутка Дон Жуана в том, что Дон всегда соблазняемый, но никогда - сам соблазнитель.)

В ноябре 1816 года Байрон вместе с Хобхаузом переехал в Венецию, где поселился в доме булочника по имени Сегати, и, не теряя времени, позволил увлечь себя Жене Сегати Марианне, темноволосой красавице, которая вскоре начала уставать

ему с ней требования для секс три раза в день - что может объяснить почему муж не возражал, чтобы ее любовник. Он также много времени провел в монастыре Сан-Ладзаро, составление Армянский словарь. Эффект Кулиджа привел к тому, что ему нужна была не одна женщина, и он много тратил на городских

дам, отмечая, что то, что он зарабатывал своими мозгами, он тратил на свои яйца. Вскоре Марианну сменила великолепно сложенная крестьянская девушка по имени Маргарита Коньи, замужняя, бездетная и неграмотная. У Маргариты и Марианны вскоре появился еще один повод для ревности, когда Байрон повел молодую замужнюю женщину Терезу Гвиччоли, только недавно вышедшую из монастыря, на художественную выставку и начал посягать на ее добродетель. Это был опрометчивый поступок; Терезе было девятнадцать; ее мужу, графу Алессандро Гвиччоли, было пятьдесят восемь, и он уже дважды овдовел, за ним закрепилась репутация человека, отравившего свою первую жену и убившего романиста Мандзони; но в конце концов он, похоже , смирился с мыслью, что ему наставляет рога английский лорд. Тем временем Маргарита научилась читать, чтобы иметь возможность просматривать любовные письма Байрона. В результате у нее вспыхнула ревность, и она набросилась на него с ножом и ранила его в руку. После этого Байрон решительно выставил ее из арендованного им палаццо, и она вернулась к своему мужу. Продажа Ньюстеда принесла Байрону 94 500 фунтов стерлингов, так что он мог позволить себе больше своих любимых удовольствий. Его биограф Фредерик Рафаэль отмечает, что “он устроил оргию , чтобы бросить вызов даже венецианской способности оставаться невозмутимым”.

Роман с Терезой был достаточно приятным, пока ее муж не начал возражать. Тереза возмущенно ответила: “Тяжело, что я единственная женщина в Романье, у которой нет своего друга. Но когда граф и графиня расстались - по ее настоянию, - Байрона встревожила мысль о том, что она рассматривает его как замену мужу; это лишило бы их роман всякой пикантности. Он становился все более недовольным жизнью - он снова растолстел, а его голова стала почти лысой. Смерть его дочери Аллегры (от брака с Клэр Клермонт) от лихорадки и гибель Шелли от утопления в июле 1822 года побудили его уехать Италия. Борьба за свободу Греции казалась ему таким же хорошим предлогом, как и любой другой, для побега от Терезы, и в июле 1823 года он отплыл в Грецию с финансовой помощью для повстанцев. Все это оказалось чем-то вроде разочарования - месяцы монотонности и скуки, без единого взгляда на врага. Единственным утешением было то, что новости о его ‘героизме’

распространился по Лондону и возродил в некотором роде былое восхищение Чайльд-Гарольдом, а последние песни “Дон Жуана ” пользовались успехом. Но Миссолонги, где жил Байрон, разочаровал его: войска, которыми он должен был командовать, были деморализованы жадный, некомпетентный и продажный. Различные фракции ссорились между собой. Он был вынужден откупиться от нескольких своих албанских воинов и отправить их домой, потому что они стали серьезной угрозой гражданскому порядку. Он также был влюблен в другого пятнадцатилетнего мальчика, Лукас Чаландрутсанос, который, по-видимому, отказался разрешить проведение пленума и возможного совместного заседания. Когда он начал страдать от ревматизма из-за лихорадки и/или уремического расстройства врачи ослабили его чрезмерным кровопусканием. 24 апреля 1824 года он умер от лихорадки. Но любой, кто прочтет отчет о последних месяцах, проведенных в Миссолонги , согласится, что виной всему были скука и уныние.

Главная проблема Байрона была проста: он понятия не имел, чем себя занять. Он знал, что общественная жизнь кажется ему скучной и не приносящей удовлетворения, но какая была альтернатива? Ученый мог бы замкнуться в своей лаборатории, философ - запереться в башне из слоновой кости. Но что бы сделал Байрон, даже если бы он заперся в Ньюстедском аббатстве? Возможно, поэзия занимала бы у него несколько часов в день, но все остальное время он бы тратил на размышления о том, чем бы себя развлечь. Он выразил свои самые искренние чувства в двух знаменитых строфах из “Чайльд Гарольда” (песнь II).:

Посидеть на камнях, поразмышлять о потопах и падениях,

Медленно исследовать тенистый лес.

Где обитают существа, не подвластные человеку.

И где никогда или очень редко ступала нога смертного;

Взобраться на гору без троп, оставаясь незамеченным,

С диким стадом, которое никогда не нуждается в приюте,;

Чтобы отдохнуть в одиночестве среди крутых склонов и пенящихся водопадов;

Это не уединение, это всего лишь возможность удержаться

Прикоснись к очарованию природы и посмотри на ее раскинутые запасы.

Но быть среди толпы, шума, потрясения людей,

Слышать, видеть, чувствовать и обладать.

И скитаться, уставший житель этого мира.

И не иметь никого, кто благословлял бы нас, никого, кого мы могли бы благословить;

Любимцы великолепия отступают от горя!

Ни одного, который был бы наделен родственным сознанием.

Если бы это было не так, казалось бы, мы улыбались бы меньше.

109

Неудачники

Из всех, кому льстили, за кем следили, кого добивались и на кого подавали в суд;

Это и есть одиночество; это, это и есть уединение!

Все это очень хорошо, но никто не может сидеть на камнях и размышлять о наводнении и падении дольше нескольких часов - если что. Простая истина заключалась в том, что, несмотря на всю свою неприязнь к “уставшему от мира обитателю”, Байрон был неспособен долго оставаться в одиночестве. Таким образом, его жизнь превратилась в бесконечное бегство от скуки, когда он катался в карете по Европе и превращал свою усталость в добродетель, жалуясь на нее в своих стихах.

У Байрона мы можем с необычайной ясностью увидеть суть сексуальных извращений. Сексуальное влечение человека

перестало быть реакцией на запах самки в период течки, и бремя было перенесено на воображение. Таким образом, сама суть человеческой сексуальности заключается в чувстве “нежелания’. Когда Байрон стал знаменитым, он едва вышел из подросткового возраста и, безусловно, был менее зрелым, чем аналогичный двадцатичетырехлетний человек двадцатого века, который впитал гораздо больше информации об окружающем мире. Внезапно ему показалось, что весь женский пол был в его распоряжении; но с чего ему начать? Он с головой окунулся в роман с Кэролайн Лэмб; но вскоре она стала преследователем, а он убегал. Разочарованный, он подумывал о том, чтобы броситься в противоположную крайность и жениться на чопорной и добродетельной мисс Милбэнк. Не может быть никаких сомнений в том, что он всерьез верил, что это станет решением его трудностей; когда два года спустя она наконец приняла его предложение, он сказал ей, что если бы она вышла за него замуж, когда он впервые сделал ей предложение, она могла бы стать его спасением — теперь было уже слишком поздно. Он испытывал сильное искушение соблазнить леди Фрэнсис Вебстер, но понимал, что это было бы простым повторением истории с Кэролайн Лэмб. Вместо этого он огляделся в поисках запретного и нашел его в своей сводной сестре. Какое-то время инцест был таким захватывающим, как он и надеялся, и они провели идиллические недели в Ньюстеде. Затем эффект Кулиджа проявился снова, и он почувствовал себя совершенно разбитым. Именно в таком настроении он сделал предложение Аннабелле Милбэнк во второй раз, хотя инстинкт уже подсказывал ему, что это было ошибкой. Ему удалось привнести элемент “запретности”, совершив с ней мужеложство и заведя любовницу. Но он был похож на человека, пытающегося уцепиться за мечту, когда он возвращается к бодрствующему сознанию. Все зло и запретность были иллюзией; реальностью, которая скрывалась за ними, были брак, отцовство и обычная человеческая привязанность. Но прежде чем он успел помириться

Ангел-бунтарь.

Он был потрясен таким странным поворотом событий, Аннабелла покинула его, и он стал изгоем общества. Так началось новое

бегство от самого себя. И снова и снова он сталкивался с одной и той же реальностью. 'Запретные' романы сменились чем-то вроде семейной жизни. С подходящей женщиной - с кем-то уступчивым и неагрессивным, вроде Августы - он, возможно, даже согласился бы остепениться, но Клэр не была такой. Августа - она слишком сильно стремилась удержать его. Образ Августы преследовал его всю оставшуюся жизнь, поскольку она была ближе всего к его женскому идеалу: нежная, восхищенная, ранимая, но с собственным умом. Ирония заключалась в том, что она была вне его досягаемости; ее даже заставили официально отречься от него после того, как он покинул Англию. Суть романтики таяла в его руках, как волшебное золото - Марианна, Маргарита, Тереза - всегда оставались в его руках. поставить его лицом к лицу с той же старой проблемой: постоянная связь или бегство? И он сбежал - на войну, которая обернулась еще одним разочарованием, и на последнюю любовь, которая, казалось, доказала, что он утратил способность привлекать. Когда он лежал, ворочаясь в лихорадке, м Миссолонги, должно быть, ему казалось, что нигде нет

еще куда-то идти. ,,я, я

Но чтобы понять, что на самом деле пошло не так, мы должны присмотреться немного внимательнее

вплотную к настоящей проблеме: удручающе неоднозначной природе сексуального влечения человека. Наши человеческие чувства открывают нам лишь малую часть мира - настоящего. Мы должны дополнять это осознание настоящего памятью и воображением. Причина, по которой я чувствую себя более "живым", отправляясь в отпуск, заключается в том, что моя память и воображение наконец-то берут верх и дополняют настоящий момент всевозможными другими временами и местами. Я как будто нахожусь в двух местах одновременно. То же самое происходит, когда я сижу перед пылающим камином холодной зимней ночью, а снег стучит в окна. Я нахожусь в двух местах одновременно: мое тело находится в теплой комнате, в то время как мое воображение витает где-то там, на холоде. Но было бы ошибкой предполагать, что мы говорим о простом воображении^ Мы говорим о том, что можно назвать чувством реальности - о том, что психолог Пьер-Жане назвал "функцией реальности". Когда функция реальности активна, мы счастливы.

Короче говоря, прежде чем мы сможем почувствовать себя по-настоящему живыми, разум должен добавить измерение реальности в мир чувств. Если такое вообще существует Итак,

“великий секрет” человеческого существования - вот он.

Наша самая большая проблема в том, что наша функция реальности настолько слаба;

сознание всегда сводится к простому осознанию текущего момента. Очевидно , эволюционное предназначение человеческой расы - развить гораздо более мощную и эффективную функцию реальности; тогда жизнь, казалось бы, превратилась бы в бесконечное наслаждение. Но в настоящее время наша слабая функция восприятия реальности нуждается в постоянной стимуляции реальными вещами. Наши чувства необходимо встряхнуть. Итак, Казанова соблазняет женщину за женщиной, пытаясь постоянно поддерживать свою функцию реальности в рабочем состоянии; каждое новое завоевание приносит ему вспышку божественного ощущения. Затем вступает в действие эффект Кулиджа, и ему приходится искать кого-нибудь другого для соблазнения.

Однако, очевидно, что в этом лихорадочном поиске новых самок в период течки есть элемент вопиющего абсурда. Люди перестали зависеть от запаха молочного молока, вызывающего сексуальное влечение; на смену ему пришли визуальные стимулы и воображение. Таким образом, неугомонность Казановы на самом деле является признанием слабости его воображения то есть его функции реальности. Абсурдность заключается в попытке стимулировать функцию реальности, так сказать, извне. Как и мужской половой член, он, как предполагается, достигает эрекции изнутри. Попытки стимулировать его дозами “запретного” можно сравнить с попытками укрепить вялый пенис шинами.

Однако именно к этому и сводятся все сексуальные извращения. “Посторонний” Барбюса больше возбуждается, наблюдая, как девушка раздевается. одеться через дыру в стене, чем лечь в постель с настоящей женщиной (по общему признанию, проституткой). Де Саду и Байрону нужен был запах “запретности”, чтобы получать удовольствие от секса. Публичные

дома часто обслуживают мужчин , которые зациклены на школьницах, медсестрах или гувернантках. Все они пытаются достичь эрекции - не только пениса, но и функции реальности - с помощью своего рода игры. Похоже, мы имеем дело со смешным абсурдом, чем-то вроде школьного скандала.

Казанова продемонстрировал свой недостаток интеллекта, полвека занимаясь одним и тем же блуждающим огоньком. Де Сад был немного умнее. джентльмен; когда волшебное золото растворилось в его пальцах, он решил, что проблема в том, что его цель была недостаточно “запретной”, и огляделся в поисках чего-нибудь более порочного. Но не имело значения , из какого материала он накладывал шину: гвозди были ничем не лучше спичек , железные прутья - ничем не лучше гвоздей. И все же с маниакальным упорством он продолжал искать шины подлиннее и прочнее: ручки от метлы, лампу

столбы, флагштоки. Читая “Философию в спальне” или “Джульетту”, мы постепенно изучаем этот абсурд в действии. Некоторые из его ранних фантазий достигают эффекта сексуальной стимуляции. Затем он переходит к демонизму. подчеркните его отсутствие реального понимания проблемы, добавив новые штрихи “запретного”, наивно полагая, что каждый из них будет еще более сексуально возбуждающим. На самом деле он теряет интерес к среднестатистическому читателю, как только приступает к довольно простым извращениям, и задолго до того, как он доходит до убийств и пыток, большинство из нас закрывает книгу. Ничто не может нагляднее продемонстрировать, что настоящая проблема человеческих существ заключается в слабости функции восприятия реальности. Извращения Де Сада не создают эффекта все большей и большей реальности, а только все более сюрреалистического сна.

Современники неверно истолковали его замешательство и наивную настойчивость. обвиняли в ужасном злодеянии и обращались с ним соответственно. Де Суд был справедливо возмущен; он считал себя философом , целью которого была чисто логическая демонстрация. На самом деле, его жизнь показывает , что он не был особенно порочным; он просто был - как какой-нибудь чудак , который верит, что земля плоская, а Луна сделана из сыра, - во власти навязчивой идеи.

И хотя это звучит невероятно, есть смысл, в котором Байрон пошел еще дальше, чем де Сад. Де Сад никогда не отождествлял себя со своими злодеями, такими как Сен-Фон или герцог де Бланжи. Он остается кукловодом, дергающим за ниточки и излагающим суть происходящего. Идеи. Но Байрон еще на ранней стадии решил, что лучший способ достичь более или менее постоянного контакта с запретным - это отождествить себя с ним: увидеть в себе смесь героя и злодея. Дольманс Де Сада злорадствует: “Эта маленькая девственная киска в моем полном распоряжении”. О, я виновен, я злодей… По Отождествляя себя с Чайльд-Гарольдом, Ларой и Манфредом, Байрон , по сути, бормотал это себе под нос с утра до ночи. Занимаясь любовью с Августой, он, должно быть, чувствовал себя великолепно и в высшей степени порочно. Однако это было неправдой. Он был порядочным, добрым, щедрым, любящим человеком - одна книга

о нем даже озаглавлена Лорд Байрон - христианские добродетели, которые привели бы его в ужас. Его ‘порочность” была всего лишь своего рода игрой, рассчитанной на то, чтобы Усилить его функцию реальности.

Есть высшая ирония в том факте, что де Сад заплатил за свою

* Дж. Уилсона Найта

за неосторожные поступки он был приговорен к пожизненному заключению и запрету на публикацию своих произведений, в то время как Байрон, который делал все возможное, чтобы практиковать философию Садеизма, стал самым известным поэтом Европы и величайшим вдохновителем романтического движения в девятнадцатом веке.

6. От бунта к сексуальному преступлению

Байрон был бы польщен сенсацией, вызванной известием о его смерти. По Европе прокатилась волна потрясения; тысячи молодых мужчин и женщин объявили траур. Джейн Уэлш писала своему жениху Томасу Карлайлу: “Боже мой, если бы они сказали, что солнце или луна исчезли с небес, это не могло бы поразить меня мыслью о более ужасном и тоскливом провале в мироздании, чем слова ”Байрон мертв!” В Греции. Все магазины закрылись на три дня, а правительство объявило о приостановке пасхальных торжеств. Хобхаус услышал эту новость в “агонии скорби”; Августа была приведена в “плачевное состояние”. Мэтью Арнольд писал:

Когда Байрон умер, его глаза закрылись.

Мы склонили головы и затаили дыхание.

Он научил нас немногому, но наша душа Чувствовал его, как

раскаты грома.

Настоящий Байрон был забыт; он стал героическим идеалом, природной силой. Единственное, что он мог бы сделать, чтобы усилить эффект от своей смерти, - это погибнуть в бою, как его собственная Лара. Но это не имело никакого значения; по мнению современников, он погиб в бою. “Таймс” опубликовала восторженный некролог, в котором были такие слова: “Последние дни лорда Байрона были посвящены благороднейшему из начинаний - освобождению Греции . Те, кто его недолюбливал, иронически цитировали Макбета:

ничего в его жизни Стал таким же, как тот, кто покинул его…

Тем не менее, его смерть завершила легенду и окончательно отождествила Байрона с его собственными героями.

Оглядываясь назад, мы видим, что байронический герой оказал почти такое же сильное влияние на европейское воображение, как Памела Ричардсона. Он стал любимым героем художественной литературы; Хитклиф Шарлотты Бронте,

“Отверженные”

“Евгений Онегин” Пушкина, “Григорий Печорин” Лермонтова - все это варианты “Чайльд Гарольда и Лары”. И, возможно, самое странное из всего этого - Сам Байрон появляется во второй части “Фауста” Гете как Эвфорион, сын Фауста и Елены Троянской, который сделал себе крылья, чтобы летать, и разбился насмерть у их ног.

Восхищение Гете Байроном дает нам ключ к пониманию того, как Байрон повлиял на европейское воображение. Поначалу это кажется непонятным. Гете был писателем средних лет, чей романтический период остался позади на пятьдесят лет и который давно уже отвернулся от него. Теперь он с презрением относился к истерии, которую вызвал его юный Вертер, который сделал его знаменитым в двадцать четыре года. Теперь, в возрасте семидесяти пяти лет, он проповедовал самодисциплину и классицизм. Тем не менее, с момента своего первого прочтения

“Лары и корсара” (в 1816 году) он был почти последователем Байрона, расспрашивая каждого англичанина, который попадался ему на пути, об английском лорде и даже изучил обширный и неумелый роман леди Кэролайн Лэмб “Гленарвон”, потому что слышал, что герой основан на о Байроне. Почему он не презирал байроновскую наигранную жалость к себе? Ответ можно увидеть, если сравнить Манфреда и Фауста. Фауст - стареющий ученый , который чувствует, что все знания - иллюзия и что мы ничего не можем познать; он продает свою душу дьяволу в обмен на любовную связь с крестьянской девушкой; только вмешательство ангелов спасает его душу от ада. В конечном счете, Фауст - скорее отрицательный персонаж, жертва собственного пессимизма. По сравнению с ним Манфред - настоящий герой, грозящий кулаком небесам и бросающий вызов духам вселенной. По сравнению с байроновским героем юный Вертер явно “мокрый”, в то время как более поздний герой Гете, Вильгельм Мейстер, - типичный флегматичный немец. Байрон заставил Гете осознать, что его собственное отношение могло бы быть более вызывающим и героическим. Более того, смерть Байрона вернула Гете к чему-то вроде его собственного раннего романтизма. “Смерть Байрона… навсегда разрушила слабеющую веру Гете в гармонию и стабильность, лежащие в основе хаотичного и бурного водоворота, который мы называем миром. * Короче говоря, похоже, что соприкосновение с гением Байрона заставило Гете осознать, что он позволил себе стать чересчур самодовольным.

Так что не имело значения, что Байрону не хватало самодисциплины, что он был жертвой скуки и жалости к себе. Важно было то, что он

* “Байрон и Гете” Э. М. Батлера, стр. 208

он был способен бросить вызов Богу, потребовать ответа на вопрос, почему человеческая жизнь кажется такой хаотичной и бессмысленной; он хотел знать, зачем мы существуем в этом мире и что мы должны делать теперь, когда мы здесь. В этом смысле он

заслуживает того, чтобы его называли отцом экзистенциализма, поскольку он опередил Кьеркегора на несколько десятилетий. Никто до него Байрону и в голову не приходило задавать этот вопрос с такой же гневной настойчивостью - за исключением, пожалуй, сатаны в Библии. И именно поэтому байронический герой произвел такое впечатление. Он был не просто грешником; он был Вопрошающим.

На самом деле речь шла о чувстве, что человек должен быть хозяином своей жизни, что он не должен быть беспомощной марионеткой в руках своей судьбы. Байрон провел большую часть своей жизни, страдая от скуки и уныния, и все же у него была глубокая интуиция, что это в некотором роде абсурдно - что в определенные моменты человек испытывает превосходное чувство контроля над своей жизнью. Такое же "абсурдное" видение лежало в основе философии де Сада, но он испортил его, зайдя слишком далеко. В финальной сцене "Джульетты" Нуарсей кричит: "О, позор на небесах" (он имеет в виду Бога), "Убери эти барьеры, которые удерживают меня на месте, когда я хотел бы подражать тебе и совершать зло. Затем он хватает маленькую дочь Джульетты и насилует ее, крича при этом: "Продай мне эту шлюху, Джульетта…" Давай оба испачкаем себя… Да, Джульетта, давай убьем твою дочь… Останься, Джульетта, пусть тебя оттрахают, прежде чем ты примешь решение, не отвечай мне, пока в твое тело не вонзится пара уколов.' И когда пенисы проникают в нее спереди и сзади, она теряет "выписка за выпиской", - кричит она. - "Делайте с этим, что хотите". Марианна, сукин сын, она твоя.' И Нуарсейль швыряет Марианну в огонь. Философия Де Сада основана на "божественном" ощущении оргазма, на чувстве, которое Йейтс описал как "огонь, вспыхивающий в голове". Кажется, это самое близкое к тому, что человек когда-либо чувствовал себя богом. Из чего, по-видимому, следует, что хороший оргазм оправдывает все. Байрон никогда не заходил так далеко, как де Сад, но его "Дон Жуан" также был задуман как пощечина английской морали - морали, которая заставила его стать странником. По его мнению, он имел полное право изнасиловать Николо Киро и совершить прелюбодеяние с Кэролайн Лэмб и леди Оксфорд и инцест с собственной сестрой; совершение "запретных" действий дало ему представление о 'богоподобии'. И, как и у Нуарсея, его самым сокровенным желанием было "устранить эти препятствия, которые не дают мне стать маленьким". Вот почему байронический герой доминировал в литературе в первые

половина девятнадцатого века; он выразил саму суть романтизма: ощущение того, что человек, в некотором парадоксальном смысле, является богом. Это был тот аспект Байрона, который оказывал такое мощное воздействие

влияние на своих последователей. ,,.

Величайшим из них был русский поэт Александр Пушкин, который был на одиннадцать лет моложе Байрона, и в его жизни есть много интересных сходств с байроновской. Пушкин также был аристократом, который любил хвастаться своим ‘600-летним дворянством’. Его мать была великой русской писательницей. дочь главного инженера Петра Великого, генерала Ганнибала, который был абиссинцем. (Черты лица Пушкина были явно негроидными.) Но его родители, московские светские львицы, не обращали внимания на своих детей.

Заядлый читатель, он к пятнадцати годам начал писать не по годам блестящие стихи . Он получил образование в частной школе, которая занимала крыло королевского дворца в Царском Селе - учебную площадку для будущих министров и королевских советников. Так что признание пришло легко: когда ему было всего пятнадцать, его талант был признан ведущим русским поэтом Державиным. А в двадцать он прославился благодаря публичным выступлениям. продолжение его длинной поэмы “Руслан и Людмила”, русской сказки с изображением гигантской отрубленной головы. К сожалению, Пушкин был также тем, кого сейчас назвали бы “леваком”, и когда некоторые из его революционных когда эпиграммы Ари попали в поле зрения царя, он был сослан из Санкт-Петербург. Он подхватил лихорадку, и его отправили на Кавказ, чтобы

восстанавливать силы. … f f

Там он открыл для себя Байрона. Он гостил в семье одного из Генерал Николай Раевский, четыре дочери которого обожали творчество Байрона, а сын Александр изо всех сил старался выглядеть и вести себя как английский поэт. Влияние поэзии Байрона и великолепных горных пейзажей Кавказа, не говоря уже о привлекательных девушках, было огромным. Пушкин остро

нуждался в свежем воздухе и физических упражнениях - в двадцать один год он был почти так же ослаблен алкогольными и сексуальными излишествами, как Байрон в двадцать четыре. Поэтому, слушая циничные байронические “банальности” Александра Раевского, он задумал длинную повествовательную поэму, в которой усталый, разочарованный герой - это он сам. “Кавказский пленник” рассказывает о прекрасном человеке. Девушка-черкешенка, которая влюбляется в байронического героя и помогает ему бежать. Но он слишком опытен в сексе и эмоционально истощен , чтобы ответить на ее любовь. После того, как он заковал ее в цепи, она утопилась в реке; он не предпринял никаких попыток спасти ее… Когда “Кавказский пленник” появился в 1822 году, это было еще

более успешный, чем “Руслан и Людмила”. Это сделало Пушкина русским Байроном; каждый образованный молодой человек в России знал его стихи наизусть. (Среди них была поэма “Кинжал”, посвященная свержению тиранов, которая вызвала недовольство властей.) И, естественно, большинство молодых женщин находили его неотразимым.

После этого Пушкин продемонстрировал свое сходство с де Садом в непристойном стихотворении под названием “Гаврилиада”. Смертельно уставший от того, что его заставляли посещать церковь - в качестве государственного чиновника - он сочинил стихотворение в 500 строк, в котором Дева Мария изображена милой и неотразимой молодой девушкой, похожей на конфетку Терри Саузерна.

- похищен сатаной, затем архангелом Гавриилом (Gavril), затем Богом в образе голубя (производящего, как мы предполагаем, Непорочное Зачатие). Она оставалась неопубликованной в течение всего времени публикации жизнь родственников, но широко распространялась в рукописном виде.

Тем временем Пушкин оставался в ссылке, в основном в унылых провинциальных городках, где он был склонен ссориться со своим начальством. В Кишиневе он дрался на дуэли с

полковником в бушующую снежную бурю

- оба промахнулись. Когда он дрался с офицером, которого обвинил в жульничестве, Пушкин стоял и жевал вишни, в то время как тот стрелял

- и промахнулся - после чего отказался стрелять сам. Его оппонент бросился к нему, чтобы обнять, но Пушкин холодно поднял руку : “Нет, это было бы слишком” - и ушел, продолжая есть вишни. Известие о смерти Байрона побудило его написать трогательное стихотворение , которое начиналось словами:

Еще один гений покинул нас,

Еще один властелин наших дум…

Тем временем в Одессе он ухаживал примерно за дюжиной дам, включая жену губернатора, чем заслужил неугасающую вражду чиновника. А когда было перехвачено одно из писем Пушкина, в котором он сообщал о своем обращении в атеизм , его выгнали с государственной службы и приказали переехать жить в загородное поместье его матери. Там он сильно поссорился со своим отцом и продолжил работу над своим шедевром “Евгений Онегин”. Но изгнание обернулось для него благом, поскольку декабристы подняли восстание против нового царя Николая I, произошло в 1825 году, и Пушкин, как друг многих заговорщиков, наверняка закончил бы свою жизнь на виселице или в Сибири. Вместо этого новый царь отозвал Пушкина из ссылки, который

решили, что самый простой способ вырвать зубы у этого революционера - это внимательно следить за ним. И все оставшиеся десять лет своей жизни Пушкин был похож на зверя в клетке, подавленный скучной светской жизнью Санкт-Петербурга, но, по крайней мере, писал шедевры, чтобы развеять свою скуку и разочарование.

Хотя прошло всего десять лет с тех пор, как он стал самым

известным поэтом России, молодые поэты уже считали его своего рода литературным динозавром. Его великая пьеса “Борис Годунов” вызвала критический отклик”3. обратился к прозе и создал несколько лучших произведений, вышедших в России, и один виртуозный роман “Капитан с Дочь. В 1831 году он совершил ту же роковую ошибку, что и его герой Байрон, и женился на красивой, но пустоголовой девушке, которая была на много лет моложе его. Царь сделал Пушкина придворным кавалером только для того, чтобы его прекрасная жена была при дворе, и когда он подумал, что его жена завела любовника, Пушкин вызвал своего соперника, которого звали Дантес, на дуэль и был смертельно ранен. Он умер в том же возрасте, что и Байрон,

в тридцать семь лет. , , , ,

В отличие от Байрона, у Пушкина, похоже, не было тайн вины, которые

это тяготило его; его сексуальная жизнь была жизнерадостно гетеросексуальной, и он перестал изображать из себя байронического героя на довольно раннем этапе своей карьеры. Но его самое продолжительное произведение - и его шедевр “Евгений Онегин” - было типично байроническим. И поскольку это также был роман в стихах, написанный в то время, когда русских романов еще не было, он также оказал огромное влияние на великую русскую художественную литературу девятнадцатого века. Достоевский как-то заметил о русских романистах: ” Все мы вышли из “Шинели” Гоголя, но было бы столь же справедливо сказать, что все они вышли из “Евгения Онегина”, а значит, и из “Чайлда”

“Гарольда и дон Жуана”. .

“Онегин” начинается с байронического завитка.

Мой дядя продемонстрировал свои добрые намерения Тем, что тяжело заболел. . •*

А скучающий и измученный любовью герой наследует поместье своего дяди в отдаленной части России, где он ведет жизнь мрачного отшельника, пока старый друг не приглашает его на ужин в соседнюю семью Лариных. Друг интересуется красивой старшей сестрой,

* перевод Бабетты Дойч

От бунта к сексуальному преступлению

Ольга; ни один из них не обращает особого внимания на младшую девочку, Татьяна. Но Татьяна без памяти влюбляется в Онегина и в конце концов набирается смелости написать ему и сказать об этом. Он звонит и застает ее одну в саду. Там он объясняет, что любить его - пустая трата времени : он не был рожден для счастья. Его сердце уже изношено прошлыми любовными похождениями. Он советует ей попытаться думать о нем как о брате, а затем оставляет ее.

Два года спустя все меняется, когда Онегин возвращается из своих путешествий и посещает званый вечер. Там он видит ослепительное видение, женщину, красота которой заставляет его замереть на месте. Это его хозяйка, Татьяна, ныне замужем за толстым генералом. Онегин пишет ей страстные письма, но она их игнорирует. Наконец ему удается увидеться с ней наедине. Она признает, что по-прежнему влюблена в него, но решительно отвергает его преданность. Теперь она замужем и будет хранить верность своему мужу до самой смерти…

Дал ли Пушкин поэме такое не байроническое окончание, чтобы Кон то, что Винс-царь был исправившимся персонажем, является предметом спекуляций. Очевидно, что именно байронизм остальной части поэмы сделал ее русским эквивалентом “Чайльд-Гарольда”; Байронические герои получили широкое распространение в русской литературе, начиная с произведений Лермонтова. Печорина к “Ставрогину” Достоевского в “Бесах”.

Печорин - творение величайшего наследника Пушкина. Михаил Мать Лермонтова умерла, когда ему было три года, и он был усыновлен своей бабушкой, богатой помещицей, и воспитывался на Кавказе, где был основательно избалован. Байрон умер , когда Лермонтову было десять лет, и к тринадцати годам он уже видел себя вторым Чайльд-Гарольдом. В восемнадцать он стал кавалерийским юнкером и посвятил себя разгульной жизни. Произведенный в прапорщики гусарского полка, расквартированного в Царском Селе, он писал порнографические

стихи, регулярно напивался и жаловался , что не может совокупляться с крестьянскими девушками, потому что от них воняет. Его природная склонность к отчужденности усиливалась чувством социальной неполноценности; его отец был всего лишь мелкопоместным дворянином, поэтому - в отличие от Пушкина - Лермонтов не смог проникнуть в высшие эшелоны петербургского общества.

Когда в январе 1837 года был убит Пушкин, Лермонтов излил свое негодование в стихотворении под названием “Смерть поэта”. Опубликовать его было невозможно , поскольку Пушкин был под запретом (даже его последний портрет был запрещен), но рукописные экземпляры циркулировали среди читателей.

“Отверженные”

петербургская интеллигенция и поэт “миг” В результате Лермонтов был арестован, судим и переведен в линейный полк в Кауэсе. Но его бывшей женой была bnef , и, вернувшись в Санкт-Петербург, он был встречен как преемник Пушкин, но как только он добился успеха в обществе, в нем произошла байроническая перемена взглядов, и он начал презирать его; высокомерие вскоре сделало его крайне непопулярным. Но его творчество стало более чистым и классическим по стилю - ранняя поэзия часто романтична и туманна, как грозовая туча, на фоне которой сверкают молнии, - и это такие произведения, как “Послушник, демон” и “Жена тамбовского казначея” сравниваются с произведениями Пушкина или Байрона. Последний - восхитительный роман , написанный в том же стиле, что и “Евгений Онегин” , о бесчестном казначее, который проигрывает свою хорошенькую жену в карты молодому офицеру; непринужденный разговорный стиль во многом обязан Дону

Хуан в “Онегине”:

И на этом моя печальная история заканчивается, -

что, строго говоря, неправда.

А теперь скажи мне: тебе было скучно?

Тебе тоже хотелось страстных поступков? . .

Слишком плохой. Моя история подошла к концу.

Это все, что вы получите, друзья мои.

Это было написано, когда Лермонтову было двадцать три года. Два года Этот шедевр прозы, “Герой нашего времени “, который многие россияне считают величайшим русским романом , имел огромный успех. Год спустя Лермонтов умер в возрасте двадцати лет, убитый на дуэли старым школьным товарищем, с которым он постоянно общался.

ˆ “Здесь, в наше время” - это нечто большее, чем запоздалое изучение романтики Иронизм - это попытка проанализировать психологию аутсайдера l !;: разумного для его же блага. Форма новеллы также необычна; она состоит из пяти историй, в каждой из которых есть по 1, три

больше раскрывается характер Печорина. В рассказе openmg Бела,

он предстает холодным сластолюбцем и безжалостным эгоистом, но в то же время кажется неприятным снобом. К концу книги читатель понимает, что, хотя у него и есть определенные недостатки, его настоящая проблема заключается в том, что он видит слишком глубоко и слишком многое, и в результате он

* перевод Гая Дэниелса

глубокое саморазрушение. Т.Э. Лоуренс выразил это чувство в книге

Семь столпов мудрости:

Низшее творение, которого я избегал, как отражение нашей неспособности достичь подлинной интеллектуальности. Если они навязывались мне, я ненавидел их, ведь поднять руку на живое

существо было осквернением, и я дрожал , если они прикасались ко мне или проявляли ко мне слишком большой интерес… Мой выбор был бы противоположным, если бы моя голова не была такой деспотичной. Я • •

больше всего я сокрушался, когда видел солдата с девушкой или мужчину, ласкающего собаку, потому что я хотел быть таким же поверхностным и совершенным, но мой тюремщик удерживал меня.

Здесь мы видим проблему Байрона и Пушкина, а также Лермонтова. Определенная холодная ясность интеллекта заставляет его презирать много о “низшем творении” и о тех тривиальностях, которые большинство людей принимают за суть жизни. Однако он пока не нашел ничего , что могло бы заменить эти тривиальности. Он злится на себя за то, что попал в ловушку скуки настоящего момента; он чувствует, что его воображение должно быть способно перенести его в другие времена и другие места. Конечно, поэзия - это метод концентрации воображения, но этого никогда не хватает надолго. Опьянение почти так же эффективно. Романтизм - это отчаянная попытка вырваться за пределы тела и эмоций. Это объясняет, почему Байрон так жестоко обращался со своими любовницами. Он нуждался в них так же, как в алкоголе; но он презирал себя за то, что нуждался в них.

Эти люди были “аутсайдерами” в самом точном смысле этого слова: то есть они были “посредниками”, людьми, чье несчастье было вызвано тем, что они оказались зажатыми между двумя состояниями бытия, как если бы они оказались между двух стульев.

С этой точки зрения романтизм можно рассматривать как эволюционную попытку избежать ограничений тела и эмоций. Когда мы оглядываемся на предыдущее столетие - столетие Драйдена и Поупа, Свифта и Конгрива, - мы чувствуем, что его писатели были пойманы в ловушку узкой и удушающей социальной реальности, бесконечно сплетничая стреляют и вонзают ножи друг другу в спину. Эта узость приводила к Свифт был наполовину безумен, но так и не научился выходить из этого состояния. Когда мы обращаемся к Блейку и Вордсворту, Байрону и Шелли, это все равно что выйти из душной гостиной на свежий воздух. Они открыли секрет достижения проблесков более широкого типа сознания - ощущения того, что Вордсворт называл “неизведанным”.

способы существования. Но они достигли этого огромной ценой - усилением воображения, которое ослабило их способность справляться с реальностью. Мальчик-сирота Блейка спрашивает:

Отец, о Отец! что мы здесь делаем В этой стране неверия и страха?

Страна грез лучше, чем где-либо еще, Там, где нет света Утренней звезды.

Но выйти из Страны Грез в реальный мир - все равно что выйти из горячей ванны в ледяной шторм. К тому же мощность фантазии могут быть опасны - Вордсворт как-то признался, что он боялся ее, потому что она может унести его в мир негативные фантазии. Именно это произошло с Шелли, когда он думал Соски Марии превратились в глаза. Это был здоровый инстинкт, который побуждал Байрона к подвигам атлетизма, таким как плавание по Геллеспонту; однако, читая “Чайльд Гарольда” и “Манфреда”, мы видим, что он оставался запертым в своей собственной голове.

Это была проблема романтиков. Воображение было подобно новому чудодейственному средству с опасными побочными эффектами. Байрон и… Байронический герой умер от побочных эффектов. Когда Манфред потрясает кулаком в небо, он на самом деле не бросает вызов Богу; он всего лишь угрожает подать в суд

фабрикант. ,

Суть романтической проблемы мы можем увидеть на примере друга и современника Пушкина Николая Гоголя. Гоголь родился в 1809 году в маленьком торговом городке Сорочинцы в семье мелкопоместного дворянина. В отличие от Пушкина и Лермонтова, он не был привлекательным ребенком. Владимир Набоков со свойственной ему энергичностью описывает это в своей небольшой книге о Гоголе:

Он был слабаком, похожим на дрожащую мышку, с грязными руками и сальными волосами, из уха которого сочился гной. Он

объедался липкими сладостями. Его одноклассники избегали прикасаться к книгам, которыми он пользовался. После окончания школы в Нежине на Украине он уехал в В Санкт-Петербург, чтобы поискать какую-нибудь работу. Его прибытие в столицу было омрачено сильной простудой, которая была еще более неприятной из-за того, что он не мог чувствовать свой отмороженный нос…

Сильная простуда и обмороженный нос в некотором роде типичны для Гоголя, и ситуация усугублялась тем фактом, что у него был исключительно длинный нос, который выглядел так, словно был создан для поедания муравьев или других насекомых.

срывание бананов с дерева. (Одним из его приемов на вечеринках было прикрывать нос нижней губой.)

Рассказывают, что он немедленно отправился навестить Пушкина, но ему сказали, что поэт еще в постели.

‘Боже мой, он что, писал всю ночь?”

“Писал?” - спросил слуга. “Нет, он играл в карты”.

Надеясь на внезапную славу, он опубликовал длинное стихотворение под названием “Ганс”. Кюхельгартен; это было встречено критиками с такой насмешкой , что он скупил все экземпляры и уничтожил их. Затем он поступил на государственную службу и начал писать прозаические рассказы; его увлекла литературная жизнь, в конце концов он встретил Пушкина и стал чрезмерно тщеславным. Назначение профессором истории обернулось катастрофой — он был слишком ленив, чтобы посвятить себя учебе, — но первый том украинских рассказов под названием “Вечера на ферме близ “Диканька” (1831) имела мгновенный и потрясающий успех и сделала Гоголь прославился в возрасте двадцати двух лет. Никто никогда раньше не читал ничего подобного. Все сцены написаны яркими красками, как у русских матрешек; фантазия и реальность сочетаются , словно во сне. Тон непринужденной и разговорной;

рассказчик должен быть пчеловодом, но он звучит скорее как Тристрам Шенди. Очарование рассказов заключается в том, что, несмотря на налет реализма, Гоголь на самом деле писал своего рода стихи. Первый рассказ, “Сорочинская ярмарка”, начинается словами: “Как опьяняет боже, как великолепен летний день в Украине! Какая роскошь ранее тепло, когда полдень сверкает в тишине и зное, и голубые просторы неба, выгибая, как купол, по-видимому, дремлющие …’ Это не настоящая Украина - это Украина в Голова Гоголя. И когда страницей позже он описывает крестьянскую девушку, она тоже не настоящая крестьянка, а своего рода принцесса Уолта Диснея. ‘На повозке сидела его хорошенькая дочь, девушка с круглым личиком, черными бровями, ровно изогнутыми над ясными карими глазами, и весело улыбающимися розовыми губками. В длинные косы были вплетены красные и синие ленты , которые вместе с букетом полевых цветов венчали ее очаровательную головку. ’ Все Гоголевские девушки именно такие - из тех девушек, которые производят кондитерские изделия. туреры обычно расклеивали шоколадные коробки. И это, возможно, неизбежно, поскольку Гоголь был косноязычен в присутствии настоящих молодых леди. Похоже, его биографы сходятся во мнении, что единственными сексуальными удовольствиями, которые он когда-либо испытывал, было одиночество, что также может объяснить чувство вины, омрачавшее его последние годы.

Неудачники

Гоголь был странным, парадоксальным персонажем, который, казалось, был странно оторван от реальности. Временами он был болезненно застенчив и замкнут, а иногда - маниакально эгоистичен и тщеславен. Возможно, он унаследовал склонность к безумию от своей матери, которая родила Гоголя в возрасте восемнадцати лет (двое предыдущих детей умерли) и которая проводила большую часть времени в состоянии ‘болезненной мечтательности’. Она не только обожала своего сына, но и была твердо убеждена, что он несет ответственность за все последние технические достижения, включая телеграф и железные дороги. Гоголь также был подвержен длительным приступам скуки, “хандры”, “меланхолии”, состояниям “оцепенения” и

“бессмысленной дремоты”, когда он становился неспособен к действию. Он также был пожизненным ипохондриком, который никогда не был “нездоров”, но всегда ‘опасно болен’. Литературная слава принесла ему множество друзей и почитателей, но даже его самый близкий друг, писатель Аксаков, признавался , что Гоголь ему не особенно нравился. Он признался своему сыну, что не знает никого, кто любил бы Гоголя как друга, независимо от его таланта, и сказал, что сам он почитал Гоголя как сосуд, в котором был заключен великий дар творчества, но этот сосуд ему не нравился . Неудивительно, что Гоголь не смог привлечь ни одну женщину.

Сексуальная неудовлетворенность может быть причиной того, что в таких рассказах, как “Страшная месть” и “Вий”, присутствует элемент ужаса и болезненности. В первом рассказе рассказывается о злом волшебнике, который убил свою жену и теперь намерен соблазнить собственную дочь. Он полон поразительных и драматических эффектов:

Крест на одной из могил зашатался, и из-под земли показался иссохший труп . Его борода доходила до пояса, когти на пальцах были длиннее самих пальцев. Он медленно поднял руку вверх. Его лицо было искажено. Было видно, что он испытывает ужасные муки. Я задыхаюсь, я задыхаюсь”, - стонал он.

На этом этапе своей карьеры, казалось, не было ничего, чего Гоголь не мог бы сделать. В “Тарасе Бульбе” он даже попытался создать что-то вроде гомеровского эпоса о казаках и добился великолепного успеха. Однако именно осознание собственной нелепости и слабости характера сделало его отцом русского реализма. В фильме “Нос” государственный служащий просыпается и обнаруживает, что у него пропал нос, и пытается найти его по всему миру. Санкт-Петербург; кончается тем, что нос выдает себя за статского советника и разъезжает по городу в карете, запряженной четверкой лошадей. Его самая известная история “

От бунта к сексуальному преступлению

“Пальто” начинается как фантазия о незначительном маленьком

клерке, который тратит все свои ресурсы на то, чтобы купить себе новое пальто; после того, как его крадут, история заканчивается сверхъестественной фантазией, в которой призрак клерка срывает пальто со спин ночных прохожих на улицах Санкт-Петербурга.

В 1835 году по предложению Пушкина Гоголь написал пьесу под названием “Государственный ревизор” о нищем мошеннике, которого жители маленького городка принимают за государственного инспектора

- нечто подобное на самом деле произошло с самим Пушкиным. Невероятно, но пьеса была пропущена цензурой и, несмотря на несколько плохих отзывов, имела значительный успех. Царь Николай I от души рассмеялся, сказав: “Все это заметили, а я больше всех… Консервативные критики обрушились на Гоголя как на бунтаря, и он отреагировал со своей обычной паранойей: этот пророк лишен чести в своей собственной стране. Все против него…” Но он стал любимцем либералов и вскоре убедился, что его призвание - спасать своих соотечественников.

В 1836 году романтическая страсть к путешествиям погнала Гоголя за границу - Гоголь был из тех людей, которые всегда воображали, что волшебные приключения ждут их за следующим углом, - и следующие двенадцать лет он провел вдали от дома. В 1837 году он был потрясен смертью своего друга Пушкина

- до такой степени, что один комментатор написал, что пуля Дантеса убила не одного писателя, а двух, - но продолжал писать свой роман “Мертвые души”, который, по его убеждению, должен был морально возродить Россию.

“Мертвые души” - это история о доверенном лице Чичикове, который узнал, что некий попечительский комитет выделит деньги на крепостных. Но крепостные (или “души”), умершие со времени последней переписи, все еще официально считаются живыми. Итак, Чичиков совершает экскурсию по помещикам, предлагая купить их “мертвые души” за ничтожную сумму - роман просто повествует о его различных встречах с галереей русских типов. Являются ли помещики из “Мертвых душ” - добродушный Манилов, пьяница Ноздрев, скряга Плюшкин, обжора Петух - реальными персонажами или взяты прямо из воображения Гоголя, сейчас сказать невозможно; но, вероятно, можно с уверенностью предположить, что они никогда не существовали на самом деле. В конце первой части Чичикова арестовывают за подделку завещания; но мошеннику-адвокату

удается запутать дело, втягивая в него все скандалы в провинции, и чиновники с радостью отпускают Чичикова при условии, что он покинет город.

127

✓ “Отверженные”

Как и “Ревизор”, “Мертвые души” были плохо приняты большинством критиков. Один из них охарактеризовал фильм как “грязный трактир” - клевету на Россию, а другой - как “грязь на грязи”. Но Гоголь был непоколебим; более чем когда-либо убежденный в своей миссии, он вернулся в Рим, чтобы написать вторую и третью части “Мертвых душ” - ибо был убежден, что первая часть была всего лишь парадными ступенями к великолепному дворцу мечты, - и начал изучать Евангелия. То, что последовало за этим, было описано критиком Мирским как “один из самых странных и приводящих в замешательство эпизодов в истории кино”. Русский ум’. Возможно, под бременем своей странной болезни, сопровождавшейся длительными периодами депрессии и истощения, его хрупкий контакт с реальностью полностью оборвался, и он погрузился в религиозную деятельность. Он разорвал вторую часть “Мертвых душ”, а затем, после приступа болезни, бросил ее в огонь. Затем он решил донести свое нравственное послание непосредственно до своих соотечественников и подготовил книгу под названием “Избранные отрывки из переписки с друзьями”, состоящую из религиозные и нравственные наставления сочетались с оправданием таких институтов, как крепостное право и телесные наказания. Российские либералы - его главные сторонники - пришли в ужас, и даже Аксаков написал Гоголю письмо, в котором обвинил его в сатанинской гордыне. Белинский, один из самых горячих защитников “Мертвой души”, заявил, что Гоголь обожал реакцию и варварство. Эти нападки только усилили страдания Гоголя и его раздвоение личности и еще больше погрузили его в религиозный мистицизм. Он совершил паломничество в Святую землю, затем вернулся в Россию и переезжал с места на место, как измученная душа. В состоянии глубокой меланхолии он почти перестал есть; в феврале 1852 года он умер от невыявленной болезни, вызванной голоданием.

На протяжении всей своей жизни Гоголь делал неясные намеки на то, что он называл ‘загадкой моего существования’. Его биограф Дэвид Магар-Шак предположил, что Гоголь дал ключ к разгадке в своем эссе “Женщина”, в которой он спрашивал: “Что такое женщина? Язык богов! Она - поэзия, она - мысль, а мы - лишь ее воплощение в реальности… Пока идея еще в голове художника, пока она создается и еще не обрела телесную форму - это женщина; когда она материализуется и становится осязаемой - это мужчина. Магаршак предполагает, что “эта трансцендентальная идея о том, что женщина создала мужчину, лежит в основе гоголевской концепции секса и его отвращения к его обычным проявлениям…

На самом деле, мы видим, что образ Гоголя просто означает, что он

отождествляет женщину “с интуицией или вдохновением” — теми бесформенными импульсами, которые, как мы бы сейчас сказали, исходят из правого полушария мозга, в то время как левое полушарие должно улавливать их и превращать в логику и язык, которые являются “мужскими” функциями.

Настоящей проблемой Гоголя было ощущение того, что он сформировался лишь наполовину — то, что Музиль называл “человеком без качеств’. Его “загадка” заключалась в странном противоречии между его довольно слабым и непривлекательным характером и почти демонической силой его творческого воображения, которое напоминало его современникам о Диккенсе, но которое чаще всего напоминает нам о Толкине или даже о Г. Ф. Лавкрафте. Таким образом, он находился в странном положении, ощущая себя личностным ничтожеством - одним из “ничтожных людей” Достоевского, - создавая при этом произведения с потрясающей живостью воображения, такие как “Тарас Бульба” и “Мертвые души”. И чувство собственной незначительности вынуждало его восхищаться женщиной на расстоянии… Почему мужчины стремятся к славе? Одна из главных причин заключается в том, что это делает их более

привлекательными для противоположного пола. Гоголь был поклонником Байрона, и перед ним был пример Пушкина . Однако его собственная общенациональная известность оставила его в такой же сексуальной изоляции , как и прежде; его единственной отдушиной были занятия, которые в девятнадцатом веке считались одним из семи смертных грехов. В таком же положении другие гениальные люди могли бы завести любовницу из рабочего класса или часто посещать проституток; Гоголь был слишком нервным и чувствительным для этого. Если бы он когда-нибудь проводил какие-либо предварительные сексуальные эксперименты, вполне вероятно, что он потерпел бы то, что Стендаль назвал “фиаско”. (Возможно, именно на это намекал один критик, когда говорил о недостатке натуры Гоголя, об отсутствии чего-то, что есть у каждого, чего никто не лишен’.) В своей повести “Шпонька и его тетка” Гоголь описывает долгий фрейдистский кошмар о молодом человеке, которому говорят, что он должен жениться на дочери соседа, и который просыпается в поту от ужаса. В его комедии “Женитьба” мужчина решает воспользоваться услугами брачного брокера, чтобы найти себе жену, но в последнюю минуту не выдерживает и выпрыгивает из окна. Собственным решением Гоголя в последние годы его жизни было предложить “чисто духовный брак” молодой графине, в которую он влюбился, - по сути, заранее предупредив ее, чтобы она не ждала никакого секса. Понятно, что она отказала ему, и он был разбит.

Проблема Гоголя заключалась в невероятной силе его воображения. Его современники не смогли этого понять из-за его поверхностного реализма и его собственных заверений в том, что он не способен ничего выдумать.

Неудачники

“Мертвые души” начинаются с описания прибытия Чичикова на постоялый двор, которое звучит почти нарочито точно: “Небольшая, довольно нарядная , хорошо подрессоренная карета на четырех колесах с откидным верхом въехала в ворота постоялого двора провинциального города N; это была карета, в которой обычно ездят холостяки. въезжай…” - Слышим мы

реплику двух крестьян, стоящих напротив.

Господи! - сказал один из них другому, - что за колесо! Как ты думаешь? Если бы такое колесо было установлено, оно когда-нибудь добралось бы до Москвы, или нет?

Все было бы в порядке, - ответил другой.

Но ведь это не дошло бы до Казани, не так ли?"

- "Нет, это не дошло бы до Казани", - ответил другой.

Гоголь также описывает молодого человека, который случайно проходит мимо,

одет в очень узкие и очень короткие белые парусиновые брюки, фрак-ластовицу с некоторыми претензиями на моду, открывающий манишку, застегнутую булавкой тульского производства в форме бронзового пистолета. Этот молодой человек обернулся, взглянул на экипаж, поправил фуражку, которую порыв ветра чуть не сорвал с его головы, и продолжил свой путь.

Мы могли бы с полным основанием ожидать, что этот молодой человек, столь тщательно описанный, сыграет какую-то роль в истории; на самом деле, он мгновенно исчезает. И именно в следующем абзаце внимательный читатель начинает понимать гоголевский прием.

Когда карета въехала на двор, господина встретил трактирный слуга, или лакей, как называют лакеев в русских трактирах, который был так подвижен и непоседлив, что совершенно невозможно было разобрать, какое у него было лицо…

Никто не может быть таким беспокойным. Трактирный слуга безлик, потому что он персонаж сна, точно так же, как два крестьянина и молодой человек с булавкой для галстука в форме бронзового пистолета - деталь, характерная для абсурдной точности сновидения. За столетие до Кафки Гоголь наткнулся на технику превращения сновидений в литературу.

Хоффманн замечает в своем романе "Кэт Мурр": "У каждого человека действительно есть врожденная склонность к полету, и я знавал серьезных, респектабельных людей, которые поздним вечером просто напивались. пагне как газ для восхождения к высотам… Проблема с этим воздушным шаром, известным как

воображение, в том, что он может унести нас на опасные высоты Байрон, Пушкин и Лермонтов делали все возможное, чтобы удержаться на ногах, но тогда у них было преимущество в виде

аристократическое воспитание. Гоголю, золотушному, болезненному сыну матери, недоставало такой самодисциплины. И вот его понесло вверх, он отчаянно брыкался ногами, изо всех сил цепляясь за воздушный шар, который обрек его на “аутсайдерство” и разочарование. Сожжение второй части “Мертвых душ” было своего рода символическим самоубийством. После этого он лег в постель, отказался с кем-либо разговаривать или обращаться к врачу и уморил себя голодом. Как Иван у Достоевского Карамазов, он ‘возвращал Богу его входной билет’. Воображение сделало его опустошенным и изнуренным.

В Англии также произошло много изменений с тех пор, как Филдинг и Смоллетт. Прежде всего, возникла мощная реакция против “грубости” Века Разума. Появился новый оттенок благородства - несомненно, под влиянием Романтики. Читающая публика мечтала о готических замках, мрачных сосновых лесах и горах, предгорья которых окутаны туманом. То Шотландцы, должно быть, были в восторге от наплыва туристов, последовавшего за публикацией “Леди озера и Мармион” сэра Вальтера Скотта, и Псевдокельтская выдумка Макферсона, Оссиан. Когда Скотт обнаружил , что Байрон превосходит его поэзию по популярности, он обратился к роману и создал серию шедевров за невероятно короткий промежуток времени. (“Гай Мэннеринг” был написан за шесть недель, а “Невеста Ламмермура” - всего за две недели.) Скотт изобрел машину времени, которая могла переносить его читателей в Святую землю с помощью Ричард Львиное сердце, или на поля сражений во Франции с Квентином Дорвард. В Италии величайшему последователю Скотта, Манцони, удалось создать только один шедевр. Нареченный. Но во Франции, Скотта вскоре обогнал целый ряд молодых романистов, в том числе Бальзак, Гюго, Дюма и Стендаль. Оноре де Бальзак был настолько охвачен лихорадкой воображения, что создавал целые города с их мощеными улицами

и темными домами, а также целые поколения жителей. И все же в Бальзаке мы снова можем увидеть парадокс великого художника-романтика. Сам масштаб его работ демонстрирует его веру в божественные силы человеческого разума, однако его приверженность “реализму” привела к тому, что он испортил грандиозный замысел поверхностным пессимизмом, убежденностью в том, что жизнь бессмысленна и что люди безнадежно испорчены. В конце концов, как и Гоголь, Бальзак умер от творческого истощения и чувства бесполезности.

‘Пуританская революция’ романтиков объясняет, почему Джон Клеланд

1

Неудачники

нашел так мало подражателей. В эпоху Гете и Руссо порнография физическая форма казалась старомодной. А в эпоху Джейн Остин Мария Эджворт, сэр Вальтер Скотт и Чарльз Лэмб - только развратные люди хотели читать книги с такими названиями, как “Любовь Клеопатры” и ” Кабинет сладострастника. Но вся эта романтическая возвышенность не могла не вызвать ответной реакции. И сам факт того, что европейская читающая публика училась использовать свое воображение, означал, что рано или поздно это воображение будет использовано в сексуальных целях. По-видимому, это произошло примерно в 1820 году. Насколько мы можем судить по монументальной библиографии Спенсера Эшби о запрете за шестьдесят лет, последовавших за изданием “Фанни Хилл” (1877), было произведено на удивление мало порнографии . Такие работы, как “Любовные утехи” (1755) и “Ученица наслаждения”, являются очевидными подражаниями Клиланда, где молодые повесы соблазняют разных дам; но они звучат так , словно были написаны столетием ранее.

Но к 1820-м годам новое поколение помографов училось у де Сада, а также у Клиланда. В “Подружках по постели, или юных мисс” “Руководство” (1820), две девочки-подростка, которые

делят постель, каждую ночь рассказывают о своих любовных приключениях, постепенно становясь все более откровенными, пока не рассказывают историю потери своей девственности в мельчайших и сладострастных подробностях" (как говорит Эшби). Они также занимаются лесбийской деятельности. Но сравнение с Фанни Хилл выявляет явный отличаться Чии. Клиланд - типичный человек восемнадцатого века: с чувством юмора, прагматичный, приземленный; физические аспекты любви, кажется, забавляют его так же сильно, как двумя столетиями ранее забавляли Рабле. Мы чувствуем, что ему нравилось заниматься сексом не меньше, чем писать о нем - возможно , больше, чем автору "Приятелей по постели". он гораздо больше увлечен своей темой; от мысли о том, что две девочки-подростка потеряют девственность, у него, очевидно , слюнки текут. Так что в книге есть эта лихорадочная, одержимая качество, которое В. С. Притчетт заметил у Сэмюэля Ричардсона, когда тот на цыпочках приблизился к замочной скважине. То же самое относится и к Похотливым "Турок" (1828), "Кардинал-соблазнитель" (1830), "Предательница дам" (1839) (1830) и другие порнографические произведения того периода. В последнем, с подзаголовком "Декамерон наслаждения", рассказывается о клубе, в котором все члены должны рассказывать истории о своем сексуальном опыте. История , открывающая фильм, "Маленькая мисс любопытство", типична. Десятилетняя девочка подглядывает за дворецким через щель в двери его спальни и наблюдает, как он мастурбирует. Однажды, гоняясь за бабочкой, она падает на грабли и теряет девственность; дворецкий вытаскивает кол и

применяет средства к уязвленной части тела, тем самым разрушая лед. Однажды он застает ее спящей в беседке в позе, обнажающей ее гениталии, и после предварительной мастурбации покушается на ее добродетель. Она просыпается, и он поспешно прячет свой член подальше. Но маленькая мисс Любопытство не намерена сдаваться; она расстегивает его ширинку, вынимает его член и доводит его до оргазма. В ту ночь, по ее просьбе, он забирается в ее "маленькую кроватку" и делает из нее женщину.

В другой истории, “Рассказ учителя и учительницы”, учитель соблазняет учительницу, затем они соглашаются сотрудничать в соблазнении своих учеников. Он прячется за дверью, пока она наказывает маленькую девочку, затем входит и умоляет ее прекратить.

Школьная учительница позволяет ему уговорить себя отвести девочку в свою комнату, чтобы дать ей ‘задание’. Фактически, он соблазняет ее. Тем временем школьная учительница соблазняет застенчивого школьника , который тайно влюблен в нее. Наконец, школьник натыкается на только что лишенную девственности школьницу, когда она выходит из кабинета учителя, и они откровенничают друг с другом. Затем, несмотря на обиду, она позволяет школьнику повторить урок…

Весь смысл этих историй в том, чтобы заставить читателя почувствовать, что секс - это порочно возбуждающее занятие, которое ассоциируется с подглядыванием в дверные щели и мастурбацией в туалетах. Филдинг или Смоллетт - или даже Клиланд - сочли бы такое отношение ненормальным. Для них секс был обычным занятием, которое включало в себя определенные предварительные действия и определенные последствия - иногда беременность или заражение оспой. Для создателя постсадовской порнографии это было занятие, похожее на сон и имеющее не больше связи с реальностью, чем “Мир демонов” Монаха Льюиса или “волшебные сказки” Гофмана.

Но с точки зрения двадцатого века мы также можем видеть , что это просто развитие романтизма. Когда юный Вертер наблюдает, как Лотта нарезает хлеб с маслом, он видит в ней своего рода богиню; от такого отношения всего один шаг до мечтаний о том, чтобы снять с нее одежду. То же самое относится и к добродетельным героиням Джейн Остин. Сам факт, что им и в голову не придет заговорить с мужчиной, не будучи представленными, каким-то образом делает их гораздо более подходящим объектом для сексуальных фантазий, чем Молл Фландерс или Фанни Хилл. Чем более возвышенными становились романтики в своих рассуждениях о “вечной женственности”, тем больше они вызывали негативную реакцию.

Неудачники

К тому времени, когда восемнадцатилетняя королева Виктория взошла на трон в 1837 году, порнография стала одним из основных предметов импорта в Англию. В 1853 году Закон о борьбе с непристойностями позволил таможенным службам изымать непристойные книги и картинки; результатом стал резкий рост индустрии домашней порнографии. Викторианская щепетильность только усилила удовольствие от ‘запретного’. Были даже эротические журналы с такими названиями, как “Жемчужина”, “Будуар” и “Креморн”. “Жемчужина”, выходившая в течение восемнадцати месяцев с июля 1879 года, раскрывает растущую одержимость викторианцев поркой и лишением девственниц девственности. Все ее герои и героини, разумеется, сексуально ненасытны.

Пять раз за ту ночь я подвергал ее любовным упражнениям, и пять раз она замирала в экстатическом наслаждении… С искренним сожалением мадам ле Мэр рассталась со мной на рассвете , чтобы присоединиться к своему спящему мужу, у которого на лбу только что выросли рога. Они, конечно, были короткими, но, судя по всему , вскоре могли превратиться в большие рога.

И когда Уолтер берет свою невинную кузину Энни на загородную прогулку, она проявляет странную покладистость для хорошо воспитанной викторианской мисс. “Энни! О! Энни!” Я выдохнул: “Покажи мне кончик своего языка, любимая”. Она протянула мне бархат без малейшего колебания. тацию, вызывая в то же время то, что казалось глубоким вздохом восхитительного предвкушения, когда она уступала моему малейшему желанию. Через несколько минут они занимаются обоюдным оральным сексом. Затем: ‘Король Приап преодолел все препятствия на пути к нашему наслаждению”, и “влагалище теперь хорошо смазано”, “мы провели три или четыре раза в экстазе сладострастия’. После шестого оргазма Энни вздыхает: ‘О, неужели можно причинить себе вред таким восхитительным удовольствием?”

История под названием “Леди Покингем, или они все так делают” взята прямо из сказки “Маленькая мисс любопытная”. Но есть одно существенное отличие. Когда девочка Элис заглядывает в щель в двери кладовой, дворецкий, у которого расстегнуты брюки, читает томик порнографии. За сорок лет, прошедших с тех пор, как Леди Что характерно, порнография стала частью викторианского образа жизни. Это результат того, что дамы

надевают волочащиеся по полу кринолины, так что даже вид лодыжек возбуждает, а ножки столов украшают оборками на случай, если сама мысль о ногах вызовет нечистые мысли.

Примечательно, что “Жемчужина” шла всего восемнадцать месяцев; было очевидно, что продолжать изобретать новые сексуальные ситуации было невозможно. В конце концов, основной акт занятий любовью предельно прост, а количество “запретных” ситуаций строго ограничено, о чем писал даже Де Сад . В “Жемчужине” представлены все варианты: лесбиянки-школьницы, лишение девственности, многие виды бичевания, детский секс, групповой секс, вуайеризм, инцест, гомосексуальность; есть даже сцена, в которой Дик Терпин и его люди насилуют целый вагон школьниц. Но задолго до конца половые отношения стали почти произвольными; у авторов закончились эпитеты и выдумки.

Десять лет спустя анонимному автору книги “Сила месмеризма ” удалось создать новую ситуацию. Молодой студент изучает секреты гипноза в Германии и, вернувшись домой, использует их , чтобы соблазнить свою сестру. Затем брат и сестра признают сексуальное влечение к своим родителям; он гипнотизирует их, а затем поз одержим своей матерью, в то время как его сестра одержима своим отцом. В решающий момент он будит их, и они с ужасом обнаруживают , что занимаются инцестом; затем они решают, что это , в конце концов, довольно приятно, и присоединяются к своим детям в оргии. В оставшейся части книги различные другие люди подвергаются гипнозу, включая викария и двух его племянниц, ‘к общему удовольствию его отца, матери и сестры’.

Из этой книги становится ясно, что основная эротическая фантазия - это некая магическая сила, позволяющая выбирать сексуальных партнеров по своему желанию. В фантазиях де Сада эта сила достигается с помощью грубой силы; но в результате ситуации, в которых он оказывается, скорее тошнотворны, чем эротичны. Но автор Сила месмеризма проникла в истинную

природу сексуальных фантазий. Большинство людей не склонны к садизму, поэтому романы де Сада оставили бы их равнодушными. Но все люди осознают , что они окружены ‘запретным’. В результате большинство людей, даже самых респектабельных, подвержены ‘волшебным’ мечтам о запретном. Много лет назад один венский издатель рассказал автору этих строк, как он купил экземпляр знаменитого порнографического романа “Жозефина Мутценбахер” (авторство которого приписывается Феликсу Зальтену, автору “Бэмби”), и как все члены его семьи, включая мать и бабушку, настойчиво просили его одолжить. Аналогично, Последователь Гурджиева, Фриц Питерс, рассказывает историю о том, как Гурджиев пригласил группу богатых жителей Нью-Йорка на ужин и, прежде чем они пришли, попросил Питерса научить его каждому непристойному англосаксонскому слову

он знал. За ужином Гурджиев начал объяснять своим гостям, что большинство людей на самом деле мотивированы своими сексуальными влечениями. Он сказал хорошо одетой женщине, что забота, которую она проявляет о своей внешности , на самом деле вызвана “желанием потрахаться”. Он начал говорить о своем сексуальном мастерстве, используя слова, которым его научил Питерс. После трапезы гости начали флиртовать друг с другом, и вскоре многие из них были частично раздеты. Внезапно Гурджиев призвал их всех к вниманию, а затем начал насмехаться над ними, говоря, что теперь они знают , какими людьми они были на самом деле. В конце он попросил пожертвования для своего института и получил чеки на тысячи долларов. Гурджиев просто воспользовался всеобщим человеческим аппетитом, для удовлетворения которого и предназначена порнография.

Сомнительно, что Гурджиев смог бы добиться подобного эффекта с аудиторией современников Филдинга и Смоллетт; они бы просто одобрительно усмехнулись. Но современники Диккенса, несомненно, были бы восприимчивы к “соблазну запретного” (хотя Гурджиеву пришлось бы использовать более тонкую технику, чтобы избежать шокирующего викторианского ханжества). Столетие, проведенное Томом Джонсом и Дэвидом

Копперфильдом, породило мощную сексуальную одержимость, нездоровое влечение к греху. Вот почему к концу столетия Фрейду удалось добиться такого ошеломляющего эффекта своими грубо преувеличенными теориями о сексе и неврозах; викторианское чувство вины сделало их ужасающе правдоподобными.

История порнографии проливает новый свет на проблему человеческой сексуальности. Теперь, например, должно быть ясно, что порнография физика - это просто частный случай романтизма. Новалис, Гофман и Жан-Поль создавали фантастические пейзажи, подобных которым никогда не видела земля; порнографы викторианской эпохи создавали сексуальные фантазии, не имеющие ничего общего с реальностью человеческих отношений. Десятилетние девочки на самом деле не соблазняют дворецкого; застенчивые девственницы на самом деле не устраивают сексуальных оргий; юные студенты на самом деле не используют гипноз, чтобы соблазнить своих сестер и родителей. Порнографы - это просто низменные романтики, в отличие от возвышенных романтиков. В то время как возвышенные романтики мечтали о “свете, которого никогда не было ни на море, ни на суше”, низменные романтики фантазировали о

секс, которого никогда не было ни на море, ни на суше.

И когда мы сравниваем викторианскую порнографию с непристойными книгами прошлого века, мы ясно видим, что произошло нечто странное. Читая Филдинга или Клиланда, мы осознаем, что

что секс - это просто природное средство для продолжения рода, и что сексуальные предпочтения также являются чисто биологическим фактором. На самом деле женщина хочет от мужчины не того, чтобы, как говорит Де Сад, ее трахали с утра до ночи, а того, чтобы ей предложили обеспеченную и плодотворную жизнь. Она видит в нем потенциального мужа и отца для своих детей. А то, чего мужчина хочет от женщины, - это не

бесконечный сексуальный экстаз, а интересные и стабильные отношения. Филдинг, Смоллетт и Стерн — и даже Клиланд — никогда не упускают из виду этот факт. Авторы “Дамской сказки” и “Жемчужины” упускают это из виду на первой странице, и нам предлагается поверить, что все девочки-подростки - нимфоманки маньяки и что все дедушки мечтают об инцесте со своими внучками дочери. Однако результатом этих абсурдных посылок является некая лихорадочная напряженность, которая так же отличается от приземленной непристойности Клиланда, как поэзия Китса или Шелли от поэзии Драйдена или Поупа. Мы могли бы сказать, что викторианские порнографы научились создавать сверхгорячий секс так же, как викторианские инженеры научились создавать сверхгорячий пар. Они делают это намеренно это техника, предполагающая использование ‘запрещенного’.

Мы уже отмечали, что у людей “запретное” играет ту же роль, что и запах молока у животных — эффект “она-не-моя-жена”. Но, очевидно, есть принципиальное различие. Мы видели, что баран или бык идут на совокупляющихся на неопределенный срок, при условии, что оно предлагается на выбор новых самок в период течки. Но зоологи не отмечено каких-либо повышенной интенсивности в совокуплении с отличаются ЛОР женщин. Что касается барана, то во время течки одна овца очень похожа на другую. С другой стороны, все люди, по-видимому , обладают способностью изменять интенсивность своей сексуальной реакции с помощью воображения. В 1793 году Уильям Блейк писал:

Момент вожделения! момент вожделения! Девственница Я, тоскующая по мужчине, пробудлю ее лоно к безмерным радостям В тайных тенях ее комнаты; юноша, скрытый от Похотливой радости, забудет о том, чтобы породить и создать любовный образ В тени его штор и в складках его безмолвной подушки…

Блейк, очевидно, знал все об использовании воображения в сексуальных фантазиях.

Другими словами, люди понимают, как использовать воображение для усиления сексуального желания, для создания сверхнагретого секса. И это дает очевидное объяснение тому, что мы назвали

Неудачники”

“Феномен Барбюса” — тот факт, что героя Барбюса гораздо меньше возбуждает проститутка, чем то, что он заглядывает девушке под юбку. Отдаленный взгляд на “запретное” мгновенно вызывает “бурный секс’. С другой стороны, реальность полового акта с проституткой просто не может сфокусировать его сексуальное воображение.

Очевидно, что понятие “фокусировки” имеет первостепенное значение. Создается впечатление, что человеческий разум - это довольно неэффективный микроскоп. Если мы захотим рассмотреть какой-нибудь крошечный объект, он на мгновение сфокусируется, а затем почти сразу же выйдет из фокуса, так что мы увидим только размытое пятно. В первый раз, когда мужчина занимается любовью с женщиной, кажется, что все его существо сосредоточено на ней; в пятидесятый раз она становится не более чем размытым пятном. Но прикосновение к “запретному” мгновенно обостряет внимание. То В “Жемчужине” есть глава, описывающая брачную ночь девушки с измученным развратником; после того, как он выпорол ее и совершил с ней содомию, в нее проникает его слуга, в то время как он сам совершает содомию со служанкой. Мы сразу видим, что это не тело мужчины изнурено развратом, а его воображение. Результат: его сексуальные желания нужно стимулировать “до предела” большими дозами “запретного’.

Мы также видим, что это “размытое” явление рано или поздно приведет к сексуальным преступлениям. Если мужчина возбужден, заглянув под юбку незнакомой женщины, и разочарован реальностью секса с женщиной , которую он знает, то он может решить, что ответ кроется в сексе с незнакомкой, а поскольку, по определению, она перестает быть незнакомкой в тот момент, когда готова уступить, тогда логичным решением , казалось бы, был бы секс без ее согласия.

Как ни странно, в восемнадцатом веке преступления на сексуальной почве были редкостью. Мы уже видели, что в Венеции XV века “сексуальное преступление” означало супружескую измену, блудодеяние и гомосексуальность; очевидно , не было преступлений на сексуальной почве в том смысле, в

каком маркиз де Сад понимал бы этот термин. То же самое, в общем, относилось и к Европе XVIII века. В первом всеобъемлющем отчете о преступности в Англии, “Ньюгейтском календаре” (1774), почти не упоминается о преступлениях на сексуальной почве; редким исключением является изнасилование, совершенное пьяным мужчиной. “Жемчужина” перепечатывает отчет о судебном процессе 1775 года, в ходе которого некий Капитан Пауэлл заманил Маргарет Эдсон, девочку “младше двенадцати”, в свою комнату, совершил над ней мужеложство и изнасиловал ее. Капитану Пауэллу было предъявлено обвинение всего лишь в обычном нападении; очевидно, его преступление было расценено как мелкое правонарушение.

Один из самых ранних известных примеров настоящего сексуального преступления (если не считать

От бунта к сексуальному преступлению

’странные’ случаи, такие как Иван Грозный и Жиль де Рэ) - это случай Эндрю Бишеля, профессионального гадальщика, жившего в Регенсдорф, Бавария. Очень мало известно о мотивах его убийства девушек — поскольку суд принял его неправдоподобную версию о том, что он делал это ради их одежды, — однако кажется совершенно очевидным, что им двигало какое-то извращенное сексуальное влечение.

Бишель, родившийся около 1770 года, по-видимому, считался образцовым гражданином, которого уважали за его благочестие, хотя однажды хозяин гостиницы обвинил его в краже сена со своего чердака. В 1807 году девушка по имени Барбара Райзингер пришла сюда в поисках работы прислуги; по словам Бишеля, она стала его первой жертвой. Бишель пообещал показать ей ее судьбу в “волшебном зеркале”, но сказал, что сначала ей нужно завязать глаза и связать руки за спиной. Затем он ударил ее ножом в шею, разрезал тело пополам и закопал в углу дровяного сарая. Легкость, с которой он совершил убийство, заставила его решиться на новую попытку. Но все три его следующие намеченные жертвы не попали в ловушку. Только на следующий год ему удалось уговорить девушку по имени Кэтрин Зайдель погадать и взять с собой три смены одежды. Она была убита таким же образом, расчленена, а затем похоронена неподалеку. Майор Артур Гриффитс, который рассказывает об этом случае в книге “Тайны полиции и преступности” (1898), утверждает, что были и другие жертвы, но не сообщает никаких подробностей.

Судьба вмешалась, когда сестра Кэтрин Зайдель случайно увидела , как портной шьет жилет из куска ткани, который, как она узнала, был частью лучшего платья ее сестры. Бишеля допросили, и в его комнате был обнаружен сундук, полный женской одежды , в том числе принадлежавшей Кэтрин Зайдель. Наконец, собака , которая настойчиво принюхивалась в углу дровяного сарая, заставила их покопаться там. Они обнаружили останки тела, которое было разрублено пополам. Под грудой бревен была найдена голова, а рядом - еще одно расчлененное тело. Бишел сначала заявлял о своей невиновности, но в тюрьме “его воображение взяло верх над упрямством”, и он признался. Он утверждал, что его мотивом было украсть одежду девушки. Судья принял эту версию к сведению, и Бишель был приговорен к

колесованию ; приговор был смягчен, и он был обезглавлен.

Краффт-Эбинг, изучавший это дело, не сомневался, что Бишель был сексуально ненормальным. Он цитирует его слова: “Я вскрыл ее грудь и ножом разрезал мясистые части тела. потом я

разделали все тело, как мясник разделывает говядину, и разрубили его топором на куски такого размера, чтобы они подходили для ямы, которую я вырыл… Могу сказать, что, когда я вскрывал тело, я был так взволнован, что дрожал, и готов был отрезать кусочек и съесть его”. Краффт-Эбинг предполагает , что Бишель, возможно, был виновен в актах “скотоложства” по отношению к трупу, таких как копошение в кишечнике. Но тот факт, что он сохранил одежду женщин, а не продал ее, наводит на мысль, что он , возможно, тоже переодевался в нее.

Первое убийство на сексуальной почве в Англии произошло пятьдесят лет спустя, в 1867 году. Субботним июльским утром того же года молодой клерк по имени Фредерик Бейкер из Олтона, графство Хэмпшир, убедил восьмилетнюю девочку по имени Фанни Адамс оставить своих друзей и пойти прогуляться. Он отвел ее в ближайший сад хмеля, затем убил, изрубил на куски и разбросал части тела по большой площади. Когда мать девочки через несколько часов встретила Бейкера и спросила его, что он сделал с ее дочерью, он казался совершенно спокойным и заверил ее, что Фанни пошла купить сладостей. Отсутствие крови на его одежде говорит о том, что он разделся догола, прежде чем убить ребенка. Вскоре было обнаружено расчлененное тело; голова лежала на земле, а гениталии отсутствовали. В дневнике Бейкера была запись: “Сегодня убил молодую девушку. Было хорошо и жарко”. Он был приговорен к смертной казни и повешен. Иллюстрированный полицейский В новостях, которые довольно подробно описывали этот случай, не упоминалось о пропавших гениталиях, а просто говорилось, что Бейкер страдал от “мании”. Вполне возможно, что викторианцы просто не признали это сексуальным преступлением.

В оставшиеся десятилетия XIX века было совершено много

подобных преступлений на сексуальной почве. В 1871 году молодой француз по имени Евсевий Пьеданьель впал в неистовство после того, как его отец вынудил его оставить работу в мясной лавке и стать учеником юриста. Пьеданьель признался, что почувствовал сексуальное возбуждение от запаха крови, что привело его к тому, что он стал помощником мясника. Уволившись с этой работы, он вошел в спальню спящей девушки, намереваясь изнасиловать ее, затем заметил нож и вместо этого зарезал ее. Убивая ее, он испытал оргазм. Затем Пьеданьель совершил еще шесть убийств, в том числе мясника, который его нанял, прежде чем сдался полиции.

В том же году двадцатидвухлетний итальянский юноша по имени Винсент Верзени был обвинен в двух убийствах на сексуальной почве; он был психически

От бунтарства к сексуальным преступлениям на низшей ступени развития. Из его признания выяснилось, что он получал сексуальное удовлетворение от того, что душил женщин, “испытывая во время акта эрекцию и настоящее сексуальное удовольствие”. В августе 1871 года он напал в поле на двадцативосьмилетнюю женщину и, задушив ее, вспорол ей живот и вытащил внутренности. На следующий день он совершил покушение на жизнь своей девятнадцатилетней подруги.- годовалой кузине Марии, но ей удалось убедить его отпустить ее. Когда он задушил четырнадцатилетнюю девочку по имени Джоанна Мотта, он вырвал у нее кишки и (как он позже признался) выпил немного ее крови. На суде выяснилось, что он предпринял еще несколько попыток задушить женщин, первую - когда ему было восемнадцать; жертвой тогда стала его медсестра, которая лежала больная в постели. Он рассказал судье, что впервые осознал, что ему нравится душить , когда ему было двенадцать лет, когда он обнаружил, что ему доставляет сексуальное удовольствие душить цыплят. Верзени был приговорен к пожизненному заключению.

В Бостоне, штат Массачусетс, в 1874 году четырнадцатилетний юноша по имени Джесси Померой признался в двух убийствах детей - четырехлетнего мальчика и десятилетней девочки. В

возрасте двенадцати лет его уже арестовывали за то, что он раздел двух мальчиков и выпорол их веревкой с узлами. Померой - исключительно некрасивый мальчик с заячьей губой и “бельмом под глазом” - был приговорен к пожизненному заключению.

Конечно, было бы совершенно неверно предполагать, что существует какая-то связь между распространением порнографии и ростом преступлений на сексуальной почве; нет никаких свидетельств того, что Бишел, Верзени или Бейкер находились под влиянием порнографии. Тем не менее, мы можем ясно видеть, что преступления на сексуальной почве были конечным продуктом процесса, начатого Ричардсоном и Клиландом. Постепенно распространялось общественное мнение, пока в какой-то степени не затронуло все слои общества. Ко второй половине девятнадцатого века воображение, казавшееся таким безобидным в “Памеле”, внезапно проявило свои более темные и тревожные стороны.

7 Викторианских неудачников

Днем 4 августа 1866 года двое мужчин остановились у магазина газет на Пикадилли, чтобы купить экземпляр “Сатердей ревью”. Тот, что был повыше ростом, был представителем издательства, Джеймсом Бертраном Пейном. Невысокий мужчина был поразительной фигуры, с огромным ореолом золотисто-рыжих волос, скошенным подбородком и такими крутыми плечами, что походил на ходячую винную бутылку. Это был двадцатидевятилетний поэт Элджернон Чарльз Суинберн.

Когда Суинберн начал читать, он внезапно разразился пронзительными воплями ярости; вокруг начала собираться заинтересованная толпа. Его спутник попытался успокоить его и повел в ближайшее кафе. Это было бесполезно, поскольку Суинберн продолжал читать, его лицо стало таким же красным, как и волосы, а речь стала настолько нецензурной, что официанты бросились наутек. Пейну пришлось умолять его ругаться по-французски, чтобы избежать скандала.

Суинберн читал рецензию на свой первый сборник стихотворений, поэм и баллад, и она была блестящей и обличительной. Автором был сам подающий надежды молодой литератор по имени Джон Морли. Суинберн, по словам Морли, “заслуживает похвалы за дерзкую смелость , с которой он показал миру разум, охваченный лихорадочной похотью школьника, в самых грязных местах в своей жизни”. Классический словарь Лемприера. Не каждый предложил бы нам всем пойти и послушать, как он настраивает свою лиру в хлеву. “Что заставило Критический отзыв Морли заключался в том, что он явно не был каким -то скучным старым консерватором, которого шокировал дерзкий молодой поэт. - Мы должны сожалеть о том, что виновны в чем-то столь оскорбительном для нас. Мистер Суинберн, мы совершенно уверены, что обращение к морали всех мудрейших и лучших людей было бы… Но можно предположить , что здравый смысл не является слишком оскорбительным критерием, по которому можно оценить ценность и место этого нового тома.’

Морли ясно дает понять, что в Суинберне его шокирует отчетливая нотка садизма и мазохизма:

Викторианские неудачники

Клянусь хищными зубами, которые вонзились в Сквозь поцелуи, которые расцветают и распускаются бутонами.

Губами, переплетенными и прикушенными

Пока пена не приобретет привкус крови…

Это было из стихотворения, адресованного Долорес, Богоматери Боли. “Фаустина” была почти такой же плохой:

Рассеянные вздохи сапфической песни, которая звучала Через Митилен

Всколыхнул в тебе яростную дрожь крови Ночью, Фаустина.

Бесстыдная безымянная любовь, которая заставляет Адский железный джин

Захлопнулась за тобой, как захлопывающаяся ловушка. Душа, Фаустина…

Красные губы, давно уже наполовину покрытые поцелуями. Все такой же сладкий и острый.

Вы бы дали ему, скажем так, яд?

Или что, Фаустина?

Вам даже не нужно было знать, что Митилен был родиной лесбийской поэтессы Сафо, чтобы догадаться, что в “благопристойном” намекают на что-то порочное. Даже самые невинные на вид стихи могут быть заминированы. Прекрасный Итил, с которого началось:

Ласточка, сестра моя, о сестра ласточка,

Как может твое сердце быть наполнено весной?

на самом деле это была история о короле, который изнасиловал сестру своей жены, а затем отрезал ей язык, чтобы она никому не могла рассказать; его королева отомстила за себя, убив их ребенка Итилуса и подав отцу его мясо на ужин.

На самом деле, убийственная рецензия Морли привела к тому, что продажи стихотворений и баллад были прекращены, а репутация поэта временно подорвана . Суинберн, который был склонен к истерии, подумал, что это конец света. Все было не так уж плохо. Хотя - как заметил его друг Эдмунд Госсе, - стихи и баллады вызвали беспрецедентный скандал. С тех пор как ровно полвека назад Байрон покинул Англию , молодое поколение запоем читало его, и в течение двух-трех лет ему поклонялись, как богу. Он, безусловно, был

The Misfits

Байрон нового поколения, бесстрашный молодой бунтарь, советующий молодым отказаться от

Лилий и томления добродетели Ради восторгов и роз порока.

Студенты Оксфорда и Кембриджа ходили вокруг, громко распевая его великолепные ритмы:

Я вернусь к великой милой матери,

Море - мать и возлюбленная мужчин.

Я спущусь к ней, я и никто другой,

Прильну к ней, поцелую ее и сольюсь с ней воедино;

Прильну к ней, буду бороться с ней, крепко ее обнимать;

О прекрасная белая мать давно минувших дней Родившаяся без сестры, родившаяся без брата,

Освободи мою душу, как свободна твоя душа.

В конечном счете, нападение Морли стало лучшей рекламой, о которой Суинберн мог только мечтать.

Морли, конечно, был прав: Суинберн был сексуальным извращенцем, хотя и довольно безобидной разновидности. С детства он был одержим идеей порки - или, скорее, того, чтобы его пороли. Большинство его биографов предполагают, что это началось в Итоне, который славился своей “вычурностью” - говорили, что один директор школы был больше знаком с задницами своих учеников, чем с их лицами, - но почти наверняка это была врожденная склонность. Задолго до того, как Суинберн поступил в Итон, он и его двоюродная сестра Мэри Гордон, которая была на три года младше его, играли в игры с поркой, в которых они представляли себя учениками школы с жесткими дисциплинарными стандартами.

Суинберн был ребенком аристократических родителей: его отец был адмиралом, а мать, леди Джейн, дочерью графа. Он был странным ребенком, физически слабым, но невероятно смелым - однажды он взобрался на Калвер-Клифф, восточный мыс острова Уайт, просто чтобы испытать свои силы. В 1849 году, в возрасте

двенадцати лет, Суинберна отправили в Итон, где он жил со своим наставником Джеймсом Джойнсом и его молодой женой. Двадцатипятилетний Джойнс тоже учился в Итоне, так что вполне возможно, что он понимал, какое удовольствие доставляет Суинберну своими частыми побоями. Он наполнял комнату для порки запахом гари или заставлял Суинберна наносить на нее туалетную воду.- Перед избиением ему нанесли на лицо одеколон - очевидно, с целью повысить его чувствительность к розгам, хотя Суинберн обнаружил, что

что аромат значительно увеличил его удовольствие. В дальнейшей жизни он был бывшим испытывал ностальгию по “славным итонским побоям” и был благодарен своему другу Джорджу Пауэллу за фотографию плахи для порки , хотя и жаловался, что “отдал бы все за хорошую фотографию, сделанную в нужный момент - скажем, на десятом снимке или около того’.

Сэр Осберт Ситуэлл рассказывает о встрече с восьмидесятилетним итонцем, который рассказал ему, как староста указал на маленького рыжеволосого мальчика и сказал: “Пни его, если окажешься достаточно близко, а если нет, брось в него камень”. Старик добавил: “Я часто задавался вопросом, что стало с этим мальчиком. он… Его звали Суинберн.’ Суинберн, похоже , был из тех маленьких мальчиков, которые не нравились другим мальчикам - замкнутый, нервный, постоянно погруженный в мир грез - он обожал Диккенса и Виктора Гюго и был очарован миром древних Греции и Рима. Он также читал драматургов елизаветинской эпохи, одолженных ему Джойнсом, который запретил ему читать “Жаль, что она женщина” Форда. “Шлюха” о брате, от которого забеременела его сестра; мы можем быть уверены, что именно из-за запрета Суинберн уделил пьесе особое внимание. У него было четыре младшие сестры, и позже он любил рассказывать своим друзьям, что у него были кровосмесительные планы в отношении каждой из них. (Он также был очарован романом Байрона с Августой и говорил об этом до

тошноты, пока его друг Россетти устало не заметил: “Если Байрон трахнул свою сестру, то он трахнул ее, и на этом все”.) Он написал пьесу по мотивам трагедии Турнера “Мстители”, “Несчастные”. Месть, в ходе которой (как он позже объяснил) он пытался совершить вдвое больше изнасилований и втрое больше убийств. К тому времени, когда ему исполнилось семнадцать, он был известен как “Безумный Суинберн” и, по-видимому , был исключен из Итона по обоюдному согласию своих родителей и наставника.

Вдохновленный командованием легкой бригадой, он мечтал стать офицером кавалерии, но его отговорил отец, адмирал. Вместо этого он поступил в Оксфорд, где научился не только выпивать, но и усердно работать; его наставником был великий Бенджамин Джоуэтт, который однажды сказал молодой девушке: “Моя дорогая, ты должна верить в Бога, несмотря на то, что тебе говорят священнослужители”. ‘ художник-прерафаэлитист и поэт Данте Габриэль Россетти, который вызвался написать фрески в здании Союза вместе с Уильям Моррис, Берн-Джонс и другие члены ‘Пре-Братство рафаэлитов’. Они сразу же приветствовали Суинберна как единомышленника. Но пьянство и приподнятое настроение Суинберна в конце концов истощили терпение властей, и он уехал - гораздо позже.

поскольку он покинул Итон - по обоюдному согласию своих родителей и наставника.

В Лондоне в 1861 году он познакомился с Ричардом Монктоном Милнсом, который позже стал лордом Хоутоном, автором классической книги “Жизнь Китса”. Милнс был известным остроумцем и страстным коллекционером порнографии. Именно Милнс познакомил Суинберна с произведениями маркиза де Сада, которые оказали на него влияние на всю жизнь. Он также познакомил Суинберна со свирепым, покрытым шрамами авантюристом сэром Ричардом Бертоном, который, похоже , считал целью своей жизни заставить викторианцев осознать ограниченность их сексуальной морали, пытаясь привлечь их

внимание к необычным сексуальным практикам диких племен. (После его смерти жена сожгла большинство его наиболее странных рукописей.) Они с Суинберном были единомышленниками; интеллектуально оба были задержаны на том юношеском этапе, когда все, что связано с сексом, кажется невыразимо порочным и заманчивым. На вечеринках они обычно уединялись в уголке и разговаривали вполголоса, перемежая свои разговоры криками дикого веселья.

Суинберн никогда не переставал писать. К тому времени он уже написал много стихотворений и баллад, которые вызвали возмущение Джона Морли, когда они появились пять лет спустя. Он также был автором скандального романа на французском языке “Дочь полицейского” о том, как принц Альберт пытался совершить государственный переворот против королевы Виктории и пьесе “Дочь королевы”, в которой королева Виктория предстает как нимфоманка, впервые потерявшая девственность с поэтом Вордсвортом. Он также предпринял попытку стать романистом, написав роман в письмах под названием “Перекрестные течения любви” о двух неудачных соблазнениях и незаконченное произведение под названием “Лесбия”. Брэндон, о школьнике, которого бесконечно “лупит” его наставник , страстно влюбленный в сестру школьника и мечтающий выпороть ее так же, как он бьет своего ученика по заднице. Он читал главы вслух своей кузине Мэри Гордон, и мы можем предположить, что это вдохновило их на взаимное восхищение. Лесбия Брэндон также содержит ярко выраженный элемент кровосмесительства, а также, как следует из названия, - лесбийская тема. Суинберн всю свою жизнь был очарован лесбиянками.

Но он также писал “греческую” пьесу “Аталанта в Калидоне”, и когда она появилась в 1865 году — когда Суинберну было двадцать восемь лет - она получила высокую оценку критиков. Они были поражены превосходным чувством ритма и очевидным мастерством владения речью:

Викторианские неудачники

Когда гончие весны идут по следам зимы,

Мать месяцев на лугу или равнине Заполняет тени и ветреные места Шелестом листьев и шумом дождя…

И если казалось, что он полон довольно сильной чувственности, то, без сомнения , это было просто отражением духа Древней Греции:

Ведь зимние дожди и руины остались в прошлом.

И весь сезон снегов и грехов;

Дни, разделяющие влюбленных.

Свет, который проигрывает, ночь, которая побеждает;

И время, которое помнится, забывает о горе.

И морозы побеждены, и цветы рождаются.

И в зеленых зарослях и подлеске Цветок за цветком начинается весна.

С такими опьяняющими ритмами было бы невежливо спрашивать , почему зима должна быть “сезоном снегов и грехов”, или что именно он имел в виду, говоря, что “время, которое помнится, - это забытое горе”.

Триумф “Аталанты” сделал Суинберна еще более неуправляемым , чем когда-либо; он пил еще больше - обычно бренди - и еще усерднее , чем когда-либо, старался поносить любого буржуа, которого мог услышать. Попросил о встрече Теннисон, Суинберн явился полупьяный; он прошел между почтительно стоящими гостями, сказал Теннисону несколько коротких слов, затем повернулся к нему спиной и удалился в соседнюю комнату, откуда своим пронзительным голосом провозгласил гениальность Уильяма Блейка.

Затем, в августе 1866 года, были опубликованы стихи и баллады. Викторианцы с ужасом осознали, что их поэт-неоклассик был сторонником порока и распутства и последователем невыразимого Француз Бодлер. Разгромная рецензия Морли стала сигналом для британской прессы обрушиться на Суинберна; “Панч” объявил, что настоящая форма его фамилии, очевидно, свиноподобная. В Америке, Рецензия Морли была переиздана, в результате чего американское издание “Стихов и баллад” было распродано. Но в ответ на эти нападки Суинберн стал еще более дерзким, чем когда-либо, и увеличил потребление бренди. Извозчики или полицейские часто привозили его домой в четыре часа утра, когда он был слишком пьян, чтобы стоять на ногах. В

клубе искусств на Ганновер-сквер он напился до потери сознания

с унылой частотой, обычно проходя через сцену, на которой он громким голосом говорил о лесбиянстве, содомии и садизме или выкрикивал непристойности, исполняя импровизированный танец, как сумасшедшая кукла; в 1870 году он подал в отставку, чтобы избежать исключения. Адмирала Суинберна часто вызывали телеграммой, и он увозил больного блудного сына обратно в деревню для выздоровления. В 1871 году его отправили на поправку здоровья в Этрета, на побережье Нормандии , и он нашел это место настолько восхитительным, что купил себе коттедж, который назвал “Коттедж Дольманс” в честь главного распутника в “Философии спальни” Де Сада.

Его карьера едва не закончилась преждевременно после нескольких дней, проведенных в Нормандии Он пошел купаться, когда начался отлив, и его унесло в море. Береговая охрана услышала его крики и смогла отправить спасательную шлюпку, чтобы спасти его. Суинберн выразил свою признательность за свое спасение, рассказав морякам, как высоко он ценит Французскую революцию, и продекламировав стихи Виктора Хьюго, пока его не доставили на берег.

Свидетелем спасения стал восемнадцатилетний юноша, который хотел стать писателем, и ему удалось добиться приглашения на обед; его звали Ги де Мопассан. Суинберн делил “Дольменный дом” со своим другом по имени Джордж Пауэлл, таким же приверженцем “жезла”, и Мопассан предположил, что они были гомосексуалистами. После обеда, большой ассортимент порнографического характера фотографий было произведено, один английский солдат реальное мягчение. Мопассан пришел к выводу, что если Суинберн и Пауэлл и занимались сексом, то не друг с другом, а с ручной обезьянкой по имени Щипок и с красивым молодым слугой. В следующий свой визит Мопассан получил на обед жареную обезьяну, но не Пресечение, но полученное локально. Он сказал, что запах и вкус были ужасными, но, возможно, его также отпугнула рука отцеубийцы с

содранной кожей и запекшейся кровью, прилипшей к мышцам, которая также лежала на столе. На самом деле, нет никаких доказательств того, что Суинберн был гомосексуалистом или даже бисексуалом; свидетельства его поэзии убедительно свидетельствуют против этого. Но, преклоняясь перед де Садом, он, несомненно , предпочитал непредвзятость.

Однажды ночью 1867 года в Лондоне Суинберн открыл дверь и увидел улыбающуюся ему привлекательную американку; она сказала, что восхищена его стихами и пришла предложить поэту свое тело . Ее звали Ада Менкен, и она была американкой

актриса, в настоящее время выступающая в Лондоне; ее настоящее имя, как ни странно, Долорес. На самом деле друзья Суинберна попросили ее соблазнить поэта, и, по слухам, Россетти заплатил ей 10 фунтов стерлингов. Ту ночь и многие последующие она провела в В квартире Суинберна на Дорсет-стрит, но, как говорят, вернула гонорар Россетти, признав, что ей не удалось ни расположить поэта к себе, ни убедить его в том, что укусы не заменяют полового акта. Суинберн признался, что возбудился при виде ее красивой задницы, но это, несомненно, было связано с его пристрастием к порке. На фотографии она изображена сидящей в кресле, в то время как Суинберн стоит рядом с ней - она была намного выше его ростом - и отводит глаза, как школьник , получающий нагоняй от директора.

В ходе этого дела Суинберн познакомился с борделем на Серкус-роуд, Сент-Джонс-Вуд, где статные золотоволосые юные леди были готовы притворяться гувернантками и подвергаться порке, и где другим юным леди хорошо платили за то, чтобы они позволяли себя избивать и вообще унижать. (Один разгневанный муж, застукавший свою жену с любовником, согласился простить ее при условии, что она отправится на Серкус-роуд для порки.) Вообще говоря, это выглядело довольно безобидно, хотя зрелище миниатюрной обнаженной поэтессы, носящейся по комнате со смешанными криками агонии и восторга, преследуемой пышногрудой девицей, размахивающей девятихвостой кошкой,

должно быть, было уморительным. Но в 1868 году, когда требования сводни стали непомерными, Суинберн внезапно порвала со своим заведением. Ребенок в нем хотел предаваться фантазиям об исправлении; взрослый возражал против того, чтобы его принимали за дурака.

В 1870-х годах друзья Суинберна были глубоко обеспокоены его пьянством, а также карикатурами на него, появлявшимися в популярной прессе. Среди этих друзей были его бывшие Учитель, Джоуэтт, великий итальянский патриот Мадзини, которого Суинберн боготворил, и его младший друг Эдмунд Госсе. Приглашая Суинберна на литературные вечера и другие подобные мероприятия, Джоуэтт постепенно сумел добиться некоторой степени моральной сдержанности. Он также воспользовался мастерством Суинберна в греческом, убедив поэта пересмотреть собственный перевод Платона, выполненный Джоуэттом. (Есть забавная история о том, как Джоуэтт устроил разнос одному из своих учеников, когда из соседней комнаты раздался взрыв смеха, а голос Суинберна

кто-то крикнул: “Еще один ревун, хозяин!” - Спасибо, Алджернон, - кротко сказал Джоуэтт и закрыл дверь.)

Однако это был не Джоуэтт, а адвокат по имени Теодор. Уоттсу, которому выпала сомнительная честь “приручить” поэта. Их первая встреча была зловещей: Суинберн танцевал обнаженным и выгнал Уоттса из дома. Но Уоттс дал бесценный совет, когда Суинберн захотел сменить издателя, и, поскольку они жили в нескольких домах друг от друга, они постепенно стали близкими друзьями. Уоттс, несомненно, был респектабельным человеком; у него не было пристрастия к алкоголю, порке или произведениям де Сада. Но он безгранично восхищался гением Суинберна. А когда в 1877 году адмирал Суинберн умер, Уоттс взял на себя роль спасителя поэта после приступов алкоголизма, сопровождая его в Патни к сестре и водя на прогулки по Уимблдон-Коммон. Суинберн потратил кучу денег на бордели и бренди и после смерти адмирала внезапно осознал, что вполне может закончить

свои дни в нищете. Это, а также здоровый инстинкт самосохранения, по-видимому , заставили Суинберна отказаться от попытки спиться до смерти и принять предложение Уоттса о доме в Патни. В 1879 году двое мужчин перевезли мебель из своих лондонских комнат и поселились в “Пайнс”.

И это, по сути, стало концом карьеры Суинберна как крупного поэта. Не то чтобы он перестал публиковаться; за оставшиеся тридцать лет своей жизни он выпустил дюжину поэтических сборников и несколько превосходных критических исследований, многие из которых посвящены великим поэтам елизаветинской эпохи. Но по большей части его поэзия была такой же плоской и разочаровывающей, как у Поздние годы творчества Вордсворта. На самом деле, качество “Песен перед восходом солнца” (1871) , вдохновленных политикой, и второй серии “Стихов и баллад” (1878) уже снижалось. Суин Берн был из тех поэтов, чьи чувства нуждались в возбуждении неразделенной любовью (возможно, его величайшее стихотворение “Триумф времени” было написано после того, как одиннадцатилетняя девочка отвергла его предложение выйти за него замуж) или мрачными мечтами о садистских оргиях. Спокойная, здоровая жизнь в Патни, где он выпивал всего одну бутылку пива в день, была полезна для его здоровья, но губительна для его таланта. Уоттс (который сменил фамилию на Уоттс-Дантон, что послужило поводом для телеграммы Уистлера: “Теодор, что с Дантон?”) написал прекрасный роман “Эйлвин”, но Суинберн, чей талант, возможно, проявился в написании романа, предпочел работать над глубокомысленными стихотворными драмами. В семьдесят три года Уоттс-Дантон

женился на девушке двадцати одного года, но Суинберн хранил обет безбрачия. Когда Суинберн умер в 1909 году - в эпоху Шоу, Уэллса и Честертона, - большинство читателей газет, вероятно, были удивлены, узнав, что он не умер на четверть века раньше.

Но проблема Суинберна заключалась не только в том, что поэт, уходящий в мир иной, Приходит в упадок. Больше, чем какой-

либо другой поэт, он символизирует проблему самого романтизма. Он подхватил “дух эпохи”, как гриппозную болезнь, - дух возмутительной порнографии, пренебрежения ко всем авторитетам, бесконечных сексуальных грез наяву. (Он даже опубликовал стихи о бичевании в “Жемчужине” под псевдонимом.) Но, в отличие от своего наставника де Сада, он никогда не предпринимал ни малейшей попытки обосновать свою позицию интеллектуально. Американский поэт Баярд Тейлор описал его как “своенравного, порочного, неразумного, избалованного ребенка, и, как избалованного ребенка, его заботили только собственные эмоции. В стихах и балладах он выражал эти эмоции - восхищение болью, злом и пороком - с естественностью ребенка, впадающего в истерику. Возмущение, которое он вызвал, заставило его нарисовать рога; в песнях до На рассвете он пытался убедить своих критиков, что его бунтарство было вызвано в основном заботой о политической свободе. Но наедине с собой он продолжал проповедовать тотальный бунт де Сада. Еще в 1876 году он радостно писал Милнсу о массовых убийствах, изнасилованиях и пытках, совершенных турками в Болгарии. Сообщалось, что один турецкий лидер, Садык-бей, изнасиловал более сотни девушек, и в течение следующего года письма Суинберна полны восторженных отзывов о его новом герое. Даже имя (Садик), казалось, указывало на то, что он был реинкарнацией де Сада.

Мы видим, что Суинберн делал все возможное, чтобы избежать фундаментального вопроса, который, по крайней мере, навязчиво обсуждался де Садом. Сад: принцип “прав других”. Это правда, что каждый человек стремится к собственному удовлетворению. В то же время мы все признаем, что это “удовлетворение не должно осуществляться за счет других”. Оригинальность Де Сада заключалась в том, что он категорически отрицал это. Он указал на то, что животные поедают друг друга, как и мы едим животных; мы делаем это без каких-либо моральных опасений, потому что они наши подчиненные . Тогда почему мы не можем принять логику такого отношения и признать, что нет моральной причины, по которой все правители не должны использовать своих подданных-людей для собственного удовлетворения, насиловать их, пороть и даже есть? Это всего лишь лицемерие - притворяться, что между людьми и коровами существует какая-то абсолютная пропасть…

Ответ очевиден. Общество, построенное по “садеевским” принципам , самоуничтожилось бы в течение нескольких дней. Де Сад настаивает на том, что основным законом общества должен быть принцип “Каждый сам за себя’. На самом деле, он настаивает на том, что это основной закон общества, и что мы просто слишком трусливы, чтобы признать его. Оказывается, это неправда; само существование языка противоречит это доказывает то, что это попытка общения, предполагающая определенную симпатию между людьми. Грабители, растлители малолетних, насильники и убийцы, по сути, доставляют неприятности, как члены клуба, которые отказываются платить свои взносы; разумной реакцией было бы исключить их или временно отстранить от работы до тех пор, пока они не захотят платить.

Реакция Суинберна на нападки на стихи и баллады показывает , что он осознавал это; он незамедлительно внес свой вклад песнями Before Sunrise. Но наедине с собой он продолжал оставаться нераскаявшимся учеником дьявола, пропагандируя бунт, тираноубийство, изнасилования, самобичевание и каннибализм — короче говоря, свое право на абсолютный эгоизм. Таким образом, интеллектуально говоря, он оставался в состоянии приостановленного развития до конца своей жизни, избалованный ребенок в нем отказывался уступать место взрослому.

В то время, когда Суинберн писал песни Before Sunrise , молодой француз столкнулся с той же моральной дилеммой. Высокий, сутулый молодой человек по имени Исидор Дюкасс был занят написанием длинной садистской поэмы в прозе под названием “Песни Мальдорора”.

Есть те, кто пишет, чтобы заслужить аплодисменты мужчин, изобретая благородные чувства… Что касается меня, то я использую свой гений, чтобы изобразить прелести жестокости… Человек должен отращивать ногти в течение пятнадцати дней. О, как сладко грубо выхватить какого-нибудь ребенка из его кроватки… А потом внезапно, когда он меньше всего этого ожидает, вонзить свои длинные ногти глубоко в его мягкую грудь, так, чтобы не разрушить его жизнь; ведь если он умрет, вы не сможете потом наслаждаться его страданиями. Затем вы пьете

кровь, проводя языком по ранкам.

В 1869 году Дюкасс заплатил бельгийскому типографу за частное издание книги - он использовал псевдоним граф де Лотреамон, но у издателя сдали нервы, и он отказался печатать его. В следующем году поэт скончался от неизвестной болезни в возрасте двадцати четырех лет. Девять лет спустя типография обанкротилась, и его преемник нашел несвязанные листы и издал их. Лотреамоном восхищались Метерлинк, Гюисманс и Реми де Гурмон, а

“Мальдорор” стал второстепенной классикой. И в этот момент кто -то обнаружил еще одно произведение Лотреамона - предисловие к ненаписанному сборнику стихов. Это свидетельствовало о полной смене мировоззрения, возвращении к традиционным ценностям. Письмо, написанное незадолго до его смерти , подтверждает это: “Теперь я полностью изменил свой метод … И отныне буду петь только о надежде, вере, спокойствии, счастье и долге”. • К сожалению, никто не знает, как переменилось мнение Раме о том, что это произошло не из-за общественного возмущения, как в случае с Суинберном. Мы можем только предположить, что, избавившись от своего садизма, вампиризма и склонности к богохульству, он осознал невозможность и нелогичность сохранения ‘права на абсолютный эгоизм как

отношение на протяжении всей жизни. , с ,

Правда в том, что ни Суинберн, ни Байрон, ни де Сад, ни

Лотреамон на самом деле не верили в “право на абсолютный эгоизм”, как показывает их жизнь. Когда Суинберн влюбился в несовершеннолетнюю девушку, его реакцией было не похищение и не изнасилование ее, а предложение руки и сердца. Он вполне мог фантазировать о похищении и изнасиловании - де Сад, безусловно, согласился бы, но он знал, что об этом не может быть и речи. И здесь мы можем увидеть суть проблемы. Мужчина, которого безумно привлекает хорошенькая девушка, может

мечтать о том, чтобы сорвать с нее одежду , но на практике он знает, что должен склонить ее к сотрудничеству.

По сути, это похоже на то, как если бы он должен был установить своего рода телепатическую связь между

их. И если девушка окажется слишком юной, чтобы откликнуться, тогда ему придется

признать, что она вне его досягаемости…

В качестве любопытного - и довольно неприятного - постскриптума к этой дискуссии мы можем рассмотреть случай с другим викторианским “неудачником”. Сержант Бертран из 74-го полка. В 1848 году мужчина со странными сексуальными пристрастиями совершил набег на несколько кладбищ в Пансе. Недавно захороненные трупы молодых женщин, в одном случае семилетней девочки, были выкопаны и подвергнуты насилию. Когда наблюдение было усилено, некрофил просто переехал на другое кладбище. В более поздних случаях он обычно вырезал

вскрыл тело и вытащил внутренности.

Однажды ночью наблюдатели, которые несли всенощное бдение, увидели На кладбище Лашез увидели темную фигуру, карабкающуюся по стене, они открыли огонь, но мужчина скрылся. По обрывку формы было видно, что это солдат. Несколько дней спустя могильщик услышал, как сапер сказал, что один из их товарищей, некий сержант Бертран , был случайно ранен и теперь служит в армии Валь-де-Грас Я в больнице. Столкнувшись с детективами лицом к лицу, Бертран признался в

он был неизвестным растлителем трупов и предстал перед военным трибуналом 10 июля 1849 года.

Бертрану было двадцать семь лет. Он происходил из крестьянской семьи и некоторое время учился в семинарии. Он был известен как хороший солдат, пользовался большой популярностью у своих

товарищей, хотя и не был склонен к непристойным разговорам - он регулярно ходил в церковь. Но с самого детства он был жертвой сильных сексуальных желаний; в подростковом возрасте он мастурбировал по семь-восемь раз в день, и одного вида женской одежды было достаточно, чтобы вызвать эрекцию Он начал представлять, что находится в комнате, полной женщин, и мучает и насилует их. В возрасте двадцати четырех лет он начал жестоко обращаться с животными во время мастурбации. Затем, в 1847 году, произошел случай , который привел его к карьере грабителя могил. Он гулял по кладбищу близ Бере со своим другом и увидел полузасыпанную могилу; могильщики оставили ее во время ливня. Бертран нашел предлог, чтобы разыскать своего товарища, затем вернулся к могиле и обнаружил труп женщины. Он был в таком возбуждении, что начал колотить тело лопатой. Рабочий пришел посмотреть , что происходит, и Бертран сбежал через стену. Он несколько часов просидел в ближайшем лесу в оцепенении. Через два дня он вернулся на кладбище, своими руками откопал труп и вырвал внутренности.

В течение следующих нескольких месяцев он выкапывал еще трупы и мастерил замирал над ними. В ноябре 1847 года он совершил половой акт над трупом шестнадцатилетней девушки, целуя и лаская его в течение четверти часа. “Я не могу описать, что я чувствовал в это время. Но все мое удовольствие от общения с живыми женщинами - ничто по сравнению с этим”. (На самом деле у Бертрана было много любовниц, и он всегда был удовлетворительным любовником). В течение следующего года его разрушительные наклонности усилились, и он отрубал головы и конечности. (Я хотел уничтожить их полностью”.) Но если трупы оказывались мужскими, он с отвращением отворачивался.

Когда им овладевали некрофильские наклонности, никакие препятствия не могли его остановить. Однажды в середине зимы он переплыл замерзающую реку , чтобы попасть на кладбище. В другой раз в него попала мина-ловушка, когда он перелезал через кладбищенскую стену, но он все же выкопал труп и надругался над ним, а затем изувечил его.

Бертран был приговорен к году тюремного заключения. После освобождения он покинул Париж и исчез.

Возможно, самой интересной особенностью этого дела является то, что Бертран был описан как человек мягкого и чувствительного нрава, а его Заявления по этому делу свидетельствуют об уме и ясности, превосходящих обычные. Вот случай с мужчиной, страдающим “гиперсексуальностью ити’. который вполне мог бы стать насильником, но который разрешил эту проблему. Конфликт между его врожденным садизмом и природной чувствительностью привел к тому, что он стал некрофилом. Очевидно, что Бертран отверг бы доктрину де Сада о праве на абсолютный эгоизм.

В 1862 году, когда Суинберн считал себя учеником Россетти, один из друзей Россетти охарактеризовал его как ‘невыносимого маленького педанта. Важным знакомым был Артур Джозеф Манби, малоизвестный поэт и государственный служащий, который был на девять лет старше Суинберна. Среди своих друзей Манби был известен как один из тех добросердечных викторианских филантропов, который к тому же был хорошим собеседником. В своем дневнике Манби записывает, что встретил на Оксфорд-стрит восьмилетнего мальчика, который пытался вернуться на Бромптон-роуд без денег; добрый Манби посадил его в омнибус и оплатил проезд.

Лишь немногие из его друзей знали, что он был буквально одержим девушками из рабочего класса. В его дневнике нет ни намека на то, как это произошло, хотя есть предположение, что он наблюдал за ногами служанок, когда они мыли пол. У викторианцев было мало возможностей для случайной сексуальной стимуляции, поэтому все, что касалось обнажения, например, порка, скорее всего, перерастало в навязчивую идею. (Публикация дневников Гладстон в 1974 году выяснилось, что даже он читал порнографию и занимался самобичеванием.) Как бы то ни было, Манби проводил много времени, вовлекая девушек из рабочего класса в разговоры и расспрашивая их об их жизни. Но в отличие от Суинберна, который ему никогда не нравился, Манби не был способен относиться к женщинам исключительно как к сексуальным объектам. Поэтому вместо того, чтобы платить им за секс, он получал от этого своего рода удовлетворение. узнавал подробности их жизни, которые часто

были трагическими. Одна девушка потеряла нос в результате несчастного случая и мечтала о том, чтобы у нее был искусственный, который крепился бы крючком; она верила, что это позволит ей получить работу прислуги. У другой была такая ужасная золотуха, что она носила платок на нижней части лица и надеялась купить маску, чтобы полностью закрыть его. В 1859 году тридцатиоднолетний Манби отправился на выходные в Булонь просто для того, чтобы удовлетворить свою страсть наблюдать за девушками из рабочего класса. Он

не был разочарован. Одна двенадцатилетняя девочка последовала за ним вдоль скал, прося милостыню, и в конце концов задрала юбку до пояса. “Выговор” Манби ничего не изменил, и ему пришлось прогнать ее. Другая женщина попыталась заехать за ним и уговорить пойти в тихий уголок на пляже; когда Манби спросил , замужем ли она, она призналась, что замужем, но сказала, что ее муж в отъезде. (Манби, конечно, отказался).

Очевидно, его привлекло то, что эти восхитительные женственные создания были настолько доступны”. Он описывает прогулку по пляжу с четырьмя девушками-креветками. ‘По обе стороны от [меня] стоят две представительницы слабого пола, но у этих юных леди нет ни вуалей, ни зонтиков от солнца, ни перчаток, чтобы прикрыть руки, ни изящных сапожек, чтобы защитить ноги от камней…” И - что его явно восхищает — ниже талии, кроме короткого килта, на ней ничего нет!’

Сексуальное влечение Манби, по-видимому, не было сильным, но он и не соблюдал полного безбрачия. В 1854 году, когда он пересекал Гросвенор На улице он увидел высокую, стройную девушку с румяными щеками и в черной шляпке и заговорил с ней. Она вежливо ответила, и они пошли дальше, беседуя. Ее звали Ханна Калвик, она была служанкой из Шропшира; ей был всего двадцать один год, она была на пять лет моложе Манби. Он начал встречаться с ней в ее свободные дни и заставлял ее подробно описывать свою дневную работу - он даже убедил ее вести дневник, в котором она записывала все, что делала. Ханне, похоже , нравилось играть в эту игру. Она обычно сидела у ног Манби, чистила его ботинки - что, кажется, всегда вызывало у него фетишистский трепет — и называла его Масса, как будто она была негритянской рабыней. Она садилась к нему на колени, и они целовались, но в течение многих лет их отношения оставались совершенно невинными. Для Манби ситуация не могла быть более восхитительной: стройная, привлекательная, “женственная” девушка , с обожанием сидящая у его ног, взирающая на него как на бога, готовая ради него терпеть любые унижения (например, прятаться под кроватями и оставаться там часами, когда неожиданно приходили посетители, или терпеливо шли за ним по улицам, пока не находили тихое местечко, где можно было бы поговорить). Неясно, когда они наконец стали любовниками, но в январе 1873 года, почти через двадцать лет после их первой встречи, он женился на ней, и она переехала в

его покои в Темпле (Манби был неудачливым адвокатом до того , как стал государственным служащим, работавшим на церковных комиссаров). Но она продолжала одеваться как служанка, и Манби нравилось, что она так одевается.

как можно более грязным. А по вечерам, когда Манби уходил Чтобы преподавать в рабочем мужском (или женском) колледже, который он помог основать, или общаться с такими друзьями, как Россетти, Раскин и |или Д. Блэкмор, Ханна помогала ему одеваться, а затем тихо сидела за

Я терпела, пока он не вернулся.

Но Манби слишком долго был холостяком, чтобы стать женатым человеком. Напряженность в отношениях усилилась; в 1877 году он уехал • В отпуск на континент с одним из своих старых друзей-мужчин, и Ханна вернулась в Шропшир. Три недели октября они провели вместе в Лондоне, затем она вернулась в Шропшир, а он арендовал ферму недалеко от Пирфорда, в графстве Суррей. В 1888 году его привычка приставать к уличным женщинам едва не привела к тому, что его арестовали по подозрению в том, что он Джек Потрошитель. В 1890 году он ушел в отставку с государственной службы и переехал на свою уютную ферму недалеко от Пирфорд, где никто не знал, что он женат; тем временем Ханна продолжала жить одна в коттедже рабочего в Хэдли в Шропшире; в 1903 году, в возрасте семидесяти лет, она переехала в двухквартирный коттедж в своей родной деревне Шифнал, и Манби часто приезжал погостить к ней - они не делали секрета из своего брака перед друзьями и семьей Ханны. И вот, к сожалению, они закончили свою жизнь врозь. Ханна умерла в возрасте семидесяти шести лет в 1909 году. За несколько недель до своей собственной смерти в возрасте восьмидесяти одного года Манби наконец позволил своему брату Джорджа в тайну его брака. Затем, в январе 1910 года, он умер. Более полувека спустя его дневники были изучены писателем Дереком Хадсоном, чья книга “Манби, человек из двух миров” наконец раскрыла странную историю любви Ханны Калвик и ее ‘Масса’. О подлинном значении этой истории любви мы поговорим чуть позже.

В 1971 году молодой психолог-экспериментатор по имени Николас Хамфри отправился в Руанду, в Центральную Африку, чтобы препарировать горных горилл, убитых браконьерами. И по мере того, как он изучал горилл в их естественной среде обитания, на склонах вулкана, его все больше интересовала одна простая загадка. Не считая шимпанзе, горилла обладает самым большим мозгом — по отношению к массе тела - среди всех наземных животных. И все же жизнь горилл казалась невероятно простой: они только и делали, что ели, спали и переходили к новым кормовым угодьям. Зачем горилле понадобился такой большой мозг? У птиц появились крылья, потому что им нужно было летать; у слонов - крылья.

Неудачники

У гориллы развился хобот, чтобы хранить пищу. Что такого было в простой жизни гориллы, что требовало высокоразвитого интеллекта? Постепенно Хамфри начал видеть решение. Самое важное в жизни гориллы - это ее взаимоотношения с другими гориллами. Семейная жизнь гориллы - это эквивалент университетского образования; она учится у других горилл всему, что ей нужно для выживания. И если университет хочет эффективно выполнять свою задачу, он должен работать слаженно, без конфликтов. Семейная жизнь гориллы выглядит простой, потому что ее упрощают социальные реакции гориллы. Его чувствительность к настроениям, чувствам и реакциям других горилл обеспечивает спокойное и бесконфликтное существование.

На самом деле Хамфри, вероятно, наткнулся на ответ на одну из величайших загадок в истории человечества: почему за последние полмиллиона лет или около того у человека развился необычайно большой мозг. Зоологи выдвигали всевозможные интересные предположения, в том числе тревожное предположение о том, что это было связано с использованием оружия, и необходимость координации движений рук и глаз при использовании копья или дубинки. Но Хамфри почти наверняка прав: интеллект человека эволюционировал потому, что по мере того, как он начинал жить среди себе подобных все большими и большими группами, ему приходилось становиться опытным психологом. По сути, было необходимо развить своего рода

телепатию с другими членами группы - тонкую и мгновенную восприимчивость к их чувствам. Чем больше человек может поставить себя “за глаза” других людей, тем больше у него шансов на выживание и успех. Вот почему нации, которые мы склонны считать наиболее “цивилизованными” - например, китайцы и японцы - демонстрируют такой высокий уровень социальной восприимчивости.

Эволюция благоприятствует социальной восприимчивости. Это главное возражение против де Сада. Вид, усвоивший философию де Сада , вымер бы в течение нескольких поколений.

Этот же комментарий может помочь нам понять, почему так много великих романтиков, от Руссо до Суинберна, прожили несчастливую жизнь. Их “бунтарство” привело к тому, что они заявили о своем праве на абсолютный эгоизм, и это привело к личным осложнениям, которые часто отравляли им жизнь. Руссо был подавлен чувством вины, от которого он пытался избавиться в своей жизни. Признания. Де Сад отрицал свою вину, но молчаливо признал ее, пытаясь отречься от собственной работы. Байронический герой подавлен чувством греха и, что еще хуже, скуки и тщетности.

Блистательная демонстрация бунтарства Ивинбуме закончилась сорока годами посредственности. В каждом случае мы можем проследить причину несчастья в философии “права на эгоизм”, хотя, как мы теперь понимаем, право на эгоизм на самом деле было не более чем требованием того, что Ибсен позже назовет правом на индивидуальное саморазвитие.

И все же Манби, который был так же одержим девушками из рабочего класса, как Суин Берн - бичеванием, вел относительно счастливую и удовлетворенную жизнь. И, как ясно следует из дневника, это происходит потому, что он ни на секунду не допускал мысли о том, что его сексуальная одержимость дает ему какое-то право на эгоизм. Его интерес к женщинам из рабочего класса удовлетворялся тем, что он буквально проявлял к ним интерес , узнавал их поближе, ходил к ним домой, пил чай и

раздавал полкроны. Это правда, что чувство вины заставило его совершить ошибку, женившись на Ханне Калвик, когда было бы гораздо разумнее оставить все как есть; но, несмотря на это, их отношения оставались удовлетворяющими и нежными. Если интеллект - это социальная восприимчивость, то Манби был более умным человеком, чем Руссо, Байрон или Суинберн.

И это, как ни странно, относится и к сержанту Бертрану. Он родился с мощными садистскими импульсами, желанием рвать и разрушать. (На суде он признался, что не мог даже держать трубку дольше одного-двух дней, не разбив ее вдребезги.) Однако ему никогда не приходило в голову удовлетворять эти порывы на других людях - ни на подчиненных ему людях, ни на своих любовницах, ни одна из которых не подозревала о скрытом насилии. Только когда он прошел мимо открытой могилы, он увидел способ удовлетворить свою навязчивую идею без вреда для других людей. Суд признал принципиальную безвредность его ужасной одержимости, приговорив его всего к одному году тюремного заключения в эпоху, когда человек, укравший буханку хлеба, мог быть сослан к Чертям собачьим.

Остров.

\

Был один безымянный современник Манби и сержанта Бертран, который решил реализовать свою сексуальную одержимость с целеустремленностью , которая была уникальной даже среди романтиков. Он Безымянный, потому что его автобиография “Моя тайная жизнь” была опубликована анонимно, и никто так и не раскрыл тайну ее автора. Проблема не особенно важна - автор, называющий себя “Уолтер”, не отличается высоким интеллектуальным уровнем и почти наверняка был неизвестен таким выдающимся современникам, как Суинберн

и Манби. Тем не менее, “Моя тайная жизнь” уникальна тем, что является единственной полнометражной автобиографией, когда-либо написанной сатиром - мужской версией нимфоманки.

Из внутренних данных мы можем сделать вывод, что Уолтер родился около 1825 года; его отец, по-видимому, был богатым бизнесменом (он изо всех сил старается скрыть любые детали, которые могли бы его идентифицировать), и до двенадцати лет Уолтера обучала дома гувернантка. Когда он был еще подростком, его отец был близок к банкротству, а затем умер после продолжительной болезни; следующие несколько лет семья жила в стесненных обстоятельствах. Но крестный отец Уолтера оставил ему состояние, и Уолтер провел первую половину своего двадцатилетия, выращивая свой мягкий овес. Он растратил свое состояние и был вынужден жениться из-за денег. Это был тяжелый период, и когда он получил очередное наследство, то бросил жену и отправился на Континент в поисках сексуальных приключений. Она умерла, пока его не было, и он унаследовал ее деньги. Несколько лет спустя он влюбился и женился снова; но, хотя он заявлял, что обожает свою жену, его страсть к сексу оставалась непреодолимой, и он продолжал целеустремленно искать случайных знакомств. На протяжении многих лет он вел своего рода дневник своей сексуальной жизни, в котором подробно описывал свои встречи. Где-то в середине 1880-х годов он заплатил типографу в Амстердаме - или, возможно, в Париже - за то, чтобы тот опубликовал его. За десять лет было напечатано одиннадцать томов , к тому времени автору должно было перевалить за семьдесят. Высказывалось предположение, что “Уолтером” был Спенсер Эшби, автор “Библиографии запрещенных книг”, но это кажется маловероятным; Стиль Уолтера совершенно лишен литературного изящества и наводит на мысль о человеке, который никогда не утруждал себя получением большего, чем минимальное образование.

Главный интерес “Моей тайной жизни” в том, что она была написана человеком , для которого секс был самой восхитительной и увлекательной темой в мире; если он когда-либо и думал о чем-то другом в течение пяти минут, то это , конечно, не подтверждалось никакими доказательствами. Секс - это его святой грааль, эквивалент любви. “Голубой цветок” Новалиса. Было бы вполне уместно назвать его “святым секса”, поскольку очевидно, что секс обладал для него очарованием мистического видения. Он признается, что сам находит это загадочным. “Почему?.. Я искал… шлюх, что я и делал, я не могу объяснить, как и то настроение, которое привело меня к похотливым выходкам и восхищению, фантазиям и капризам…” Им двигало то же непреодолимое влечение, которое заставило сержанта Бертрана

Викторианские неудачники Вскрывали труп и избивали его лопатой, и бывали случаи , когда впоследствии Уолтер испытывал то же чувство опустошенного недоумения, которое описывает Бертран после своего первого опыта некрофилии.

Его сексуальное образование началось в возрасте двенадцати лет; его наставником был его двоюродный брат Фред, который, по-видимому, был грубым и противным ребенком. Вдохновленный "непристойными речами" Фреда, Уолтер задрал ночную рубашку своей младшей сестры , когда она спала, и осмотрел ее гениталии; позже они с Фредом прокрались в спальню сестер Фреда ранним утром, когда девочки сбросили с себя постельное белье, и смогли на досуге осмотреть их После этого, вернувшись в свою спальню, они "танцевали от радости'. В другой раз ему удалось мельком увидеть свою тетю обнаженной. Он делает интересное наблюдение: "Эти [сексуальные] чувства усилились, когда Я подумал о заднице моей тети и киска моих кузин, но когда я подумал о героинях [в романах], мне показалось странным, что у таких прекрасных созданий вообще что-то есть. Уолтер, конечно же, указал пальцем на саму суть мужского сексуального влечения: представление о том, что женщины каким-то образом чисты и неприкосновенны, и что , следовательно, позволять себе фамильярные занятия любовью - это одновременно и порочно , и восхитительно. В своей грубоватой манере Уолтер такой же романтик, как Байрон и Пушкин. Однажды, когда он был болен, он лежал, положив голову на колени служанки, и уговорил ее поцеловать его, пока он просовывал свою

(руку ей под юбку. Затем меня охватило сладострастное ощущение, как будто я терял сознание от наслаждения, мне снилось, что ее губы встречаются с моими, что она говорит: 'О! как стыдно! о кончиках моих пальцев , запутавшихся в ее волосах, о тепле ее бедер на моей ладони, об ощущении влаги на них, но я не помню ничего более отчетливого.' Ту же девушку он уговорил долго целовать его перед сном, ощупывая его гениталии, пока он шарил у нее под юбкой. Это привело Уолтера к открытию радостей мастурбации. Вскоре после этого он начал преследовать семнадцатилетнюю служанку по имени Шарлотта, которая

позволила бы ему поцеловать себя, но сопротивлялась дальнейшим вольностям. Наконец, когда его матери не было дома, ему удалось бросить уложил ее на кровать и, скорее по счастливой случайности, чем по здравому смыслу, сумел * лишить ее девственности. В следующее мгновение что-то, казалось, напряглось вокруг его ручки, еще один яростный толчок, - еще один - резкий крик

боль (сопротивление исчезло), и мой член погрузился в нее…" Завязался роман, который закончился только тогда, когда ее родители начали

заподозрили, что происходит, и приказали ей вернуться домой.

Он, не теряя времени, попытался соблазнить кухарку Мэри и после долгого и упорного преследования, получившего множество отказов, наконец , овладел ею на диване. 'Какое божественное чувство удовлетворения от того, что ты снова в заднице". (Уолтер всегда предельно конкретен.) И в конце концов ему удалось уговорить Мэри пойти с ним в "дом", где он обнаружил, что она более искусная любовница, чем Шарлотта. У него уже появились кое -какие личные вкусы. "Мне нравилось смотреть, как женщина балуется, привыкшая делать Шарлотта делала это так часто, как только могла, подставляла руку под струю и чувствовала, как она плещется на моих пальцах. И он остается необычайно откровенным и аналитичным в своих чувствах. "Шарлотту я любил и привык считать , что она была неотъемлемой частью меня на всю жизнь, когда я был рядом с ней; с Мэри, я думал о бедрах, заднице, влагалище и других ее частях, не испытывая к ней особой симпатии, кроме желания провести в ней время". Вскоре после этого Мэри тоже уехала домой.

Остановившись у своего двоюродного брата, Уолтер узнал, что Фреду удалось соблазнить девушку с фермы. При первой же возможности Уолтер поспешил в коттедж девушки и предложил

ей пять шиллингов. Он был так возбужден , что быстро достиг оргазма, после чего девушка сказала: ” Я могу понравиться тебе снова”, - и искусными манипуляциями побудила его к дальнейшим усилиям . Позже она сотрудничала с ним в соблазнении своей шестнадцатилетней сестры. Он лишил ее девственности, когда она была пьяна, и она сразу же после этого заснула, сжимая в руках два соверена, которые он ей дал.

Вернувшись в Лондон, он нашел друга, чей отец владел оружейным магазином; из подвала они могли наблюдать сквозь решетку за женщинами, которые останавливались поглазеть на витрину. ‘Были два погодных условия, которые нам благоприятствовали: когда было грязно, женщины высоко задирали одежду. Не обладая современной щепетильностью (1890 -й год говорит о 1840-м!), они заботились только о том, чтобы не испачкаться; и тогда, во время обычных занятий, мы получили представление о расколе. Но лучше всего получился замечательный день. Затем, когда отраженный свет был сильным, мы могли видеть выше, если дама находилась в удобном положении…” Во время этих сеансов они мастурбировали сами или друг другу. Но Уолтера это так раздражало, что он время от времени яростно выбрасывал сперму вверх, надеясь , что она достигнет “места назначения”.

К этому времени Уолтер обнаружил, что в викторианском Лондоне большинство

работающие девушки были сексуально доступны джентльмену с несколькими гинеями в кармане. (Стандартная стоимость полового акта составляла пять шиллингов лингс.) О многом из содержания Первого тома - и последующих десяти - можно судить по выборочному цитированию заголовков глав: “Моя вторая супружеская измена — тычок в живот — хлопанье в ладоши — большая пизда - Шарлотта появляется снова - Последствия - Мой первый ребенок - Готовлю”. Браун и горничная Харриет - Уборщица и дочь - У замочной скважины — Толстый девонец — подставленная задница - Эротическое безумие - Угрызения

совести'. (Уолтеру не удалось перенять вкус де Сада к содомии; после этого опыта он был физически болен и почти не спал в ту ночь от ужаса перед самим собой'.)

Подзаголовки следующей главы сами по себе представляют собой почти мини-роман: "Сара и Сьюзен - У замочной скважины — На деревенской ярмарке — Прижатый к стене - Незнакомая женщина - Снова хлопал в ладоши - Моя глухая родственница — Счастье нескольких недель — Тайна Сары — История Сьюзен — Сара с ребенком - Среди черных жуков - Девственность Сьюзен - Сьюзен с ребенком - Откровения сестер - Ссора - Рождение ребенка - Эмиграция. В этой главе рассказывается о том, как он соблазнил двух сестер, кухарку и горничную, и мы поражаемся его невероятной настойчивости - он часами наклонялся к замочной скважине, чтобы мельком увидеть лобковые волосы или мочу, плещущуюся в кастрюлю, днями тщательно планировал , как оставить горничную одну, пока семья занята. в церкви — за несколько украденных поцелуев - бесконечные непристойные намеки и "непристойные разговоры'. Обе сестры были должным образом соблазнены, забеременели и отправлены в Канаду. Вскоре после этого Уолтер вступил в права наследства своего крестного отца и решил , что покончил с "проститутками низкого пошиба" и займется поисками более дорогих шлюх.

Один из его наиболее успешных экспериментов в этом направлении был проведен с француженкой по имени Камилла. 'Никогда раньше я не видел, чтобы девушка снимала такое тонкое белье, никогда не видел таких ног в красивых шелковых чулках и красивых сапожках… Потом она села на горшок, помочилась и посмотрела на меня, а я сидел в страхе, ничего не говоря, ничего не делая, мой член съежился до размеров крыжовник.' Но прикосновение профессиональной руки быстро восстанавливает его потенцию, и я, не говоря ни слова, оказался рядом с ней и вставил в нее свой член еще до того, как сказал "нет", что я и собирался сказать. Что за пизда! Какие движения! Что за манера! До тех пор я и представить себе не мог, на что способны высококлассные, хорошо натренированные профессиональные шлюхи. Как хорошо они понимают природу и желания мужчины, который ими занимается…'

Он просит Камиллу помочь ему заполучить девственницу; она возвращается в Францию и возвращается с красивой молодой девушкой по имени Луиза. Как Луиза высовывается из окна, любуясь видами Лондона, Камилла мягко приподнимает юбку, чтобы Уолтер мог хоть мельком увидеть, какие наслаждения ему предстоит испытать. “Бедра довели меня до белого каления; я подняла руки Я натянул нижние юбки Камиллы на ее задницу, отвел ее в спальню и , сложив одежду комком у нее на животе, ввел свой член в нее, как только я вошел в ее влагалище.’ Несколько дней спустя, когда Камиллы не было дома, он затащил Луизу в спальню.

Мой член двинулся вперед, что-то, что сжимало его, подалось; внезапно он скользнул вверх по ее влагалищу, я еще крепче сжал ее, когда она задвигалась от боли подо мной, мои яйца повисли на ее заднице, моя сперма брызнула на шейку ее матки, и я кончил . самая жесткая девственность, которая у меня когда-либо была. Работа была сделана, месяцы ожидания, надежд, страхов и желаний закончились; мой член оказался во влагалище французской девственницы, что обошлось в двести фунтов.

Только в этот момент он узнает, что Луиза - сестра Камиллы.

Даже для такого объема “признаний’ грубость языка кажется излишней. Постепенно до читателя доходит, что это неотъемлемая часть ретроспективного удовольствия Уолтера; он пытается воссоздать свое чувственное наслаждение, облекая его в слова; но слова неуклюжи и неадекватны, поэтому он вынужден преувеличивать. Через несколько минут член этого счастливчика был в ее девственной нише, ее девственная плева была разорвана, его сперма стекала по яйцам на ее ягодицы… “Если бы он на самом деле испытывал оргазм внутри нее, то его сперма не стекала бы по его яйцам”. яйца на ее ягодицах’, но для Уолтера этот дополнительный штрих необходим , чтобы оживить сцену. По той же причине ему необходимо слышать, как женщины используют англосаксонские ругательства.

У него возникло желание заставить ее юные уста произносить непристойности.

‘Скажи “пизда”, дорогой”.

“Пизда”.

‘Скажи “блядь”.

“Блядь”.

‘Ты знаешь, что такое трахаться?”

- “Вкладываю это в это”, - сказала она со смешком.

Пятнадцатилетнюю девочку послали купить французское письмо в

!jj

Викторианские отбросы общества

в те времена это был кусок овечьих кишок, добытый на ближайшей бойне и еще теплый.

- Не очень-то приятно, - сказала девушка.

Еще несколько толчков, и я потерял всякое благоразумие, стянул его и с такой силой вогнал свой обнаженный член в ее лоно, что она вскрикнула. Ее крик боли доставил мне удовольствие и завел меня.

Вскоре становится очевидно, что секс - это фантазия Уолтера . ‘После этого я время от времени охлаждался в туалете и представлял себе девушек, которые сидят там, задрав одежду на ягодицах и слегка приподняв ее спереди, чтобы было видно их конечности, и из них брызжет моча…” Трудно представить, как Джеймс Босуэлл или Джон Клиленд доводят себя до такого состояния, что состояние возбуждения от таких грез наяву, ибо в восемнадцатом веке еще не пришли к пониманию того, что происходящее в туалетах запрещено. Даже де Сад счел бы, что это немного не так. Но Уолтер в середине 1840-х годов был подвержен влиянию ‘духа эпохи’, похотливого Терк и “Маленькая мисс любопытство”, а также любовные переживания одной Хирург, и сам вид замочной скважины вызывает павловское возбуждение в гениталиях. Он всю жизнь был жертвой эффекта Кулиджа. ‘Когда Я приехал в Лондон, Камилла пользовалась моим вниманием, но я не был постоянен по отношению к ней, потому что мне была необходима смена женщины. Абсурдность в том, что это навязчивое желание перемен не приносит удовлетворения. ‘Я мечтал об одной женщине, которая нравилась

бы мне больше, чем другие, и к которой я мог бы пойти, когда устану от незнакомцев…” Но даже когда он нашел ее - свою вторую жену, - он оставался рабом старой тяги к незнакомкам.

В Уолтере мы видим ярко выраженный пример воображаемой сексуальной одержимости, которая привела к эпохе преступлений на сексуальной почве. Если бы его заперли в психушке, как де Сада, результатом, вероятно, стало бы полноценное сексуальное извращение. Но поскольку он был на свободе, то смог удовлетворить почти патологическую тягу к сексуальному разнообразию. Уже в третьем томе он объясняет: “Я не знаю, почему мои эротические фантазии вызвали желание к молодой девушке, но это произошло. По большей части мне нравились большие, мясистые, с жирной пиздой и большими задницами; теперь, возможно, для контраста, а может, из чистого любопытства, мной овладело желание. Маленькая пизда, возможно, тугая и безволосая - Мне было интересно, как это выглядит и ощущается, и увеличит ли это удовольствие… - Он проходит мимо двух девушек на улице, старшая

им пятнадцать, и он приглашает их в ближайший публичный дом; там он овладевает старшей из них. Затем, хотя он находит другую некрасивой, его привлекает мысль о том, что она , вероятно, девственница. Он уговаривает ее раздеться. “Мое зрение подвело меня, демон желания сказал: ”Она свежая, она девственна - носи ее в себе - вставляй в нее - растягивай - разделяй - кончай в нее”. Наконец-то,

в своем слепом ударе я, наконец, хорошо просунул кончик между губами. В следующее мгновение, раздирающим влагалище толчком, я оказался на маленькой воющей сучке , которая извивалась, как угорь; но я прижал ее тощую задницу к себе, как тисками, не отпуская своей ноги и не двигаясь с места, несмотря ни на что. Одних только ее движений хватило бы, чтобы он оставался достаточно твердым, и я бы завелся. “Успокойся, - я рядом с тобой, - я не могу причинить-тебе-боль, - ах!” - и моя смелость возросла еще больше член уродливого маленького

дьявола.

И когда все заканчивается, он и другая девушка смотрят “маленький член, наполненный спермой, смешанной с кровью”. Для Уолтера это , очевидно, высший момент; он не только добился своего удовлетворения он преуспел в осознании того, что достиг этого. И это является главной движущей силой не только сексуального влечения Уолтера, но и всего “перегретого” сексуального влечения, которое породило порнографию девятнадцатого века и рост преступности на сексуальной почве. Самая сильная тяга Уолтера - не к сексуальному опыту, а к осознанию сексуального опыта. Во втором томе есть сцена, в которой он описывает , как забирает сорокалетнюю женщину и десятилетнего ребенка и идет с ними домой. Затем он вступает в половую связь с ребенком , стоя перед зеркалом, “прижимает ее к себе, как младенца, ее руки обвиваются вокруг моей шеи, она ноет, что я причиняю ей боль…” Сцена символична; ему нужно увидеть, что происходит, убедить себя, что это происходит на самом деле . И внезапно мы начинаем осознавать внутренний смысл этой ‘перегретой’ викторианской сексуальности. Животный секс нерефлексивен, это механическая реакция на запах молочка; но у де Сада, Суинберна и “Уолтера” секс стремится стать саморефлексивным. Животный секс - это простое физическое удовольствие, такое же, как прием пищи или принятие солнечных ванн; викторианцы научились превращать его в духовный опыт, такой же, как восприятие поэзии или прослушивание музыки. Животный секс - это пассивный опыт; викторианцы пытались использовать его как средство контроля сознания.

Это объясняет явную повторяемость стремления Уолтера к сексу. Поскольку он достигает ‘саморефлексивного’ опыта, ощущения

тотальный контроль, только с большими перерывами, он продолжает нажимать на один и тот же рычаг, так сказать, как лабораторная крыса, пытающаяся высвободить пищевую крошку.

Его экспериментаторство берет свое начало из того же источника. Он может испытывать “внезапное влечение” к молодой девушке, к

беременной женщине, к двум женщинам одновременно, даже к пожилой женщине, и почти все без исключения его разочаровывают. (После сеанса с десятилетней девочкой он признает, что это “не могло доставить того удовольствия , которое могла бы получить полностью развитая женщина”.) Хуже того, это часто приводит его в состояние сильного отвращения к самому себе. В восьмом томе он описывает свои эксперименты с мужчиной, закончившиеся содомией. ” Мной овладело неистовое, кровожадное желание сделать это - убедиться, доставляет ли это удовольствие’ (курсив мой). В момент оргазма”, - громко и невнятно выкрикнула я (Сара рассказала мне), но я была без сознания. осознавая это’. И как только все заканчивается: “Я испытывал невыразимое отвращение к нему и к самому себе — ужасный страх — омерзение — я едва мог находиться с ним в одной комнате…” Уолтер признает, что подвержен эротическому безумию, когда, подобно поклонникам Диониса, он одержим.

Здесь Уолтер снова заставляет нас осознать сущность человеческой сексуальности и сексуальных “извращений”. В некотором смысле физическая близость неестественна для людей. Скотт Фицджеральд запечатлел эту напряженность в отрывке из “По эту сторону рая”, в котором двое детей “обнимаются”.

Она вложила свою руку в его, ее голова склонилась ему на плечо. Внезапное отвращение охватило Эмори, брезгливость, омерзение ко всему произошедшему. Ему отчаянно захотелось уйти, никогда больше не видеть Майру, никогда никого не целовать; он увидел свое лицо и ее, их цепляющиеся друг за друга руки, и ему захотелось выползти из своего тела и спрятаться где-нибудь в безопасном месте, подальше от посторонних глаз, в уголке своего сознания.

- Поцелуй меня еще раз. Ее голос доносился из огромной пустоты.

Я не хочу, - услышал он свой голос. Последовала еще одна пауза.

Не хочу! - страстно повторил он.

Большинству детей отвратительна сама идея “французского поцелуя” — смешивания слюны. Большинство из нас могут вспомнить, как испытывали отвращение, впервые прочитав “Улисса” Джойса, где описывается, как Мэрион Блум отправляет пережеванный тминный пирог в рот своему возлюбленному, а мистер Цветок целует ее в зад, оставляя “желтую пахучую бороздку”. Однако взрослые особи могут совершать эти или

подобные половые акты без отвращения; инстинкт размножения заставил “отвращение к чужаку’ исчезнуть съел. Сексуальный импульс обладает способностью вызывать “эротическое безумие’,

преодолевают привычные границы личного сознания и создают нечто похожее на мистический опыт — чувство полного самоутверждения.

И это, как мы теперь видим, является ключом к маркизу де Саду. Явная жестокость его работ в остальном сбивает с толку - не может же он на самом деле ожидать, что мы будем испытывать сексуальное возбуждение при мысли о том, чтобы пытать кого-то или сжигать заживо? Ответ - нет, на самом деле это не так; де Сад пишет не о реальном. Он пытается воссоздать реальность с помощью языка, и этот язык претерпел определенную инфляцию. Язык Де Сада - это попытка заставить его воображение реагировать определенным образом. Подобно герою из В конце концов, Барбюс чувствует, что “все эти слова мертвы — они оставляют нетронутыми, бессильными повлиять на интенсивность того, что было”. И его стремление к “интенсивности того, что было” приводит его к преувеличению, точно так же, как Уолтер вынужден преувеличивать. (“Это девственно - родить - заткнуть — вставить — растянуть — разделить”.) Жестокость Де Сада напоминает нам о певце, пытающемся взять высокую ноту, которая находится за пределами диапазона его голоса.

На самом деле, и де Сад, и Уолтер вели себя гораздо лучше, чем они сами признаются. Де Сад не пытался отомстить своей теще; Уолтер часто вел себя порядочно и великодушно. Они приберегли свою жестокость для сферы языка. Но, с другой стороны, оба они были “джентльменами”, которых учили выражать себя. Те, кому повезло меньше, неизбежно испытывали искушение преодолеть пропасть, отделяющую сексуальные фантазии от преступлений на сексуальной почве.

Ранним утром 31 августа 1888 года возчик по имени Джордж Кросс прогуливался по Бакс-роу, Уайтчепел - в самом центре Лондона. Ист-Энд - когда он увидел то, что, как ему показалось,

было свертком брезента лежащий на тротуаре. Это оказалась женщина, юбка которой была задрана выше пояса. В местном морге было обнаружено, что у нее были выпотрошены внутренности. Мэри Энн Николлс почти наверняка стала первой жертвой убийцы-садиста, известного как Джек Потрошитель. (Он представил себя с Ником в серии писем, что он писал в Центральное агентство новостей.) Чуть более недели спустя, он убиты и выпотрошены проститутка по имени Энни Чапмен в Задворках Уайтчепела. Утром 30 сентября его прервали вскоре после того, как он перерезал горло третьей жертве - женщине по имени Элизабет Страйд - и немедленно пошел убивать

а затем выпотрошил другую женщину, Кэтрин Эддоус. Утром 9 ноября он совершил свое последнее убийство в закрытом помещении и провел несколько часов, препарируя тело Мэри Келли при свете горящей в камине кучи тряпья. К этому времени лондонцы были в состоянии истерики, и начальник полиции был вынужден уйти в отставку. Но с убийствами в Уайтчепеле было покончено.

Джека Потрошителя, безусловно, можно отнести к категории архетипических сексуальных неудачников - им двигало “эротическое безумие” Уолтера, “жестокая, кровожадная бестолковость”, и, к сожалению, у нас нет никаких зацепок для установления его личности. Но из того, что уже было сказано, мы можем сделать определенные заявления с достаточной степенью уверенности. Все теории, предполагающие, что Потрошитель был джентльменом — сумасшедшим врачом, юристом, игравшим в крикет, членом королевской семьи, - почти наверняка далеки от истины. * Тот вид разочарования, который привел к убийствам Потрошителя , характерен для тех, у кого нет других способов самовыражения, для тех, кто неграмотен или только полуграмотен. Такой подозреваемый привлек внимание Дэниела Фарсона после того, как он стал режиссером телевизионной программы о Джеке Потрошителе. Он получил письмо (подписанное G.W.B.) от семидесятисемилетнего мужчины из Мельбурна, Австралии, который утверждал, что его отец

признался в том, что был Рыхлитель.

Мой отец был ужасным пьяницей, и ночь за ночью он приходил домой и жестоко избивал мою мать и нас, детей, за что-нибудь. Примерно в 1902 году меня научили боксу, и, почувствовав, что я могу постоять за себя, я пригрозил своему отцу, что, если он поднимет руку на мою мать или братьев, я изобью его. После этого он так и не вернулся, но мы жили в одном доме и никогда не разговаривали друг с другом. Позже я эмигрировал в Австралию … и моя мать попросила меня попрощаться с отцом. Именно тогда он рассказал мне свою грязную историю и почему он совершил эти ужасные убийства, и посоветовал мне сменить имя, потому что перед смертью он во всем признается.

Далее он объясняет: “Он не осознавал, что делает, но его целью было напиться и желание убить каждую проститутку, которая к нему пристает”. Независимо от того, был ли отец Дж.У.Б., который занимался сбором конского навоза, Джеком Потрошителем или нет, он, безусловно, настоящий убийца. гораздо более вероятный подозреваемый, чем представитель социального класса “Уолтера’.

* смотрите “Джек потрошитель: подведение итогов и вердикт” Колина Уилсона и Робина Оделл, 1987

“Джек потрошитель” Дэниела Фарсона, Лондон, 1972, стр. 108

Неудачники

Для нас кажется очевидным, что убийства Джека Потрошителя были совершены на сексуальной почве (например, импульс, побудивший его искать другую жертву, когда ему помешали убить Элизабет Страйд). Но это ни в коем случае не было очевидно для викторианцев, которые предпочитали мыслить в терминах религиозной мании и “морального помешательства”. Убийства на сексуальной почве были новым явлением в 1880-х годах, и среднестатистического викторианца все еще удивляло, что кто-то может хотеть убивать ради сексуального удовлетворения.

Убийства в Уайтчепеле изменили все это: они вызвали глубокое беспокойство, болезненный трепет ужаса, благодаря которому имя Джека Потрошитель стал притчей во языцех во всем мире. Это было инстинктивное осознание того, что произошла какая-то странная и пугающая перемена. В ретроспективе мы можем видеть, что убийства Потрошителя стали своего рода водоразделом между веком викторианских ценностей и эпохой насилия, которая должна была наступить.

8. Чувство вины и неповиновение

В 1886 году, когда сексуальная психопатия оказала такое сенсационное воздействие на Германию, молодой венский врач по имени Зигмунд Фрейд учился у великого Шарко в школе Сальпет-Рьер в Париже. По Фрейду, чрезвычайно амбициозный человек, уже достигнут определенный сомнительную известность, опубликовав работу, в которой он рекомендовал кокаин - 'волшебные существа' - как общее лекарство от всех видов заболевания, не признавая, что он был в опасности Оус препарата. Поэтому, когда он отправился в Париж, он уже был в некотором замешательстве.

Жан-Мартен Шарко был в то время, пожалуй, самым известным 'психиатром' в мире - его даже называли 'Наполеоном неврозов'. Четырьмя годами ранее, он произнес замечательную лекции, которые были преобразованы в Академии наук в противоречи versial практике гипноз - это предмет, который рассматривался с немилость со времен 'шарлатан' Месмер. Шарко пробовал гипноз на истеричных пациентах и обнаружил, что это работает - например, человека, страдающего "истерическим параличом" руки, можно вылечить с помощью гипнотического внушения. Теперь Шарко читал захватывающие лекции, на которых загипнотизированные пациенты лаяли, как собаки, размахивали руками, как птицы, или съедали кусочек древесного угля, когда им говорили, что это шоколад. Фрейд был потрясен. Он писал домой: "Иногда я выхожу с его лекций, как из Собора Парижской Богоматери, с совершенно новым представлением о

совершенстве…” И когда Фрейд перевел одну из Благодаря книгам Шарко эти двое мужчин стали близкими друзьями.

Когда Фрейд вернулся в Вену в апреле 1886 года, он размышлял над чрезвычайно важной проблемой. Как могла истерия - или гипноз , если уж на то пошло, - вызывать такие замечательные физические эффекты? Как, например, это могло привести к тому, что живот женщины раздулся до “истерической беременности”, которая выглядела неотличимой от реальной ? И как могла загипнотизированная пациентка, которой сказали, что

кусок льда был раскаленной кочергой, и на нем образовался настоящий волдырь? Несомненно , должна быть какая-то часть разума, которая была намного могущественнее обычного сознания? Фрейд произвел революцию в психиатрии, назвав эту часть сознания ‘бессознательным’. Бессознательный разум можно сравнить с балластом на корабле; никто его не видит, и он не оказывает очевидного воздействия; но без него корабль перевернулся бы при первом же сильном ветре. Но, что более важно, если что-то приводит в движение балласт корабля, это может привести к тому, что корабль перевернется. Фрейд понимал, что именно это происходило с истерическими пациентами Шарко.

Именно когда Фрейд задумался о точной природе этого балласта, он пришел к своему самому противоречивому выводу. Перед отъездом в Париж он был очень заинтригован случаем, который лечил его коллега Йозеф Брейер. Молодая девушка по имени Берта После смерти отца у Паппенгейм появились странные истерические симптомы. Она превратилась в две личности, одна из которых говорила только по-английски; это второе “я” внезапно брало верх и совершало совершенно иррациональные поступки. Однажды ночью, когда Брейера позвали к ее постели, ее бедра двигались вверх-вниз в диких конвульсиях, как будто в муках полового акта. Это убедило Брейеру, что у нее были на него сексуальные виды, и он поспешно ушел Вена на следующий день.

Фрейда также глубоко поразило замечание коллеги об истеричной пациентке: что ей на самом деле нужно, так это “многократные дозы нормального полового члена”. У него начало формироваться пугающее убеждение, что секс лежит в основе всех неврозов. И это было страшно, потому что легко могло привести к его профессиональному краху. Вена императора Франца Иосифа была такой же чопорной, как вена королевы Виктории Лондон; секс никогда не упоминался в приличных семейных кругах. Когда он впервые начал разрабатывать “сексуальную теорию’, Фрейд, должно быть, чувствовал себя так, словно держал в руках неразорвавшуюся бомбу, идею, последствия которой могли подорвать цивилизацию. Например, он пришел к убеждению, что большинство невротичных женщин были соблазнены своими отцами, когда они были детьми. Он пришел к выводу, что дети проявляют интерес к сексу в гораздо более раннем возрасте, чем мы предполагаем, и что сыновья и дочери, скорее всего, влюбляются в родителей противоположного пола. Когда Берта Паппенгейм сидела у постели своего умирающего отца, ей приснилось, что к нему ползет черная змея; Фрейд подозревал, что змея

было символом отцовского пениса и того, что Берта подсознательно хотела, чтобы отец стал ее любовником; позже она перенесла это чувство на Брейера.. .

На самом деле, большинству пациентов Фрейда, казалось, нравилось отвечать Фрейд задавал вопросы об их интимной жизни, и многие женщины уверяли его, что их соблазнили собственные отцы - только позже Фрейд понял, что они фантазировали. Окончательно убедившись в истинности “сексуальной теории”, Фрейд начал публиковать ее в таких работах , как “Исследования истерии” (совместно с Брейером) и “Интерпретация Мечты. Скандал был таким громким, как он и предполагал, и вскоре он стал одним из самых противоречивых - и ненавистных - людей в Вене. Даже Брейер почувствовал, что Фрейд заходит слишком далеко, утверждая, что секс является основой всех неврозов, и эти двое перестали быть друзьями. Другие коллеги просто обвиняли Фрейда в неизлечимой нечистоплотности . Но поскольку в течение стольких лет о сексе считалось неприличным упоминать, его внезапное обретение научной респектабельности произвело эффект, от которого

содрогнулся весь цивилизованный мир. Это событие в большей степени , чем какое-либо другое, ознаменовало конец викторианской эпохи.

Краффт-Эбинг считал Фрейда своим естественным союзником и поддержал его предложение стать профессором Венского университета. Фрейд, в свою очередь, не сомневался, что случаи Краффт-Эбинга были “новым ценным свидетельством надежности моего материала”. Как ни странно, у обоих мужчин было одинаковое, скорее пуританское отношение к сексу; Краффт-Эбинг был склонен объяснять извращение в терминах “наследственности”. некоторые заболевания: алкоголизм, сифилис, эпилепсия, невменяемость и так далее. Мы чувствуем, что он относится к нам терпимо, но с легким неодобрением, как адвокат к неисправимому клиенту. Фрейд также придерживался строгих моральных принципов в отношении секса. По словам его биографа Эрнеста Джонса, его собственная сексуальная жизнь с женой Мартой закончилась довольно рано, и он, несомненно, был бы шокирован, если не удивлен, узнав, что его последователь Юнг завел привычку заводить романы со своими пациентками.

Проблема Фрейда заключалась в том, что, подобно какому-нибудь религиозному пророку, он настаивал на навязывании своим пациентам своих собственных интерпретаций. Например, он убедился, что семнадцатилетняя девушка по имени Дора испытывала подавленную любовь к герру К., другу ее отца - жена которого совершала супружескую измену с отцом Доры. Он рассказал Дора заявила, что недавний приступ аппендицита был истерическим симптомом , свидетельствующим о ее дефлорации господином К. Дора выразила недоверие,

но Фрейд настаивал, навязывая ей свои собственные интерпретации , пока она не была покорена и не согласилась. Но ей надоело это издевательство, и она прекратила свой анализ. Фрейд был настолько загипнотизирован своими собственными сексуальными теориями, что стал неспособен к объективности - и, очень часто, к здравому смыслу. В случае с четырехлетним

ребенком по имени Маленький Ганс Фрейд решил, что боязнь быть укушенным лошадью возникла у мальчика не из-за того , что кто-то предупредил его, что лошадь может откусить ему пальцы, а из-за того, что он хотел спать со своей матерью и ревновал к пенису своего отца. Маленький Ганс выздоровел без Помощь Фрейда.

Другая школа “сексологов” придерживалась более объективного и гибкого подхода. Отправной точкой Альфреда Бине был фетишизм (слово, которое он сам придумал), и он указывал, что это простой вопрос ассоциации идей, подобно условным рефлексам Павлова. Если мужчина начинает ассоциировать сексуальное возбуждение с нижним бельем девушки, или с ее обувью, или с ее прической - или, если уж на то пошло, с ночным колпаком своей матери, - то эти вещи будут вызывать такое же желание, как и обнаженная девушка. Ключ к разгадке кроется в концепции сексуального голодания; переполняющий импульс перельется через край и найдет свое русло. Бине отметил, что то же самое относится к садизму и мазохизму. Младший коллега из Последователь Фрейда Альберт Молль, который критиковал сексуальные теории Фрейда и , следовательно, вызывал у него отвращение, ухватился за концепцию романтического воображения, приведя в качестве примера чувства девятилетнего Данте к Беатриче или восьмилетнего Байрона к Мэри Дафф. Его отправной точкой было то, что он назвал “детумесцентным влечением”. Он осознал, что сексуальное влечение начинается с приятного покалывания энергии в гениталиях и желания разрядить эту энергию - и вызвать детумесценцию — путем приведения гениталий в интимный контакт с желаемым объектом. Природа, очевидно, предназначила, чтобы этим объектом были гениталии представителя противоположного пола. Но сексуальное влечение может возникнуть задолго до того, как это станет возможным, - Молл привела пример семилетней девочки, которая предавалась взаимным сексуальным играм со своим трехлетним братом. Таким образом, сексуальным объектом может быть все, что связано с желаемым человеком или даже с самой идеей секса и ‘запретного’.

На самом деле, если немного поразмыслить, то мы увидим, что этот фетишистский механизм, по самой своей природе, вскоре приведет к появлению всевозможных новых разновидностей секса. “Нормальный” секс зависит от взаимного влечения мужчин и женщин.

две согласные стороны, но ни одна из них не может считать другую идеальным партнером. Но фетишист может достичь полного удовлетворения с помощью какой-то вещи, принадлежащей девушке, которую он считает недостижимой в других отношениях, а это значит, что его “завоевания” ограничены только его воображением. ‘Уолтер’ был достаточно богат - и привлекателен - для того, чтобы посвятить свою жизнь сексуальным экспериментам; фетишист может проводить все эти эксперименты в своей собственной мысленной лаборатории. Если бы Байрон был фетишистом (как , по предположению Хиршфельда, был Гете), он мог бы “овладеть” Мэри Дафф так , что она даже не заподозрила бы этого.

Кажется странным, что никто из “сексологов” не признал очевидного и простого факта, что большинство извращений, о которых они писали, относились к их веку. На самом деле, Крафт-Эбинг был склонен скрывать этот факт, говоря о садизме прошлого века. Римские императоры или широко распространенная безнравственность семнадцатого и восемнадцатого веков. Но нам достаточно пролистать десяток страниц “Сексуальной психопатии”, чтобы увидеть, что большинство случаев уникальны и что они являются результатом “фетишистского механизма” Молля — воображения, порождающего новые и странные разновидности извращенности. Мы читаем о мужчине, который мастурбирует, лаская пушистую собаку, о мужчине, который хочет, чтобы ему мастурбировала проститутка с грязными пальцами, о девушке, которая хочет делать анилингус старикам, о мужчине, который хочет посмотреть, как проститутка мучает кроликов, и так далее. Разнообразие объясняется тем, что воображение свободно выбирает то, что принесет сексуальное удовлетворение. А до девятнадцатого века мужчины просто не умели использовать свое воображение подобным образом.

Признание Моллем роли сексуальной энергии стало огромным шагом вперед в понимании сексуальных перверсий. Крафт-Эбинг, как мы уже видели, был склонен считать, что они передаются по наследству, что в первую очередь вызвало вопрос о том, как это произошло. Хирш Фельд, когда он впервые начал

писать об этом в 1896 году, был склонен искать причину в мозге и эндокринных железах. Но Молль признавал, что основное сексуальное влечение связано с определенной энергией , которая проявляется через гениталии. Отсюда всего один шаг до осознания того, что источником, управляющим потоком этой энергии , является воображение.

Большинство детей, посещавших уроки химии, наверняка помнят устройство, известное как аппарат Киппа, который производит углекислый газ. При повороте крана давление газа снижается, позволяя кислоте вытекать наружу

в емкость с мраморной крошкой. Смесь превращается в бурлящую массу, из которой выделяется углекислый газ. Когда кран закрыт, образуется углекислый газ, вытесняющий кислоту из сосуда с мраморной крошкой. Аналогичный процесс происходит при сексуальном возбуждении. У животных запах молочка действует как кислота. Но у людей только воображение может превратить кислоту в мраморную крошку. Когда Клиланд продюсировал “Фанни Хилл”, он, по сути, изобрел аппарат Киппа для мгновенного сексуального возбуждения. (“Уолтеру” нравилось давать иллюстрированное издание книги в руки служанок, которых он хотел соблазнить.)

Но Фанни Хилл только подчеркивает странную свободу человеческого воображения. Располагая обширной библиотекой порнографии, Монктон Милнс мог выбирать себе сексуальные стимуляторы. Хотел ли он, чтобы его возбуждали фантазии о порке? Или об изнасиловании? Или о совращении школьниц? Или об инцесте? Или о содомии? Или о ста формах сексуального насилия, описанных Де Садом?

Он был похож на пьяницу, столкнувшегося с широким выбором вин и ликеров. Однако все это только подчеркивает, что человеческий разум сам по себе является своего рода аппаратом Киппа. Животным необходима “кислота”, поступающая из внешнего источника - запаха самки во время течки. Человек Аппарат Kipp сам по себе закончен. Мы добавляем кислоту по

собственному желанию.

Это понимание дает нам представление об основном механизме ‘извращения’. Можно сказать, что для бога сексуальная реакция носит исключительно физический характер, в то время как для фетишиста она носит исключительно психологический. Но нормальный человек находится где-то между этими двумя крайностями. Мужчина в постели с женщиной реагирует на ее женское несс, но он подкрепляет это определенным психологическим элементом. Как и Уолтер, он пытается осмыслить свою ситуацию творчески. И мы уже видели, что даже Уолтеру, с его гиперактивным сексуальным влечением, приходится подкреплять свое желание, рассказывая самому себе о том, что происходит, или, что еще лучше, заставляя партнершу рассказать ему. (“Где мой член?’ ‘В моей пизде’).

Неразумному мужчине с сильным животным сексуальным влечением нужно совсем немного такого подкрепления. Более чувствительному мужчине с богатым воображением может потребоваться гораздо больше. И в некоторых случаях “фетишистская” реакция может перевесить чисто физическую реакцию. Очевидно, что это то, что - это произошло в случае с Карлом Хайду. Хотя в сексуальном плане он был “нормальным”, у него была сильная фетишистская реакция на “интимную” женскую одежду. Поэтому , когда он сидел в постели, накрытый шелковым халатом своей подруги,

он испытывал сексуальное возбуждение, несмотря на то, что сама девушка была в другом конце комнаты и готовила кофе. Но это все равно было “нормально” - девушка присутствовала. Но когда его девушка не пришла на встречу, и он надел чулки, которые купил для нее, фетишистский элемент перевесил “нормальный” элемент. И легко понять, как один и тот же механизм привел к тому, что де Сад стал садистом, Суинберн - мазохистом, Бертран - некрофилом и так далее.

Тот же процесс можно отчетливо проследить в случае с самым влиятельным “сексологом” начала двадцатого века Хэвелоком

Эллисом. Эллиса, родившегося в 1859 году, в юности беспокоили семенные выделения во время сна, и в возрасте шестнадцати лет он решил посвятить свою жизнь научному изучению сексуальности. Но что действительно беспокоило Эллиса, так это его собственное “маленькое извращение”, уролагния, или желание наблюдать, как женщины мочатся. Это возникло, когда он был ребенком и они с матерью гуляли в садах Риджентс. Парк зоопарка; она остановилась, и он услышал плеск воды и увидел свою мать, сидящую на корточках над лужей. Она застенчиво пробормотала: “Я не хотела, чтобы ты это видел”, - но позже Эллис заметила, что для нее было бы совершенно несложно обратиться к ближайшим “Дамам’. А некоторое время спустя она заставила его стоять на страже, пока она мочилась в кустах. С этого времени юный Гарри (как его называли в семье) был одержим тем, что он позже назвал “золотыми потоками”. (Когда Эллис позже рассказал своей сестре об этих событиях, она проницательно прокомментировала: “Она флиртовала с тобой.)

Эллис вырос чрезвычайно романтичным молодым человеком, склонным поклоняться каждой хорошенькой девушке как воплощению Вечной женственности. Но он сомневался в собственной привлекательности, поскольку был высоким и худощавым, с высоким писклявым голосом; он распознал в себе сильную женскую жилку. После периода, проведенного в Австралии, Эллис вернулся в Лондон , где бурлили интеллектуальные страсти - феминизм, социализм, ибсенизм - и сразу же почувствовал страстный сексуальный интерес к своей младшей сестре Луи. Это никогда не переросло в инцест, но они всегда оставались близки.

Романтизм Эллиса заставлял его нервничать из-за незнакомых женщин, и именно это произошло в случае с южноафриканской писательницей Олив Шрайнер. Она была решительной защитницей прав женщин, но ее феминизм получил серьезный удар, когда она влюбилась в садиста и обнаружила, что ей нравится, когда ее унижают и

избитый. Когда возлюбленный бросил ее, она обратилась к Эллису, надеясь , что он сможет сочетать интеллектуальное превосходство с физическим доминированием. На самом деле, у него подкашивались колени при мысли о том, что он попытается казаться властным, не говоря уже о том, чтобы выпороть ее. Поэтому Олив вернулась в Южную Африку.

Эллис получил диплом врача, но решил, что предпочитает литературу. Его предложение о том, что елизаветинские драматурги должны публиковаться без изменений, привело к тому, что он стал редактором "Русалки" Серия книг "Новый дух" и его книга "The New Spirit" принесли ему определенную известность среди идеалистически настроенных представителей молодого поколения, особенно так называемых "новых женщин". Одной из этих поклонниц была миниатюрная голубоглазая женщина по имени Эдит Лиз, которая ненавидела своего отца и теперь испытывала глубокое недоверие ко всем мужчинам. Они с Эллисом провели много времени вместе во время пешеходной экскурсии по Корнуоллу и решили, что они родственные души. Должно быть, они составляли странную пару - высокий Эллис со своим писклявым голоском и крошечная Эдит со своим неожиданным очень низкий голос. Неясно, осознавал ли Эллис во время их женитьбы, что Эдит была лесбиянкой; если это так, то он, возможно, испытал облегчение оттого, что она не предъявляла к нему сексуальных требований. Но через несколько месяцев после их свадьбы он был сильно потрясен, получив от нее письмо - она жила в загородном коттедже, - в котором объяснялось, что у нее возникла глубокая страсть к подруге; после мучительной внутренней борьбы он написал ей, чтобы дать свое согласие на этот роман. Это было первое из многих. Эдит, со своей стороны, не проявила такой же терпимости, и когда Эллис признался, что поцеловал гостью на прогулке, она выставила ее из дома.

Это было в 1892 году, что Эллис сформировали партнерство с поэтом и критик Джон Эддингтон Саймондс, чтобы написать книгу об инверсии сексуальных ‘ (например, гомосексуализм) для современной науки серия ред. Эллис. Саймондс знал о том, что он гомосексуалист, еще со школьных времен, хотя его дружба с младшими мальчиками всегда была "чистой". Только поехав в Италию, он с радостью обнаружил, что многие молодые гондольеры и рыбаки находят его желания совершенно естественными и готовы принять в них участие. На самом деле, Саймондс умер, когда они с Эллисом еще сотрудничали, и Эллис закончил "Сексуальную инверсию" в одиночку. Впервые она была опубликована на немецком языке в 1896 году и оказала

непосредственное влияние на мир “сексологии”, будучи с глубоким интересом прочитана Фрейдом, Краффт-Эбингом и Хиршфельдом. В следующем году она появилась в Англии. Но именно в 1898 году Эллис внезапно приобрел нежелательную известность, когда

книготорговец по имени Джордж Бедборо был привлечен к ответственности за продажу этого непристойного издания” (как назвал его судья) и оштрафован на 100 фунтов стерлингов при условии, что он признает свою вину. Эллис хотел оспорить это дело, но книготорговец боялся тюрьмы. Таким образом, сексуальная инверсия была официально запрещена в Англии, и Эллис опубликовал оставшиеся тома своих исследований по психологии секса в Америке. По крайней мере, это дело превратило Эллиса в знаменитость. Во втором томе серии, посвященном аутоэротизму, Эллис с одобрением процитировал Фрейда и Брейера и добавил много собственных материалов по детской сексуальности, описав, например, случай с восьмимесячной девочкой, которая могла достичь полного оргазма, закрыв глаза, сжав кулаки и плотно скрестив ноги на бедрах. Эти взгляды вызвали широкую полемику - и скандал - за несколько лет до того, как идеи Фрейда приобрели дурную славу за пределами Австрии и Германии.

Эдит Эллис была возмущена запретом сексуальной инверсии, она с головой ушла в писательство и чтение лекций и сама стала знаменитостью . Но лекционное турне по Америке измотало ее, и в 1916 году она умерла.

В следующем году Эллис познакомилась с француженкой, которая переводила одну из книг Эдит, Франсуазой Цион. Она была в тяжелом финансовом положении и подавлена неудачным браком с молодым человеком. Русский. Эллис, по сути, стал ее психиатром, и Франсуаза вскоре, как и большинство женщин, которых он встречал, влюбилась в него. Она призналась в этом в письме, и, когда они встретились снова, они провели некоторое время, лежа в объятиях друг друга, полностью одетые. После

этого Эллис последовал за ней в спальню - не для того, чтобы соблазнить ее, а чтобы “удовлетворить ее потребности’. Что он имел в виду под этой фразой, не совсем ясно из ее последующего описания в автобиографии, но она признает, что испытывала “восхитительную застенчивость”, когда Эллис сидел, положив голову ей на колени, а она гладила его львиные локоны. Предположительно Эллис уговорил ее помочиться за него и, вероятно , расхваливал таинственную красоту “золотых ручьев”. С тех пор, Франсуаза проявила полную готовность участвовать в его фантазиях. Он называл ее Наяда - водяная нимфа - и любил уговаривать ее помочиться, когда они гуляли под дождем; в одном особенно приятном случае он заставил ее сделать это, стоя среди толпы в Оксфорде Цирк - ее длинное платье не давало никому увидеть золотистый ручеек, стекавший в дождевую канаву. Горячее сотрудничество Франсуазы, по-видимому, восстановило силы Эллиса,

и их сексуальные отношения оставались удовлетворительными до конца его жизни. Но только после публикации биографии Эллиса Филлис Гросскурт в 1980 году, наконец, выяснилось, что у Эллиса была привычка восхвалять своих многочисленных поклонниц о “золотых ручьях”, и что большинство из них были готовы угодить тем, кем они так глубоко восхищались. Одна девушка, Уинифред де Кок, написала, проведя с ним некоторое время:: Кажется одиноким и странным создавать золотые ручьи в одиночестве, а не в прекрасном саду с великим богом. Пан окружен любовью.’ Но поэтесса Хильда Дулиттл была расстроена , когда в эссе из третьей серии “Впечатлений и комментариев” Эллис описал, как однажды в сумерках она стояла перед ним, “с этими прямыми юношескими ногами, еще более восхитительными в своей непоколебимой гордости”, и “большой поток лился вдалеке, в сумерках”. блестящая жидкая дуга”, в то время как на лице у нее была - что вполне понятно - застенчивая и неуверенная в себе улыбка’. Но в конце концов она дала свое разрешение на публикацию.

Самым необычным кажется не то, что Эллис убедил стольких

респектабельных молодых леди помочиться у него на глазах, а то, что он сам был убежден, что это изысканный эстетический опыт. произведение, заслуживающее того, чтобы его причислили к греческой скульптуре или Греческий опыт любви между мужчинами. Похоже, ему никогда не приходило в голову, что он был всего лишь примером замедленного развития. Его объяснение своей уролагнии напоминает аналогичную, хотя и более изощренную, интерпретацию трансвестизма Карлом Хайду.

Одно большое эмоциональное потрясение было еще впереди. В 1915 году Эллис познакомился с поразительно красивым молодым романистом по имени Хью де Селинкорт, который называл себя одним из самых преданных поклонников Эллиса, написал в одном из писем: “О король, о король! привет тебе, Хэвлок, уши прижаты, хвост опущен и виляет…” Но он также был неутомимым соблазнителем, и его восхищение вылилось в желание переспать с ученицами Эллиса. В 1920 году Эллис был настолько неразумен , что пригласил Селинкорт на ланч с Маргарет, сторонницей контроля над рождаемостью Сэнгер, которая была влюблена в Эллиса со дня его женитьбы. Когда де Селинкур пригласил ее в свой дом в Сассексе и представил своей жене и любовнику жены, она была впечатлена таким цивилизованным поведением и вскоре стала его любовницей. Де Затем Селинкорт уговорил Эллиса познакомить его с Франсуазой; сначала она была застенчивой и неловкой, но потом поддалась его обаянию. Однажды, когда Эллис и Франсуаза лежали в объятиях друг друга, она

признавшись, что у нее роман с де Селинкуром, он снова был потрясен, хотя и уверял себя - и Франсуазу - что не способен на ревность; он был убежден, что всему виной его собственное порочное чувство собственника. Но до него начало доходить , что он считает сексуальную верность ‘одним из фундаментальных фактов жизни’.

Когда Эллис умер в возрасте восьмидесяти лет в 1939 году, его ранняя слава давно испарилась, а его теории о сексуальности

были вытеснены более “научными” идеями Фрейда. Тем не менее, во многих отношениях его взгляды на перверсию более глубоки, чем у Фрейда (которому, например, приходилось ссылаться на “импульс смерти”, чтобы объяснить садизм). Эллис признавал, что фетишизм присущ только людям и что он является результатом того, что объект “паразитически поглощает’ нормальную сексуальную энергию. Однако, подобно Краффт-Эбингу и другим сексологам-первопроходцам, он также не смог осознать, что это развитие произошло главным образом в девятнадцатом веке и было вызвано активизацией сексуального влечения с помощью воображения. Но, по крайней мере, Эллис увидел ошибку, которая искажает работу Краффт-Эбинга: представление о том, что сексуальные извращения являются просто результатом наследственных нарушений.

В своей работе “Сексуальная инверсия” Эллис также сделал важный шаг за пределы Краффт-Эбинг признал, что гомосексуальность не следует относить к сексуальным извращениям. Краффт-Эбинг считал, что это приобретенная привычка; Эллис признавал, что она врожденная и в основном биологического происхождения (тем самым предвосхищая современную точку зрения, о которой мы поговорим чуть позже).

Важность прозрения Эллиса в 1890-е годы трудно переоценить. совмещенный. Значительная гомосексуальность Гомосексуализм в Великобритании Значительная часть британской общественности никогда не слышала о гомосексуализме до суда над Оскаром Уайльдом в 1895 году, и это создавало впечатление, что гомосексуальность была невыразимым порочностью. Выяснилось, что Уайльд проводил много времени с мальчиками из “телеграфа” и другими людьми “низкого” происхождения. По-видимому , у него был огромный аппетит; он признался, что за один вечер переспал с пятью молодыми людьми. Он предпочитал, чтобы они были грязными, и любил покрывать поцелуями все их тело. Таким образом, общее впечатление, которое осталось после судебного процесса, заключалось в том, что гомосексуалисты - это мужчины с извращенными вкусами, которые предпочитают мужской задний проход женскому влагалищу, потому что это как-то более грязно и отвратительно. Вот почему гомосексуальность была “любовью, которая не смеет произнести свое имя вслух’.

Та же точка зрения, конечно, преобладала со времен Бекфорда и Байрона. Следствием этого стало то, что, хотя в 1861 году смертная казнь за содомию была заменена пожизненным заключением (что, без сомнения, объясняет, почему Уайльд так страстно настаивал на том, что он не совершал содомии), большинство гомосексуалистов проводили свою жизнь в безумном позоре и сокрытии и были склонны к нервным срывам. У соавтора Эллиса, Джона Эддингтона Саймондса, их было несколько. Как и у композитора Чайковского. Скрытая грусть его музыки выдает страдание, которое он скрывает. Он предпринял героическую попытку “вылечить” себя, женившись на ученице, которая влюбилась в него, и был вынужден совершить попытку самоубийства, когда узнал, что она была нимфоманкой. (Позже она умерла в сумасшедшем доме). Смерть Чайковского в 1893 году (в возрасте пятидесяти трех лет) обычно связывают с холерой , которой он заразился, выпив стакан некипяченой воды. Но в 1978 г. Советский ученый, Александра Орлова, опубликовал рассказ, который был продиктовал ее двенадцатью годами ранее Александр Войтов, из Русский музей в Ленинграде. Согласно этому документу, Чайковского обвинили в связи с племянником Войтова, и один из представителей аристократии написал письмо царю. Поспешно созванный “суд”, в который вошли шестеро бывших школьных товарищей Чайковского, собрался, чтобы обсудить , как можно предотвратить этот позор, и Чайковскому было приказано покончить с собой, что он и сделал, приняв мышьяк. Музыковед назвал эту историю ‘возмутительной выдумкой’, Николас Слонимский;* Однако важно то, что эта история вполне может оказаться правдой. В Санкт-Петербурге в 1890-х годах к гомосексуальности относились с таким же отвращением, как и в викторианском Лондоне.

Осуждение Уайльда вызвало широкое сочувствие на континенте. Во Франции, Италии и Голландии, где не было законов против гомосексуальности, это считалось типичным проявлением британского лицемерия; и даже в Германии, где закон, известный как параграф 175 гомосексуалистов были наказаны тяжелыми тюремными сроками и потерей социального статуса - Магнус Хиршфельд и критик Лео Берг получили широкую поддержку общественного протеста, в ходе которого они назвали Тюремное заключение Уайльда - “судебное преступление против величайшего поэта поколения”. И хотя их ходатайство об

освобождении Уайлда не увенчалось успехом, оно помогло создать благоприятную атмосферу для Хиршфельда, который всю жизнь старался убедить общественность в необходимости его освобождения

* Биографический словарь музыкантов и композиторов Бейкера, 7-е издание, 1984

гомосексуальность как нечто совершенно естественное. Ему нравилось обращаться к гомикам сексуалы как третий пол.

Магнус Хиршфельд, сын еврейского врача, родился в 1868 году. Он с раннего возраста осознавал свои гомосексуалистические наклонности и был глубоко потрясен, когда один из его пациентов, молодой офицер, накануне свадьбы покончил с собой, потому что чувствовал вину за свое противоестественное влечение к мужчинам. Результатом этого стала первая медицинская публикация Хиршфельда, брошюра под названием “Сафо и Сократ - Как можно объяснить любовь мужчин и женщин к представителям своего пола?’. В 1896 году в Германии была опубликована книга Эллиса “Сексуальная инверсия”., Хиршфельд также утверждал, что гомосексуальность имеет биологическое происхождение. В своей биографии Хиршфельда (1986) доктор Шарлотта Вольф отвергает Хиршфельд называет теории Хиршфельда “запутанными и противоречивыми” и утверждает , что гормоны практически не связаны с гомосексуальностью. Однако современные научные исследования на стороне Хиршфельда. Теперь мы знаем , что естественная форма человеческого существа - женская. Яичник , в котором находится будущий ребенок, состоит как из мужского, так и из женского компонентов. Он содержит X-хромосому. Если он оплодотворяется сперматозоидом, несущим X-хромосому , в результате рождается девочка. Если он будет оплодотворен сперматозоидом , несущим Y-хромосому, то в результате родится мальчик. В этом случае половые железы становятся семенниками, и химическое вещество поглощает женские органы, которые должны превратиться в матку. Затем яички вырабатывают

основной мужской гормон - тестостерон, который предотвращает дегенерацию мужских половых органов тинг. С самого начала зародыш мужского пола должен бороться за то, чтобы стать мужчиной.

Восточногерманский ученый доктор Гюнтер Дорнер пришел к убеждению , что основное различие между мужчиной и женщиной заключается в определенной части мозга и что у гомосексуалистов эта часть мозга по-прежнему женская. Он доказал это, к своему собственному удовлетворению, введя гомосексуалисту женский гормон эстроген, а затем измерив сигналы, поступающие из этой части мозга. Гомосексуалист гомосексуалист “сообщил” мозгу гомосексуалиста, что у него только что закончилась овуляция, и его мозг отправил в фантомную матку сигналы, которые обычно посылает мозг женщины. Эксперимент повторили с двадцатью гомосексуалистами; каждый из них отправил в ответ сигналы женского пола. Дорнер пришел к выводу, что гомосексуалист - это мужчина с женским мозгом, и что это происходит из-за нехватки тестостерона, когда плод находился в утробе матери. Дорнер полагал, что это может быть результатом стресса, и подкреплял свои доводы тем, что гораздо большее число

Неудачники

В годы войны в Германии родилось больше гомосексуалистов, чем в годы, непосредственно предшествовавшие войне или сразу после нее. (Лесбиянство, по его мнению, вызвано воздействием слишком большого количества тестостерона.)

Таким образом, казалось бы, Хиршфельд был в основном прав: корень гомосексуальности лежит в мозге и обусловлен гормонами. Он даже предположил жизненно важную роль половых желез и выдвинул гипотезу о существовании мужского и женского гормонов (которые он назвал андрин и гинецин) более чем за три десятилетия до того, как в лаборатории были выделены тестостерон и эстроген.

Хиршфельд также был первым, кто внимательно изучил трансвеститов

- он придумал это слово - и написал о них книгу - он был настолько очарован ими, что его самого заподозрили в том, что он один из них. Гомосексуалисты Гомосексуалистом был Крафft-Эбинг, который безосновательно объявил, что все трансвеститы - гомосексуалисты, и ведущий ученик Фрейда, Штекель, согласился с ним. Хиршфельд отметил, что это не обязательно так; его собственные исследования показали, что только около 35% из них были гомосексуалистами. Хиршфельд также сделал важное наблюдение, что около 15 % трансвеститов были, как он выразился, “автомоноосексуальными”, то есть испытывали оргазм, надевая одежду противоположного пола, как это делала Шарлотта Бах, - это важное наблюдение, к которому мы вернемся позже.

Самым важным вкладом Хиршфельда было признание того факта, что в современном мире все большее число людей “сексуально больны”, и что этих людей не следует осуждать как дегенератов

и тем более как преступников - к ним следует относиться как к любому другому больному. В 1919 году Хиршфельд приобрел особняк бывшего посла в Берлине и основал свой институт сексуального общения

- Институт сексуальных наук - с табличкой снаружи, на которой было написано amori et dolori sacri - “священный для любви и скорби”. Всевозможные сексуальные “неудачники” обращались к нему за лечением, и он описал многие случаи в своей книге “Сексуальные катастрофы” (Sexualkatastrophen, 1926). Хиршфельда особенно тронул случай с врачом, которого обвинили в том, что он подвергся насилию со стороны тринадцатилетней девочки. Врач с детства страдал эпилепсией и лунатизмом. На момент совершения преступления он находился в состоянии тяжелой депрессии. Он лечил девочку Ильзу К. от экземы, которая покрывала все ее тело. Девочка пришла к нему на прием одна, и врач попросил ее полностью раздеться. Когда он наклонил ее голову к себе, чтобы

осмотрев ее за ушами, он почувствовал эрекцию. Он повернул ее

лицом к себе, раздвинул ей ноги и потерся своим пенисом о ее спину; затем он повернул ее лицом к себе и терся о ее тело, пока не испытал оргазм. По словам врача, он не помнил , что произошло с того момента, как он притянул ее голову к себе , и до того момента, когда он “проснулся” и обнаружил плачущего ребенка у себя на коленях, а его пенис торчал из брюк. Хиршфельд поверил в его историю о “затемнении” и дал показания в суде от имени врача, охарактеризовав его как случай “психосексуального инфантилизма”. В результате мужчина был оправдан.

Эта классификация важна, поскольку ясно показывает, что Хиршфельд рассматривал сексуальные извращения как форму эмоциональной незрелости. Хэвлок Эллис, как мы помним, отказывался признавать, что его желание наблюдать за тем, как девушки мочатся, было детской регрессией, и настаивал на том, что его восхищение “золотыми ручьями” было на том же уровне, что и восхищение живописью или скульптурой. Хиршфельд был более честным — или, возможно, просто более отстраненным; хотя он и проявлял безграничное сочувствие к сексуальным отклонениям, он признавал, что их проблема , как правило, заключается в неспособности достичь эмоциональной зрелости. Вывод, который был бы отвергнут Эллисом, заключался в том, что, хотя сексуальное удовлетворение важно, в жизни есть гораздо более важные вещи , и что человек, который по-прежнему одержим достижением сексуального удовлетворения, не в состоянии полностью реализовать свой потенциал как человека.

Еще в 1920 году Хиршфельд уже подвергался нападкам со стороны правых политических элементов, которые заявляли, что он развращает общество. Немецкая молодежь. Головорезы прервали его лекции, и после одной из них он потерял сознание. Он был серьезно ранен, и зарубежные газеты даже сообщили о его смерти. Сожаление дрезденской газеты тед заявил, что ‘этот бесстыдный и ужасный отравитель нашего народа не нашел своего заслуженного конца’. Несмотря на это, Хиршфельд отказался отступать от своей цели и продолжил работу над своим классическим трехтомником “Сексуальная патология”. С приходом к власти нацистов жизнь становилась все более опасной, и Хиршфельд восхвалял советскую Русский экспериментатор предложил своим врагам новую палку , которой они могли его избить. В 1928 году он стал одним из основателей и президентом (вместе с Хэвелоком Эллисом и Августом Форелем) Второго интернационала Конгресс за сексуальную реформу, который превратился во Всемирный Лига за

сексуальную реформу. Но осенью 1930 года он уехал Германия во время мирового лекционного турне, которое привело его из Америки в

Япония, Китай, Бали, Цейлон, Индия, Египет и Палестина, возвращаясь в Европу на корабле под символическим названием “Байрон”. Но его коллеги отец и любовник Карла Гизе (Хиршфельда привлекали женоподобные мужчины) предупредил его, что возвращаться в Берлин будет слишком опасно. Он находился в Швейцарии, когда Гитлер пришел к власти в январе 1933 года. Институт был закрыт почти сразу; все его книги и бумаги были сожжены на костре, а бронзовый бюст Хиршфельда был брошен в огонь. Подавленный и с ухудшающимся здоровьем, Хиршфельд переехал жить в Париж, а затем в Ниццу. Но в последние дни своей жизни он, по крайней мере, испытывал удовлетворение от осознания того, что стал международной знаменитостью. Он умер от инсульта в свой шестьдесят седьмой день рождения, 14 мая 1934 года.

К тому времени, когда Хиршфельд умер, “сексуальная революция” была в самом разгаре. союзник достиг цели. Хиршфельд и его коллеги- “сексологи” были в значительной степени ответственны за это, но драматурги и романисты также сыграли центральную роль. Творческие люди, как правило, обладают более высоким уровнем власти, чем остальная часть общества, и поэтому менее ханжески настроены; они всегда возражали против того, чтобы им навязывали пуританство . Первые выстрелы были сделаны в 1881 году Генрихом Ибсеном, который написал пьесу о наследственном сифилисе. Один из самых ярых сторонников Ибсена назвал “Призраков” одной из самых грязных вещей, когда-либо написанных в литературе. Скандинавия’. В Англии он был запрещен до 1913 года, но частное представление вызвало такие описания, как “открытый сток”, “отвратительная незавязанная рана” и “откровенная мерзость”. В 1882 году вышел роман Золя “Горшок”.- Булье (“Сногсшибательно горячий”) описал супружескую измену, блудодеяние и изнасилования в респектабельном квартале Парижа, где живут люди среднего класса, и заставил Le Figaro воскликнуть: “Настало время Парижу отомстить за бесчинства месье Золя”.’ (Более ранняя “Нана” о куртизанке расстроила моралистов, но Золя умилостивил их, заставив ее умереть от особенно опасной оспы.) Но в 1887 году Земля Золя была Вселенной салли осудили; фильм почти полностью описывает жизнь французских крестьян с точки зрения алчности, жестокости и похоти, а сцена, в которой фермер насилует свою беременную невестку, в то время как его жена удерживает ее , была расценена

как чистая порнография. В следующем году в Лондоне издатель Генри Визетелли был оштрафован на 100 фунтов стерлингов за публикацию “Земли”, а затем отправлен в тюрьму на три месяца за то, что демонстративно продолжал публиковать “непристойных” французских писателей, таких как Флобер и Мопассан.

Чувство вины и неповиновение

В 1894 году пьеса Бернарда Шоу “Профессия миссис Уорренс” также была запрещена к показу на английской сцене; она была посвящена торговле белыми рабынями и была призвана донести до людей истину о том, что проституция является результатом не распущенности, а выплаты женщинам нищенской зарплаты. Частное представление в Лондоне вызвало еще более бурные отзывы, чем “Призраки” Ибсена, а когда оно было поставлено в В Нью-Йорке в 1905 году половина актеров была арестована. Но к концу столетия битва была выиграна более чем наполовину. Было бы явным абсурдом преследовать серьезных писателей, которые пытались привлечь внимание к общественному злу, особенно с учетом того, что в этих произведениях не было ничего, что хотя бы отдаленно напоминало сексуальное возбуждение. Но в новом столетии появилась новая тенденция: писатели, которые считали, что сексуальная свобода заслуживает защиты сама по себе. Скандальный успех 1907 года это был роман Элинор Глин “Три недели” о молодом англичанине , который встречает в Швейцарии прекрасную русскую принцессу, как раз в тот момент, когда она собирается выйти замуж за порочного и развратного восточного властелина, и они проводят вместе трехнедельный “медовый месяц”. На то, что это была безостановочная сексуальная оргия, есть лишь намек (“Он сжал ее в объятиях в порыве безумной, страстной радости… И эта ночь была самой божественной из всех, что они провели в Биргеншток. Но в ней была суть, о которой могли написать только ангелы.) Мораль умилостивлена , когда она умирает от рук своего ревнивого мужа (и, как всегда, женщина заплатила за это), и книга разошлась тиражом в пять миллионов экземпляров.

В 1909 году Герберт Уэллс нанес глубокое оскорбление,

приблизив супружескую измену к нашему дому; “Анна-Вероника” - это история о “милой” девушке из среднего класса, которая предлагает свою девственность своему преподавателю колледжа, утверждая, что она принадлежит ей , и вынуждает его бросить жену. Возмущение усилилось из-за того, что большинство критиков знали, что Уэллс бросил свою первую жену при схожих обстоятельствах и что Анна-Вероника Стэнли была основана на последней молодой любовнице Уэллса. Книга была названа “литературной грязью” и вызвала бурю негодования, что помогло Уэллсу и его издателю заработать много денег.

В следующем году Скотленд-Ярд вмешался, когда издатель Джон Лейн опубликовал перевод книги Германа Зюдермана “Дас “Хох солгал” (“Песнь песней”), повествующая о девушке, у которой было около дюжины любовников, и которая все равно умудрялась жить долго и счастливо, была изъята из обращения.

Один из самых загадочных эпизодов в истории цензуры

это произошло в 1915 году, когда была запрещена работа Д. Х. Лоуренса “The Радуга. Одна газета описала его как монотонную пустыню фаллизма, в то время как другая заявила, что это хуже, чем у Золя.

На самом деле, в нем нет явно сексуальных сцен, хотя героиня беременеет от мужчины, за которого она не замужем

— более того, за которого она позже отказывается выходить замуж. Что действительно расстроило критиков, так это то, что Лоуренс был полон решимости относиться к сексу как к одной из самых серьезных и важных вещей в жизни, и большинство из них считали - возможно, вполне обоснованно - что это абсурдное преувеличение.

Как бы то ни было, издатель принес извинения, а оставшиеся экземпляры книги были уничтожены. Позже выяснилось, что никто в суде, включая судью, на самом деле ее не читал.

Тем временем французы проявляли свойственный им здравый смысл , отказываясь возмущаться публикацией - том за томом

— из “Исследования времени” Пруста (Воспоминание о вещах Прошлое) между 1913 и 1927 годами. Абстрактность прозы (Пруста называют Эйнштейном в романе) и сама длина предложений не позволяли кому-либо обвинить Пруста в написании порнографии; тем не менее, в своей тихой и скромной манере Пруст , безусловно, пошел на шаг дальше Золя. На второй странице он описывает эротический сон:

Иногда, когда Ева была создана из ребра Адама, во время моего сна из-за некоторого напряжения в положении моих бедер рождалась женщина. Я воображал, что именно она подарила мне наслаждение, рожденное в результате наслаждения, которое я был близок к завершению . Мое тело, сознавая, что его собственное тепло проникает в ее тело, стремилось слиться с ней воедино, и я просыпался.

А во втором томе он тем же почти чопорным тоном описывает, как юный Марсель испытывает оргазм, борясь с маленькой девочкой.

Я попытался притянуть ее к себе, но она сопротивлялась; ее щеки,

разгоревшиеся от напряжения, были красными и круглыми, как две вишни; она смеялась так, словно Я щекотал ее; я держал ее зажатой между моих ног, как молодое деревце , на которое я пытался взобраться; и в середине моей гимнастики, когда, Я уже запыхался от мышечной нагрузки и накала игры, я чувствовал, как от усилий с меня сошло несколько капель пота, а удовольствие выразилось в такой форме, что я не мог даже на секунду остановиться, чтобы проанализировать…

В той же точной, почти педантичной манере он описывает, как подглядывал в окно и стал свидетелем лесбийской сцены между двумя молодыми девушками, а также подслушивал, когда его друг, барон де Шарлюс занимается любовью с молодым человеком, которого он только что подцепил. Тем временем Пруст сохраняет вымысел о том, что его автобиографический герой интересуется только противоположным полом, — так искусно, что даже Андре Жид (сам гомосексуалист) был полностью очарован и был поражен, когда позже узнал об истинных склонностях Пруста. Ведь, в конце концов, основной сюжет романа завязан вокруг отношений героя с девушкой по имени Альбертина, которая бросает его, а затем погибает в результате несчастного случая во время верховой езды. Долгое время после его смерти считалось , что увлечение Пруста инвертированными было своего рода ботаникой, предпринятой в духе научного исследования.

На самом деле, у Пруста были садистские наклонности, которые позволили бы включить его в “Сексуальную психопатию”. Он был очарован мясниками и своим слугой Альбертом (по образу которого была написана “Альбертина”). пришлось подыскать ему молодого человека, который представился подручным мясника и которого Пруст подробно расспросил о его работе. (Было много крови? Вы прикасались к крови?) В мясной лавке Пруст попросил подмастерья: “Дай-ка я посмотрю, как ты забиваешь теленка”. В мужском борделе, который он часто посещал, у него был своеобразный ритуал, в котором он фотографировал тех, кого любил, включая свою мать. Молодому человеку, которого наняли

на вечер, было поручено просмотреть их и задать оскорбительные вопросы типа: “Кто, черт возьми, эта маленькая шлюшка? Но самой неприятной его привычкой, безусловно, было нанимать шофера, который привозил ему живых крыс, которых затем избивали и протыкали шляпными булавками, пока они не умирали.

Как ни странно, обширный роман Пруста оказался Ричардсону ближе, чем все, что было опубликовано за прошедшие полтора столетия . Как и Ричардсон, он приглашает читателя погрузиться в его мысли и прислушаться к его размышлениям. С первых слов - “Долгое время я привык рано ложиться спать” — он проводит читателя по уютной пещере Аладдина, где хранятся его чувства и воспоминания. Но это путешествие также заставляет нас осознать связь между огромной чувствительностью Пруста и его нездоровой сексуальностью. В этом сумеречном мире памяти и воображения нет четкой границы между сном и реальностью, и, следовательно, нет ничего, что могло бы подтолкнуть его к реальным усилиям; поэтому, как у де Сада, мазохистские и садистские фантазии становятся заменой реальности. Внезапно становится ясно, что

теперь можно понять, почему Ричардсон был отцом сексуальных отклонений, а также современного романа. Когда он учил Европу мечтать, он также учил европейского человека уединяться в пещере субъективности Аладдина. Но нет ничего проще, чем потерять связь с реальностью; каждый раз, когда мы чувствуем усталость, скуку, вину или огорчение, эмоции, подобно бурному морю, пытаются оборвать канат, который привязывает нас к реальности. На нынешнем этапе эволюции самой насущной потребностью человека является открытие какого-либо метода, с помощью которого он мог бы мгновенно восстановить свой контакт с реальностью - было бы удобно, если бы природа создала нас с какой-нибудь кнопкой на груди, которую можно было бы нажать, как выключатель света, чтобы мгновенно наполнить нас жизненной силой. Но в какой-то степени сексуальное желание является такой “кнопкой” - отсюда растущая

одержимость современного человека сексуальной самореализацией.

Критик Владимир Вейдле проницательно заметил, что Пруст был “обречен не видеть во всей вселенной ничего, кроме недостижимой , ускользающей реальности своего собственного эго; и он добавляет, что, подобно Джеймсу Джойса, Пруст пришел к “отрицанию романа как спонсора временная форма жизни, превращенная в искусство, реальность, преображенная в поэзию’. Кажется странным слышать, что Пруста ставят в один ряд с Джойсом, автором романа, который, по-видимому, является окончательным продолжением доктрины реализма Золя. И все же Вейдле высказывает важную мысль. Джойс, который больше, чем кто-либо другой, сделал для борьбы с литературной цензурой в двадцатом веке, был по сути романтичным мечтателем, который провел свою жизнь в собственной пещере Аладдина.

Джойс начинал как поклонник Ибсена, но вскоре утратил стремление следовать по стопам Ибсена в качестве социального критика. Вместо этого он начал писать огромный роман о своем детстве и юности в Дублине. (Сохранился только фрагмент этого романа - “Стивен Геро”.) Позже он сократил и переработал его в автобиографический роман “Портрет молодого художника”. Итак, Джойс с самого начала отказался от шекспировской попытки сделать свое произведение “зеркалом” реальности; это было просто зеркало, в котором отражалось его собственное лицо. Но продолжать писать автобиографию было явно невозможно — большую ее часть он израсходовал на Портрет. Поэтому Джойс решил написать роман о решающем моменте в жизни своего героя (он называл такие решающие моменты “прозрениями”): о том дне, когда он решает, что бессмысленно надеяться на признание дублинских литераторов, и что у него есть

* в Ле-Абейль-д’Аристи

лучше выбрать одинокий путь художника-аутсайдера. Поскольку было бы необходимо изобразить своего героя на фоне Дублина, Джойс (который в то время жил в Триесте) начал исследовать

этот вопрос еще в те времена. работал с беспрецедентной тщательностью, писал бесконечные письма дублинским родственникам и знакомым.

“Фотографический” метод, который он разработал в “Портрете самого Художник требовал кропотливого реализма, который иногда задевал чувства его эдвардианских читателей - например, когда он описывал , как персонаж пукает, или как его герой чешется из-за того, что он немыт. В “Улиссе” он пошел дальше и описал, как его герой ковыряет в носу, в то время как другой главный герой, мистер Блум, опорожняет кишечник, мастурбирует, наблюдая, как девушка показывает свои трусики, и засовывает язык в задний проход своей жены. Джойс, кажется, получает определенное удовольствие, описывая запахи и зрелища, которые обычно воспринимаются как отвратительные: “подмышечный” луковый пот. Слизь, похожая на рыбий клей”; ” старуха: серая впалая пизда мира”; Он грубо прочистил горло и сплюнул мокроту на пол. Он наступил ботинком на то, что выплюнул, вытер об это подошву… И, наконец, книга взрывается неистовой непристойностью и богохульством в сцене в борделе, которая написана в сюрреалистической форме кошмарной “игры во сне”; здесь мы видим Блума, превращенного в женщину и оседлав коня, примите участие в Черной мессе и станьте свидетелем того, как героя сбил с ног пьяный британский солдат. Блум изображен как фетишист нижнего белья с сильной примесью мазохизма - обе эти черты присущи самому Джойсу (хотя автор предпочитает приписывать их Блуму, а не своему художнику-герою). Вероятно, не случайно , что глава о публичном доме сразу же следует за главой, действие которой разворачивается в родильном доме, в которой Джойс пародирует все стили английской литературы - от англосаксонской хроники до современной журналистики. Кажется, он пытается продемонстрировать, что все предыдущие писатели были склонны избегать проблемы языкового отражения реальности, и что он, Джойс, - первый, кто действительно попытался “рассказать все как есть’. Итак, в следующей главе “Ночной город”, похоже, говорится: ” Никто никогда не осмеливался сказать это раньше”. Но не нужно быть очень проницательным, чтобы увидеть ошибочность этого аргумента. Джойс не показывает нам реальность; он показывает нам только свое собственное измученное эго. Даже в жестоком реализме предыдущих глав мы можем ощутить элемент гнева на мир, который игнорировал его и прославил таких писателей, как Йейтс, Синдж и ‘Эй Э’. Улисс, кажется, был

попытка кричать так громко, чтобы никто больше не смог его игнорировать.

По крайней мере, в этом он преуспел. Через шесть месяцев после своей публикации в феврале 1921 года “Улисс” стал самой обсуждаемой книгой в Европе, хотя мало кто ее читал. Влиятельные критики, такие как Миддлтон Мерри, Арнольд Беннетт и Холбрук Джексон , превозносили Джойса как гениального человека; поэт Альфред Нойес назвал его “просто самой отвратительной книгой, которая когда-либо появлялась в печати”, а Джеймс Дуглас (из Sunday Express) пошел еще дальше и назвал ее “самой печально известная непристойная книга в древней или современной литературе’. Это столкновение мнений, естественно, побудило всех захотеть прочесть “Улисса”, и экземпляры перешли из рук в руки по баснословным ценам. (Позже Нойес вышвырнул Пристли из своего дома за то, что тот осмелился защитить “Улисса”.) Экземпляр был тайно доставлен в Дублин в Бочонок крепкого пива “Гиннесс”, в то время как американец разорвал книгу и отправил ее в Америку по дюжине страниц за раз, спрятав во французских газетах. Пятьсот экземпляров второго тиража были сожжены таможенными властями Нью-Йорка в 1922 году, а 499 экземпляров были изъяты британской таможней в начале следующего года. К 1930 году было выпущено одиннадцать экземпляров. Наконец, американский судья объявил, что “Улисс” не был порнографическим произведением, и в конце концов книга была открыто опубликована в Америке, что принесло Джойс немалую финансовую выгоду.

Шокирующий эффект произвели следующие отрывки из монолога миссис Блум, когда она засыпала:

Я сняла все свои вещи, опустив жалюзи, после долгих часов, проведенных за одеванием , надушиванием и расчесыванием волос, словно утюжок или какой-то другой толстый инструмент, который все время стоял, он, должно быть, съел устриц, я думаю, несколько дюжин, у него был великолепный певучий голос, нет, я

никогда в жизни не чувствовала, чтобы кто -то так хорошо пел. один такого размера, чтобы ты почувствовал себя сытым, он, должно быть, съел целую овцу, и потом, что за идея сделать из нас таких, с большой дырой посередине, как у жеребца, который вонзает ее в тебя, потому что это все , чего они хотят от тебя, с этим решительным и злобным взглядом в глазах? Мне пришлось полузакрыть глаза, но все равно в нем не было такого огромного количества мужества , когда я заставила его вытащить его и кончить на меня…

И самое поразительное в этом отрывке то, что, хотя он столь же специфичен, как и все остальное в “Фанни Хилл”, в нем отсутствует истинный элемент “запретного”, который у нас ассоциируется с викторианской порнографией. Нравится Пруст, Джойс возвращаются к истокам романа восемнадцатого века.

Возможно, окончательное осуждение “Улисса” содержится в произведении Т. С. Элиота.

замечание о том, что Джойс разрушил свое собственное будущее. Это было правдой; после “Улиссу” некуда было деваться; его преемник, “Поминки по Финнегану “, с его попыткой создать “язык сновидений”, имеет едва ли большее значение, чем “Бармаглот” Льюиса Кэрролла. Мы также видим, что Замечание Элиота в равной степени относится и к Прусту. Владимир Вейдле отметил , что проблема “субъективного метода” Пруста заключается в том, что он не способен создать “вторую жизнь, которая является сутью романа”, этот “другой мир”, населенный Томом Джонсом, мистером Пиквиком и даже хоббитами Толкина. Как будто Пруст и Джойс предваряли свои произведения заявлением: “Вот как я вижу жизнь”. И действительно, именно об этом говорят нам “Улисс” и “В поисках”. Но когда они заканчивают рассказывать нам, им больше нечего сказать. У Диккенса , Бальзака или Уэллса мы также понимаем, что именно так писатель видит жизнь, но ему не было бы необходимости говорить нам об этом - это совершенно очевидно. Вместо этого они занимаются важным делом - рассказывают нам историю. И

именно поэтому, когда история заканчивается, у них всегда есть что рассказать, в то время как Прусту и Джойсу больше нечего сказать.

С этой же проблемой столкнулся и Д. Х. Лоуренс, и это объясняет, почему его последняя - и самая известная - работа “Леди Чаттерли” “Любовник”, на удивление неудовлетворительна. Как и у Пруста и Джойса, его творчество в основном автобиографично; он стремится заставить читателя понять его душу и его религию. А его религия, как он писал в письме от 1913 года, “это вера в то, что кровь, плоть мудрее интеллекта. Мы можем ошибаться в своих мыслях. Но то, что чувствует, во что верит и что говорит наша кровь, всегда правда”. Лоуренс чувствовал, что его собственный побег с Фридой, женой его профессора, был чудом он освободился от всех проблем своего отрочества и юношества. И во всех его последующих романах, начиная с Радуга, он идеализирует чистую магию отношений между обнаженными мужчиной и женщиной. Что его сбивает с толку, так это то, что отношения между мужчинами и женщинами так полны конфликтов. По мере того как он становился старше, в нем все больше укреплялось “мужское шовинистическое” убеждение, что ответ заключается в том, что женщина признает мужчину своим хозяином. Но сам мужчина должен понимать, что “кровь’ важнее интеллекта. Ибо Лоуренс крайне негативно относился к интеллекту. И эта ненависть к интеллекту была также связана с ощущением, что современная цивилизация обрекает людей на скуку и бесполезность. Вопрос, который Лоуренс задал себе, заключался в следующем.

Как может человек избежать этой скуки и тщетности?’ Его ответ, изложенный в таких романах, как “Радуга”, “Влюбленные женщины” и ” Оперенный змей - это была его ‘религия крови’. Это означало, что большинство его романов посвящены сексуальным отношениям между мужчинами и женщинами - теме, которая у многих читателей может вызвать клаустрофобию. Но Лоуренс, очевидно, считал утомительным то, что он не мог прямо говорить о самой сути сексуальных отношений - что происходит, когда

мужчина и женщина раздеваются. В “Леди Чаттерли” он решил сказать именно то, что хотел, и смирился с тем, что книга будет запрещена.

Одним из отвергнутых названий книги было “Джон Томас и Леди Джейн, ссылаясь на мужских и женских половых органов, которые Лоуренс чувствовал, чтобы быть в суть вопроса. Леди Чаттерли, чей муж импотент, вступает в любовную связь со своим егерем Меллорсом и в сексуальных отношениях с ним обретает покой и нежность , которых она никогда не испытывала ни со своим мужем, ни с другими любовниками. (Оригинальное название романа Лоуренс - “Нежность”). Лоуренс напрягает все свои силы, пытаясь убедить нас, что Меллорс и леди Чаттерлей достигают некоего мистического экстаза:

Затем, когда он начал двигаться… в ней пробудился новый странный трепет , охвативший ее изнутри. Рябь, рябь, рябь, как при взмахе крыльев, перекрывающих друг друга отзвук мягкого пламени, нежного, как перья, переходящего в сияние, изысканного, утонченнейшего и расплавляющего все, что у нее внутри. Это было похоже на звон колокольчиков , поднимающийся все выше и выше, пока не достиг кульминации. Она лежала, не сознавая, какие дикие крики издавала в последний момент.

Несмотря на то, что текст здесь более откровенный, он странным образом напоминает “Три недели” Элинор Глин. И последние слова Меллорса, обращенные к леди “Чаттерли” в последней фразе романа очень близок к “Батосу”: Джон Томас желает леди Джейн спокойной ночи, немного понурый, но с надеждой в сердце”.

Как и предполагал Лоуренс, книга, появившаяся в 1928 году, - вскоре книга была изъята британскими и американскими таможенными органами; запрет был снят только в 1960 году, когда английский суд постановил, что технически книга не является порнографической. Это, несомненно, так. Тем не менее, она разделяет с порнографией то же явно ложное предположение , что секс - это главное в жизни; и это может быть названо причиной, по которой она оставляет после себя такое общее чувство неудовлетворенности. торность. Секс важен, но не настолько. Что

Чувство вины и неповиновение

Что леди Чаттерли и Меллорс будут делать, когда наконец останутся одни на своей маленькой ферме? Будет ли она чувствовать себя менее удовлетворенной, чем когда-либо с мужем? А что будет с Меллорсом? Лоуренс всегда подчеркивал, что мужчине нужна цель, выходящая за рамки простого сексуального удовлетворения; в этом случае жизнь Меллорса в качестве “любовника леди Чаттерли” (как он себя называет) покажется Меллорсу чем-то вроде разочарования. Кажется ироничным, что в “Лоуренсе - верховном жреце секса” мы сталкиваемся со всеми ложными предположениями и интеллектуальной путаницей, с которыми впервые столкнулись у де Сада.

Те же самые путаницы можно найти в хаотическом изобилии в работах другого великого “сексуального освободителя” двадцатого века, Генри Валентайна Миллера. Миллеру было сорок три года, когда в 1934 году в Париже была опубликована его первая книга “Тропик рака”. Для писателя это было исключительно позднее начало, и жизнь Миллера до сих пор была исключительно тяжелой. Родился в Нью-Йорке в 1891 году, внук Будучи немецким иммигрантом, он провел большую часть своего детства и юности в Бруклине. С довольно раннего возраста он проявлял такую же страсть к сексу, как и автор книги “Моя тайная жизнь”, и в восемнадцать лет завел любовницу, которая годилась ему в матери. К тому времени его отец стал алкоголиком. В возрасте двадцати лет Миллер уже был убежден, что потерпел неудачу. Первый брак вскоре распался и закончился разводом пять лет спустя. Страстные отношения с женщиной по имени Джун Мэнсфилд были в духе Д. Х. Лоуренса по своей интенсивности и усугублялись ее склонностью спать с каждым встречным мужчиной . Еще пять лет скитаний по миру, и Миллер решил отплыть во Францию, надеясь начать новую жизнь. В течение следующих шести лет он голодал, ночевал в пустых домах и занимал деньги у знакомых. Джун присоединилась к нему в Париже, но они постоянно ссорились. В конце концов. После долгих лет попыток научиться писать самостоятельно. Миллер начал писать книгу о Д. Г. Лоуренсе и своего рода автобиографическую повесть попурри под названием “Тропик рака”. Эту книгу и ее продолжение. Тропик Козерога принес ему

определенную известность среди английских и американских эмигрантов в Париже. Мало-помалу он приобрел статус легендарного изгнанника, такого же, как Джойс и Лоуренс, - “серьезного писателя”, чья свобода от сексуальных запретов сделала его неприемлемым для его собственных лицемерных соотечественников.

На самом деле, эта оценка весьма сомнительна. Первое, на что обращает внимание читатель “Тропика Рака”, - это то, что он почти нечитаем. Это своего рода дневник, написанный исключительно в настоящем времени, и

делает очень мало попыток ‘рассказать историю’. Большая часть его состоит из прозы и стихов в манере Лотреамона или Рембо, и такие отрывки часто превосходны: “Небо цвета индиго очистилось от пушистых облаков, тощие деревья бесконечно вытянулись, их черные ветви жестикулируют, как у лунатиков. Мрачные, призрачные деревья, их стволы бледны, как сигарный пепел. Тишина абсолютная и совершенно европейская.“И сразу же за этим следует отрывок, из-за которого книга была запрещена”. “Проблема Ирен в том, что у нее чемодан вместо влагалища. Она хочет, чтобы в ее чемодане лежали толстые письма…” В рецензии на книгу, опубликованной в 1935 году, Джордж Оруэлл замечает: “[Сексуальные контакты] описывают сексуальную жизнь с точки зрения обычного человека, но, следует признать, это скорее приниженная версия мужчины на улице. Почти все персонажи книги - завсегдатаи борделей. Они ведут себя и описывают свои поступки с бессердечной грубостью, не имеющей аналогов в художественной литературе, хотя и достаточно распространенной в реальной жизни.’ И далее он хвалит книгу за попытку “рассказать правду в мире , который все больше наполняется сентиментальными увертками”. “Мистер Миллер - проницательный , хотя и жесткий человек, который высказывает свое мнение о жизни’.

Но когда в 1940 году Оруэлл попытался ретроспективно оценить Миллера (в эссе под названием “Внутри кита”), он был настроен более критически, поскольку понимал, что главная проблема Миллера - это его привычка прятать голову в песок . ‘В его книгах мы сразу же отходим от “политического животного” и возвращаемся к точке зрения не только индивидуалистической, но и абсолютно пассивной - точке зрения человека, который считает, что мировой процесс находится вне его контроля, и который в любом случае вряд ли хочет его контролировать”, - продолжает Оруэлл. он познакомился с Миллером в Париже, когда тот (Оруэлл) направлялся на гражданскую войну в Испании. Миллер сказал ему, что все его идеи о борьбе с фашизмом - “полная чушь’. ‘Нашей цивилизации было суждено быть уничтоженной и замененной чем-то настолько отличным , что мы едва ли могли бы считать это человеческим”, - сказал он. “Миллер, по сути, нашел философию, которая соответствует его собственному чувству полной безответственности. Это проявляется в первых предложениях его следующей книги “Черная весна: я патриот 14-го района Бруклина, где я вырос”.

Остальные Соединенные Штаты для меня не существуют…” На самом деле, название книги ˆ В эссе Оруэлла говорится об Ионе и ките и о желании Миллера найти себе “утробу, достаточно большую для взрослого человека”, где он мог бы укрыться от современного мира, “способного сохранять полнейшее безразличие, что бы ни происходило’.

Чувство вины и неповиновение

Поскольку его книги - это не более чем эгоистические монологи, как же Миллеру удалось удержать внимание читателя? Увлекательно рассказывая о своих многочисленных друзьях - Миллер из тех , чья жизнь вращается вокруг друзей , - и время от времени подкалывая их .

…в конце концов я вышел из себя и ударил ее [его жену], и она упала на пол и начала рыдать… Девушка, живущая наверху, сбежала вниз посмотреть, в чем дело. Она была в кимоно, а ее волосы были распущены по спине. В волнении она прижалась ко мне, и все произошло так, что никто из нас не ожидал, что что-то произойдет. Мы уложили жену в постель, обмотав ей лоб мокрым полотенцем, и, пока девушка наверху склонялась над ней, я встал у нее за спиной и, подняв ее кимоно, накинул его на нее, а она долго стояла там, неся кучу глупой успокаивающей чепухи. Наконец я забрался в постель к жене, и , к моему крайнему изумлению, она начала прижиматься ко мне, и, не говоря ни слова, мы сцепились рогами и оставались в таком положении до рассвета. (Тропик Козерог, стр. 77)

Самое интересное в этом рассказе то, что он ни в коей мере не является порнографическим; в нем нет точного описания физических деталей, которые характеризуют порнографию. Это еще более отчетливо проявляется в “грязной книге”, которую Миллер написал для книготорговца из Лос-Анджелеса. “Опус Писторум” (что в переводе с латыни означает “работа мельника”) был написан в 1941 году и, наконец, опубликован открыто в 1983 году. Фильм начинается со сцены, в которой Миллер сидит с обнаженной тринадцатилетней девочкой на коленях, в то время как ее отец снимает штаны за ширмой. Девочка делает минет своему отцу, затем обращает свое внимание на Миллера. ‘Марсель вытягивает свою крошечную фигурку, раскрывает ее и прижимает к моему члену… маленькое чудовище каким-то образом проникает внутрь… Я наблюдаю, как мой член

растягивается в два раза больше ее размера…'* И в этот момент Миллер отталкивает ее и называет ее отца чокнутым ублюдком. Затем он выходит на улицу с проституткой, которая также была свидетельницей этой сцены, и овладевает ею на груде досок.

Я впиваюсь зубами Джона Четверга в ее усы. В его лысой башке нет ни капли мозгов , но, оставшись один, он может постоять за себя. Он проскальзывает сквозь ее кусты и бодает ее в прямую кишку. У этой шлюхи из хвоста течет кровь. Это невозможно остановить… Ты можешь засунуть полотенца, одеяла, матрасы ей между ног, и вода все равно будет литься и захлестывать тебя. Я чувствую себя маленьким мальчиком, который должен был остановить прорыв дамбы и у которого не было ничего, кроме пальца. Но я подключу его, я вставлю в него свой член…

* Авторские многоточия Миллера

Постепенно до читателя доходит, что Миллер не способен писать порнографию. Он изо всех сил старается звучать “непристойно”, но у него это никак не получается. Он пытается скрыть это, говоря о матрасах и дырах в дамбах, но это все равно совершенно очевидно. В следующей сцене он читает письмо от своей девушки, в котором она описывает, как спала втроем в одной постели со своей матерью и любовником своей матери: “Она заставляет меня часто отсасывать у нее. Мне все равно, мне нравится это делать, но я бы хотел, чтобы ты был здесь, чтобы меня трахали почаще…” Это звучит как школьное упражнение в порнографии, выполненное учеником, у которого нет воображения. По ходу книги мы почти ощущаем отчаяние Миллера, когда он пытается придумать “что-нибудь непристойное”.

На заднем сиденье такси, пока нас везут ко мне домой, становится намного теплее. Я задираю платье Анны и снимаю с нее штаны, и она выносит Джин Джуди на ночной воздух. Она позволяет мне щекотать ее промежность, но я не должен пытаться играть с ней грязными пальцами… Водитель это учует. Черт, если он этого еще не почуял , значит, с ним что-то не так.

Он, кажется, совершенно не осознает, что отнюдь не испытывает сексуального возбуждения. инг, все это довольно отталкивает. Похоже, он пришел к своему собственному рабочему определению “грязи” как “чего-то, что шокировало бы незамужнюю тетушку”; так что ссылки на дерьмо и вагинальные запахи кажутся не хуже любых других.

Может показаться несправедливым критиковать произведение, написанное за доллар за страницу. Но, с другой стороны, “Опус Писторум” рассказывает нам о Миллере нечто такое, что не так очевидно в его более претенциозных книгах; его можно описать как Генри Миллера с распущенными волосами. Интеллигентный человек , которого попросили бы написать порнографический материал по цене доллар за страницу , по крайней мере, постарался бы, чтобы это звучало правдоподобно; весь смысл порнографии в том, что она должна убедить читателя. Миллера даже не беспокоит преемственность; он постоянно упоминает персонажей, которых забыл представить, так что читатель приходит в полное замешательство. Но в этот момент до читателя доходит, что большинство книг Миллера производят тот же эффект. Все они кажутся серией противоречий , идущих от начала

до конца. И это, очевидно, следствие того нигилизма, который Оруэлл критикует. В рецензии на “Космологический глаз” 1946 года Оруэлл возражает против претенциозности Миллера:

Привлекающая внимание, но почти бессмысленная фраза “вселенная смерти” звучит характерным образом. Один из приемов Миллера заключается в постоянном использовании

апокалиптический язык, испещряющий каждую страницу такими фразами, как ” космологический поток”, “притяжение Луны” и “межзвездные пространства”, или предложениями типа ‘Орбита, по которой я двигаюсь, уводит меня все дальше и дальше от мертвого солнца, давшего мне жизнь”…. Даже название этой книги. “Космологический глаз” на самом деле ничего не значит, но звучит так, как будто оно должно что-то значить.

И когда Миллер отказывается от этих трюков и пишет без выдумки, как в “Opus Pistorum”, мы внезапно осознаем его полное интеллектуальное банкротство. Он притворяется жизнеутверждающим, своего рода современным Уитмен, но на самом деле его философия абсолютно негативна. “Я надеюсь и верю, что весь цивилизованный мир будет стерт с лица земли в ближайшие сто лет или около того. Я верю, что человек может существовать, причем в бесконечно лучшем и более широком смысле, без “цивилизации”. “На просьбу защитить это абсурдное мнение Миллер ответил бы, что ему нет необходимости его отстаивать, потому что это интуиция”. Он хочет иметь привилегию высказывать свое мнение, а затем убегать и прятаться, когда его просят обосновать его.

Это, конечно, именно то, что делает Д. Х. Лоуренс. Он объясняет, что ненавидит интеллект, потому что его мнения - “просто слова”, но, тем не менее, объясняет свое отвращение словами, которые могут быть поняты только умом читателя. Поэтому неудивительно , что “философия”, которую он строит на этих противоречиях, кажется на удивление бесполезной и угнетающей.

Не случайно, что Миллер и Лоуренс оказались в одном и том же

антиинтеллектуальном тупике. Их творчество является логическим развитием романтической традиции, которую мы прослеживаем у Сэмюэля Ричардсона. Ричардсон, по сути, сказал: “Пойдемте со мной в мир воображения - забудьте на несколько часов о своей повседневной жизни”. И, подобно детям , идущим за крысоловом, толпы романтиков пустились в пляс по его стопам. Ибо то, что Крысолов, казалось, предлагал им, было свободой - свободой от бремени повседневной жизни с ее парализующими мелочами. единство. Руссо, Гете, Шиллер, Байрон, Шелли - все они проповедовали эту волнующую доктрину свободы. В “Франкенштейне” Мэри Шелли даже намекнула, что человек может узнать секрет создания самой жизни. Именно этот “запах свободы” сделал Байрона и Суинберна самыми популярными поэтами своего времени.

Но у викторианцев было достаточно здравого смысла, чтобы осознать опасность этой доктрины свободы; Джон Морли, например, признавал, что анархизм Суинберна был анархизмом

непослушный ребенок, и что если бы мы все послушались его наставления отказаться от лилий и томления добродетели ради восторгов и роз порока, результатом был бы социальный хаос; он совершенно справедливо сравнил Суинберна с развратным школьником. Все ответственные мыслители викторианской эпохи - Карлайл, Милль, Арнольд, Рескин, Спенсер - признавали необходимость компромисса. Но волна “реформ” была слишком сильна для них, и в конечном счете победу одержали Суинберн и его соратники-бунтари . Так произошла великая сексуальная революция, и столетие спустя Стихи и баллады стало возможным публиковать “Мою тайную жизнь” и произведения де Сада совершенно открыто. И все заблуждения и путаница , искажавшие творчество де Сада, вновь проявились в новом обличье. Поколение бунтарей настаивало на том, что человек имеет право быть абсолютно “эгоистичным”, отвергать все представления об общественном благе и следовать своим собственным взглядам и интуиции. На самом деле, это не просто право, но и долг. ‘Non serviam!’ - восклицает Стивен Дедал у Джойса, а Пруст, Лоуренс и

Миллер в один голос бормочут “Аминь”.

Похоже, что эта романтическая идея свободы привела к интеллектуальной анархии, от которой предостерегали викторианские моралисты. Они всегда настаивали на том, что философия индивидуализма и бунта приведет к нигилизму и тщетности. Но было бы жаль позволить им убедить нас в том, что интеллектуальная свобода нежелательна. Потому что, как только мы внимательно изучим работы Пруста, Джойса, Лоуренса и Миллер, мы можем видеть, что пошло не так. Как и де Сад, они просто зашли слишком далеко. Все они настаивают на том, что человек не несет ответственности ни за что, кроме как перед самим собой, и что единственная часть его личности, которую ему нужно развивать , - это его интуиция. Поскольку они не доверяют интеллекту, они вынуждены основывать свою духовидческую философию на интуиции. Но невозможно построить философию, какой бы дальновидной она ни была, без прочного фундамента интеллекта. Их нежелание считаться с интеллектом ставит их в безнадежно противоречивое положение - отсюда пессимизм и отчаяние. Если избежать этого очевидного внутреннего противоречия, перспектива начинает казаться в целом более многообещающей.

9. Неудачники или мистики?

Ноябрьским днем 1927 года красивая шведская девушка вошла в музыкальную комнату океанского лайнера и попросила мужчину, игравшего на пианино, дать ей урок игры на банджулеле. Мужчина вежливо объяснил, что в данный момент занят, но предложил провести урок на следующий день, подтвердив ее предположение о том, что он был дирижером корабельного оркестра. Только через несколько дней Элла Стром узнала, что ее учитель музыки был не сотрудником судоходной компании, а известным концертирующим пианистом по имени Перси Грейнджер. Покраснев от смущения однако она поспешила принести свои извинения. Грейнджер заверила ее, что в этом нет необходимости, и следующий час или около того они провели,

рассказывая о себе и обнаруживая, что у них много общего. Когда несколько дней спустя корабль пришвартовался в Гонолулу, она посетила концерт Грейнджера и сидела, наблюдая за ним с трогательным, восхищенным выражением лица'. Только позже Грейнджер признался ей, что влюбился в нее с первого взгляда.

Это звучит как начало дешевой романтической новеллы. И действительно, Перси Грейнджер и Элла Стром поженились два года спустя на сцене Голливуд Боул перед аудиторией в около 20 000 человек; присутствовало много кинозвезд и других знаменитостей. Только после свадьбы Элла Грейнджер обнаружила, что вышла замуж за человека с сексуальными отклонениями, чьи требования казались ей ужасающе ненормальными. Однажды Грейнджер призналась близкой подруге:

дело в том, что я действительно поклоняюсь злу и считаю все остальное недостойным внимания. Но можно (нет, нужно) сказать, что все мое преклонение перед жестокостью основано только на сексуальных инстинктах. Если не считать секса, я не такой уж плохой парень. Но поскольку на самом деле меня не интересует ничего, кроме секса, это сводится к следующему: я почти не думаю ни о чем, кроме секса, и все мои мысли о сексе полны зла и жестокости. *

* письмо Сирилу Скотту, 23 июля 1956 года, цитируется в книге Джона Берда "Перси Грейнджер", стр. 51.

Но разговоры о зле и жестокости обманчивы; Грейнджер не был одержим стремлением стать еще одним Джеком Потрошителем. Извращение, которое он разделял с Суинберном и Монктоном Милнсом, было довольно безобидным увлечением причинением боли и страданиями от нее. Он объяснил: "Между семью и десятью годами я прочитал много Гомера, и такие фразы, как "Копье пробило щит", всегда были у меня на устах. Позже, когда мне было десять или двенадцать лет, когда я прочитал Исландские саги мысль о боевом топоре, рассекающем тело от плеча до пояса, доставляла мне величайшее душевное

наслаждение. Эти страсти были совершенно неосознанными, и я понятия не имел, что заставляло меня дрожать от восторга, когда я читал подобные описания.' Джон Берд пишет, что Грейнджер начал аутоэротические эксперименты по бичеванию в возрасте шестнадцати лет; его мать была встревожена, обнаружив кровь на его рубашке. Садизм Грейнджера, вероятно, был наследственным; его отец, Джон Грейнджер, учился в Вестминстерской школе, которая славилась своей жестокостью, так что многие из ее учеников на всю жизнь остались бичевателями. Джон Грейнджер также был сексуально гиперактивным - он любил хвастаться, что во время осады Парижа ему ничего не стоило взять четырнадцать шлюх за одну ночь. Его жена Роуз была женщиной с твердым характером и в основе своей придерживалась пуританских взглядов, поэтому она находила его сексуальные требования утомительными, тем более что он был запойным пьяницей и заразил ее сифилисом, подцепленным от проститутки. Когда Джон Грейнджер впал в состояние пьяной виолы обычно Роза контролировала его и часто выгоняла из дома хлыстом. Джон и Роуз Грейнджер расстались в 1890 году, когда Перси было восемь лет.

Перси родился в Мельбурне, Австралия, 8 июля 1882 года; он оставался единственным ребенком в семье, и его мать относилась к нему с яростью и невротической опекой. Она поддерживала своего сына, давая уроки игры на фортепиано, и никогда не сомневалась в том, что он гений. Отношения между матерью и сыном были настолько близкими и напряженными , что в дальнейшей жизни ходили слухи об инцесте - сплетни, которые в конце концов заставили Розу выброситься из окна восьмого этажа. Возможно, чувство вины также сыграло свою роль в ее самоубийстве; ее привычка наказывать юного Перси кнутом, несомненно, сыграла важную роль в превращении его в садиста.

Перси было всего двенадцать, когда он дебютировал на фортепьяно в Мельбурн, и он сразу же добился успеха. Вскоре после этого мать увезла его учиться во Франкфурт. К семнадцати годам он

он писал гармонии, которые сейчас напоминают о Стравинском, но за десять лет до того, как Стравинский впервые выступил на публике. В Лондоне, в возрасте девятнадцати лет, его сольные

концерты стали сенсацией. Таким же был и его способ взбираться на платформу — он пробегал по проходу и запрыгивал на сцену. Грейнджер всегда был помешан на физической подготовке; в последующие годы, когда он жил у Делиуса, ему нравилось перебрасывать мяч через крышу дома, затем бегать по дому и ловить его до того, как он касался земли. Его музыка полна упругих, скачущих ритмов, которые отражают его атлетизм.

Грейнджер считал, что его музыка выросла из его садизма. “В этом мире насилия, войн и трагедий возникло мое желание сочинять музыку . Многие дети жестоки к животным, и многие маленькие мальчики грубы с маленькими девочками, но по мере взросления эта жестокость ослабевает. Но я так и не повзрослел в этом отношении, а жестокость - лейтмотив моей музыки…

До конца своей жизни - он умер от рака в 1961 году - Грейнджер был знаменитым пианистом и популярным композитором, его самой известной композицией была “Сельские сады”. К сожалению, его недооценивали как композитора, и он получил должное признание только после его смерти.

Элла была глубоко потрясена, узнав, что ее муж был одержим идеей боли и порки и что он ожидал от нее участия. Его биограф Джон Берд пишет:

Но, тем не менее, она любила его, находя, что это “ад - быть с ним и ад - быть без него’. Были даже периоды, когда из-за его требований она ненадолго покидала его… Только она знала всю меру его радостей и разочарований, его святости и жестокости, его гениальности и отклонений от нормы. В начале 1930-х годов он составил письмо , на конверте которого были инструкции о том, что оно должно быть вскрыто только в случае его смерти или смерти Эллы, или если их обоих найдут мертвыми, покрытыми следами от хлыстов. В нем говорилось, что не следует винить ни того, ни другого, поскольку самобичевание было для него величайшим удовольствием и высшим выражением его любви.

Ранее он уговорил одну из своих учениц, Карен Холтен, принять в нем участие. В процессе убеждения он написал: - На тебе не должно быть ни единого лоскутка одежды, но мне, “как мужчине”, должно быть позволено носить щит, защищающий те части мужского тела, которые легко разрушаются. Я думаю, тебе, должно быть, ужасно больно , когда тебя бьют по груди, не так ли?” И в заключение он упоминает, что, когда он был подростком, у него был оргазм в его

во сне это часто случалось, когда ему снилось, что его бьет женщина. В другом письме он описывает свои трудности с прокалыванием соска иглой; в другом он упрекает ее в том, что она плохо умеет кусать его, и призывает ее попрактиковаться на себе.

Полезно перекатывать или скрежетать зубами по уже захваченной плоти…'

Почему Грейнджер считал свою довольно безобидную одержимость "злом"? Причина, которая ясно вытекает из его писем, заключается в том, что, в отличие от По словам Суинберна, его не просто возбуждала идея наблюдать , как кого-то бьют розгами по голой заднице; в его воображении он был Иваном Грозным, Жилем де Рэ. Мысли о сексе и жестокости доминировали всю его жизнь.

Все, что связано с сексуальными вопросами, просто сбивает меня с толку. Я люблю просто бродить и плавать в море напряженных, непрекращающихся сексуальных мыслей. Я чувствую, как горячий, иссушающий ветер из австралийской пустыни проник в мою душу, и с неистовым жаром я должен пройти через это, сжигая себя и других. Вот так я живу, следуя своим желаниям, и время от времени сочиняю музыку на стороне. И ни один садист не сможет назвать жизнь плохой или разочаровывающей , если сможет осуществить свои самые жестокие, самые безумные мечты…

Но, конечно, Грейнджер никогда не воплощал в жизнь свои самые жестокие, самые смелые мечты, за исключением аутоэротических фантазий и порки Карен Холтен или своей жены Эллы.

Фраза о горячем, иссушающем ветре австралийской пустыни дает Грейнджеру важный ключ к разгадке: он каким-то образом отождествляет свой садизм с силами природы. Садизм вызывает такое же дикое, свободное ощущение, как ураган. Ницше писал: "Молния и буря - это разные миры, свободные силы, лишенные морали. Чистый Воля, без помутнения рассудка - какой он

счастливый, какой свободный". И когда он был санитаром во время франко-прусской войны, Ницше видел, как его старый полк проскакал мимо него в сумерках, и испытал всепоглощающий восторг: "самая сильная и возвышенная воля к жизни заключается не в жалкой борьбе за существование, а в Воле к войне, воле к власти'. Грейнджер сам был своего рода протонаци, по крайней мере в теории (на практике у него было много друзей-евреев), который был одержим идеей превосходства голубоглазых нордических блондинов. Он даже пытался писать на "нордическом" английском, полностью свободном от " латиноамериканских" слов. (Нет необходимости добавлять, что сам Грейнджер был типичным примером голубоглазого нордического блондина).

Все эти направления - ницшеанство, атлетизм,

Маргиналы или мистики?

"Нацизм", садизм - это не отдельные черты характера Грейнджер : по сути, это разные грани одного и того же: то, что Ницше называл дионисическим, блаженный экстаз, который возникает из самых сокровенных глубин человека, да, природы… в котором наша ничтожная человеческая индивидуальность сметается своего рода бурей абсолютной мощи. Я люблю, когда меня, как побитую рабыню, принуждают к сексу, искусству, активному времяпрепровождению, чувственности. Для меня нет свободы — дайте мне жестокую тиранию какого-нибудь неослабевающего слепого желания, и я не возражаю быть зажатой между двумя или тремя одновременно, если у меня будет такая возможность.' Поэтому , когда Грейнджер думал о воинах, бросающихся в бой, или о здоровых телах, ныряющих в холодную воду, или о потрясающих природных силах, он испытывал то, что ценил превыше всего: ощущение жизненного потока , который поднимал его на более высокий уровень жизнеспособности. Его садизм был, по сути, своего рода мистицизмом. Но это прозрение сразу же заставляет нас осознать, что это основной ключ ко всем сексуальным отклонениям. Все они являются попыткой достичь более высокого уровня жизнеспособности. Это похоже на то, как если бы человек чувствовал себя электрической лампочкой с

недостаточной мощностью, которая едва дает достаточно света для чтения; но затем, в определенные моменты, лампочка вспыхивает таким ярким светом, что освещает самые темные углы комнаты. Понятно, что те, кто испытал это на себе, считают, что это стоит любых жертв. В Грейнджер, стремление к ‘запретному’ стало своего рода манией; он признался Карен Холтен:

Я хочу иметь самостоятельных детей… Я предлагаю следующее: никогда не хлещите их, пока они не станут достаточно взрослыми, чтобы понимать смысл многих вещей, а затем говорите им: “Смотрите сюда!” Я хочу попросить вас об одолжении, дети. Я хочу отхлестать вас, потому что это доставляет мне необыкновенное удовольствие. Я не знаю , почему это происходит, но это происходит… Ты не думаешь, что дети позволят мне? У меня есть надежда. Тогда поощряй их пороть друг друга… Ты знаешь, я мечтаю пороть детей. Должно быть, это чудесно - ранить такую нежную, неиспорченную кожу… И когда мои девочки начнут пробуждаться в сексуальном плане, мне захочется постепенно познать с ними плотские утехи… Я всегда мечтала о детях, о том, чтобы пороть их и вести чувственную жизнь со своими дочерьми.

Негативной стороной этой сексуальной одержимости было определенное чувство вины; Джон Берд отмечает, что в своих письмах он часто называет себя трусливым, грешным, слабым, злым и убогим. Он говорит Карен Холтен , что считает себя в основном невезучим. Отчасти, как он признается, это было связано с тем, что он чувствовал, что так и не повзрослел, и что его “настоящее я” было непослушным ребенком, ожидающим наказания. Мир

сам по себе он должен был стать орудием этого наказания. В одном из своих последних писем он подписывается: “Твой любящий, но побежденный Перси”. Это было после того, как он обнаружил, что у него рак брюшной полости. По иронии судьбы, последние годы его жизни были наполнены болью, но не той , которую он приветствовал.

Среди современников Грейнджера был, пожалуй, только один человек, который мог полностью понять его смесь садизма и мистицизма, и это потому, что он сам разделял ее. Это был писатель Джон Каупер Пауйс, который был на десять лет старше Грейнджер. Пауйса интересовала не самобичевание, а жестокость и насилие. В его Автобиография, признается он:

…с самого раннего детства и по сей день моим главным пороком был самый опасный из всех пороков. Я имею в виду садизм. Я не могу припомнить времени — так рано проявилась эта склонность, — когда садистские мысли и образы не тревожили и не опьяняли меня. В одной из моих книжек с картинками, когда мне было не больше трех лет, был изображен орел, бросающийся на ягненка, и с трехлетнего возраста… этот смертельный порок овладел мной.

Каждую ночь, ложась спать, он предавался садистским мыслям. Пауйс намеренно расплывчато описывает природу этих мыслей, но предлагает несколько подсказок. Он описывает, как, когда его отец проезжал мимо сельского коттеджа, он (Джон) заглянул в окно и увидел, как пожилая женщина держит за горло молодую женщину. Это зрелище наполнило его восторгом мент, и был включен в садистские грезы наяву. Он описывает мелкие акты садизма, совершенные в детстве: наливал кипяток в банку с живыми жуками, резал ножом червей, голыми руками разрывал на куски гнездо, полное птенцов. Но он настаивает на том, что, если не считать детства, он никогда не совершал садистских поступков; потворство своим желаниям было исключительно ментальным.

В своем величайшем романе “Гластонберийский роман” (1932) Пауйс создает портрет “душевнобольного садиста” в полный рост в лице антиквара, Мистера Эванса. Эванс, По-видимому спокойная, добродушная, книжный человек, кто тайно одержим какими-то образами жестокости - например, проход в одном из стихотворений о короле Артуре, в котором Мерлин слез. рога у

оленя. Эванс хранит у себя в подвале книгу с садистской порнографией под названием “Непростительный грех”, в которой есть отрывок, настолько соблазнительный, что у него подкашивались колени, когда он думал об этом.

это: изображение черепа и позвоночника человека, раздробленного ударом железного прута. В романе Эванс узнает, что полубезумный алкоголик предлагает совершить убийство именно таким способом; вместо того чтобы попытаться предотвратить его, он не может устоять перед искушением позволить этому случиться, чтобы наконец испытать удовольствие от наблюдения за происходящим. Но когда Эванс видит, как это происходит, его рвет, и у него случается психический срыв, который превращает его в овощ.

Пауйс не мог смириться с тем, что его садистская одержимость может быть следствием изложенный простыми медицинскими терминами, он придерживался мистической точки зрения , согласно которой “такое отвратительное злодеяние исходит непосредственно из зла, находящегося в сердце Первопричины, проходит через межлунные пространства и проникает в определенный нерв в эротическом органе, который “предопределен реагировать на него. Эта проблема фундаментального зла преследует Пауйса и проходит через все его романы. Краффт-Эбинг и Хиршфельд, очевидно, сочли бы такой взгляд абсурдным романтизмом. Для них садизм - это совершенно простая вариация нормального сексуального влечения. Этот импульс в основе своей безличен, мужчине не обязательно быть влюбленным в женщину или, наоборот, заниматься с ней любовью. На самом деле, он может даже ненавидеть ее. “Уолтер” описывает , как принуждал свою жену к половому акту против ее воли: “…Я прыгнул в постель и, перевернув ее на спину, ввел в нее свой член. Должно быть, он был жестким, а я - жестоким, потому что она закричала, что я причинил ей боль. “Не делай этого так сильно, о чем ты?” Но я чувствовал, что могу убить ее своим членом, и гнал, и гнал, и выслушивал ее проклятия. Хотя мне с ней везло, я ненавидел ее, -

она была моей опорожнительницей…“Садизм - это просто еще одна ступень за этим - это ‘Павловская’ ассоциация сексуального удовлетворения с агрессией.

Но хотя это может быть “научно” верно, за этим кроется нечто большее. Садизм Грейнджера - и мазохизм - был одним из аспектов его “дионисизма” и поклонения физической форме и нордическим традициям. ‘пуризм” - это было средство достижения цели, а цель была более мощной формой сознания. Садизм Поуиса был связан с его особой натурой - мистицизмом; он чувствовал, что холмы, деревья, трава, даже скалы и разрушающиеся старые стены обладают своей собственной формой смутного сознания искренность, которой он временами был способен поделиться. Сексуальное влечение, с его тягой к близости с другим существом, не так уж сильно отличается от жажды близости с таинственными силами природы.

В этом свете все сексуальные извращения можно рассматривать как имеющие ‘мистический’ аспект. ‘Порочный’ компонент - это преднамеренная попытка

чтобы поднять обычный секс на более высокий уровень интенсивности. Даже Д. Х. Лоуренс, которого обычно считают верховным жрецом сексуальных отношений. мэлли зафиксировал это желание выйти “за рамки нормальности”. В главе 16 “Любовника леди Чаттерли” есть следующий любопытный отрывок:

Это была ночь чувственной страсти, в которой она была немного напугана и почти не желала этого; и все же ее снова пронзили пронзительные ощущения и чувственность, иные, более острые, более ужасные, чем ощущения нежности, но в тот момент более желанные. Хотя она и была немного напугана, но позволила ему поступить по-своему, и безрассудная, бесстыдная чувственность потрясла ее до глубины души, обнажила до последней нитки и сделала из нее другую женщину. Это была не настоящая любовь. Это не было сладострастием. Это была чувственность , острая и жгучая, как огонь, сжигающая душу дотла. Выжигающая стыд,

самый глубокий, давний стыд, в самых потаенных уголках. Ей стоило больших усилий позволить ему поступать по-своему и подчинять ее своей воле. Она должна была быть пассивной, соглашающейся, как рабыня, физическая рабыня. И все же страсть охватила ее, всепоглощая, и когда чувственное пламя охватило ее внутренности и грудь, она действительно подумала, что умирает; но это была мучительная, чудесная смерть.

Слово “внутренности” внезапно показывает, что Лоуренс говорит о содомии. А фраза “сделала из нее другую женщину” указывает на то, что Лоуренс считает, что это более интенсивный секс, чем обычный. В главе 23 “Влюбленных женщин” есть любопытный отрывок, который, кажется , подчеркивает ту же мысль. Урсула опускается на колени перед Биркином на коврике у камина, обнимает его за талию и прижимается лицом к его бедрам. Далее следует длинное описание - слишком длинное, чтобы его цитировать, - в котором она “проводит по задней поверхности его бедер” своими “чувствительными кончиками пальцев” и обнаруживает там какой-то “таинственный жизненный поток”. - Именно здесь она открыла его , одного из сынов Божьих, какими были в начале мира, не человеком, а чем-то другим, чем-то большим. Она сомкнула ладони на его полных, округлых чреслах, когда он склонился над ней, и ей показалось, что она прикоснулась к таинственной тьме, которая окутывала его тело… И они оба одновременно испытали изумительную полноту немедленного удовлетворения, ошеломляющую, запредельную.- изливается из источника глубочайшей жизненной силы, самого темного, глубокого и странного источника жизни в человеческом теле, расположенного сзади и у основания поясницы. В конце концов становится ясно, что речь идет об акте фелляции, во время которого Урсула вводит палец в его задний проход. Аналогичным образом, в стихотворении “Манифест” он пишет:

Неудачники или мистики?

Я хочу, чтобы она, наконец, прикоснулась ко мне, к истокам моей мрачности…

Если нужны какие-то дополнительные разъяснения, это можно найти в разделе, где Биркин совершает акт содомии с Урсулой, который также описывается в терминах корня ее мрачности”. То, что в этих актах содомии присутствует элемент садизма, видно из предложения о Леди Чаттерли становится “пассивным, покорным

существом, похожим на рабыню”.

Мы можем проследить тот же элемент извращения у Джойса - не просто в фетишизме нижнего белья, из-за которого он носил в кармане кукольные трусики, но и в мазохизме, который он приписывает Блуму и который Джойс разделял. В 1909 году Джойс вернулся в Дублин, и старый друг, Косгрейв, рассказал ему, что жена Джойса Нора часто изменяла другому мужчине - фактически, самому Косгрейву. Джойс был разбит и провел бессонную ночь; он написал Норе письмо, заканчивающееся словами: “О, Нора, я несчастлив. Я оплакиваю свою бедную несчастную любовь’. И все же, как отмечает Джеффри Мейерс в своем исследовании брака Джойса, “Джойс использовал фантазию о ”предательстве” Норы, чтобы возродить свои первые страстные желания и продлить их в жизни, чтобы насладиться и запечатлеть в искусстве. Какой-то элемент мазохизма в нем находил этот эмоциональный переворот настолько захватывающим, что позже он пытался уговорить Нору переспать с другим мужчиной, утверждая , что для своего портрета Блума в “Улиссе” ему нужно было узнать , каково это - быть рогоносцем. Это также, по-видимому, вызвало поток извращенных сексуальных фантазий, выраженных в серии весьма откровенных писем к Норе. - Сейчас я хотел бы поцеловать тебя в одно местечко, в странную место, Нора. Только не в губы, Нора…

[Я бы хотел] трахнуть тебя сзади, как боров верхом на свиноматке, наслаждаясь запахом и потом, исходящими от твоей задницы… чувствуя, как твои пальцы ласкают и щекочут мои яйца или проникают в меня сзади, а твои горячие губы посасывают мой член, в то время как моя головка я зажат между твоих толстых бедер, моя рука сжимает округлые подушечки твоей задницы, а мой язык жадно облизывает твою сочную красную щелку.

В другом письме:

Меня возбуждают самые незначительные вещи - похотливое движение твоих губ, маленькое коричневое пятнышко на заднике твоих белых панталон, неожиданное грязное словечко, сорвавшееся с твоих влажных губ, внезапный нескромный

* Замужем за гением, 1977

шум, издаваемый твоей задницей, а затем неприятный запах, медленно распространяющийся из твоей задницы. В такие моменты я чувствую, что просто обязан сделать это каким-нибудь грязным способом, почувствовать, как твои горячие развратные губы впиваются в меня, трахнуть между двух твоих розовощеких муженьков, кончить тебе на лицо и побрызгать на твои горячие щеки и глаза, засунуть это между ягодицами твоего зада . и черт бы тебя побрал.

В третьем письме восхваляются пердежи Норы и то время, когда, пока они занимались любовью, она постоянно испускала дух, и множество крошечных неприличных пердежей заканчивались долгим потоком из твоей дырочки. Это чудесно - трахать пердящую женщину.' В другом письме - со странным подтекстом: Перси Грейнджер - он хотел бы, чтобы она была сильной, с большой грудью и толстыми бедрами, чтобы она могла победить его. Все это тесно связано с желанием, чтобы она наставила ему рога. В "Изгнанниках" герой говорит своему лучшему другу: "В глубине моего подлого сердца я жаждал, чтобы ты и она предали меня"… навеки опозориться в любви и похоти, навеки стать постыдным созданием и заново построить свою душу на руинах ее позора.' Но предлагаемая мотивация неискрення ; причина, по которой мазохист хочет, чтобы его предали, заключается просто в том, что предательство позволяет ему преодолеть "эффект Кулиджа" , когда он принимает ее как должное; это усиливает его самосознание, точно так же, как "Уолтер" смотрит на себя в зеркало.

Однако следует также признать, что, с биологической точки зрения, такие извращения не служат "никакой полезной цели'. Лев-самец, если ему представится такая возможность, убьет детенышей, рожденных от его самки другим львом; это происходит потому, что он хочет, чтобы его собственные гены сохранились, а гены соперников представляют угрозу. В животном мире мазохизм Джойса действовал бы против выживания его генов. И это также верно, в меньшей степени, для Садизм Грейнджер и пристрастие Лоуренса к содомии. (Возможно , важно, что ни у Грейнджер, ни у Лоуренса не было детей.) В эволюционном балансе сексуальные извращения имеют знак

минус

.

Тем не менее, кажется очевидным, что есть одно основное отличие человека от других животных. Он может намеренно использовать “извращенные” импульсы, чтобы усилить сексуальное влечение. Животная сексуальность - это прямое желание оплодотворить самку. Но нам достаточно открыть “Жемчужину” на любой странице, чтобы понять, что человеческая сексуальность гораздо сложнее. Какому биологическому импульсу служит порка? Или педофилии? Или инцесту? Ответа, очевидно, нет. Но понятие “запретного” способно усилить сексуальное влечение человека.

Неудачники или мистики?

побуждать и вызывать ‘бурный секс’. Человек научился активизировать сознание с помощью сексуального воображения.

Но как работает механизм “бурного секса”? Грейнджер дает нам жизненно важный ключ к разгадке, когда говорит: “Я люблю просто бродить и плавать в море напряженных, непрекращающихся сексуальных мыслей. Он ясно осознает , что “доводит себя до исступления”, точно так же, как мужчина может довести себя до бешенства. Как будто есть какая-то часть его самого, которую можно заставить откликаться на сексуальные фантазии точно так же, как другая часть может откликаться на музыку или поэзию. Это похоже на то, как если бы это “другое я” было хорошим объектом гипноза, и его можно было бы заставить реагировать на щелчок пальцев гипнотизера. Подобно героям Шарко в Сальпетриере, его можно заставить “видеть” то, чего на самом деле нет. Другими словами, его можно убедить поддаться сексуальной иллюзии. Разумная и рациональная часть его души прекрасно знает, что это иллюзия. Когда Суинберн пошел в бордель на Серкус-роуд и позволил накачанным молодым женщинам выпороть его, он притворялся непослушным школьником, которого отчитывает учительница. Но когда женщины попытались обращаться с ним как со школьником и выдвинули непомерные требования об оплате, рациональная часть его натуры взбунтовалась, и он ушел. Одно дело, когда тебя

бьют, как ребенка, - говорит его биограф Дональд Томас, “но быть одураченным из-за денег такими созданиями, как эти, было совершенно невыносимо.

Таким образом, “сексуальная иллюзия” зависит от сознательно культивируемого “я”. разделение: разделение между ‘детским’ и ‘взрослым’ аспектами личности. Взрослый человек знает, что абсурдно желать, чтобы его выпорола женщина, одетая в черную кожу, или притворяться , что он насилует проститутку, одетую в спортивную форму и темно-синие трусики; но ребенок наслаждается фантазиями - так же, как дети наслаждаются сказками о злых великанах, хотя и знают, что это не так. что гигантов не существует. Взрослый оправдывает свою уступку ребенку, настаивая на том, что это “просто игра” и что в любом случае сексуальная разрядка полезна для здоровья, как прием пищи, когда вы голодны. В определенной степени это правда. Но при этом упускается из виду тот факт, что голодающий мужчина может умереть от голода, в то время как мужчине, изголодавшемуся по сексу, физическая опасность не угрожает. Правда в том, что большинство оправданий сводятся к самообману. Суинберн и Грейнджер, Джойс и все остальные, включая Шарлотту Бах, сознательно воспитывают в себе ребенка, потому что это доставляет им огромное удовольствие. Как и Питер Пэн у Барри, они не собираются становиться взрослыми.

Но культивации скрытые ребенка может быть опасной игры. В вся суть взросления заключается в том, что мы разрабатываем повышенный контроль - за себя и мир вокруг нас. Чем больше мы достигаем этого контроля, тем больше становимся “индивидуальностями”, а не беспомощными комками страхов и тревог. Вот почему Юнг называет этот процесс ‘индивидуализацией ’. Человек, который культивирует свои сексуальные отклонения, как это делали Суинберн и Грейнджер, сопротивляется процессу индивидуации. Он предпочитает оставаться замкнутым в себе, потому что, как сказал Уильям Блейк: “Украденные радости сладки, а хлеб, съеденный втайне, приятен’.

Как ни странно, Юнг сам был примером такого рода сопротивления индивидуации. Мемуары, опубликованные после его смерти , показали, до какой степени он был тонкокожим, невротичным и неуверенным в себе. Мир, который привык воспринимать Юнга как одного из великих мудрецов современности, был поражен, узнав, что его брак был разрушен давней любовной связью с одной из его пациенток - Тони Вольф - и что были и другие измены. Его последние годы, по словам Аниэлы Яффе, его секретаря, были омрачены пессимизмом, неуверенностью в себе и раздражительностью, что вряд ли можно назвать характеристиками человека, достигшего 'индивидуализации'.

Еще более любопытен случай с известным протестантом Тео логиан, Пауль Тиллих. Изгнанный из Германии из-за своей критики нацистов (Тиллих был религиозным социалистом), он поселился в Нью-Йорке. Йорке и стал, пожалуй, самым известным из современных "экзистенциальных теологов'. В своем трехтомнике "Систематическая теология" Тиллих разработал то, что он назвал "методом корреляции", который исходит из реальной человеческой ситуации. Человек оказывается в ситуации страдания, сомнения, бессмысленности и отчаяния, и - как у Байрона Манфред - он трясет кулаком на Бога и задает вопросы. Это бизнес богословия сформулировать эти вопросы в точном язык, и попытаться ответить на них с точки зрения божественного откро ции. Критики Тиллиха протестовали против того, что он стал слишком большим экзистенциалистом и уделял слишком много внимания психоанализу, Марксистской и другим формам современной материалистической философии. Но его акцент на страдающем человеке, оказавшемся в ловушке человеческой ситуации, принес ему широкое влияние; многие до сих пор считают его систематическую теологию величайшей современной работой на эту тему. Он умер в 1965 году в возрасте семидесяти девяти лет.

Восемь лет спустя его жена Ханна опубликовала свою автобиографию "Время от времени", в которой рассказала, что великий богослов обладал более-

нечеловеческая сторона: на самом деле, не будет преувеличением назвать его сексуальным маньяком. Он всю жизнь был

приверженцем жесткого порно, которое читал, спрятав в Библии или какой-нибудь теологической книге. Он также был “сатиром”, всю жизнь соблазнявшим женщин, в том числе своих студенток - его жена обнаружила ящики, полные фотографий его подруг, и порнографическое письмо под его блокнотом. Она рассказывает, как после их приезда в Америку у Тиллиха (которого она называет Паулюсом) начался роман с Ханной, женой одного из его друзей:

В день моего приезда, после обеда и быстрой игры в настольный теннис с Герхард [муж Ханны], мы пошли искать Паулюса и Ханну. Мы нашли их вместе на крыше. Позже Герхард рассказал мне, что однажды он нашел их на крыше, обнаженную Ханну. Я не позволила Паулюсу рассказать мне о его “дружбе” с ней. Я так часто сталкивалась с тем, что он отрицал каждый факт, пока он не заставил меня поверить ему, а не собственным глазам, и мне надоело, что его предают. После ужина, когда дети были уже в постели, Паулюс, наши друзья и я сели в прекрасной библиотеке дома и разговорились. Он не мог уклониться от фактов, с которыми я его столкнула. Он бросился на пол, крича и брыкаясь, потому что на этот раз выхода не было.

“Паулюс” был склонен вести себя как маленький мальчик, который ест сладости за спиной у матери. И это, конечно, было частью возбуждения. Ханна Тиллих записывает, что, поговорив с психоаналитиком о страсти своего мужа к порнографии, она решила смириться с этим. ‘Тогда я попытался предложить Паулюсу порнографию, что , конечно, не сработало, поскольку главная привлекательность заключалась в том, что ее держали от меня в секрете…”

Означает ли это, что религиозные убеждения Тиллиха были ложью? Никто из тех, кто читал его, не мог в это поверить. Это означает лишь то, что он держал его религиозные верования и его сексуальной одержимости в отдельный отсек ния. Взрослая часть его писала книги, чтобы показать, как экзистенциальные страдания падшего человека могут быть устранены с помощью “Иисуса как Христа”; детская часть соблазняла его учениц и жен друзей, и он устраивал истерики на полу, если его разоблачали. Не было никакой реальной попытки индивидуализироваться, повзрослеть, потому что он находил систему с двумя отделениями приятной и удобной. Он был убежден, что потакание капризному ребенку в себе никак не повлияло на его философию - вероятно, он сказал себе, что после небольшой измены ему станет лучше думаться. И все же его позиция

неизбежно вызовет сомнения у тех, кто захочет оценить его значимость

как мыслитель. Разве, например, не неизбежно, что мужчина, который не может оторваться от своих учениц, будет подчеркивать человеческую беспомощность и неспособность противостоять греху и возложит все бремя спасения на Иисуса как на Христа? Подобные размышления, во всяком случае, вызывают сомнения в надежности Тиллиха как духовного наставника и учителя…

Аналогичные соображения, по-видимому, применимы и к другой знаменитости Бертран Рассел, “выдающийся учитель этики” двадцатого века: и снова философия и сексуальная жизнь, похоже, хранились в герметичных отсеках; один биограф заметил, что его личная жизнь представляла собой хаос серьезных романов, тайных свиданий и эмоциональных срывов, которые постоянно грозили… разрушительным скандалом. В возрасте двадцати лет, в 1892 году, он влюбился в американку квакершу Элис Пирсолл Смит, но также завел роман с ее сестрой Мэри, которая только что ушла от мужа. После года или двух совместной жизни Рассел однажды катался на велосипеде, когда до него внезапно дошло, что он больше не любит свою жену, и он поспешил домой, чтобы сообщить ей эту новость. Элис была разбита вдребезги и делала все возможное , чтобы убедить его не бросать ее. Но у нее ничего не вышло; Рассел сделал открытие, что считает соблазнение самой интересной игрой в мире. Как и в случае с другими одержимыми Донжуанами - на ум приходят Казанова и Фрэнк Харрис, - это, по-видимому, вопрос не столько безграничного физического аппетита, сколько определенной эмоциональной незрелости и поверхностности. Несмотря на свое превосходство как философа-математика, он чувствовал себя ничтожеством как человек, и сексуальные завоевания льстили его самолюбию. Его жизнь состояла из бесконечной череды романов и нескольких браков, каждый из которых заканчивался разводом , потому что он находил соблазн неверности слишком большим. Вместе со своей второй женой Дорой он основал

экспериментальную школу, и одной из их идей была свободная любовь. У Рассела был постоянный роман с одной сотрудницей, с которой он исчезал на выходные, чтобы Лондон, и он обычно делал предложение любой новой учительнице. Когда кухарка застала Рассела в постели с гувернанткой детей, она не подпускала гувернантку к детям, пока Дора (которая проводила выходные со своим парнем) не вернулась домой. Рассел, у которого было аристократическое отношение к прислуге, уволил кухарку.

То, что этот пожизненный донжуанизм был скорее психологической, чем физической одержимостью, по-видимому, доказывает случай с девушкой по имени Джоан Фолуэлл, с которой Рассел познакомился, когда ей был двадцать один год, и он

было близко к шестидесяти. Он выступал на политическом митинге в Солсбери и остановилась в доме своих родителей. Когда он попросил ее прочитать вслух написанное ею эссе, до нее постепенно дошло , что “его больше интересовала я, чем то, что я пишу”. Он поддерживал с ней связь посредством писем и вскоре предложил ей переспать. В конце концов, после многих задержек и препятствий, они провели ночь в гостинице. Но сон не удался, записи отсутствуют Фолуэлл‘, и я отказался от него. ’Очевидно, что трехлетняя погоня Рассела была скорее попыткой доказать что-то самому себе, чем ошеломляющим достижением. нарастающая физическая страсть.

В последующие годы Рассел поставил в неловкое положение философа Сидни Хука - который относился к нему с почтением - давал непрошеные советы о том, как создавать молодых девушек и что делать после их создания. Он сказал Хуку, что если портье отеля покажется ему подозрительным, девушке следует громко пожаловаться на цену номера - это убедит любого, что они действительно женаты. Хук прокомментировал (в статье в Encounter), что он считает Рассела блестящим умом, сочетающимся с любопытной эмоциональной незрелостью. (Это

может быть характерной чертой “логических” философов: дизайнер Джослин Ричардс написала в своей автобиографии “Нарисованный банкет “, что она разорвала роман с логическим позитивистом Эй Джеем Айером из-за его маниакальной распущенности; она жаловалась, что он отдал ее одной из своих подруг, каждый вечер выбирая другую девушку; но она ушла от него не из-за обиды, но просто потому, что, когда число его подружек перевалило за семь, в неделе стало не хватать дней’.)

В случае с другими влиятельными фигурами двадцатого века признание разделения на половую принадлежность может привести к определенному сдвигу в перспективе. Когда я писал о Т. Э. Лоуренсе в “Аутсайдере”,, Я считал его, подобно Ницше и Достоевскому, типичным “интеллектуальным аутсайдером”, глубоко разочарованным проблемой того, что делать со своей творческой энергией. Этот аспект проблемы был тонко выражен Эдгаром Ли Мастерсом в стихотворении “Про бывший новичок”, вошедший в антологию “Спун-Ривер”. :

Все смеялись над полковником. Причард

За то, что купил такой мощный двигатель

Что он разрушил сам себя и разрушил мясорубку

Он бежал с этим.

Но вот шутка космического масштаба:

Неудачники

Порыв природы, создавший человека Развил в его мозгу духовную жизнь - О чудо света! -

Тот самый мозг, с помощью которого обезьяна и волк Добывают пищу, кров и размножаются.

Природа создала человека таким.

В мире, где она не дает ему ничего делать. В конце концов, (хотя сила души расходуется впустую. В бесполезной трате сил.

Чтобы приспособиться к мельницам богов) —

Но добывать пищу и кров и размножаться самому.

Вот в чем проблема “аутсайдера” в двух словах: мужчина оказывается в мире, где ему нечем заняться. Таким образом, яростное стремление женщины Ницше, Толстой, Лоуренс Аравийский, оказывается, вращаются в вакууме. Лоуренс, подобно фиванским аскетам, искал ответа в пустыне. Перед Первой мировой войной он отправился в Аравию изучать замки крестоносцев; во время войны его выбрали возглавить арабское восстание против турок. Это дало ему “какое-то занятие”, но в то же время заставило его глубже осознать свою раздвоенность. Он писал:

Передо мной открывалась перспектива ответственности и командования, которая вызывала отвращение у моей натуры, склонной к размышлениям. Я чувствовал себя ничтожеством, занимая место человека действия, поскольку мои стандарты ценностей были преднамеренной реакцией на их взгляды, и я презирал их счастье. Моя душа всегда жаждала меньшего, чем имела, поскольку мои чувства, вялые по сравнению с чувствами большинства людей, нуждались в непосредственном контакте, чтобы достичь восприятия…

Это чувство глубокой неудовлетворенности становилось все более сильным, пока, наконец, не заставило Лоуренса попросить разрешения вернуться в Англию в момент своего величайшего триумфа — завоевания Дамаска. После войны он боролся за права арабов за столом переговоров в Париже, но увидел, что союзники предали их. Чувствуя себя ответственным, Лоуренс вернулся в Лондон и отказался от почестей, которыми правительство пыталось успокоить его чувства. Серия лекций журналиста Лоуэлла Томаса о нем принесла ему известность в одночасье; Книга Томаса “С Лоуренсом в Аравии” стала бестселлером по обе стороны Атлантики. Как и следовало ожидать, его реакцией было отвращение к самому себе и сильное желание скрыться от всеобщего внимания. Находясь на грани психического срыва, он поступил на службу в Королевские военно-воздушные силы в качестве рядового летчика под именем Росс. Но “Дейли Экспресс” раскрыла его личность, и он был дисквалифицирован-216

заряжен всего через четыре месяца. Через шесть недель он снова был в числился, на этот раз рядовым танкового корпуса. Три года спустя его перевели обратно в Королевские ВВС. Он все еще служил в Королевских ВВС, когда погиб в аварии на мотоцикле в мае 1935 года.

Когда я писал о Лоуренсе, мне показалось, что его реакция на чувство отчуждения была излишне бурной. Если ему так не нравилась его дурная слава, почему он не подыскал себе где—нибудь дешевый коттедж - в те времена их можно было купить за несколько фунтов стерлингов - и не стал вести жизнь отшельника? Я мог понять его желание сбежать 'толпиться' и жить жизнью, посвященной книгам и музыке; но, входя в РАФ казался - как я знал по личному опыту - очевидным источником скуки и разочарования.

Ответ, по сути, лежал у меня под носом, в восьмидесятой главе "Семи столпов мудрости", которую я перечитывал снова и снова, не постигая ее полного значения. Это глава, в которой Лоуренс описывает, как он отправился в шпионскую экспедицию в город Дераа, который был оккупирован турками, и был арестован по подозрению в дезертирстве. Его привели к бею, который немедленно схватил его и повалил на кровать. Лоуренс сопротивлялся, поэтому бей приказал солдатам связать ему руки, пока с него снимали одежду, а затем начал лапать его. Я терпел это некоторое время, пока он не стал вести себя слишком по-звериному, а затем ударил его коленом. Затем Лоуренса растянули на деревянной скамье, и капрал принялся хлестать его черкесской плеткой. Избив его до потери сознания, они бросили его на пол.

Я вспомнил, как капрал пинал меня своим подбитым гвоздями ботинком, чтобы я поднялся; и это было правдой, потому что на следующий день мой правый бок был весь в синяках и ссадинах, а из-за поврежденного ребра каждый вдох отдавался острой болью. Я вспомнила , как лениво улыбнулась ему, потому что восхитительное тепло, вероятно, сексуальное, разлилось по всему моему телу; а затем он вскинул руку и ударил меня хлыстом по паху на всю длину. От этого я согнулась пополам и закричала…

В этом длинном описании порки большинство читателей , по понятным причинам, не обратят внимания на эти два слова, вероятно, сексуальные. Кроме того, кто может сказать, как бы

отреагировал любой из нас, если бы подвергся такой жестокости? И все же, если бы я дал себе труд подумать об этом, я бы заметил, что есть что-то странное в мужчине, который реагирует на жестокое избиение сексуальным оргазмом.

Вероятно, он осознавал, что выдал тайну своей жизни - по крайней мере, кому-то другому.

те, кто разделяет это отклонение - Лоуренс позже пытался замести следы. Он сказал Бернарду Шоу, что его рассказ о том, что произошло в Дераа, не соответствует действительности, но Шоу был слишком тактичен, чтобы спросить, что произошло на самом деле. Но в письме к миссис Шоу от 26 марта 1924 г., В конце концов Лоуренс признался: “Из страха, что мне будет больно, или, скорее, чтобы заслужить пятиминутную передышку от боли, которая сводила меня с ума, я отказался от единственного достояния, с которым мы приходим в этот мир, - от нашей телесной целостности. Это непростительный поступок, непоправимое положение: и именно это заставило меня отказаться от достойной жизни…” Итак, согласно Лоуренс, именно чувство вины за то, что он позволил бею изнасиловать его , заставило его отказаться от общественных почестей и поступить в Королевские ВВС. Однако этому категорически противоречит другое заявление в “Семи столпах”, в котором он говорит, что “какая-то часть меня умерла в ту ночь в Дераа”, а затем добавляет: “Это не могло быть осквернением, потому что никто никогда не относился к телу с меньшим почтением, чем я сам. И он продолжает говорить о ” сломлении духа от этой безумной, раздирающей нервы боли… которая с тех пор сопровождает меня, вызывая восхищение, ужас и скорбь сильное желание, возможно, похотливое и порочное, но похожее на стремление мотылька к пламени”. Итак, по словам Лоуренса, инцидент в Дераа пробудил в нем вкус к мазохизму…

В 1968 году Государственное архивное управление Лондона начало публиковать документы о Лоуренсе - срок официального запрета на доступ к таким документам был изменен с пятидесяти

до тридцати лет, - и два журналиста-расследователя, Филип Найтли и Колин Симпсон, начали изучать их, чтобы пролить новый свет на ‘ тайну Лоуренса’. Результатом стала серия статей, которые появились в журнале “Санди таймс” и которые позже были изданы в виде книги. То Тайная жизнь Лоуренса Аравийского. И когда они не смогли узнать правду об инциденте в Дераа из различных документов, Найтли и Симпсон решили посмотреть, смогут ли они взять интервью у человека, который, как предполагалось, изнасиловал Лоуренс, Хацима Мухиттин-бея. Им не повезло; бей умер в 1965 году. Но стало ясно, что он был отнюдь не гомосексуалистом, а ‘ агрессивным гетеросексуалом’ с огромным сексуальным аппетитом. Они опросили многих людей, которые хорошо знали бея , и даже некоторых из его врагов, и все они согласились с тем, что у него не было гомосексуалистических наклонностей. Что бы ни произошло в Дераа, кажется очевидным, что Лоуренс не подвергался содомии со стороны Гаджим-бея.

Найтли и Симпсон обнаружили по крайней мере один разоблачительный документальный фильм.-

мент; это был молодой шотландец по имени Джон Брюс, который познакомился Лоуренс родился в начале 1922 года, в то время, когда Лоуренс работал на Уинстона Черчилля в Министерстве по делам колоний. Лоуренс попросил Брюса стать кем-то вроде камердинера. И однажды Лоуренс рассказал ему удивительную историю. Он решил поступить на службу в Королевские ВВС в качестве летчика - не из-за предпочтений, а потому, что ему приказал это сделать какой-то богатый и влиятельный родственник по прозвищу ‘Старик’. Старик считал, что Лоуренс опозорил честь семьи и что он должен искупить свои прегрешения болью и унижением. Брюс, по-видимому, был захвачен этой абсурдной историей (хотя он благоразумно посоветовал Лоуренсу рассказать правду). Старик отправится к черту) и согласился вступить в армию, чтобы “присматривать за Лоуренс. В 1923 году Лоуренс и Брюс проходили военную подготовку в Бовингтон-Кэмп в Дорсете, а Лоуренс арендовал расположенный неподалеку коттедж под названием Клаудз-Хилл.

Однажды Лоуренс сказал Брюсу, что старик рассердился на него за то, что он не посещал церковные парады, и приказал наказать его. Он показал Брюсу отпечатанное на машинке письмо, в котором угрожал обнародовать всему миру незаконнорожденность Лоуренса , если тот не согласится на порку розгами. Брюс сначала отказывался иметь к этому какое-либо отношение, но в конце концов согласился. Лоуренс лежал на кровати, и его били прямо в брюках. Но позже в тот же день он сказал Брюсу, что был у Старика и что его мучитель остался недоволен; Лоуренса пришлось бить по голым ягодицам. Вот и на этот раз Лоуренс снял брюки и лег на кровати, в то время как Брюс вводят с десяток болезненных ударов Береза, причинив Лоуренс кровь. В конце концов, Лоуренс спросил Брюс, чтобы дать ему еще один на удачу, — которые должны были сделать Брюс подозрительно. И с тех пор этот необычный спектакль продолжался, и Брюс получал неподписанные машинописные письма от Старик спрашивал, улучшилось ли поведение Лоуренса, и приказывал еще раз выпороть его. Брюс был не единственным - Лоуренс, по-видимому , подстрекал других солдат избивать его, рассказывая им ту же самую невероятную историю. И когда Брюс, наконец, вернулся в Шотландию, Лоуренс часто совершал долгое путешествие в Абердин или Эдинбург на своем мотоцикле, чтобы получить ‘свою обычную дозу’. После смерти Лоуренса миссис Шоу послала за Брюсом и рассказала, что знала о порке; она умоляла его молчать о них, зная, какой вред они нанесут репутации Лоуренса. Брюс согласился и остался на выпускном вечере это продлится еще три десятилетия. И когда он, наконец, позволил Найтли

и когда Симпсон опубликовал свой рассказ в своей книге, было ясно, что он все еще верит рассказу Лоуренса о ‘Старике’.

Найтли и Симпсон приходят к выводу, что, что бы на самом деле ни произошло в Дераа, Лоуренса продолжало угнетать чувство вины, которое привело к желанию понести наказание. Такая точка зрения вряд ли согласуется с их собственными новыми доказательствами. Мазохистами рождаются, а не становятся; Закон желание Ренса, чтобы его пороли, вероятно, зародилось в раннем детстве; но он родился в “мужественном” мире, где здоровые, мускулистые молодые мужчины должны были применять порку, а не получать ее. Именно чувство вины за свою “извращенность” превратило блестящего и чувствительного молодого интеллектуала в аскетичного “аутсайдера” и почти случайно привело к созданию одного из величайших литературных произведений двадцатого века. Оден однажды сказал, что цель образования - “создать столько неврозов, сколько ребенок может выдержать, не сломавшись”. Согласно этому определению, мазохизм Лоуренса следует рассматривать как одно из величайших формирующих влияний на его гениальность.

Если это утверждение противоречит более раннему выводу о том, что сексуальные извращения препятствуют достижению “индивидуации”, то конфликт лишь кажущийся. Важно помнить историю о Негли Фарсон, цитируемый в предыдущей главе: когда Фарсон обратился к врачу по поводу своего алкоголизма, врач сказал ему, что он может вылечить его, но в то же время, вероятно, избавит его от писательского таланта. В случае с Лоуренсом читатель часто подозревает, что он культивирует свое внутреннее раздвоение, потому что это заставляет его прилагать больше усилий для самодисциплины. Кажется, он подозревает, что внутренний покой - это синоним посредственности. И история ‘Outsiderism в последние два столетия кажется, подтверждают этот неудобный вывод.

Из всех крупных фигур XX века, ни одна не показывает в конфликт механизм более четко, чем философ Людвиг Витгенштейн. Я писал о нем в “Религии и бунтаре”, продолжении “Аутсайдера”; но в то время (1957, всего через шесть лет после его смерти) его имя было окружено тяжелой атмосферой почитания, и никто даже не намекал на его гомосексуальность. Когда это наконец появилось в печати, я понял, что это многое

объясняет о Витгенштейне, что ставило меня в тупик в 1957 году.

Витгенштейн был младшим ребенком в богатой венской семье; все его братья и сестры были одаренными. Очевидно, решив стать инженером, как и его отец, он изучал инженерное дело в

Берлин, аэронавтика в Манчестере и математика в Кембридже под руководством Бертрана Рассела. По характеру он был глубоко пессимистичен, и в юности на него оказало влияние мировоззрение Шопенгауэра как Воля и идея: как и Т. Э. Лоуренс, он, похоже , всю жизнь мечтал стать монахом или религиозным аскетом. Его болезненно привлекала идея самоубийства - двое из его братьев покончили с собой перед Первой мировой войной, а третий должен был сделать это в конце ее. Позже Витгенштейн признался, что, когда в 1914 году он завербовался в армию, у него было тайное желание быть убитым. Как бы то ни было, он пережил войну, унося в своем рюкзаке рукопись своей самой известной книги “Логико-философский трактат” (которая Витгенштейн называл просто “Der Satz — Суждение”).

В конце войны он был близок к нервному срыву. Он унаследовал большую часть семейного состояния - по современным меркам, он был миллионером, - но одним из первых, что он сделал, вернувшись из армии, было раздать его остальным членам своей семьи. Затем, в течение следующих шести лет, он работал школьным учителем в отдаленной деревне в Нижней Австрии. Фактически изгнанный оттуда возмущенными крестьянами, он провел два года , проектируя и строя дом для одной из своих сестер в Вене, а затем вернулся в Кембридж, где стал членом Тринити-колледжа. В В 1937 году он сменил Дж. Э. Мура на кафедре философии, но был в высшей степени неортодоксальным профессором. Он обычно носил старую куртку лесоруба поверх рубашки с открытым воротом и избегал общения с другими преподавателями. Однажды, когда он обедал за высоким столом, он закрыл уши руками и простонал: “Но им даже не нравится это делать”. Во время второго Во время Первой мировой войны он уехал в Лондон и стал санитаром в больнице, затем отправился в

Ньюкасл и работал в медицинской лаборатории. В 1947 году он переехал в коттедж на западном побережье Ирландии и работал над своей второй философской книгой. Философские исследования. Казалось, он обладал какой-то странной властью над птицами; позже, когда я был в Голуэе , один старик рассказал мне, что видел Витгенштейна, стоящего с головой и плечами, покрытыми птицами. В 1949 году он обнаружил, что страдает от рака, и умер от него в 1951 году.

Только в 1970-х годах стало ясно, что основной причиной мрачного аскетизма Витгенштейна было его чувство вины за свою гомосексуальность. Его брат Ганс, музыкальный гений, покончивший с собой в возрасте двадцати четырех лет в 1902 году, был гомосексуалистом; его брат Рудольф, покончивший с собой два года спустя, вероятно, был гомосексуалистом. и весьма умело. С подросткового возраста Людвиг Витгенштейн также размышлял о

самоубийство; он все еще говорил об этом, когда впервые приехал в Кембридж в 1913 году. Как это ни парадоксально, но Великая война, возможно, спасла ему жизнь. И только после войны Витгенштейн, наконец, уступил своему сильному влечению и начал часто бывать в районе Пратера, где он мог заняться тем видом “грубой торговли”, который ему нравился. Его ужасала собственная распущенность, но он чувствовал, что не в силах сопротивляться ей. В ноябре 1919 года он влюбился в механика-гетеросексуала по имени Арвид Шегрена и стал жить в его доме; он был вынужден съехать, когда мать Шегрена влюбилась в него. Он вернулся к беспорядочной жизни, мрачно написав другу: ” В последнее время у меня все пошло наперекосяк. Конечно, только из-за моей собственной низости и испорченности. Я постоянно думал о том, чтобы покончить с собой, и сейчас эта мысль все еще преследует меня. Я опустился на самое дно. Пусть ты никогда не окажешься в таком положении”.* Когда я говорил с Дорой Рассел о Витгенштейне в 1975 году, она сказала мне, что они с Бертраном Расселом категорически не одобряли распущенность Витгенштейна и что они чувствовали необходимость

присматривать за некоторыми из своих молодых знакомых мужского пола.

Уильям Уоррен Бартли проницательно замечает: “Когда человек , как Витгенштейн, в ужасе от того, что он может натворить, он может попытаться создать среду, которая поможет защитить его от того, чего он в некотором смысле хочет, но не должен делать. Этот Витгенштейн так и сделал; и в схеме его построения можно найти некоторое объяснение некоторым из его самых странных поступков. Далее он говорит, что Витгенштейн старался держаться подальше от больших городов, где у него возникало искушение искать проституток мужского пола, и завязывал платонические отношения с молодыми людьми вроде Арвида Шегрена, которых он мог одновременно обожать и доминировать.

Но комментарий Бартли также помогает нам понять отношение Витгенштейна к философии. Витгенштейн обладал склонностью, которую часто можно встретить у святых и аскетов: сильной жаждой смысла и цели и огромным отвращением к себе из-за собственной неспособности их найти. В 1921 году он писал своему другу Энгельману: “Я - один из тех случаев, которые, возможно, не так уж редки в наши дни: у меня была задача, я ее не выполнил, и теперь неудача разрушает мою жизнь… Моя жизнь действительно стала бессмысленной, и поэтому она состоит только из бесполезные эпизоды.’ В 1919 году ему приснился сон, который он считал грандиозным

* цитируется по книге “Витгенштейн” Уильяма Уоррена Бартли III, стр. 25

значимость. Он заглядывал в освещенное окно дома и увидел красивый молитвенный коврик. Но когда он попытался войти в дом, из двери выскочила змея и преградила ему путь; другие змеи заблокировали окна. Он истолковал этот сон как означающий , что его сексуальные желания препятствовали его религиозным устремлениям. После работы школьным учителем он стал садовником в монастыре и серьезно подумывал о том, чтобы стать монахом. (Его друг фон Райт пишет, что “он не мог набраться достаточной религиозной веры.)

Именно это ощущение неудачи, жизни на краю пропасти

породило в Витгенштейне тягу к определенности, которая привела его к созданию философской системы “Трактат”.

“Трактат” претендует на то, чтобы быть не чем иным, как окончательным решением всех проблем философии. Но это не так самонадеянно , как кажется, поскольку он начинает с переосмысления проблем философии и ограничения их рамками, которые большинство философов сочли бы абсурдно узкими. Согласно Витгенштейну, язык - это просто изображение реального мира, точно так же, как портрет - это изображение реального человека. Окружающий нас мир, говорит Витгенштейн, можно свести к тому, что он называл “атомарными фактами” или “положением дел”. (по-немецки, Sachverhalten). Состояния дел, в свою очередь, состоят из простых объектов, и они могут быть определены с помощью имен. Эти имена могут быть объединены в элементарные пропозиции, а те, в свою очередь , могут быть объединены в более сложные пропозиции, которые Витт генштейн называет ‘функциями истинности’. Если бы элементарным предложением было “Я здесь”, то одной из его функций истинности было бы “я не в том месте”. Северный полюс, поскольку я здесь” (если, конечно, “здесь” не относится к Северному полюсу). И поскольку совершенно очевидно, что , находясь здесь, я нахожусь не на Северном полюсе, Витгенштейн пришел к выводу, что истина - это тавтология, простое повторение одного и того же значения.

Это звучит как насквозь материалистическая философия, почти такая же грубая, как марксизм. Но Витгенштейн не настаивал, в отличие от Маркса, на том, что всякая “истина” может быть определена в чисто материальных терминах. Он согласен с тем, что существуют такие понятия, как религиозная истина и этическая истина. Но он настаивает на том, что это невозможно выразить словами, и что любой философ, который думает , что говорит об этих великих универсальных истинах, просто обманывает себя. И, согласно Витгенштейну, должно быть достаточно легко показать ему, что он обманывает сам себя, заставив его прочитать Трактат и продемонстрировав ему, что он просто не смог придать значения определенным знакам в своих предложениях. С точки зрения Витгенштейна.

большая часть того, что считалось философией со времен Платона, в буквальном смысле слова является бессмыслицей. - Загадок не существует. Знаменитая последняя фраза из В Трактате сказано: “О чем нельзя говорить, о том нужно молчать’.

Такая философия, очевидно, давала Витгенштейну определенную степень комфорта; он, должно быть, чувствовал, что создал прочную основу в предательски скользком мире. Однако, с другой стороны, ему не намного лучше, чем раньше, поскольку он признал, что область, которая действительно его интересует, - область религиозного (или, как сказал бы Сартр, экзистенциального) смысла - действительно существует, хотя и находится за пределами досягаемости слов. Витгенштейн признает, что в какой-то степени это можно доказать. Например, друг прислал ему стихотворение Уланда ‘Граф Эберхард Боярышник’, в котором каждая строфа конкретна и информативна, но при этом в двадцати восьми строках удается передать картину всей жизни человека. На самом деле Витгенштейн имеет в виду, что поэзия каким-то образом умудряется высказывать вещи вопреки его логике “атомарных фактов’ и тавтологий. В этом случае он подорвал свои аргументы. мент, который утверждает, что такие вещи не могут быть сказаны.

Попытка Витгенштейна ограничить сферу философии в новенного огромным основы системы Mathematica Бертран Рассел и А. Н. Уайтхеда, в которой авторы попытались демон продемонстрируйте, что математика-это просто ветвь логики. Одна из возникших проблем касалась логических парадоксов, таких как парадокс Эпименида: если я говорю, что я лгу, и я действительно лгу, то я говорю правду; если я говорю, что я лгу, и я говорю правду, то я лгу… Простейшая форма такого парадокса такова: это предложение не соответствует действительности. Это правда или нет? Если это правда, то это не соответствует действительности, а если это не соответствует действительности, то это правда. Но небольшое размышление показывает нам, что на самом деле это предложение бессмысленно; оно не может быть ни истинным, ни ложным. Чтобы быть истинным или неверным, оно должно указывать на другое предложение, истинность которого можно определить, например: “Это предложение неверно: на улице идет снег”. Это просто предложение-индикатор, которое выполняет ту же функцию, что и указатель. Когда он стоит сам по себе, он подобен указателю, на котором ничего не написано.

Витгенштейн сделал еще один шаг вперед в этой логике и заявил , что вся метафизическая философия - это указатель, на котором ничего не написано . И он попытался сделать это методами, аналогичными тем, которые использовались в irt Principia Mathematica. На самом деле и “Трактат “, и “Принципы” были подорваны одним ударом в 1931 году, когда Курт Гедель представил свое знаменитое доказательство. Это означает, что в любом наборе математических определений или постулатов (например, в Principia Mathematica) есть

всегда будут определенные утверждения, которые невозможно доказать в рамках системы. Вы должны построить метасистему более высокого уровня, чтобы доказать их, и эта система также будет содержать утверждения, которые не могут быть доказаны… В целом, тогда мы можем рассматривать Трактатус - всего лишь скелет динозавра в музее философии.

Фактически, к началу 1930-х годов Витгенштейн пришел к такому же выводу. Легенда гласит, что он обсуждал “логическую форму” утверждений с экономистом Пьеро Шраффой, когда тот сделал неаполитанский жест - провел кончиками пальцев одной руки по подбородку, выражая презрение, — и спросил: “Какова логическая форма этого?” Должно быть, именно такой опыт заставил Витгенштейна осознать, что язык - это не точная картина реальности, а нечто гораздо более сложное. Слова - это инструменты, но инструменты бывают самые разные: молотки, отвертки, щипцы, штопоры… Таким образом, значение слова не определено жестко, как в “Трактате”, а варьируется в зависимости от того, как мы его используем. (Восклицание “Дерьмо!” звучит как приказ, хотя мы все знаем, что это не так). Смысл - это его назначение в определенном контексте, и. нам нужно понимать контекст, точно так же, как для того, чтобы понять, что делает шахматист, нам нужно понимать правила игры в шахматы. Витгенштейн говорит, что язык можно рассматривать как обширную игру, в которой есть тысячи игр поменьше. (Например, языковая игра, в которую играют на площади казармы , сильно отличается от языковой игры, в которую играют за кафедрой или

в аудитории философа). Бесполезно искать общие правила, говорит Витгенштейн, так же как бесполезно искать какое-то общее определение слова “игра”. (Что общего между игрой в шахматы, шарадами, пасьянсом и стрельбой по глиняным голубям?)

Но если аргументы более сложны, чем в “Трактате”, общая цель этого “лингвистического анализа” во многом та же. Он рассматривает большую часть философии как непонимание языка. Цель философии - “предотвратить околдовывание наших чувств с помощью языка”. Некоторые философы искажают язык до такой степени, что в результате возникают не столько философские системы, требующие опровержения, сколько болезни, требующие лечения. Витгенштейн считал себя своего рода врачом.

И снова мы подозреваем, что Витгенштейн пытался избежать скользкого пути, который вел к задумчивости и безумию. Он хотел, чтобы философия была чем-то ясным и конкретным, как

математика без ‘загадок’. Если бы он прожил еще тридцать лет, можно предположить, что он попытался бы изобрести компьютерные программы для решения всех философских проблем. Он хотел решительно отвернуться от “проклятых вопросов”, задаваемых великими романистами и философами морали; он хотел бы настаивать на том, что вопрос Кьеркегора “Что я здесь делаю?” был просто неправильным пониманием языка. Он предостерегает нас от метода самоанализа. Если вы хотите знать значение такого слова, как “боль”, или “память”, или “чувство”, или “ожидание” - внимательно изучите, как они используются в обычном языке… Это, конечно, не означает общего запрета на самоанализ, но это очень в духе поздних работ Витгенштейна. философия. На вопрос: “В чем смысл жизни?” - он отвечал: “Объясните точно, что вы подразумеваете под жизнью, и я думаю, вы увидите, что то, что вы считали реальным вопросом, растворилось в воздухе’.

Чтобы начать понимать, в чем Витгенштейн ошибся, нам просто

нужно проанализировать его утверждение о том, что невозможно определить слово “игра” таким образом, чтобы оно охватывало все игры. Когда дети играют в ковбоев и Индийцы, как мы видим, играют в своего рода репетицию реальной жизни - настоящих сражений и конфликтов. То же самое касается шахмат, пасьянсов, шарад и любых других игр. Игра - это репетиция реальности; в этом смысле грезы наяву - архетипическая игра. Это было бы очевидно для Витгенштейна, если бы он попробовал самоанализ как метод понимания того, для чего нужны игры. Но самоанализ заставлял его чувствовать себя неуверенно; он предпочитал обращаться к словарю.

Витгенштейн однажды сказал, что целью его философии было “показать мухе, как выбраться из мухобойки’. И все же трудно отделаться от ощущения, что автор “Философских исследований” сам попал в ловушку, созданную им самим. Его философия дала ему возможность критиковать других, но не дала ему никакого ключа к тому, как выбраться из собственного внутреннего лабиринта. Достойно сожаления, что он считал чтение других философов пустой тратой времени; в работах своего современника Эдмунда Гуссерля он мог бы найти более плодотворный метод. Целью Гуссерля также было создание чисто научной философии , но он признавал, что отправной точкой должно быть точное и объективное описание наших собственных внутренних состояний. На этом основании, Гуссерлю удалось построить, по крайней мере, первый этаж “системы” , которая может задавать вопросы о смысле и назначении человеческой деятельности.

существование. (Хайдеггер и Сартр использовали это как основу своих собственных форм “экзистенциализма”.) Витгенштейн был одержим подобными вопросами но, судя по его работам, он всю жизнь избегал их. Не будет слишком несправедливо сказать, что его философия была философией ребенка, который боится темноты.

Однако к Витгенштейну применимы те же комментарии, что и к

Т. Э. Лоуренсу: признание того, что его работа была вызвана чувством вины за свою жизнь, не обесценивает ни работу, ни саму жизнь. Что важно в их жизни, так это то, что обоими двигала огромная неудовлетворенность собой. Источником этой неудовлетворенности является конфликт между их сильно развитыми способностями разума и эмоциями и желаниями, которые, казалось, насмехались над ними. Они еще раз подчеркивают проблему, поставленную Фульком Гревиллом:

Что подразумевает природа под этими разнообразными законами.

Страсть и разум, причина саморазделения?

И за этим кроется величайшая и наиболее раздражающая проблема человеческого существования: тот факт, что, сталкиваясь с кризисом, мы испытываем наконец-то вы поймете значение свободы, а затем поймете, как легко было бы жить на гораздо более высоком уровне жизнеспособности и целеустремленности. Однако почти сразу же, как только кризис проходит, мы снова погружаемся в “тривиальность повседневности” (выражение Хайдеггера) и обнаруживаем , что совершенно неспособны вернуть себе целеустремленность. Проблема заключается в нашем рабстве привычкам, в нашей механичности”. Все гениальные люди видят эти высшие уровни стремления и целеустремленности и понимают, что отсутствие вызова приводит к тому, что большинство из нас растрачивает свою жизнь впустую. Нам нужно найти какой-то более высокий уровень мотивации, который позволит нам должным образом использовать эти дремлющие внутри нас силы.

Очевидно, это была основная мотивация, побудившая Лоуренса к его замечательным подвигам на выносливость в пустыне, и которая привела к Витгенштейн стал привратником в лондонской больнице, затем затворником в хижине в Голуэе. Их чувство вины, несомненно, также внесло свой вклад, но читатели “Семи столпов” или “писем Витгенштейна”, возможно, часто задаются вопросом, насколько сильно оба они культивировали чувство вины, чтобы подтолкнуть себя к еще большим усилиям. Что совершенно очевидно, так это то, что в них обоих именно гениальность, а не чувство вины, привела к этим отчаянным попыткам убежать от тривиальности повседневности’.

*

Неудачники

Конечно, это проблема не только аутсайдеров и гениальных людей. Каждый человек на поверхности планеты испытывает вызывает такое же непреодолимое желание избежать скуки, убежать от тривиальности. Мы инстинктивно выискивают что-нибудь, что вызывает чувство смысла и цель. То, что большинство людей требуют, чтобы увидеть свои личные crav Ингс и желания проецируются на большой экран. Это объясняет рост политических движений, таких как нацизм, а также абсурдных религиозных культов , чьи убеждения, по-видимому, требуют полного лишения рассудка. Интеллект порядочные люди считают такое пренебрежение здравым смыслом невозможным: отсюда и “аутсайдерство’. Однако даже самые умные люди испытывают желание найти — или создать — систему убеждений, которая могла бы объединить их с другими людьми и избавить от чувства изоляции. Следовательно Греческие приключения Байрона, итальянский патриотизм Суинберна, религиозная одержимость Гоголя, нордический мистицизм Грейнджера, пограничный фашизм Д. Х. Лоуренса. Все они раскрывают стремление избавиться от бремени индивидуализма и объединиться в некую форму “коллективных’ усилий.

В послевоенные годы, пожалуй, самый яркий пример такого принуждения дал японский писатель Юкио Мисима. Его публичное самоубийство в 1970 году стало шоком, от которого Спустя почти два десятилетия японская психика все еще восстанавливается. (Одним из интересных следствий является то, что на момент написания этой статьи все еще существовал японской биографии писателя нет.)

25 ноября 1970 года сорокапятилетний романист - возможно , самый успешный японский писатель всех времен - отправился в Восточную Штаб армии в Токио с четырьмя другими мужчинами, один из которых был его любовником, и захватили командующего, генерала Машиту. Затем Мисима объяснил, что его условием сохранения жизни генерала было то, что весь гарнизон должен был собраться во внутреннем дворе, чтобы молча выслушать подготовленную им речь. Он также уведомил

средства массовой информации, и когда в полдень он вышел на балкон, на него были направлены телекамеры. Но солдаты отказались слушать молча; раздались свист, насмешки и крики 'Придурок!' Увещевания Мисимы призыв к армии восстать и отбросить демократию, которая лишила Японию ее души, не был услышан в этом шуме; через семь минут он сдался и снова вышел на поле. Внутри он опустился на колени на пол, расстегнул брюки и приставил кинжал к животу. Затем он вонзил его и разорвал на части, чтобы выпотрошить себя. Его любовник Морита попытался отрубить Мисиме голову мечом, но у него дрожали руки, и ему удалось только перерубить спину.

Второй удар нанес глубокую рану на теле. Только с третьего удара ему удалось частично перерубить шею. Другой из группы схватил меч и одним ударом отрубил голову. Затем Морита попытался выпотрошить себя, но не смог вонзить кинжал в цель; когда он кивнул головой, меч опустился снова и обезглавил его. Генерал Машита был освобожден. Великое восстание романтиков против современного мира закончилось.

Юкио Мисима - это псевдоним Кимитаке Хираоки, сына государственного чиновника. Он родился в 1925 году в доме своих бабушки и дедушки, с которыми жили его родители. Его дед, Джотаро Хираоку, некогда губернатора острова Сахалина, но финансовый скандал вынудил его в отставку; после этого он стал бизнесмен, и было принято около десяти лет, чтобы окунуться в банк банкротства. Его жена Нацуко была неуравновешенной и невротичной женщиной с ярко выраженными истерическими наклонностями; когда ее внуку, родившемуся 14 января 1925 года, исполнилось всего семь недель, она буквально выхватила его из рук матери и установила кроватку в своей комнате для больных. Мать ребенка не посмела возразить. В течение следующих двенадцати лет, Нацуко оберегала своего внука с чувством собственницы. Ему не разрешалось играть с другими детьми, и он почти не виделся со своими родителями. Бабушка воспитывала его скорее как девочку, чем как мальчика. Он вырос слабым, болезненным ребенком, полностью зависимым от

Нацуко; даже в играх он не нуждался. Единственным удовольствием, в котором ему было позволено неограниченное количество удовольствий, было чтение. Его бабушка в библиотеке были представлены сказки Ганса Андерсена и Оскара Уайльда. Сказка Андерсена “Розовый эльф”, кажется, пробудила Скрытый садизм Мисимы, история о “прекрасном юноше, который, целуя розу, подаренную ему в качестве подарка его возлюбленной, был зарезан и обезглавлен злодеем большим ножом… Мое сердце склоняется к Смерти, и Ночь, и Кровь не могут быть отвергнуты’. Подобные истории стали предметом его садистских фантазий. (Как и в случае с Грейнджер и Пауйсом, садизм Мисимы, казалось, был врожденным.) В автобиографическом романе “Исповедь маски” он описывает , как испытал свой первый оргазм, глядя на изображение святого Себастьяна , пронзенного стрелами. Его биограф Генри Скотт Стоукс записал:: “ему снилось кровопролитие, ему снилось, как он убивает молодых людей, предпочтительно Черкесы [то есть белые юноши] сидят на больших мраморных столах и поедают части их тел”. И вот, подобно Джону Кауперу Пауйсу и Перси Грейнджеру, Мисима кормил этого ненасытного червя-каннибала ужасными снами

о пытках и убийствах. Когда он осознал свою гомосексуальность, испытывая эрекцию при виде мужчин в плавках, мечты о молодых самураях, вспарывающих себе животы, смешались с образами мускулистых борцов сумо, еще не растолстевших… Он влюбился в мальчика в школе и завидовал его могучему телу, а также тому, что у него были сильные руки. волосы у него под мышками. Он начал писать рассказ под названием “Особняк” (Яката) о сатанинском аристократе, единственным удовольствием которого было убийство. В исповеди одного из В маске он описывает, как в возрасте четырнадцати лет придумал “театр убийств”, в котором юные гладиаторы купались в крови. Его не интересовали виселицы или орудия пыток, потому что они не давали той крови, которая вызывала у него такое сексуальное возбуждение.

Он начал публиковаться в школьном журнале, когда ему было одиннадцать лет; в шестнадцать он написал короткий роман “Лес

в полном цвету", который должен был публиковаться частями в литературном журнале; это было историческое фэнтези, охватывающее несколько периодов японской истории и отличающееся сдержанным богатством языка — возможно узнав от Оскара Уайльда. На протяжении всей своей жизни Мисима был Баси Калли эстет, и большая часть его работы о насильственных и отрицательные - эмоции. Поскольку ему было всего шестнадцать, когда была опубликована эта первая работа , его учитель предложил ему использовать псевдоним. Название "Юкио Мисима" было выбрано из-за его эстетических качеств: "юки" означает "снег", а Мисима - город у подножия горы Фудзи.

Когда началась война, Мисима, как и все японцы, стал горячим патриотом. Он проходил военную подготовку, служил на военно-морской верфи и мечтал погибнуть в бою. В 1944 году он ушел из армии. В школе Гакусюин он был лучшим учеником в классе, и император лично подарил ему золотые часы. Его отец настаивал, чтобы он изучал юриспруденцию в Токийском университете, и он согласился без особого энтузиазма. Но вскоре после поступления в университет его призвали работать на фабрику, предназначенную для производства самолетов-камикадзе - Япония явно проигрывала войну, и идея попытаться переломить ситуацию, используя пилотов в качестве живых бомб, была типичной для японской военной традиции. Для человека, настолько одержимого идеей крови, работа на такой фабрике была почти как религиозное посвящение. "Я никогда не видел такой странной фабрики. В нем все методы современной науки и управления… были направлены на достижение единственной цели - смерти".

К этому времени вышла его первая книга "Лес в полном цвету", и за неделю был распродан тираж в 4000 экземпляров. В следующем году, В 1945 году он был призван в армию. Ему удалось убедить военного врача

что у него был туберкулез - он заявлял, что страдал от ночного потоотделения и харкал кровью, - и что его отвергли как

непригодного с медицинской точки зрения. Эта ложь преследовала его всю оставшуюся жизнь. И все же мотивом была не столько трусость, сколько мазохизм. Он хотел стать солдатом , потому что это могло бы “дать мне, наконец, возможность удовлетворить мои странные чувственные желания — то есть увидеть кровь и агонию. Ему нравилось думать о себе как о человеке, который хотел умереть , но ему было отказано в смерти; уклонение от военной службы позволяло ему предаваться своего рода самоедству.

В начале 1946 года Мисима показал короткий рассказ о гомосексуальности в школе Гакусюин известному писателю Ясунари Кавабате, который порекомендовал его редактору журнала. Кавабата быстро стал Меценат и спонсор Мисима — роль, что более важно, в Японии, чем на Западе. Мисима также имел единственную встречу с Осаму Дадзаем, писателем, чей пессимистический романтизм завершился самоубийством в 1948 году; поскольку он чувствовал угрозу из-за сходства между ними, Мисима делал все возможное, чтобы оскорбить его , но безуспешно. Это было так, как если бы самоубийство Дазая - утопление - освободило Мисима хотел выразить свой собственный романтический пессимизм; в ноябре 1948 года он начал “Исповедь маски”. Когда она появилась в следующем году, то принесла двадцатичетырехлетнему Мисиме мгновенную известность, а критики признали его гением. Это в значительной степени автобиографический рассказ о детстве и юности Мисимы, столь же эгоистичный - и столь же неотразимо откровенный — как и “Исповеди” Буссо. Но центральный эпизод романа - неудавшаяся любовная связь рассказчика с молодой девушкой по имени Соноко - был чистой воды вымыслом. В целом Мисима терпеть не мог женщин и не доверял им. В типичной последней сцене рассказчик и Соноко сидят в дешевом танцевальном зале, и рассказчика внезапно охватывает неистовое сексуальное влечение при виде молодого гангстера (:якудза), который сидит раздетый по пояс, с пучками волос, торчащими из подмышек - как правило, рассказчик получает дополнительное удовлетворение , представляя, как кто-то вонзает нож в живот юноши. Создается впечатление, что концовка книги - рассчитанная и слегка садистская. - неприятие женщин.

В “Признаниях маски” мы можем увидеть элементы, которые придали ей Работы Мисимы обладают огромной привлекательностью - интенсивный романтизм сюжета и холодный классицизм стиля; это те элементы, которые шесть лет спустя принесут успех Франсуазе Саган с фильмом “Bonjour

Tristesse” и которые прославили

Раймонд Радиге на четверть века раньше написал автобиографию графический дьявол во плоти. (Мисима признался, что находился под сильным влиянием Радиге, который умер в возрасте двадцати лет). Диапазон Сагана оказался ограниченным, как и у Мисимы, но это в какой —то степени было замаскировано его увлечением стилем ради стиля самого по себе и точными физическими деталями. (Персонаж романа “Храм “Золотой павильон” отмечает: “Особенность “ада” в том, что он описывает все до мельчайших деталей’.)

Несмотря на свою внезапную славу и всеобщее восхищение , Мисима не был счастливым человеком; он был подвержен резким перепадам настроения - одно из наказаний за его чрезмерную субъективность. Его творчество по-прежнему было пропитано нездоровой сексуальностью. Жажда любви (1950) рассказывает о тридцатилетней вдове, которая без памяти влюбляется в красивого молодого фермера и обожает его на расстоянии; но когда он проявляет признаки интереса к ней, она убивает его , протыкая мотыгой шею. Читатель чувствует, что отношение Мисимы к этому убийству такое же нездоровое, как у мистера Эванса из “Пауйса” к идее “смертельного удара железным прутом”. Книга явно представляет собой сексуальную фантазию, в которой Мисима убивает юношу, который ему приглянулся. Гомосексуалисты Гомосексуалисты, которые мстят женщинам, убеждая очень привлекательного молодого гомосексуалиста жениться на них. “Запретные цвета”, вышедший в следующем году, представляет собой не менее неприятное исследование о стареющем романисте-гомосексуалисте, который мстит женщинам, убеждая очень привлекательного молодого гомосексуалиста жениться на них. Портреты Мишима женщин часто у некоторых горький, садист аромат, который напоминает Сомерсет Моэм в своем большинстве углекислые настроения. Чтобы “собрать материал” для романа, Мисима начал проводить много времени в гей-барах Токио, хотя его отношение к гомосексуалистам было двойственным, и ему также нравилось заводить друзей-интеллигентных женщин.

На Рождество 1951 года Мисима отправился в свое первое кругосветное путешествие - Америку, Бразилию, Париж и Грецию. Последнее он совершил в 1951 году. это произвело на него глубокое впечатление, как оно произвело впечатление на молодого Оскара Уайльда (еще одного литературного героя

Мисимы), и он начал развивать культ прекрасного тела и ницшеанского “стремления к здоровью’. В то время его собственное тело все еще было ужасно худым и некрасивым. Вернувшись в Японию, он продолжал наслаждаться славой и успехом - вплоть до 1953 года^ его издатели выпустили его “собрание сочинений” в шести томах. А в 1954 году он стал бестселлером благодаря роману “Шум волн”, невинной истории любви между рыбаком и девушкой-рыбачкой, которая была основана на романе Лонга “Дафнис и Хлоя” и которая, казалось, была

можно предположить, что Мисима отвернулся от “нездоровых” тем и писал с новой классической чистотой.

На самом деле период увлечения Мисимой классицизмом подходил к концу; позже он напишет: “Я не верю в классицизм, к которому питал такую страсть в возрасте двадцати шести лет… Я полностью использовал свою чувствительность’. Он продолжал: “В то же время я не чувствую привязанности к возрасту и опыту. Так, во внезапной вспышке, во мне рождается идея смерти. Для меня это единственная по-настоящему яркая и эротическая идея… В некотором смысле, я, возможно, с рождения страдал от неизлечимой романтической болезни. Этой болезнью были его садизм и одержимость кровью.

В гей-баре он познакомился с молодым гомосексуалистом по имени Акихиро Маруяма, которая позже стала выдающимся актером и исполнительницей женских ролей. Однажды, танцуя с Маруямой , Мисима внезапно решил, что ему надоело его нездоровое тело. Позже Маруяма описал это в телевизионной программе.

Когда мы познакомились, он был уродливым и худым. Однажды мы вместе танцевали в ночном клубе, и я в шутку спросила его: “Где ты? Я не могу тебя найти, ты такой маленький. Я чувствую только мягкую обивку… . Он сразу же вышел из себя, сказав: “Я нахожу это крайне неприятным”, - и бросился вон.

Он занялся бодибилдингом с типичной для него одержимостью: плаванием мингом, боксом, поднятием тяжестей. Это был долгий и неспешный процесс - в 1958 году, спустя три года, один тяжелоатлет описал его как “слишком малокровного, чтобы продолжать”. Но со временем он развил великолепную мускулатуру. Это подчеркнуло его эксгибиционистские качества. ‘Когда, наконец, у меня появилось такое тело, я захотел показать его всем, выставить напоказ и позволить ему двигаться у всех на виду, как ребенку с новой игрушкой. Мое тело стало для меня таким же, как новый спортивный автомобиль для его гордого владельца. На нем я проехал по многим трассам, побывав в новых местах. Виды, которых я никогда раньше не видел, открылись передо мной и обогатили мой опыт. Теперь у него была не только известность, но и физическая привлекательность, что позволяло рекомендовать его тем, кто привлекал его физически. Он был очарован оннагата — актерами мужского пола, играющими женские роли в театре Кабуки - и со многими из них у него были романы.

В финансовом отношении он был чрезвычайно успешен. По его книгам часто экранизировали, по его пьесам ставили множество спектаклей, его романы редко продавались тиражом менее 100 000 экземпляров в 1950-х годах. И когда в 1956 году вышел его роман “The

“Отверженные”

Когда появился “Храм золотого павильона”, даже прежде враждебно настроенные критики назвали его шедевром. Это история о буддистском послушнике, который сжигает храм, потому что он одержим его красотой; и в ней много от типичного женоненавистничества Мисимы - как в “дубинке” монах с короткими ногами, который любит соблазнять девственниц, а затем бросает их. Содержащиеся в нем рассуждения о дзэн-буддизме придают книге особую глубину. На самом деле Мисима не был автором идей, и это было его самой большой слабостью; как и в случае с Д. Х. Лоуренсом и Генри Миллером, его антиинтеллектуализм и отвращение к мышлению загнали его в ловушку преимущественно негативных эмоций.

В 1957 году Мисима совершил длительную поездку в Америку - он был одержим жаждой славы на Западе. Обладая типичной для него силой воли, он за несколько недель выучил английский язык по записям на кассетах. Поездка принесла разочарование. Он надеялся увидеть свои обновленные версии пьес. Пьес не ставилось, но в итоге только одна из них была поставлена частным образом. Вернувшись в Японию, он с тревогой узнал, что его мать

- которую он обожал больше всех на свете - была серьезно больна, вероятно, раком; он решил порадовать ее, женившись. Это был брак по договоренности - как это до сих пор принято в Японии

- и он уточнил, что его жена должна быть ниже его ростом (он был всего чуть выше полутора метров ростом) и что она не должна интересоваться его творчеством; в 1958 году он женился на Йоко Сугияме, дочери художника, и у них должно было родиться двое детей. Мисима построил себе дом в западном стиле со статуей Аполлона в саду и дом для своих родителей по соседству (на самом деле, здоровье его матери улучшилось).

Его следующий роман, “Дом Киоко”, потерпел критический провал; это было “исследование нигилизма”, в котором четыре главных героя - все аспекты Мисимы; один из них, самовлюбленный актер, совершает кровавое самоубийство со своей любовницей. Другой, боксер, погибает в уличной драке. Насилие и кровь по-прежнему доминируют в его творчестве. Нападки на роман поколебали уверенность Мисимы в себе - это был его первый опыт настоящего провала; казалось , что он потерпел неудачу в шестидесятые годы, когда на самом деле его популярность в Японии пошла на убыль. Политический роман “После банкета” (1960) имел желанный успех, но его сатирический портрет реального политика привел к судебному разбирательству (за “вторжение в частную жизнь”), которое Мисима в итоге проиграл. Примерно в это же время он привел в ужас своих друзей и сторонников, снявшись в фильме - не в “художественном” фильме, что было бы вполне приемлемо, а в дешевом гангстерском фильме; Мисима не только сыграл роль гангстера.

но исполнил заглавную музыку. (Его друг и биограф Генри Скотт Стоукс заметил, что Мисима был “наполовину джентльменом, наполовину бандой стер.) Это казалось проявлением бессмысленного эксгибиционизма.

Но 1960 год также стал годом фундаментальных изменений в его мировоззрении - или, по крайней мере, в его мнениях. Есть свидетельства того, что Мисима чувствовал себя все более потерянным и бесцельным. В 1960 году произошли беспорядки, когда правое правительство пересмотрело свой договор с Америка укрепляет свои связи как никогда ранее. Левые и студенты были возмущены, и начались бурные демонстрации. Мисима никогда особо не интересовался политикой - разве что как ироничный наблюдатель, - но теперь его тяга к определенному направлению начала оформляться в своего рода реакционный идеализм. Это во многом напоминало религиозный идеализм Т. С. Элиота и Т. Э. Халма: стремление к средневековью и простоте. В Мисиме это приняло форму сильной ностальгии по временам самураев - класс воинов, утративший власть столетие назад, когда Япония решила - или была вынуждена - открыть свои двери Западу. Мисима был потомком самураев (по линии своей бабушки) и чувствовал себя одним из последних великих представителей их благородных традиций. Нет сомнений в том, что одним из самых сильных мотивов, побудивших его обратиться к милитаристскому романтизму , было его увлечение традицией ритуального самоубийства, сеппуку. Одним из его любимых эротических образов был нож, вонзающийся в живот. Он мощно использовал это в коротком рассказе “Патриотизм” (1961), в котором описывается ритуальное самоубийство молодого лейтенанта, участвовавшего в неудавшемся восстании правых в 1936 году. Двадцать один офицер пытался убить различных армейских командиров, которых они считали их считали ответственными за либерализацию армии; они хотели , чтобы император был восстановлен в качестве верховного главнокомандующего. Когда император объявил их предателями, офицеры были захвачены в плен; двое покончили с собой, остальные были казнены. Молодой лейтенант Мисимы решает покончить с собой, потому что, хотя он и не принимал участия в заговоре, ему невыносимо участвовать в попытке захватить повстанцев. Эта история представляет собой длинное и ужасное описание ритуальных приготовлений офицера и его жены, а затем их самоубийства - с наглядным (и неизбежным) описанием меча, вонзающегося в живот. Позже Мисима стал режиссером и

исполнителем главной роли в фильме, снятом по мотивам этой истории, в котором он совершает сэппуку под музыку вагнеровской оперы “Liebestod”; она имела огромный успех в Японии.

235

“Отверженные”

История Мисимы из шестидесятых - это, по сути, история актера, который чувствует, что нашел идеальную роль, и полон решимости играть ее до конца. Его целью было, как он писал в 1968 году, “возродить в себе душу самурая’. Это само по себе было своего рода самоубийством — фактически, именно таким способом самоубийства придерживались многие романтики девятнадцатого века: отказ от реальности в пользу мечты. В случае Мисимы сказочность этих новых политических убеждений подчеркивалась его культом преданности императору-как-богу. В 1946 году Хирохито объявил, что он не бог и никогда им не был. Для Мисимы это означало, что миллионы японских солдат, погибших за императора-бога, погибли напрасно. Он выражает свою критику императора в коротком стихотворении, ‘Голоса героически погибших’:

Благородные и мужественные души игнорируются, кровь оскверняется.

Повсюду апатия - чистая кровь высыхает.

Крыло идеализма подрезано.

Если вы говорите о славе, белые муравьи смеются над вами.

Как может император в такие дни опуститься до того, чтобы быть простым человеком? И души погибших пилотов-камикадзе повторяют хором:

Как может император опуститься до того, чтобы быть просто человеком?

Но, объясняя свой патриотизм к фильму в телевизионном интервью, Мисима дал жизненно важный ключ к пониманию

своего империализма: “Такой экстремальный эротизм, такой кровавый эротизм… Возможно, это зародилось в моем сознании с самого рождения. С другой стороны, я не хочу показывать это как частную исповедь. Я хочу объединить это с публичной ситуацией. ‘Публичная ситуация’ была ссылкой на статус императора как обычного человека. Короче говоря, “возвращение Мисимы к средневековью” было способом выражения его садистского эротизма.

То, что он все еще находился во власти этого эротизма, становится ясно из романа 1963 года “Моряк, впавший в немилость у моря”, одного из самых “нездоровых” его произведений. Тринадцатилетний мальчик обнаруживает дыру, через которую он может заглянуть в спальню своей матери и подглядеть, как она раздевается. Когда она заводит любовника — сайло!* - он подглядывает за их занятиями любовью. Но когда она объявляет, что намерена выйти замуж за своего возлюбленного, он решает отомстить. Он - третий в банде не по годам развитых школьников. Они решают, что, поскольку они не подлежат наказанию по закону, пока им нет четырнадцати, они убьют моряка до того, как кто-либо из них достигнет этого возраста. Их план таков

чтобы накачать его наркотиками, а затем вивисектировать его тело скальпелем. История заканчивается тем, что моряк принимает стакан чая с наркотиком и выпивает его. В своей книге о Мисиме Маргарет Юсенар описывает роман как “ледяной, как тонкое лезвие скальпеля”, и восхваляет его “невыносимую трагическую красоту”. Большинству читателей он покажется просто невыносимо болезненным.

“Моряк, впавший в немилость у моря ” продавался в Японии относительно плохо, и это, по-видимому, было частью общего падения репутации Мисимы в шестидесятые годы. Японцы склонны относиться к своим писателям серьезно — гораздо серьезнее, чем в Англии или Америке - но Мисима начал приобретать репутацию эксгибициониста и в некотором роде

шута. И еще до того, как в середине шестидесятых стали очевидны его правые симпатии, молодое поколение леваков сочло его романтический эгоизм безответственным. В 1963 году Мисима поссорился с театральной группой “The Бунгакудза, которые представляли его пьесы; они возражали против некоторых выступлений правых в его пьесе “Арфа радости”, хотя в то время Мисима настаивал на том, что его политическая позиция не была ни правой , ни левой. В том же году он позировал для альбома фотографий, Пытка розами; фотографии обнаженного Мисимы, лежащего на берегу моря или позирующего в своем саду с белой розой во рту, казалось , оправдывали обвинения в нарциссизме. В 1966 году он позировал для еще более необычной серии фотографий Кишина Синоямы; на одной из них он был изображен в образе Святого Себастьяна, утыканного стрелами, на другой - бандитом в кожаной куртке, подпоясанным спортивным ремнем и прислонившимся к мотоциклу; в Японии - стране, предпочитающей сдержанность, - их театральность была воспринята с одобрением. приподнятые брови. В менее сдержанной стране это вызвало бы насмешки.

В 1965 году Мисима начал писать книгу, которую он задумал как свой шедевр, обширную тетралогию под названием “Море плодородия”; она должна была охватывать шестьдесят лет современной японской истории, а центральный персонаж в конце каждого тома тер умирал и возрождался в следующем. Первый том, “Весенний снег”, был основан на романе XI века, описывающем любовную связь между Киеаки и леди Сатоко. Киеаки, как правило, не уверен, любит он ее или нет, пока она не обручается с кем-то другим; тогда он соблазняет ее и она беременеет. Она делает аборт и уходит в женский монастырь, где ему запрещено видеться с ней. Теперь, наконец-то уверенный в том, что любит ее , он предпринимает отчаянные и тщетные попытки вернуть ее и в конце концов умирает в возрасте двадцати лет. Рассказ написан прекрасно, но

кажется на удивление бессмысленным. Вторая книга, “Лошади-беглецы”, рассказывает о молодом террористе правого толка — реинкарнации Киеаки, — который убивает бизнесмена, а затем совершает сэппуку. В третьем томе. В “Храме рассвета” друг героя, Хонда, приходит к убеждению, что Киеаки перевоплотилась в тайскую принцессу, и большую часть книги пытается это подтвердить. К концу романа Хонда становится любителем подглядывать, а принцесса умирает от укуса змеи. В четвертом томе “Распада ангела” Хонда усыновляет красивого мальчика по имени Тору, полагая, что он является последним воплощением Киеаки; но мальчик становится его мучителем. Когда Тору перевалило за двадцать, и Хонда начинает сомневаться , действительно ли это его погибший друг. Он решает навестить ту Женщину Сатоко, ныне настоятельница женского монастыря. Но, несмотря на то, что она дает ему интервью, она категорически отрицает, что когда-либо слышала о Киеаки. В конце романа Хонда обнаруживает, что сомневается во всем, даже в том, кто он такой. Таким образом, “Море плодородия” заканчивается на неоднозначной ноте. Это может быть задумано как напоминание о религиозном учении буддийской секты Хоссо, которое составляет философскую основу романа и которое утверждает, что любой опыт является чисто субъективным и что существование не может быть проверено. Мисима утверждал, что его название “Море плодородия” указывает на своего рода переход от нигилизма, который пронизывает так много его книг, но это вряд ли подтверждается концовкой последнего тома.

Когда в 1969 году вышли первые два тома, критики проигнорировали их: критика императора Мисимой сделала его практически неприкасаемым. К тому времени политическая деятельность Мисимы, казалось , подтверждала обвинения в эксгибиционизме и нарциссизме. К этому времени он уже сформировал свою собственную частную армию или ополчение - “Общество защиты” (Татенокай) из студентов правого толка. На церемонии инаугурации каждый из них капнул кровью из порезанного пальца в чашку; затем Мисима приправил ее солью, и все они выпили из нее, поклявшись в верности императорской

Японии. Некоторым из них пришлось выбежать на улицу, чтобы их вырвало. Мисима рассмеялся при виде их красных ртов и зубов и прокомментировал: “Какие замечательные дракулы!”

Из-за репутации Мисимы Обществу “Щит” было разрешено тренироваться вместе с армией. Ближайшим соратником Мисимы был двадцатиоднолетний юноша по имени Масакацу Морита, который стал его любовником. Когда Мисима показал новобранцам их новую яркую форму, многие из них ушли, утвердившись в своем мнении, что это скорее эксгибиционизм, чем серьезная политика. Название одной из последних пьес Мисимы. Мой

Друг Гитлер, возможно, усилил их сомнения. (Английские инициалы общества “Щит”, конечно же, SS.) Мало кто воспринимал организацию всерьез, а газеты, которые всего двадцать лет назад превозносили Мисиму как гениального писателя, старательно игнорировали это очередное отступление от хорошего вкуса. Но Мисима с вызовом заявил: “Некоторые люди насмешливо называют нас игрушечными солдатиками. Давайте посмотрим… До последнего отчаянного момента мы будем отказываться предпринимать какие-либо действия.’

И вот, тем утром 25 ноября 1970 года, когда японское телевидение показало кадры, на которых Мисима обращается — или пытается обратиться - к солдатам, собравшимся во дворе базы Итигая, всеобщей реакцией было полное изумление. Они сочли невозможным воспринимать этот “трюк” всерьез. И даже сообщение о самоубийстве Мисимы мало что изменило; реакцией на это было своего рода смущение. Шут пытался шантажировать их , чтобы они отнеслись к нему серьезно, вонзив меч себе в живот; но после десяти лет терпимого отношения к его эксгибиционизму и стремлению к сенсациям, полиция Японская общественность была не в настроении поддаваться шантажу. Многие люди предполагали, что Мисима был сумасшедшим; другие считали, что двойное харакири было всего лишь актом самоубийства, совершенным гомосексуалистами -любовниками. И

такое же отношение сохранялось более десяти лет после его смерти. Японской биографии Мисимы не было опубликовано (хотя на английском было две); его посмертные книги были проигнорированы. После посещения суда над тремя сообщниками Мисимы, которые получили четырехлетние сроки заключения, его друг Генри Скотт Стоукс написал добавлено: Это казалось ироничным завершением истории жизни Юкио Мисима был для него морем Плодородия.'

Оглядываясь назад на карьеру Мисимы, кажется очевидным, что Отношение японцев к его самоубийству в корне здравое. Это был не политический жест, как он хотел убедить мир, а сексуальный: результат увлечения кровью и насилием, которое он испытывал всю жизнь. Таким образом, его попытка доказать свою политическую искренность потерпела полный провал. На самом деле, изучая работы Мисимы и события , которые привели к его самоубийству, мы можем увидеть, что он является прекрасным примером того, что Сартр назвал "магическим мышлением". Магия, в этом смысле, не имеет ничего общего с 'оккультизмом'. Это означает просто склонность навязывать свои эмоции реальному миру - подобно мужчине, который, видя свою жену в объятиях любовника, говорит себе, что ее насилуют. Рассуждая логически, Мисима прекрасно понимал, что император - не бог, и любая попытка переубедить его вызвала бы у него негодование

иначе. Но его эмоции - и его сексуальные пристрастия - требовали соблюдения самурайской этики, в которой благородные воины терпели поражение. они поклонились друг другу во имя императора. Переведенное в мир литературы, это отношение обладало определенной романтической достоверностью - почти как в мифических сагах Толкина. В современном мире это стало абсурдом, как если бы Толкин организовал заговор с целью свержения королевы Елизаветы и возведения Гэндальфа на трон Англии. Вот почему японцев самоубийство Мисимы скорее смутило , чем вдохновило; это был не столько благородный жест, сколько социальная оплошность.

Проблема Мисимы заключалась в том, что он был во власти великой романтической одержимости; она держала его за горло и отказывалась отпускать. В этом смысле он был типичным аутсайдером, живущим в своем субъективном мире, как младенец в утробе матери, ненавидящий внешнюю реальность, которая вынуждала его признавать ее существование. “Тело обречено на разрушение, точно так же, как сложный двигатель автомобиля. Я, например, не приму такой участи. Это означает, что я не принимаю естественный ход вещей. Я знаю, что иду против природы. Я знаю, что заставил свое тело пойти по самому разрушительному пути из всех возможных.’ В этой логике есть экстремизм, который напоминает нам о Де Саде. Если бы Мисима был западным человеком, он бы сказал: “Я не принимаю Бога. Подобно де Саду и некоторым героям Достоевского, он отказывался признавать, что сам не является высшим моральным авторитетом во Вселенной, окончательным арбитром добра и зла. Но это поставило его в солипсистское положение , которое предполагало, по крайней мере теоретически, что он был единственным человеком во Вселенной.

В этом смысле Мисиму можно считать одной из самых символичных фигур в этой книге. Таким образом, он позволяет нам понять суть романтизма. Грубо говоря, мы могли бы сказать, что до того, как Ричардсон привел в движение романтический бунт, человек считал само собой разумеющимся, что он - создание своего окружения, в конечном счете зависящее от окружающего мира; ему показалось бы безумием ссориться с миром. Роман был в буквальном смысле новым изобретением, подобным автомобилю или самолету, которое принесло ему новую свободу; оно могло унести его в места, которые раньше были недоступны. Умные люди начали замечать проблески опьяняющей, но пугающей идеи о том, что человек может быть хозяином мира, а не его слугой. В моменты наивысшей уверенности в себе такие поэты, как Байрон, Лотреамон и Суинберн, испытывали потрясение.

внезапное убеждение, что они были монархами всего, что они

наблюдали, что, в некотором парадоксальном смысле, человек — это бог.

Сейчас одна из самых основных проблем человека - это его желание поступать по-своему, проявлять абсолютный эгоизм. Но во времена, предшествовавшие романтизму, у человеческого эгоизма были определенные естественные пределы. Самый властный и эгоцентричный владелец поместья мог тратить свои дни только на охоту или соблазнение дочерей своих крестьян. Он считал себя королем, а не богом. Нравилось ему это или нет, но он должен был оставаться на связи с реальностью. Но после Ричардсона такой человек мог позволить своему эгоизму увлечь его в новое измерение эгоизма; подобно де Саду, он мог убедить себя, что не несет никакой ответственности перед другими людьми.

Такое отношение порождает серьезную проблему. Отрешение от реальности в течение первого часа или около того может вызывать возбуждение, подобное ощущению невесомости у астронавта . Но поскольку наш разум очень слаб, это вскоре вырождается в ощущение тщетности, потери направления. Де Сад начинает страдать от действия закона убывающей отдачи. Соблазнения недостаточно; только пытки и убийства могут удовлетворить тягу к запретному. Эта растущая потребность в сильных ощущениях является естественным результатом ощущения невесомости, которое лишает нас чувства реальности. По-настоящему логичный романтик, романтик, который отказывается принимать полумеры, оказывается в ловушке солипсизма, ужасающего ощущения, что, в конечном счете, такой вещи, как реальность, не существует.

Именно это, как мы видим, и произошло с Мисимой; последний том “Моря плодородия” показывает результат. Мисима объявляет, что эта тетралогия станет его окончательным заявлением, его высшим достижением он, как никогда прежде, берется за работу, чтобы убедить нас силой своего реализма. Однако на последних страницах аббатиса объявляет, что никогда не слышала о Киеаки, и Хонда внезапно обнаруживает , что сомневается в собственном здравомыслии. И в этот момент мы, кажется, слышим, как писатель говорит: “Но мы с вами уже знали, что его не было” Киеаки - это плод моего воображения’ Мы оказались в ловушке зеркального зала с его иллюзией бесконечного регресса. Ибо очевидный вывод таков: ‘И мы с вами тоже иллюзии… И романист говорит ‘окончательное утверждение’ оказывается признанием в его собственной неуверенности в реальности. Он

напоминает нам человека, кричащего: “Послушайте меня! а затем, добившись тишины, объявляет: “Мне нечего сказать’.

ПОСТСКРИПТУМ К пятому окну

Насколько это исследование “сексуальных аутсайдеров” подтверждает теорию эволюции Шарлотты Бах? В целом, ответ, по-видимому, заключается в том, что это не так. Мы не встретили никаких свидетельств того, что транссексуальность имеет какой-то особый статус среди сексуальных отклонений и что все остальные отклонения проистекают из нее. На самом деле, самая большая слабость ее теории заключается в том, что она не может объяснить , как садизм, мазохизм, некрофилия, эксгибиционизм и все остальное возникают из стремления к трансвестизму.

Давайте еще раз вспомним основные положения ее теории. Согласно с Шарлотта, у каждого мужчины и каждой женщины есть сильное неосознанное желание стать представителем противоположного пола. Чтобы оставаться “сексуально нормальным”, каждый из нас должен сопротивляться этому желанию, и сопротивление порождает определенное творческое напряжение, которое является движущей силой эволюции. В меньшем масштабе мы можем наблюдать действие этого творческого напряжения в гениальных людях; оно превращает их в аутсайдеров и заставляет воплощать свое напряжение в форме произведений искусства. Но, опять же, кажется, что в пользу ее теории почти нет доказательств. Несколько гениальных людей Гомосексуалистами были Микеланджело, Леонардо, гомосексуальность Чайковского, но гомосексуализм, по-видимому, имеет гормональную основу; и в любом случае, это не то же самое, что трансвестизм; я не могу припомнить ни одного гениального человека, который был бы трансвеститом. Что касается Шекспира, Бетховена, Рембрандта, Гете, Бальзака, Гегеля, то в их творчестве совершенно невозможно увидеть ни малейшего следа трансвестизма. Шарлотта бы ответила:: “Совершенно верно - они были гениальными людьми, потому что подавляли свой трансвестизм’. Но в этом случае на ней лежит

ответственность за то, чтобы продемонстрировать , что то, что они подавляют, — это трансвестизм, а не, скажем, Фрейдистский эдипов комплекс.

Что касается самой Шарлотты, то кажется очевидным, что ее трансвестизм был формой фетишизма; переодевание в шелковые чулки сексуально возбуждало ее. И если это исследование что-то и продемонстрировало, так это то, что сексуальное

отклонения носят павловский характер, это ассоциация идей. У собаки выделяется слюна, когда она слышит звонок, который ассоциируется у нее с едой; у человека выделяется слюна, когда он видит что-то, что ассоциируется у него с сексуальным возбуждением. Один-единственный образ может “закрепить” ассоциацию — У Суинберна обнаженные ягодицы краснеют под ударами, у Эллиса - его мать мочится. Для Шарлотты сексуальным возбуждением , по-видимому, было женское нижнее белье, особенно шелковые чулки.

Роман Шарлотты “Фиона” предлагает еще одну интересную возможность. Автор придавал большое значение представлению о колюшке с десятью шипами, исполняющей женский танец ухаживания, когда ее мужская сексуальность была подавлена. Это похоже на то, как если бы колюшка пыталась восполнить недостающий элемент — так сказать, недостающий витамин - изнутри себя, подобно тому, как сексуально неудовлетворенный подросток пытается представить себе обнаженную девушку в своей постели. Фиона, олицетворяющая в представлении Шарлотты в высшей степени желанную женщину, нежна, уступчива, полна обожания и совершенно некритична. Если бы он встретил такую девушку - или, возможно, несколько таких девушек, - вполне возможно, что у него никогда не возникло бы тяги к трансвестизму; а так он пытался восполнить недостающий витамин изнутри себя и ‘стал’ Фионой. Во всяком случае, такая интерпретация, по-видимому , соответствует фактам.

Если эта интерпретация верна, то она предполагает взгляд на эволюцию, имеющий нечто общее с мнением Шарлотты, но с

существенным изменением акцента. Если десятииглая колюшка пытается восполнить недостающий стимул изнутри, то она пытается противостоять своему разочарованию с помощью элементарного использования воображения. Ибо что такое воображение? По сути, это способность создавать ‘замещающие реальности’. Кажется очевидным, что, исполняя танец ухаживания самки, самец колюшки или зебрового вьюрка каким-то образом вызывает его разочарование - и если это не плод воображения, то кажется удивительно близким к нему.

Кобель реагирует на запах суки в период течки. У людей сексуальная реакция была “психологизирована”; именно человеческое воображение реагирует на сексуальный стимул. И эволюцию человека можно рассматривать как развитие воображения - нашей способности создавать ‘замещающие реальности’. Наши предки сочиняли истории о битвах и заучивали тысячи стихотворных строк, чтобы, сидя у камина, ощутить азарт схватки с врагом. Греки изобрели драму, потому что зрелище актеров усиливало возбуждение, и сделали Троянскую войну или Второй мировой войной, которую они вели, еще более захватывающей.

история Эдипа вдвойне реальна. К тому времени, когда в Северной Европе изобрели роман, воображение человека развилось настолько , что он мог сидеть в одиночестве с книгой на коленях и разделять моральные дилеммы Памелы, Джулии и Вертера.

Но следующий шаг в этой истории, в некотором смысле, самый интересный. Маркиз де Сад коротал время в тюрьме, пытаясь использовать свое воображение в качестве замены оргий, от которых он был вынужден отказаться. Но воображение все еще было недостаточно сильным, чтобы выдержать такое бремя. Один из его распутников признает, что “воображение становится раздраженным, и скудость наших средств, слабость наших способностей … приводят к этим мерзостям’. Психические оргии Де Сада ослабляли его воображение - его чувство реальности, -

так что ему приходилось придумывать все более и более тошнотворные формы насилия. Он стал жертвой закона убывающей отдачи. Совершенно очевидно, что человеческое воображение было еще недостаточно развито, чтобы соответствовать требованиям, предъявляемым к нему де Садом. Викторианскую порнографию и отклонения, описанные Крафт-Эбингом и Хиршфельдом, можно рассматривать как преднамеренную попытку усилить воображение, подобно тому как греки усилили его, придумав драму. Вызывая в воображении образы “запретного” - инцеста, совращения детей, насильственных действий сексуального характера и порки, - викторианцы превратили секс из приятной физической активности в своего рода опьяняющее развращение, эквивалент диабетизма девятнадцатого века. лиз. Они изобрели “горячий секс”.

Но, как и у самого романтизма, у горячего секса был один огромный недостаток. Он обрекал своих приверженцев на мир нереальности. Это открыло пропасть между миром лихорадочных грез наяву и миром реальности, основанной на здравом смысле: пропасть, символизируемую этой абсурдной фотографией, на которой Суинберн стоит рядом с Адой Менкен, смотрит ей в глаза и выглядит помятым, немытым и небритым. Это тот разрыв, который Мисима пытался преодолеть, посвятив себя политической деятельности и созданию собственного тела. Однако в конечном счете этот разрыв так и не был преодолен возможно, потому, что в идее страстного секса есть что-то абсурдное по своей сути , точно так же, как есть что-то непреднамеренно комичное в описаниях сексуальных оргий де Сада. Грейнджер говорил о своей преданности злу, но обычная реакция тех, кто видел его фотографии, на которых он изображен связанным веревками, - это бормотание: “Бедный старина”. Перси. ’Мы считаем, что взрослый, который по-прежнему одержим подобными вещами, обрекает часть себя на вечную юность. Большинство девиантов, похоже, сами напрашиваются на комментарий: “Бедный старина Перси’.

Здесь речь идет о признании, о котором говорилось в предыдущей главе, что секс важен, но не настолько. Психол ученый Абрахам Маслоу выразил то же самое понимание в своей теории иерархии потребностей или ценностей. Маслоу предположил, что большинство базовые потребности человека в еде и питье; голодный человек не может думать о ничего, кроме еды, и воображает, что если он может иметь три большие приемов пищи в день, он будет блаженно счастлив. Если он действительно достигает этой цели, то возникает потребность следующего уровня: в доме, крыше над головой, даже если это коттедж без водопровода и канализации. Если эта потребность удовлетворена, то возникает следующий уровень: потребность в сексе, любви и человеческом тепле. Каждая разочарованная старая дева воображает , что была бы совершенно счастлива, если бы смогла найти подходящего мужчину. Если удовлетворен этот уровень, то возникает следующий: для самоуважения, для признания со стороны соседей, для славы. И если все эти уровни удовлетворены, то может возникнуть пятый уровень: для того, что Маслоу называет ‘самореализация’, для какой-то творческой деятельности, приносящей удовлетворение. Это не обязательно должно быть художественное творчество, но любая форма деятельности, которая доставляет нам удовольствие - и делает это хорошо - сама по себе.

Мы видим, что, согласно Маслоу, секс находится на полпути вниз по иерархии потребностей; естественный ход человеческого развития заключается в удовлетворении потребности и переходе на следующий уровень, социальный. Ненормальные потребности, такие как желание увидеть, как человека убьют ударом железного прута, или стать отцом детей с целью совершения инцеста, могут вызывать необычайную интенсивность воображения, но они также препятствуют нормальному ходу эволюции индивида. Шарлотта Бах утверждает, что эти ненормальные потребности создают интенсивную общество, которое ведет нас ‘вверх и вперед’. Но каждый случай, описанный в этой книге , кажется, доказывает обратное. ‘Извращенные” влечения создают определенную лихорадочную напряженность, но, по-видимому, они всегда имеют катастрофические побочные эффекты, которые в конечном итоге опускают человека на более низкий уровень. И это - как мы можем видеть у де Сада - объясняется тем, что “страстный секс” подчиняется закону убывающей отдачи.

Все это не означает, что Шарлотта была полностью неправа. Несомненно, со времен Сэмюэля Ричардсона произошла эволюция человеческого сознания, и эта эволюция сопровождалась ростом

‘сексуальных отклонений’. Но если наш анализ верен, то отклонения являются лишь побочным продуктом этой эволюции, а не ее причиной; Шарлотта ставила телегу впереди лошади.

Чтобы понять, что произошло, нам нужно взглянуть на ситуацию шире

эволюции человека. Герберт Уэллс в своей автобиографии отмечает, что с незапамятных времен все живые существа были против этого, поэтому жизнь - это постоянная борьба. Именно эта борьба, как Дарвин признавал, что это было основной движущей силой эволюции видов.

Однако было бы неверно утверждать, что живые существа являются просто рабами своего окружения. Мы боремся с окружающей средой и часто побеждаем в этой борьбе. Жизнь - это активная, а не пассивная сила.

Настоящая проблема живых существ заключается в том, что большую часть времени они не осознают, что являются активной силой. Они ненадолго осознают это - когда лев выслеживает свою добычу, когда воин галопом мчится в бой, - но по большей части чувствуют себя такими же беспомощными, как листья, гонимые ветром. Оглядываясь на свои усилия, мы часто осознаем, сколь многого достигли. Тем временем, когда мы живем настоящим моментом, пытаясь предвидеть следующую проблему, жизнь кажется нам долгой и трудной работой.

И все же у человека всегда были такие моменты, когда он видел, что все не так плохо, как кажется, - моменты восторга или глубокого расслабления, когда он внезапно осознавал силу своего собственного разума. Именно в эти моменты он внезапно осознает основную природу своей проблемы: он подавлен и ослеплен “крупным планом” - явным давлением окружающего мира на его чувства. Моменты озарения позволяют ему взглянуть на свою жизнь “с высоты птичьего полета” и осознать, что его повседневное сознание можно сравнить с “взглядом червя”.

Его проблема проста, но в то же время странно запутанна. Он достигает ” высоты птичьего полета” благодаря возбуждению, решимости, реакции на кризис; тогда он осознает масштабы своих собственных скрытых сил. Если бы он мог каким-то образом поддерживать это чувство осознанности, то его проблема была бы решена. Но в тот момент, когда жизнь “возвращается в нормальное русло” - к повседневной борьбе с банальностями, - он снова погружается во “взгляд червя”, с присущей ему склонностью преувеличивать проблемы и тратить энергию на бессмысленные заботы.

Человек оказывается в особенно коварной ловушке, потому что его основная цель - преодолеть долгосрочные проблемы и наслаждаться относительно бескризисным существованием. Но главным образом благодаря кризису он достигает ‘высоты птичьего полета’, которая избавляет его от скуки. Кризисы заставляют его чувствовать себя более живым. Таким образом, как это ни парадоксально, самым большим препятствием на пути к его долгосрочному счастью является цивилизация, которая стоила ему стольких усилий. Кажется, что он попал в своего рода порочный круг.

Пятое окно

И все же есть очевидное решение. Человек ценит спокойную жизнь ровно до тех пор, пока он может помнить о неудобствах более неустроенного существования. Другое название этого воспоминания о прошлых неудачах. остроты могут быть ‘чувством реальности’. А у людей гораздо более развитое чувство реальности, чем у любого другого живого существа. Мы обладаем большей дальновидностью, чем другие существа, и большей способностью закладывать долгосрочные планы. планирует и предвидит долгосрочные проблемы. Если человек знает, что он должен сохранять высокий уровень бдительности, чтобы избежать катастрофы, то он будет сохранять его без каких-либо трудностей столько, сколько потребуется. Он делает это , каким-то образом “программируя” свое подсознание на высокий уровень бдительности. Конечно, в таком случае человек мог бы преодолеть проблему “зрения червя “, используя свое

воображение, свою “функцию реальности”?

И это, в теории, действительно является решением. Но есть и чисто практическая проблема. Человек достиг своей нынешней стадии эволюции после примерно пятнадцати миллионов лет борьбы. Только за последние несколько тысяч лет ему с помощью своего воображения удалось создать эту замечательную цивилизацию. Трудно сломать привычка пятнадцать миллионов лет назад и признать, что он на самом деле не раб своего окружения. И его привычка к пассивности усиливается по изумительное мастерство, с которым он адаптировался к своему окружению мента. Это настолько стало частью его жизни, что он даже не осознает этого.

Простая механическая аналогия прояснит суть. Если я вожу машину с автоматической коробкой передач, кажется, что машина выполняет большую часть работы за меня. Я подъезжаю к холму, и машина замедляет ход. Я автоматически нажимаю на акселератор, двигатель переключается на пониженную передачу и без каких-либо затруднений поднимается на холм. Снова оказавшись на ровной местности, я снимаю ногу с педали акселератора, и двигатель переключается на другую передачу.

Если я управляю автомобилем с обычной четырехступенчатой коробкой передач, я гораздо лучше осознаю свой контроль над автомобилем. На самом деле, я могу, как и Джеймс Бонд, я предпочитаю машину с обычной коробкой передач, потому что мне нравится это чувство контроля. Автоматическая коробка передач делает для меня слишком много, и я чувствую себя таким же автоматом, как и автомобиль.

Человеческий разум подобен автоматической коробке передач. Сталкиваясь с кризисом, мы переключаемся на более мощную передачу, даже не замечая этого. В результате мы склонны считать, что именно кризис подтолкнул нас к усилиям; мы не замечаем, что нажали на педаль газа и переключили передачу.

Это может показаться несущественным, но у этого есть один огромный недостаток.

Неудачники.

Когда я еду по ровной местности или под гору, машина автоматически переключается на четвертую передачу, и я погружаюсь в состояние скучающего безразличия. А если я испытываю отвращение к скуке, то в ответ отправляюсь искать другой подъем. Другими словами, когда люди оказываются в “тупиковой ситуации”, они делают все возможное, чтобы создать кризис.

Любой водитель знает, что это абсурдно, ведь даже в автомобиле с автоматической коробкой передач есть три ручные передачи в дополнение к автоматическому режиму. Если я хочу достичь ощущения большего контроля, я могу воспользоваться одним из них.

Теперь мы можем начать понимать значение ” революции воображения”, которая произошла за последние три тысячи лет. В то самое время, когда человек строил цивилизацию, он также пытался - смутно и инстинктивно - создать “механическую коробку передач”, которая помешала бы ему стать жертвой собственного успеха. Генрих V призывает своих людей к:

… подражайте действиям тигра;

Напрягите мускулы, соберите кровь.

Замаскируйте благородную натуру жестокосердием и яростью.

Теперь стисните зубы и широко раздуйте ноздри.

Задержите дыхание и напрягите все мышцы живота Выпрямитесь во весь рост.

Но, используя свое воображение, человек научился достигать этих результатов без необходимости рисковать своей жизнью в бою; он мог поднять свой дух “во весь рост”, сидя у походного костра и слушая барда, рассказывающего историю падения Трои. А к концу девятнадцатого века любой ребенок с богатым воображением мог добиться такого же эффекта, просто прочитав сцену битвы в “Копях царя Соломона”.

Другими словами, то, что человек пытается развить, - это способность вызывать “чувство реальности”, а также сопутствующие ему энергию и жизненную силу простым актом интенсивной концентрации, преднамеренным “переключением

передач'. При необходимости я могу одним прыжком вскочить с кресла и пересечь комнату. Но мне трудно осуществить эквивалентный акт воображения: вывести себя из состояния скуки и безразличия в состояние полной "полной пробужденности'. И все же это возможно - особенно если мы начнем осознавать настоятельную необходимость научиться этому.

В 1794 году Уильям Блейк написал:

Пятое окно

Пять окон освещают пещерного человека; через одно он вдыхает воздух;

Через одно слышит музыку сфер; через одно - вечную виноградную лозу

Она расцветает, чтобы он мог собирать виноград; через одно можно смотреть

И увидеть маленькие кусочки вечного мира, который постоянно растет.;

Сам человек проводит время, сколько ему заблагорассудится, но он этого не сделает.,

Ибо украденные радости сладки, а хлеб, съеденный втайне, приятен.

Это "пятое окно", через которое человек может "пропустить то время, которое ему заблагорассудится". он, пожалуйста", - это воображение. До Ричардсона каждый человек был заключен в своей пещере, и жить ему оставалось только своей собственной жизнью. После Ричардсон, он мог бы выскользнуть через свое пятое окно и жить жизнями других людей.

Но, как отмечает Блейк, "украденные радости сладки, а хлеб, съеденный втайне, приятен". Одним из первых применений, к которому человек применил эту новую способность, были сексуальные грезы наяву. Итак, Клариссу насилуют, Джули

соблазняют, а Антония из “Монаха” Льюиса теряет девственность в подземелье среди гниющих трупов. Де Сад довольствовался мечтами об убийстве наяву; но два столетия спустя такие убийцы, как Иэн Брейди, Дин Корлл и Тед Банди применили их на практике. В конце двадцатого века возникло новое ужасающее явление: “серийный убийца”, который кочует с места на место и убивает - и насилует — женщин так же небрежно, как кошка убивает мышей. Все это - негативная сторона революции воображения, которая началась с Памелы. Но это не повод осуждать революцию. Каждое крупное изобретение за последние три тысячи лет, была использована во зло, а также для хорошо; пятая окна не исключение.

Важно попытаться понять точный характер этой Револ ution. Прежде всего, нам нужно осознать, насколько сильно наши чувства - и их реакции - связаны с внешним миром. С того самого момента, как Я встаю утром, я двигаюсь в мире предметов, и моя жизнь состоит из постоянных манипуляций с различными предметами. Я могу провести целый день, чувствуя себя рабом окружающего меня материального мира. Но если я вдруг начинаю видеть интересный способ решения какой-то раздражающей проблемы, мой разум, кажется, концентрируется, я испытываю странный прилив сил и чувство контроля. Внезапно, Я больше не раб реальности, а ее хозяин. Я как будто отодвинул материальный мир на расстояние вытянутой руки, и он больше не имеет власти над моими эмоциями. Именно тогда я внезапно понимаю , что принадлежу человеку по праву рождения: сила моего разума позволяет мне управлять миром. Этот

это чувство, которое испытывал гомеровский человек, бросаясь в бой; но гомеровскому человеку нужны были сражения, чтобы испытать это чувство контроля над телом и эмоциями, точно так же, как ребенку нужно встать на стул, чтобы дотянуться до кухонного шкафа. Когда я испытываю это чувство контроля, я понимаю, что теперь я достаточно взрослый, чтобы обходиться без стула. Гомеровский человек был, по сути, ребенком, а когда ребенок устает, он засовывает большой палец в рот и закрывает

глаза. Но взрослый человек может мобилизовать энергию, пробудив в себе чувство срочности. Более того, когда он пробудит в себе чувство срочности, он увидит, что это должно быть совершенно легко сделать в любое время; ему просто нужно преодолеть эту детскую лень, склонность поддаваться первой волне усталости.

Настоящая разница между человеком эпохи Гомера и современным человеком в том, что у него в голове было очень мало всего. Если он сидел один, без дела, ему становилось скучно. Комнаты его “внутреннего замка” (как называла его святая Тереза) были пустыми. Но с тех пор человек занимается изготовлением мебели. Потомки Гомеровского человека создали “Илиаду” и “Одиссею”; Пифагора и Сократа и Платона создали философию; Евклид создал геометрию; Эсхил, Еврипид и Софокл создали драму; Аристарх и Эратосфен заложили основы астрономии. И к концу средневековья в большинстве комнат замка появилась какая-то мебель, так что ни одному разумному человеку не приходилось скучать. К началу двадцатого века большинство комнат были роскошно обставлены, даже если часть мебели была немного старомодной. К тому времени человек сделал интересное открытие: он мог целыми днями бродить по своему замку, не обращая ни малейшего внимания на внешний мир. У Чехова есть рассказ о человеке, который поспорил с миллионером, что проведет пятнадцать лет в одиночной камере при условии, что ему разрешат читать все книги , какие он захочет. По прошествии пятнадцати лет он оставляет миллионеру записку, в которой говорит, что и не помышлял о том, чтобы забрать его деньги, потому что слишком благодарен за эту возможность исследовать свой собственный внутренний мир: “Ваши книги дали мне всю мудрость. Все, что создавала веками неутомимая человеческая мысль, сжалось в маленький комочек в моем черепе…’

В этом фундаментальное различие между человеком эпохи Гомера и современным человеком. Когда мы испытываем это странное чувство терпения и внутреннего контроля, мы внезапно осознаем, что мы больше не дети,

что внутри нас происходят какие-то великие перемены и что мы стоим на пороге взрослой жизни. Мы можем увидеть смысл этих перемен в некоторых великих творцах девятнадцатого века, таких людях, как Бетховен, Бальзак, Диккенс, Гегель и Вагнер, которых вдохновляло осознание того, что они способны создать целый мир. По сравнению с Гектором и Ахиллом они были практически богами. Греки почувствовали бы, что создание Комедии "Человек" или цикл "Кольцо" - это своего рода безумная самонадеянность.

В этом истинное значение творческой революции, которая является темой этой книги, и жизни "неудачников", сыгравших в ней центральную роль. В сексуальном экстазе эти мужчины улавливали проблески "богоподобного" состояния сознания. Они совершили простую и очевидную ошибку, решив, что ключ к таким состояниям лежит в сексуальном влечении. Но еще до наступления эпохи романтизма работы де Сад ясно дал понять, что это не так. Сексуальное влечение черпает свою силу из тела и эмоций и недостаточно сильно , чтобы поднять нас на новый уровень осознания. Этого можно достичь только с помощью интеллекта. Те, кто пытался использовать секс в качестве ракетного топлива, чтобы избежать гравитационного поля тела, всегда возвращались на землю.

Это и есть настоящее возражение против теории эволюции Шарлотты Бах. Даже учитывая "ритуализацию" отклонений, это все равно кажется неадекватным механизмом эволюции.

Когда, с другой стороны, мы осознаем все значение революции воображения, становится ясно, что она обеспечивает базовый механизм эволюции. Если, например, мы рассматриваем своеобразное поведение десятииглой колюшки - самца, исполняющего танец ухаживания за самкой, - как грубую попытку использовать воображение для преодоления фрустрации, то мы также можем увидеть, что такая способность имеет эволюционную ценность: создание, которое может "выпустить пар" в этом случае. путь более приспособлен для выживания, чем существо, которое наполовину сходит с ума от разочарования.

Одно из очевидных возражений заключается в том, что трудно поверить, что колюшка обладает каким-либо воображением, каким бы примитивным оно ни было. Но это может быть ошибкой. Я уже цитировал в другом месте странный эксперимент , проведенный в 1958 году Ирвином Рубинштейном и Дж. Б.

Бестом, в ходе которого они продемонстрировали, что одному из самых примитивных существ, плоскому червю, может надоесть, если его постоянно подвергать одному и тому же воздействию.

* Тайны, стр. 327-8

кризис. Рубинштейн и Бест продолжали лишать червей воды , необходимой им для жизни, и в конце концов червям стало так скучно, что они предпочли лежать и умирать, чем создавать еще одно укрытие для поиска воды. Скука стоит в одном ряду с хищниками как одно из самых опасных испытаний в жизни. Но скука немыслима без воображения. Если у меня замирает сердце при мысли о какой-то скучной задаче, это потому, что я уже выполняю ее в воображении. Таким образом, даже плоский червь, чей мозг настолько примитивен, что его почти не существует, должен обладать какой—то примитивной формой воображения.

Мы можем интерпретировать ухаживающий танец колюшки как попытку усилить ее слабое воображение, то есть как форму “поддержки”. Мы также можем видеть, что то же самое верно для “Илиады”, “Агамемнона” и Гамлет и Дон Кихот - все они служат “костылями” для человеческого воображения. Трубадуры сделали интересное открытие, что романтическая любовь - гораздо более эффективная опора, чем простое героическое приключение. Ричардсон сделал еще более интересное открытие, что примитивный секс все еще более эффективен. В то время как романтики использовали воображение для создания неземных миров грез, порнографы викторианской эпохи использовали его для создания причудливых сексуальных эскапад. И то, и другое, возможно, имело катастрофические побочные эффекты (самоубийства и преступления на сексуальной почве), но они, несомненно , научили людей кое-чему о правильном использовании воображения. Его цель состоит не в том, чтобы вызывать в воображении миры грез, а в том, чтобы дать нам возможность постичь реальность других времен и мест, вместо того чтобы быть рабами настоящего момента. И поскольку

чувство реальности позволяет нам мобилизовать нашу жизненную энергию, мы могли бы сказать, что истинная цель воображения - дать нам возможность задействовать наши скрытые силы. На самом деле мы говорим о развитии новой способности человека.

В другом месте я уже говорил об этом “скрытом чувстве” как о “Способности Х”. Проще говоря , это та любопытная способность, которой мы все обладаем, - внезапно осознавать реальность какого-то другого времени и места. Самый простой пример можно найти в “Жизни” Свана, где Пруст описывает, как, придя однажды домой усталый и обескураженный, он попробовал маленькое пирожное, размоченное в чае, и ему живо вспомнилось его детство в Комбре — так живо, что на мгновение показалось, будто он снова стал ребенком. Он пишет: “Изысканное наслаждение овладело моими чувствами… Превратности жизни сразу стали мне безразличны, ее бедствия - безобидны, ее краткость - иллюзорна… Я перестал чувствовать себя посредственностью,

* Оккультизм, глава 1, ‘Магия - наука будущего’

случайный, смертельный…” Историк Арнольд Тойнби описал похожий случай, когда он сидел в разрушенной цитадели Мистры, в Греция, размышляя о вторжении 1821 года, которое превратило это место в руины. Совершенно неожиданно он словно увидел, как варвары хлынули в крепость, как будто время остановилось.

Мы можем видеть, что в обоих этих случаях воображение как будто внезапно активизировалось, и вместо тусклой картины прошлого, похожей на выцветшую старую фотографию, оно представляет собой своего рода цветную голограмму, неотличимую от реальной вещи. Мы также можем видеть, что он делает это за счет своего рода энергетического всплеска, внезапного усиления. Совершенно очевидно, что это конечный продукт трехтысячелетнего “укрепления”. Мы начинаем понимать узнайте, почему жизнь рассматривает воображение как свой

самый мощный инструмент.

Но факультет Икс не обязательно связан с каким-то определенным временем и местом. Тойнби также описал, как однажды он пережил внезапное озарение всей истории, “всего, что было, есть и должно было произойти”. И Артур Кестлер описывает, как, приговорен к смертной казни в Испанской тюрьме, он пытался выработать доказательство Евклида, что нет ульта сопоставьте простое число, и, когда ему это удалось, его охватил своего рода мистический экстаз, ощущение того, что он плывет на спине по реке покоя, под мостами молчания, при мысли о том, что человеку удалось сказать что-то конкретное о бесконечном. Испытывая какое -то смутное раздражение, он вдруг вспомнил , что на следующий день его должны были расстрелять, но тут же отбросил эту мысль: “Ну и что? Неужели у тебя нет более серьезных поводов для беспокойства. Здесь мы видим, что он испытал чувство Пруста о том, что жизненные катастрофы “безобидны”. Это похоже на то, как если бы факультет Х включал в себя признание

что наше кажущееся заточение во времени - иллюзия.

Но этот ‘мистический’ аспект не имеет значения. Важно то странное чувство силы, которое позволяет нам преодолеть ощущение неминуемого поражения, преследующее большинство из нас на протяжении всей жизни, потому что нам не хватает воображения - чувства реальности - мы преувеличиваем власть , которую материальный мир имеет над нашей сущностью. Подобно детям, мы преувеличиваем свою беспомощность. Медленное развитие воображения помогает нам осознать, что беспомощность - это…

ˆ По сравнению с Дарвином такая теория может показаться ненаучной. На самом деле, он был впервые предложен этим архидарвинистом сэром Джулианом Хаксли в эссе под названием ‘трансгуманизм’ (в новых формах для новых

Вино). Хаксли утверждает, что “в результате тысячи миллионов лет эволюции Вселенная начинает осознавать саму себя… Это космическое самосознание реализуется в одном крошечном фрагменте Вселенной - в нескольких из нас, людей… Это похоже

на то, как если бы человека внезапно назначили управляющим директором крупнейшего из всех предприятий, занимающегося эволюцией". До сих пор, говорит Хаксли, эволюция была механической и основывалась на теории Дарвина, а не на выживании наиболее приспособленных. Но человеческая культура придала этому новое измерение. С помощью искусства, литературы и философии человек теперь может передавать свою ментальную эволюцию непосредственно своим современникам и потомкам, не заботясь о биологических механизмах ДНК. Он нашел более быстрый и прямой метод эволюции.

Сэр Джулиан Хаксли умер в 1975 году. Шесть лет спустя молодой биолог по имени Руперт Шелдрейк выдвинул теорию, которая, по крайней мере, добавила новое измерение к "трансгуманистическому" взгляду Хаксли на эволюцию. Новая наука о жизни имеет подзаголовок: "Гипотеза о формообразующей причинности'. Шелдрейк указывает, что наследственность нельзя объяснить исключительно химическими терминами: ДНК и так далее. Необходимо что-то еще, и эмбриологи пришли к выводу, что 'некоторые что-то еще" - это фактор, называемый "морфогенетическими полями". Крыло птицы или щупальце осьминога формируются под действием некоего электрического поля. 'плесень" - точно так же, как формы, в которые мы разливаем желе, - вот почему многие существа могут отрастить заново отрезанную конечность. Эти "формы", по-видимому, представляют собой магнитные поля, которые формируют живые молекулы точно так же, как магнит может "формировать" железные опилки в виде узора. Шелдрейк предполагает, что эти "поля" могут быть использованы для объяснения некоторых довольно странных наблюдений, сделанных биологами.

Например, в 1920 году психолог Уильям Макдугал провел в Гарварде эксперимент, чтобы выяснить, могут ли крысята унаследовать способности, развитые их родителями ("наследование приобретенных характеристик", которое дарвинисты считают страшной ересью). Он поместил белых крыс в резервуар с водой, из которого они могли выбраться по одному из двух сходней. По одному из сходней проходил электрический ток , и первое поколение крыс вскоре научилось выбирать другой. Затем Макдугал провел тот же эксперимент на своих детях, а затем на их детях и так далее. И он обнаружил, что каждое поколение обучается быстрее, чем его родители. - он доказал, что наследование приобретенных характеристик действительно имеет место.

Пятое окно

Теперь, когда ученый проводит эксперимент на группе животных, он всегда оставляет точно такую же группу, которая не подвергается экспериментам; они называются “контрольной группой” - цель состоит в том, чтобы иметь готовый стандарт для сравнения. Когда коллега Макдугала - У. Э. Агар из Мельбурна - повторил свой эксперимент, он также решил протестировать контрольную группу по истечении нескольких поколений. К его удивлению, они также продемонстрировали такую же способность к быстрому обучению. Но это было невозможно, поскольку они просто пассивно сидели в клетках. Казалось, что контрольные крысы научились чему-то вроде телепатии.

Не телепатии, говорит Шелдрейк, а ‘морфическому резонансу’. Контрольная группа крыс “уловила” морфогенетическое поле обученных крыс таким же образом, как железный прут может уловить электрическое поле катушки проволоки и превратиться в магнит. Простая индукция.

Невероятно, но, похоже, это работает не только с живыми существами, но и с кристаллами. Новые химические вещества, которые синтезируются впервые, часто чрезвычайно трудно кристаллизовать. Но как только один из них кристаллизуется в любой лаборатории мира, становится легче кристаллизовать все остальные. Поначалу предполагалось, что ученые, путешествующие из одной лаборатории в другую, могут носить с собой осколки кристаллов в одежде или бородах - или даже такие крошечные некоторые количества переносятся в атмосфере. Оба объяснения кажутся крайне маловероятными. Наиболее вероятным, по мнению Шелдрейка, является процесс “индукции” с помощью морфогенетических полей.

Для проверки гипотезы Шелдрейка была проведена серия экспериментов , которые дали положительные результаты. Профессор Йельского университета Гэри Шварц обнаружил, что люди, не знающие иврита , способны отличать настоящие слова на иврите от вымышленных

- потому что евреи во всем мире уже знают подлинные слова.

Алан Пикеринг из Хэтфилдского политехнического института получил тот же результат , используя персидскую письменность. В другом эксперименте англоговорящих людей попросили запомнить два стишка на иностранном языке

один - хорошо известный детский стишок, другой - недавно сочиненный стишок. В результате, как и предсказывает гипотеза о формирующей причинно-следственной связи, они легче выучили детский стишок, чем только что сочиненный.

Если Шелдрейк прав, то становится в целом легче понять, что происходило со времен Ричардсона. Очевидное возражение против теории “воображения”, высказанное в этом

заключается в том, что большинство жителей Европы были неграмотны даже в девятнадцатом веке, так что даже распространение платных библиотек вряд ли могло объяснить огромное влияние романтизма и ‘сексуальной революции’. Может ли простая смена литературной моды объяснить, почему к тому времени, когда Краффт-Эбинг начал писать “Психопатку”. Сексуально, в столицах Европы, казалось, был поразительно высокий уровень сексуальных извращений? Не более ли вероятно, например, что объяснение кроется в растущем напряжении индустриального общества? (Один из ответов на это возражение заключается в том, что случаи сексуальных преступлений в девятнадцатом веке происходили в сельской местности так же часто, как и в городах.) Гипотеза о морфическом резонансе предлагает в целом более удовлетворительное объяснение. Если Шелдрейк прав, мы могли бы ожидать , что “революция воображения” охватит все слои общества, так что она затронет неграмотных рабочих, таких как Бишель, Пьейдагнелл и Верзени, так же сильно, как аристократов, таких как де Сад, Байрон и Суинберн. Это правда, что, согласно трансгуманистической теории Хаксли, революция воображения должна была достичь всех уровней общества путем культурного осмоса. Но Морфический резонанс Шелдрейка, безусловно, предлагает более интересную

и захватывающую интерпретацию фактов.

Он также, конечно, предполагает более оптимистичную интерпретацию истории человечества. Теория Дарвина об эволюции путем кровожадного конфликта , по общему мнению, является одной из самых мрачных, когда-либо выдвинутых. Шел Теория Дрейка предполагает, что повышение уровня человеческого сознания может передаваться посредством своего рода магнитной индукции; так что , если бы один человек мог научиться достигать способности X по своему желанию, эта способность вскоре распространилась бы на всех представителей вида. Теория Шелдрейка предполагает простой механизм, с помощью которого человек мог бы стать “управляющим эволюцией” на этой планете.

Сказав это, можно также увидеть, что в пользу теории эволюции Шарлотты Бах можно сказать гораздо больше , чем кажется на первый взгляд. Как и Хаксли, Шарлотта верила, что человек наконец-то в состоянии взять на себя ответственность за свою собственную эволюцию. Он сделает это, научившись понимать свою собственную двойственную природу, а затем сознательно использовать ее для достижения более высоких уровней интенсивности: иными словами, он научится сознательно достигать того же эффекта, которого шаман и гениальный человек достигают бессознательно. Он научится поймите, что его внутренние конфликты - это не несчастье, а источник энергии, подобный динамо-машине.

Пятое окно

Мы видели, что одержимость Хайду собственным трансвестизмом привела к тому, что он переоценил роль “транссексуального” элемента в эволюционном процессе. Но транссексуальный элемент, несомненно, присутствует. Во всех человеческих существах есть мужские и женские составляющие, анимус и анима”. Кажется, великого художника отличает способность понимать и использовать свою ‘противоположность’. Мы считаем Толстого более великим художником, чем, скажем, Хемингуэя, потому что он глубже раскрывает суть положение женщин; и он

делает это, “проецируя женское начало внутри себя”. Хемингуэй остается в плену своей мужественности и кажется бесчувственным и поверхностным по сравнению с Толстым. Гете признавал, что именно эта способность проникнуться нашей собственной женственностью или мужественностью “тянет нас вверх и дальше”, то есть является движущей силой эволюции личности. Также самоочевидно , что суть художественного творчества - это определенный внутренний конфликт. Когда любой человек решает стать художником, он делает себя заложником своих внутренних конфликтов

Когда Джулиан Хаксли говорил о том, что человек берет под контроль свою собственную эволюцию, он не уточнял точную природу этого процесса. Но он подчеркивал огромную важность искусства в эволюции человеческой культуры. Таким образом, было бы справедливо сказать, что трансгуманистический взгляд Хаксли на эволюцию также можно рассматривать как теорию, в которой бисексуальность человека играет центральную роль. Мы можем отвергнуть навязчивое внимание Шарлотты к транссексуальности, но в то же время признать жизненно важное значение ее понимания эволюционного процесса. Она была фундаментальна счет оказался правильным, когда она вскочила на ноги с криком: “Вот в чем суть — в эволюции!

В чем (как кажется в ретроспективе) она больше всего ошибалась, так это в своей теории механизма эволюции: сексуальные отклонения - это действия по вытеснению; действия по вытеснению становятся сексуальными изменениями. арендаторы; те, кто высвобождает сексуальную энергию, становятся социальными высвобождателями; социальные высвобождения передаются - посредством дарвиновских механизмов - для создания более развитого вида… Но это может быть менее важным, чем кажется. Ибо истинная суть теории Шарлотты заключается в том, что “Философ” Стоун’ - это другое название “восьмичасового оргазма”, то есть некоего уровня сознания, который намного превышает обычный. А “романтическая” теория эволюции, изложенная в этой книге , предполагает, что человек эволюционировал благодаря развитию своего воображения, а это, в свою очередь, направлено на раскрытие скрытых сил. Наиболее важной из этих скрытых сил является функция

Неудачники

Я назвал факультет X: способность внезапно осознавать реальность других времен и мест. В настоящее время наше знакомство с факультетом X длится довольно недолго - не более минуты. Но если бы мы могли добиться контроля над ними и научиться поддерживать их, то результат был бы неотличим от восьмичасового оргазма Шарлотты.

В этом случае жизненно важный вопрос касается механизма способности X; это то, что волнует индивидуума, движимого эволюцией явное принуждение. Что на самом деле происходило, когда Пруст пробовал “Мадлен”, размоченную в чае, или когда Тойнби “путешествовал во времени” в Мистре? Мы можем видеть, что стимул действовал подобно монетке, брошенной в игровой автомат; механизм заработал, и внезапно возникло ошеломляющее ощущение скрытой силы. Функция реальности внезапно ожила, принеся ощущение господства над временем.

Итак, если и есть что-то, что кажется людям самоочевидным, так это то, что они не имеют большой власти над временем. ‘Время, как вечно бурлящий поток, уносит всех своих сыновей прочь… Но это, как мы видели, на самом деле иллюзия, вызванная нашим “взглядом червя”. Мы не беспомощны и не пассивны. Люди ведут чрезвычайно достойную борьбу, и некоторые из них достигают поразительных высот достижений. Тогда почему мы не можем этого понять? Потому что большую часть нашего времени мы проводим в унылой борьбе с тривиальностью и ‘повторением’. Мы находимся в ловушке “взгляда с высоты птичьего полета”, и единственное, что нам нужно больше всего на свете, - это развить в себе “взгляд с высоты птичьего полета”. И это, конечно, другое название функции реальности - воображения.

Все это позволяет нам сформулировать основные основания для оптимизма в отношении эволюции человека. Всякий раз, когда люди на короткое время “видят свою жизнь с высоты птичьего полета “, их переполняет радостное чувство, что все хорошо и что их страдания и агония были детским просчетом. размышления. Внезапно становится очевидным, что философы, считающие , что жизнь бесполезна и что “человек - бесполезная страсть”, ошибаются, позволив одурачить себя “взглядом червя”, который они считают более важным, чем он есть на самом деле. (Сартр даже официально заявил, что “тошнота” - “взгляд червя” -

является реальной основой человеческого существования.) Поскольку очевидно, что птица видит больше, чем червяк, из этого следует, что абсурдные хорошие новости относятся к объективной реальности, а объективная истина заключается в том, что жизнь фундаментальна. результат хороший.

Теперь, если верно, что вся эволюция была движением в направлении “взгляда с высоты птичьего полета”, то “проблески”, подобные тем, что были зафиксированы

“Пятое окно”

Работы Пруста и Тойнби можно рассматривать не только как проблески оптимизма. Они свидетельствуют о том, что человечество приближается к поворотному моменту в своей истории - и в истории жизни вообще. Они указывают на то, что мы приближаемся к истине, которая была скрыта от нас “взглядом червя” и явным притяжением материального мира. Наши органы чувств могут быть тупыми, но как только мы замечаем что-то на кончике своего носа, становится невозможно сомневаться в реальности этого. И когда это происходит, мы вступаем в стадию нашего развития, которую можно назвать точкой обратной связи. Точка обратной связи - это тот этап, на котором удовольствие - или выгода - от любой деятельности превышает те усилия, которые мы на нее затрачиваем. Простой пример - это то, что происходит, когда ребенок учится читать; поначалу это кажется ему скучным занятием, но затем в какой-то момент он понимает, что книги полны того, что он хочет знать, и чтение становится удовольствием. Если я начинаю бизнес, то точкой обратной связи является тот этап, на котором я начинаю получать достаточную прибыль, чтобы начать расширяться.

До сих пор жизнь была вынуждена развиваться через боль и неудобства. дискомфорт подталкивал живые существа вверх по эволюционной лестнице. Однако за последние несколько тысяч лет человек начал понимать, что поиск знаний может приносить удовольствие сам по себе, и что знание дает ему новое чувство контроля, так что жизнь сама по себе становится удовольствием. Его все еще могут подкосить усталость и уныние, но в моменты

озарения он осознает, что эти страдания в значительной степени вызваны им самим. Они являются результатом замешательства и близорукости; иными словами, они скорее субъективны, чем объективны. В тот момент, когда мы ясно осознаем это, мы приближаемся к точке обратной связи, при которой мы становимся “неугомонными’. Изучение истории последних нескольких столетий позволяет предположить, что сейчас мы близки к точке обратной связи в истории сознания — что человек находится на пороге достижения полного осознания своей эволюционной цели и перестает быть рабом механизмов, которые сбивают его с толку.

Именно потому, что Шарлотта Бах — несмотря на ее самомнение, несмотря на ее бестолковость, несмотря даже на ее преступную деятельность - уловила проблеск этого озарения, я считаю ее одним из самых ценных мыслителей конца двадцатого века.

библиография

Бартли III, Уильям Уоррен. Витгенштейн. Издательство Quartet Books, Лондон,

1974.

Берд, Джон. Перси Грейнджер. Издательство “Элек Букс”, Лондон, 1976.

Блох, доктор Иван. Маркиз де Сад. Его жизнь и творчество. Бриттани Издательство “Пресс Инкорпорейтед”, Нью-Йорк, 1931 год.

Кромптон, Луи. Байрон и греческая любовь. Фабер и Фабер, Лондон, 1985; Издательство Калифорнийского университета, США, 1985.

Дэниелс, парень. Читатель Лермонтова. Компания “Макмиллан”,

Новая Йорк, 1965 год.

Де Сад, маркиз. Настоящая Джастин. Философия в Спальня и другие письменные принадлежности. “Гроув Пресс Инкорпорейтед”, Нью-Йорк, 1965 год.

- “120 дней Содома” и другие произведения. Компания Grove Press Inc.,

Нью-Йорк, 1966 год.

- Джульетта. 6 томов в одном издании. Издательство Grove Press Inc., Нью-Йорк, 1968.

Ивз, Т. С. Дункан и Бен Д. Кимпел. Сэмюэл Ричардсон: автор Биография. Издательство Оксфордского университета, Лондон, 1971.

Гросскурт, Филлис. Хэвлок Эллис. Биография. Издательство Penguin Books, Лондон, 1980; Alfred A. Knopf Inc., США, 1980.

Хейр, д-р Норман, ч.М.Н., М.Б. Сексуальные аномалии и извращения. Краткое изложение работ покойного профессора Магнуса Хиршфельда. Издательство “Энциклопедия”, Лондон, 1938 год.

Хартнак, Юстус. Витгенштейн и современная философия. Метуэн “Энд Ко. Лтд”, Лондон, 1965 год.

Хейман, Рональд. Де Сад: Критическая биография. Констебль и компания. Ltd, Лондон, 1978.

Келли, Лоуренс. Лермонтов: трагедия на Кавказе. “Констебль и компания”, Лондон, 1977. -

Найт, Г. Уилсон. “Поиски Сатирика”. Исследование прозы Джона Каупера Пауйса. Methuen & Co. Ltd, Лондон, 1964 год.